

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**3
2011**

Содержание

Глобальные и социетальные процессы

Социальные координаты посткризисного развития <i>Васильев В.П.</i>	4
Концептуальная модель институциональной системы <i>Крейк А.И.</i>	10
Математические модели информационного нападения и информационного противоборства <i>Маревцева Н.А.</i>	26
Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию <i>Муравьев В.И., Прончев Г.Б.</i>	36
Проблемы московской самобытности <i>Шведовский В.А.</i>	57

Экономика и труд

Российская деловая культура: проблемы становления и развития <i>Гавриленко О.В.</i>	76
Внедрение консюмеризма через систему управления потребительским поведением <i>Голова А.Г.</i>	91
Социальное и рабочее время как мера социально-экономического развития <i>Малинина Т.Б.</i>	105
Рынок «Форекс» как показатель социальной и культурной динамики <i>Меркушев Д.Б., Самкова И.А.</i>	114
Темпоральные основания экономической политики государства <i>Томилов В.А.</i>	124

Качество жизни

Качество жизни детей в городе <i>Аверин Ю.П.</i>	129
Динамика качества жизни в Беларуси <i>Бабосов Е.М.</i>	145
Структура потребления продуктов питания как показатель качества жизни <i>Вторушина А.В.</i>	152
Качество жизни пожилых людей на Северо-Востоке России <i>Рычкова Л.В.</i>	171

Социальные патологии

Короткие жизненные проекты и социальная безопасность современного российского общества <i>Кривошеев В.В.</i>	179
--	-----

Феномен насилия в контексте социального пространства <i>Смакотина Н.Л.</i>	196
---	-----

Дебют

Эволюция концептуальных подходов к социальной модернизации: от «социального государства» к «человеческому капиталу» <i>Николаева Е.Л.</i>	211
---	-----

Продовольственная безопасность в системе социально-экономических приоритетов России <i>Новиков К.И.</i>	232
---	-----

Девиантность молодежи в ракурсе взглядов Л.А. Тихомирова на правосознание россиян <i>Трифонов Н.А.</i>	237
--	-----

ГЛОБАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социальные координаты посткризисного развития

Васильев В.П.

В статье рассматриваются универсальные и специфические черты современного экономического кризиса, их последствия для социальной динамики. Показаны риски социального развития в России, представлены направления перехода к оптимизации социальных параметров общественной динамики.

Ключевые слова: Экономический кризис, социальное государство, социальный контроль, глобализация, уровень жизни, безработица, инновационное развитие, социальные факторы экономического роста.

Vasiliev V.P.

Social coordinates of postcrisis development

In article are considered universal and peculiar features of a modern economic crisis, their consequence for social dynamics. Risks of social development in Russia are shown, transition directions to optimization of social parameters of public dynamics are presented.

Keywords: Economic crisis, the social state, social control, globalization, standard of living, unemployment, innovative development, social factors of economic growth.

Нелинейность общественного развития находит подтверждение в экономической цикличности, систематически достигающей кризисной точки. На стадии рецессии, а, тем более кризиса, социальная компонента общественной динамики подвержена резким колебаниям. Факты снижения экономического роста, падения фондовых индексов, риск безработицы и сокращения личного материального благосостояния снижают не только потребительскую уверенность, но и в целом обуславливают обеспокоенность и дискомфорт человека, семьи, ведут к росту девиантных проявлений, протестных выступлений населения. Кризис обнажил нравственные проблемы бизнеса, конфликты интересов между общественной стабильностью и мотивом прибыли.

Явным первым проявлением кризиса явилось банкротство ряда знаковых американских банковских структур из-за невозврата кредитов заемщиков, в том числе, по ипотеке. Однако, известно, что на основе международных принципов организации банковской деятельности (Базель II) в фи-

нансовых организациях существует система внутрибанковского контроля, задача которой анализ кредитных рисков и информирование топ – менеджмента и собственников о состоянии кредитного портфеля. По проблемным кредитам увеличивается норма внутреннего резервирования средства, что снижает операционные возможности. Видимо, принцип максимизации прибыли в ряде случаев противоречил мерам противодействия рискам.

Своевременно не дали социальных импульсов известные рейтинговые агентства (Moode's, Standard&Poor's и Fitch), определяющие и доводящие до широких кругов бизнеса свои характеристики платежеспособности, инвестиционной привлекательности большинства финансовых структур мира. Однако здесь тот же конфликт интересов: за рейтинги агентства получают плату от исследуемых структур.

Во время кризиса 2008-2009 гг. в развитых странах оказались подорванными базовые принципы социального государства (социальное страхование, социальная помощь), большинство социальных программ оказались свернутыми. В Греции, Франции, Германии и Великобритании возникли серьезные социальные конфликты в связи с повышением пенсионного возраста и сокращением расходов государства на образование. Глубокий кризис переживает экономический институт «общества всеобщего благоденствия», являющееся одной из форм социального государства. Потребительские кредиты стали недоступными, а выплаты по ним проблематичны из-за утраты доходов рядом групп населения. Ценные бумаги, приносившие дополнительный доход многим домохозяйствам, суще-

Таблица 1

Динамика реального объема ВВП и уровень безработицы (в % к предыдущему периоду).

Источник: по данным Росстата

	Динамика реального объема ВВП		Уровень безработицы (в % к экономически активному населению)	
	2009г.	III квартал 2010г. в % к III кварталу 2009г.	2009г.	Сентябрь 2010
Россия	-7,9	2,7	8,4	6,6
Германия	-4,7	3,9	7,5	6,7
Италия	-5,0	1,0	7,8	8,3
Канада	-2,5	4,1	8,3	8,0
Великобритания	-4,9	2,8	7,6	7,7
США	-2,6	3,1	9,3	9,6
Франция	-2,6	1,8	9,5	10,0
Япония	-5,2	4,1	5,1	5,0

ственно снизили или утратили свою рыночную стоимость.

Главный ожидаемый результат современного экономического кризиса подтвердил общую закономерность, генетически присущую рыночной экономике – сокращение реального валового внутреннего продукта (ВВП) и рост безработицы вследствие сокращения производства. Показатели этих параметров оказались масштабными по большинству развитых стран, включая Россию.

Отметим, что, несмотря на имевшиеся угрозы (девальвация национальной валюты в январе 2009 г., увеличение государственных расходов на поддержку экономики), роста инфляции и, следовательно, прироста влияния ценового фактора на снижение реальных доходов в России не наблюдалось.

В России наряду с общемировыми генераторами кризиса про-

явились специфические обстоятельства, обостряющие экономический спад и имеющие социальные последствия. Реальный сектор экономики был предрасположен к его сжатию и безработице. Проблема заключается не только в традиционно называемой сырьевой направленности нашей экономики и роста ВВП за счет экспорта энергоносителей. Безусловно, шоковое снижение мировых цен на нефть и падение котировок на фондовых рынках нефтегазовых компаний было главным в развертывании кризиса. Но есть и некоторые иные обстоятельства.

Во-первых, это проблема убыточных предприятий. По статистическим наблюдениям к 2008 г. их было более 25% от всех действующих. В ряде отраслей и субъектов Федерации этот показатель был более высоким.

Как видно из табл. 2. весомый удельный вес среди убыточных предприятий имеют социально значимые отрасли с большой занятостью работников. Во время кризиса убыточные структуры в числе первых лишаются кредитования и без помощи государства прекращают свою деятельность, обуславливая рост безработицы, не выплату зарплат и другие негативные социальные последствия. Значительное количество убыточных предприятий означает неразвитость социального контроля и эффективность процедур банкротства как универсального института рыночной экономики. Многообразные способы банкротства в стабильной ситуации не обязательно означают закрытие предприятий: собственники могут провести финансовое оздоровление, реформирование, привлечь более эффективный менеджмент или, наконец, продать другим собственникам, готовым вывести предприятие из кризиса.

Таблица 2

Удельный вес убыточных предприятий отдельных отраслей (2008 г., в %).

Источник: Российский статистический ежегодник М., 2008 г., с. 682.

Отрасли:	2008 г.
Управление эксплуатацией жилого фонда	44,4%
Производство и распределение электроэнергии	43,7%
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	32,5%
Транспорт и связь	31%

Во-вторых, это проблема моногородов и поселков. Их в России около 500. В условиях кризиса целый населенный пункт становится безработным («очаговая безработица») из-за остановки градообразующего предприятия, которое к тому же обеспечивает работу инфраструктуры города. В таких случаях государство вынуждено принимать политическое воздействие на собственников (Пикалево) и датировать из госбюджета соответствующее производство (ВАЗ).

Рыночная экономика на основе самоорганизации не способна решать проблемы выхода из глубокого кризиса, требуется вмешательство государства, особенно для стабилизации социальной сферы. Наряду с экономическими мерами – стабилизация банковской системы, кредитование и иная поддержка крупных производителей – в России была осуществлена существенная финансовая помощь со стороны государства социальной направленности:

- повышены государственные гарантии по вкладам населения в банковских структурах;
- повышены пособия по безработице;
- разработаны и начали осуществляться меры поддержки моногородов;

Таблица 3
Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения.

	2008 г.	2009 г.
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	109,5%	93,6%
Реальная начисленная заработная плата в % к предыдущему году	111,5%	96,5%
Динамика потребительских цен в % к предыдущему году	14,1%	11,7%
Уровень безработицы	6,3%	8,4%

- сохранены и по ряду направлений индексированы пенсии и социальные пособия;

- сохранен пенсионный возраст и 40 часовая рабочая неделя, несмотря на то, что предложения по возрастанию этих социально значимых нормативов предлагались;

-повышен единый социальный налог (ЕСН), что позволит сбалансировать пенсионную систему.

Однако негативных последствий в социальной сфере избежать не удалось. На макроуровне это подтверждается следующими статистическими данными.

Как видно из табл. 3., социальные проявления экономического кризиса в России выглядят «классически»: увеличение уровня безработицы, сокращение доходов населения, снижение динамики уровня цен.

Несмотря на некоторые пессимистические прогнозы, по данным Росстата, во время кризиса уровень бедности не возрос, а наоборот сократился с 13,4% в 2008 г.13,2% в 2009 г. Не увеличился и показатель расслоения по доходам (коэффициент фондов): соответственно произошло снижение с 16,8% до 16,7%. Этот феномен можно объяснить эффективностью

пенсионной составляющей доходов населения в целом отсутствием хронической безработицы, она выступала по большей части в фрикционной форме.

Современный кризис дал некоторые ответы на соотношение глобализации и роли национальных государств.

Социальные проблемы решались национальными государствами, в основном, с помощью бюджетных институтов, их устойчивости и макрорегулирования денежного предложения. Интенсификация глобальных процессов не подменяет внутринационального государственного регулирования социальной сферы, а институты глобализации остаются нейтральными к решению социальных задач.

Вместе с тем неэффективность национальных бюджетных и финансовых систем может привести к полной или частичной утрате национального суверенитета в результате краха национальной банковской системы или крайней степени бюджетного дефицита. Примеры Греции и Исландии в этом отношении весьма показательны.

Международные институты – МВФ, ВТО, признанные рейтинговые агентства – не приспособлены функционально предупреждать и нейтрализовывать экономические кризисы. Реальным следствием, направленным на снижение рисков в глобальной экономической среде, являются лишь политические договоренности о координации действий в рамках G8 и решения международного банковского сообщества о переходе к более жестким принципам внутрибанковского контроля – Базель III.

Дискуссии в российской прессе об утрате американским долларом функции мировой резервной валюты, которую она выполняет

с 1944 г., заявления о ее грядущем крахе остаются риторикой некоторых журналистов и политологов. Экономисты исходят из того, что доллар как платежное средство обслуживает 20% мирового ВВП и 25% мировой торговли. Ни одна из других валют мира не подошла близко к этим параметрам.

Наряду с общими, универсальными рисками посткризисного развития в каждой из стран или группы стран обозначились собственные риски.

Кризис показал не только уязвимость российской экономики, но и существующие угрозы для социальных отношений. Во-первых, это известная зависимость от мировых цен на энергоносители, от которых не менее чем на 40% зависит государственный бюджет. Во-вторых, социальные проблемы моногородов и поселков. В-третьих, не эффективность крупных собственников привела к замещению социальных затрат государства на выдачу финансовых средств крупному бизнесу.

В условиях информационного общества, глобализации не только экономических, но и социальных связей элементами социализации личности становятся опыт, образ, качество и уровень жизни в других государствах. Этому же должно следовать и государство, позиционирующее себя как социальное. По целому ряду индикаторов уровня и качества жизни России существенно отстает и чем больше это отставание, тем больше снижение доверие к институтам власти.

Стратегия улучшения показателей уровня и качества жизни, нацеленная на перспективу, не сложилась, не редко те или иные меры обусловлены стадиями политического цикла.

Таблица 4

Социальные ориентиры стратегии 2020.

Источник: Стратегия социально-экономического развития России до 2020 г.

	2007 г.	2020 г.
Средний класс (%)	20%	52-55%
Коэффициент фондов	16,8%	12%
Бедность	13,4%	6-6,5%
Средняя продолжительность жизни	66,5	72-75
МРОТ	Равен прожиточному минимуму	Равен восстановительному потребительскому бюджету

Необходима поэтапная долгосрочная программа индикаторов уровня жизни, включающая уровень оплаты труда, пенсий, помощи семьям, безработным и другие основные социальные гарантии, адекватная, закреплённым в Европейской социальной Хартии, к которой Россия присоединилась.

В правительственной программе социально-экономического развития России до 2020 г. представлены определенные социальные цели.

Реализация намеченных индикаторов – инновационный сценарий развития России. По утверждению авторов Стратегии другие сценарии не приведут к экономическому росту и реализации социальных планов.

Однако анализ этого документа показывает, что в нем отсутствует системный механизм достижения названных целей, а некоторые финансовые механизмы будут явно препятствовать достижению социальных целей (рост тарифов ЖКХ и энергоносителей).

Возникает вопрос: как выйти за пределы существующего роста,

производительности труда, чтобы увеличить общественное богатство? Путь - модернизация и инновационное развитие.

Для России роль инновационного развития актуализируется рядом современных проблем:

- истощение возможностей экспортно-сырьевой модели экономического развития. Неустойчивость конъюнктуры мировых рынков энергоносителей, консервация устаревших технологий ставят экономику в зависимость от внешних факторов развития, не обеспечивают устойчивый экономический рост;

- обострение конкуренции в условиях глобализации мировой экономики. Даже на внутреннем рынке изменились стандарты потребительского и инвестиционного спроса. Ценовая конкурентоспособность отечественных производителей в недалекой перспективе перестанет быть достаточным условием доминирования;

- сокращение трудоспособного населения под влиянием целого ряда демографических и других факторов ставит задачу повышения производительности труда за счет внедрения новых технологий;

- невысокий уровень социальной защиты населения. Уровень и качество жизни существенно отстают от соответствующих показателей развитых стран.

Роль государства в переходе на инновационный путь развития

обусловлена двумя объективными обстоятельствами. Во-первых, это - «провалы рынка». Фундаментальные исследования часто не имеют коммерчески очерченного результата, поэтому бизнес их, как правило, не финансирует. Здесь задача государства очевидна: необходимы общегосударственные ресурсы для обеспечения этого общественного блага. Во-вторых, на стартовом этапе создания национальной инновационной системы и финансово, и организационно государство должно генерировать импульсы формирования инновационных механизмов, брать на себя, часть рисков инновационной деятельности, выполняя тем самым свою социальную функцию.

В посткризисном развитии России, темпах экономического роста существенную созидательную роль должны сыграть социальные институты и, прежде всего, образование и наука. Учеными - экономистами с помощью экономико-математического моделирования доказано, что значительное приращение реального ВВП определяется факторами человеческого капитала. Инновационная динамика, путь к «экономики знаний» опирается не на технократические доминанты, а имеет человеческое измерение, что становится не лозунгом идеологически построений, а социальной реальностью.

Концептуальная модель институциональной системы

Крейк А.И.

В статье констатируется отсутствие общепризнанной институциональной теории и наличие проблем в этой области. Представлена гетерогенная субстанциональная структура социальных институтов, иерархия институциональных феноменов. Отмечена агрегированная природа пространственного распределения институциональных элементов в социуме. Названы эмерджентные эффекты, возникающие вследствие институциональных процессов. Дано описание институциональной сборки – механизма формирования институциональных структур

Ключевые слова: институт, субинститут, институция, практика, регулятор, агрегат, эмерджентность, эффект, транзакционные издержки.

Kreyk A.I.

The conceptual model of institutional system

In the article the absence of generally recognized institutional theory is established but the availability of the problem in this sphere is presented. The heterogeneous substantive structure of social institutions, the hierarchy of institutional phenomena have been presented. An aggregated nature of space distribution of institutional elements in society has been registered. The emergent effects appearing as a result of institutional processes are named. A description of the institutional assembly – the mechanism for forming of institutional structure has been made.

Key words: Institution, sub-institution, institute, practice, regulator, aggregate, emergent, effect, transaction charges.

Институциональная проблематика в ее различных аспектах – это сфера, где современные социальные исследователи, задавая вопросы относительно фундаментальных положений теории, как правило, не находят однозначных ответов. Но поскольку социальные институты выполняют конкретные общественные функции¹, поэтому отсутствие внутренне непротиворечивой и общепризнанной институциональной теории затрудняет понимание различных аспектов общественного бытия. Более того, плюрализм в институциональной теории нередко порождает определенный волюнтаризм в повседневной практической деятельности людей в различных областях и на различных уровнях социума. Также это ограничивает возможности теоретических исследований там, где «присутствуют» институциональные феномены, а это – все сферы и уровни социума.

Однако, «если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно и ответить»². Какие же вопросы в настоящее время являются ключевыми для институциональной теории? По мнению автора, это следующие:

- Чем по своей сути являются социальные институты как феномены социума?

- Каков субстанциональный состав социальных институтов?

- Каково иерархическое соотношение институциональных феноменов между собой?

- Каково пространственное положение институциональных феноменов в социуме?

- Каков механизм формирования институциональных структур?

- Какова форма и время существования институциональных структур в социуме?

Утверждается, что «наиболее разработанные системы категориального отражения институционального устройства общества, обогащенные эмпирическими материалами, сложились в социологии, экономической теории и юриспруденции»³. Тем не менее, уже определение понятия социального института демонстрирует отсутствие единства среди социологов, и экономистов, и правоведов. Причем очевидно, что существующие расхождения вызваны скорее не спецификой названных дисциплин, а преимущественно причинами теоретико-методологического характера.

Эти противоречия настолько значительны, что порождают широчайший диапазон трактовок социальных институтов. Например, среди определений Т. Веблена имеется следующее: «Институты - ... привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди»⁴. А один из современных авторов под социальными институтами понимает следующие феномены:

- группа лиц, выполняющих определенные, важные для всех социальные функции;

- конкретные организационные комплексы функций, которые выполняют некоторые члены группы от имени всей группы;

- система учреждений и форма действий, позволяющие индиви-

дам выполнять общественные, обезличенные функции;

- общественные организации и движения, виды деятельности, направленные на удовлетворение потребностей, регулирование поведения членов общности (группы);

- социальные роли, особо важные для группы или общности⁵.

Различия в понимании того, что представляют собой социальные институты, имеют несколько причин. Во-первых, это результат того, что различные авторы «выделяют различные признаки социального института, классы социальных институтов, механизмы функционирования социальных институтов и т.д., исходя из различных ...теорий или субъективного мнения самого автора... Определения имеют различный уровень обобщения, относятся к различным аспектам общества, в различных определениях один и тот же смысл часто передается с помощью разных терминов, наблюдается «отрыв» определения от эмпирических исследований и практических приложений»⁶.

Во-вторых, в социологии, например, наличие многочисленных и иногда существенно различающихся определений социального института объективно было предопределено тем, что для традиционного социологического рассмотрения социальных институтов характерна опора на гуманитарную парадигму⁷. И «вследствие этого, многие определения социального института являются “авторскими”, слишком абстрактными для эмпирических и практических приложений»⁸.

Есть и еще одна, возможно главная, причина разнообразия трактовок в понимании того, что такое социальный институт. Дело в том, что при определении того или иного социального института

рассматривается хотя и функционально определенная, но реально очень широкая сфера социума. И установить четкие границы функционального предназначения определенного социального института очень трудно. Например, если рассматривать такой институциональный феномен, как систему образования (зачастую его называют институтом образования), то к какому социальному институту следует отнести Министерство образования и науки? К институту образования? Для этого есть основания, т.к. он является руководящим управленческим органом в области образования, обеспечивающим выполнение соответствующей жизненно важной для общества функции. К институту государства? И это утверждение можно принять как правомерное, поскольку данный орган является одним из министерств (а это государственное учреждение). Возможно, это министерство вообще не является институтом, будучи организацией, а организации многие исследователи, начиная с Т. Веблена, к институтам не относят? Тогда и это утверждение следует принять как истинное?

Никакого противоречия в определении того, чем является социальный институт как феномен социума, не будет, если подойти к пониманию социального института, исходя из его функциональной природы (что отвечает социологической традиции, идущей еще от Г. Спенсера). В соответствии с таким подходом, социальные институты понимаются как исторически сложившиеся формы организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающие выполнение жизненно важных для общества функций⁹. В таком контексте предназначение социального института как феномена соци-

ума определяется выполняемой им в обществе функцией. Причем согласно спенсеровской трактовке, социальные институты выполняют в обществе наиболее значимые функции, обеспечивающие его существование.

Теперь, исходя из вышеизложенного, можно вернуться к рассмотрению институционального статуса Министерства образования и науки. Очевидно, что одну из важнейших для общества функций – образовательную – это министерство выполняет. Поэтому является институциональным образованием. Те нормы, которые определяют в обществе осуществление образования (начиная с Конституции и заканчивая распорядком повседневного функционирования любого учебного заведения) также, с очевидностью, к образованию имеют самое непосредственное отношение. Следовательно, и нормы – это тоже институциональный феномен. Несомненно, функционально образовательными являются и процессы предоставления и потребления знаний, и руководство системой образования (управление), и методическое и материально-техническое обеспечение образовательного процесса и многое другое, что в повседневной практике относят к системе образования.

Однако, согласно многим определениям социальных институтов, далеко не все из перечисленного выше структурно входит в состав социального института. Поэтому будет обоснованным в данном случае исходить из того, что раз повседневная практика противоречит существующим теоретическим конструктам, следовательно, необходима принципиально иная концептуальная трактовка социального института, как одного из фундаментальных социальных феноменов.

Анализ того, чем является социальный институт, необходимо начать с классической социологической процедуры – операционализации. В этом случае под эгидой базового понятия должны быть сгруппированы функционально однородные понятия, обозначающие соответствующие проявления в обществе, относимые к выполнению определенной фундаментальной для общества функции, т.е. определенному социальному институту.

Можно выделить следующие группы феноменов, которые в совокупности служат выполнению фундаментальной для общества функции в рамках определенного социального института:

- Социальные регуляторы (формальные и неформальные нормы, правила, традиции, обычаи, социальные роли и статусы, ценности, символы и т.п.).

- Социальные формы организованности (различного рода социальные формы организованности, в т.ч. род, семья, дружеская компания, этносы и целевые формы организованности, такие как организации, ассоциации и т.п.; все они обеспечивают претворение в жизнь и в пределах их влияния осуществляются установления социальных регуляторов).

- Социальные процессы (повседневная деятельность в виде сложившихся социальных практик или сочетания социальных практик и социальных инноваций, осуществляемая персонифицированными и/или коллективными деятелями, непосредственно реализующих функциональное предназначение института)¹⁰.

При таком понимании социального института операциональная структура понятия, представляющая собой субстанционально гетерогенное образование, внутренне непро-

тиворечива и целостна, адекватно отражая реальную функциональную природу социальных институтов, их определенную целостность и операционную открытость или закрытость при выполнении своих функций. Более того, только понимаемый таким образом социальный институт возможен как самодостаточный социетальный феномен, способный, выполняя свою социальную функцию, функционировать в режиме самовоспроизводства (аутопойезиса).

Ведь очевидно, что декларируемое, например Д. Норт¹¹, (как и многими другими специалистами) понимание социальных институтов как правил, механизмов, обеспечивающих их выполнение и норм поведения¹², без наличия инструмента (в виде определенных форм организованности, наделенных обществом соответствующими полномочиями или присвоившими себе полномочия), обеспечивающего реальную работу механизмов по выполнению норм – это теоретическая конструкция, оторванная от реальности.

На самом же деле, наличие в обществе конституированных им норм и механизмов, обеспечивающих их выполнение, само по себе не означает, что механизмы всегда будут автоматически работать и, соответственно, нормы выполняться. Признается, что реальным фактом современности стал «кризис договорного общества». Он проявляется в том, что повседневной приоритетной нормой является стремление людей к деньгам, богатству, выгоде, удовольствиям и т.п. Отсюда «невыполнение оговоренных контрактом обязательств является неизбежным, а с развитием нравственного нигилизма оно непременно будет расти»¹³. Поэтому склонность многих людей к оппортунизму (невыполнению со-

циальных норм, личных обязательств, обман и т.п.), заставляет общество воздействовать на них путем угрозы применения насилия или принуждая их к должному поведению, применяя по отношению к ним насилие.

Формально Норт констатировал факт несовершенства механизма обеспечения соблюдения правил (все-таки ему следовало использовать термин «нормы», как более общий¹⁴. - А.К.). По его мнению, соблюдение правил должно обеспечиваться соответствующими агентами (полицейскими, судьями, присяжными и т.п.)¹⁵. Эти агенты по своему положению относительно подавляющего числа повседневных деловых практик являются их внешней средой. Соответственно, обращение к ним для разрешения возникающих проблем нередко может приводить к возрастанию транзакционных издержек, которые несут осуществляющие практики деятели.

Способом уменьшения транзакционных издержек в подобных случаях зачастую становится использование коллективными или персонифицированными деятелями (в соответствии с имеющимися у них полномочиями) властно-силового ресурса, которым располагает та форма организованности, в пределах компетенции которой осуществляется деятельность¹⁶. Не приняв во внимание в определении социального института сложившейся повседневной практики уменьшения транзакционных издержек в процессе выполнения им своей институциональной функции (а происходит это всегда в пределах компетенции определенной формы организованности), Норт фактически проигнорировал тот способ, который применительно к фирме описал Рональд Коуз¹⁷ (кстати,

работы которого ему известны). Своей формулировкой он в неявной форме исключил возможность для социальных институтов выполнять свое функциональное предназначение в качестве самостоятельных социальных систем, обеспечивающих воспроизводство общества в соответствии с определенными институциональными функциями. Но тогда это, в свою очередь, изменяет (а именно - понижает) категориальный статус социальных институтов, как базовых феноменов социума, на что указывают отечественные авторы¹⁸.

Концептуально институционализм, декларируемый Д. Нортом и его единомышленниками, является развитием взглядов на социальные институты Т. Веблена. В данной трактовке, социальный институт имеет только регулятивные функции. Такое понимание социальных институтов принципиально отличается от точки зрения Г. Спенсера, который исходил из того, что каждый орган социального организма (если исходить из распространенного в науке мнения, что в этой форме им описаны социальные институты) выполняет определенную функцию, обеспечивая тем самым воспроизводство общества¹⁹.

Вебленовская институциональная традиция сужает категориальный статус социальных институтов как фундаментальных феноменов социума и фактически определяет их в качестве подсистем систем более высокого порядка. И тогда правомерен вопрос: каких именно?

В то же время теоретические конструкты, разработанные в парадигме вебленовского понимания социальных институтов, могут быть органично использованы в качестве регулятивной составля-

ющей спенсеровской институциональной модели. Этой точки зрения придерживается автор данной работы. Соответственно, социальный институт можно определить как систему субстанционально гетерогенных комплексов (социальных регуляторов, форм организованности и процессов), обеспечивающих выполнение жизненно наиболее важных социетальных функций.

Исходя из природы социума и функционального предназначения социальных институтов, авторская модель институциональной системы общества, как представляется, способна снять противоречия между существующими институциональными концепциями.

Определившись с тем, чем является социальный институт, можно определить и место каждого институционального феномена в институциональной структуре. Для этого необходимо представить иерархическую соотношенность институциональных феноменов (от социетального уровня и ниже). Она следующая:

1. Социальные институты (основные институты общества, функционально, но не субстанционально, сводимые к органам социального организма согласно описанию Г. Спенсера²⁰).

2. Субинституты (институциональные феномены, каждый из которых выполняет одну из подфункций определенного социального института).

3. Институции (институциональные образования, имеющие признаки института, но либо еще не вполне сформировавшиеся и не конституированные в этом качестве, либо имеющие заметно меньший функциональный охват действия, чем институт или субинститут).

4. Социальные практики (постоянно воспроизводящиеся повсед-

невные рутинные действия, благодаря которым в основном происходит выполнение институциональных функций, т.е. именно они представляют собой явное проявление институциональных процессов)²¹.

В качестве основных социальных институтов общества можно выделить следующие (выделены согласно фундаментальному функциональному критерию – воспроизводство человечества как вида *homo sapiens*):

- Культура: обеспечивает воспроизводство и развитие духовных основ жизни общества.

- Управление: обеспечивает согласованное взаимодействие всех членов общества и социальных образований между собой и с природой.

- Обеспечение воспроизводства и развития человека как вида.

- Обеспечение производства и воспроизводство материальных условий жизни общества.

- Обеспечение воспроизводства и развития знаний, умений и навыков.

- Обеспечение воспроизводства и развития социальной системы общества (обычно называемый институтом политики).

- Обеспечение порядка и безопасности существования индивидов и всего общества (другими словами, институт поддержания общественного порядка и защиты страны).

- Обеспечение гармонизации корыстных интересов членов общества и социальных образований (обычно называемый институтом экономики).

- Обеспечение технических возможностей взаимодействия социальных феноменов между собой и с природой.

Использование термина «обеспечивает» в определении социаль-

ного института означает, что институт не выполняет централизованно и целенаправленно в режиме целевого управления те функции, за которые он в обществе «отвечает». В этом позиция автора данной работы отличается от точки зрения некоторых исследователей, которые считают, что институты имеют цель своей деятельности и управляют целыми сферами общественной жизни, выполняя необходимые общественные функции²². На самом деле, социальные институты не имеют специально созданного ими (или для них) органа, который формулирует цель и осуществляет управление.

Реально каждый социальный институт совокупной, функционально предопределенной «работой» системы своих комплексов превращает предпосылки и условия, имеющиеся в обществе для выполнения необходимых социально значимых (институциональных) функций, в повседневную практику их осуществления. В этом случае роль цели выполняют требования со стороны общества в выполнении определенной институциональной функции, которая выступает для института в качестве управляющего аттрактора. Конкретно социальный заказ общества формулируется в виде норм Конституции и законов, программ партий, движений и ассоциаций, лозунгов манифестаций, публикаций в СМИ, заявлений публичных деятелей и т.п. Сбором информации, в которой выражен социальный заказ общества, ее обработкой, анализом и выработкой программ и методов их осуществления в обществе занимаются соответствующие формы организованности. В любом обществе определены процедуры и формы организованности, конституирующие

социальный заказ относительно выполнения жизненно важных для его воспроизводства функций. Определяются также формы организованности, нормы и процессы, обеспечивающие выполнение институциональных функций. Соответственно, выполнение социальным институтом своих функций становится интегрированным результатом действия распределенных в обществе множества сознательно направляемых и / или действующих в режиме самоорганизации сил социума.

Теперь правомерен вопрос: неужели среди всех форм организованности, созданных обществом, нет таких, которые являются той составной частью того или иного социального института, которая формулирует его цель. Можно предположить, что, например, для Российской Федерации цели для всех социальных институтов российского общества формулируют и принимают для исполнения совокупно Государственная Дума и Совет Федерации. Это согласуется с нормами Конституции РФ, но это не соответствует реальности. Дело в том, что не является одним и тем же социальный заказ общества (который есть совокупное желание, выраженное всеми членами общества) и цель общества, сформулированная конституционным органом государственной власти (в данном случае, Государственной Думой и Советом Федерации РФ). Что бы ни говорили политики и ангажированные властью политтехнологи, но проводимые в России социальные исследования констатируют, что провозглашаемые высшими органами российской государственной власти институциональные цели, по существу и в конкретных формулировках, не пользуются абсолютной поддержкой всех членов

общества. И дело здесь не в том, что с мнением кого-то не согласились (абсолютное единодушие в такой громадной стране, как Россия, в принципе невозможно). А в том, что не все имели возможность выразить свое мнение, не все этого хотели и не все были реально услышаны. И это очень существенная часть россиян. Данная ситуация с точки зрения норм законодательства, не является незаконной, а на социетальном уровне – это не есть реальный социальный заказ всего общества. Однако как социальная утопия цель социального института может быть сформулирована. Это описано, например, в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы.

Любой социальный институт может подвергаться осознанному воздействию общества, но совокупная результирующая его функционирования может отличаться от желаемого людьми (вплоть до прямо противоположного). Управлять же обществом в общепринятом понимании управления, социальные институты не могут. Общество управляет собой с помощью института «Управление», который, будучи агрегированной гетерогенной комплексной системой, представляет собой социетальный инструмент самоорганизации всего общества. Поэтому говорить о «чистом» управлении обществом со стороны социальных институтов не представляется возможным. Такое своеобразное положение социальных институтов в обществе позволяет определить их в совокупности (в системе) как социетальный механизм воспроизводства человечества.

В представленной выше иерархии образование, например, имеет статус субинститута, поскольку выполняет свои функции, входя в состав соответствующего со-

циального института (наряду с субинститутом «Наука»).

Есть еще один принципиально важный институциональный аспект – это пространственная представленность социальных институтов в обществе. Дело в том, что социальные институты, выполняя свое функциональное предназначение, распределены в обществе там и «вступают в дело» тогда, где и когда это функционально необходимо. Поэтому справедливо утверждение, что «институты присутствуют практически во всех областях жизни человека»²³. Соответственно, социальные институты можно назвать агрегированными образованиями. Что это значит?

Г. Спенсер²⁴, а позднее Р. Будон²⁵ понимали агрегат как совокупность отдельных, относительно самостоятельных и самодостаточных и в то же время функционально устойчиво взаимозависимых и поэтому взаимосвязанных между собой непрерывно воспроизводящимися связями пространственно распределенных в обществе образований. Это представление об агрегате является отражением реальной формы и способа существования социальных институтов в обществе. Т.е. социальные институты, будучи системами гетерогенных комплексов, не представляют собой какое-то конкретное социальное «тело». О них можно сказать, что в своем субъектном качестве они являются отвлеченными сущностями²⁶, которые представляют собой сверхколлективные социальные образования²⁷. Это значит, что в обществе они реально есть, но физически «потрогать» никакой социальный институт невозможно.

Будучи агрегированным феноменом, распределенным в обществе в необходимых для выполне-

ния своей функции местах (там, где есть в этом нужда), социальный институт является благодаря этому своеобразной пронизывающей общество сетью, способной в любой момент, в любом нужном месте, на необходимом качественном уровне осуществить свое функциональное предназначение. Эта функциональная распределенность социальных институтов в обществе является их большим достоинством. Фрактально организованные, воспроизводясь в виде проверенных опытом повседневных практик и в то же время обладая инновационным потенциалом, социальные институты способны оперативно, гибко, в соответствии с запросами общества, выполнять свои институциональные функции. Именно агрегированный характер «устройства» системы социального института – залог его возможности выполнить свое функциональное предназначение везде, где это нужно, эффективно (с наименьшими затратами) и качественно («производя» необходимый обществу продукт, обладающий заданными свойствами).

Но в этом же кроется и трудность воздействия на режим функционирования социального института в необходимых для общества параметрах и изменения в нужном для общества направлении. Управлять таким социальным феноменом, как социальный институт, более чем сложно. Существует мнение, что управление социальными институтами со стороны общества вообще невозможно. Тем не менее, преодоление данной трудности возможно и может быть облегчено в условиях современной цивилизации, используя концепцию агрегированного субъекта управления, предложенную Г.С. Пошевневым, как своеобразной формы интеграции и координации ин-

ституциональных элементов общества.

Ниже представлена ключевая идея этой концепции²⁸. Важнейший признак агрегированного субъекта управления (АгСУ) состоит в переходе от команды и приказа – как основных системообразующих факторов управления – к ценностным синтезам (договоренностям), на основе которых выстраиваются согласованные цели и способы деятельности коллективных и персонифицированных деятелей. Такие «договоренности» в настоящее время принято называть институциональными соглашениями²⁹. Т. е. АгСУ строится не на жесткой командной иерархии, а на осознании каждым участвующим в осуществлении социально значимой (следовательно – институциональной) функции своего функционального предназначения и готовности ответственно выполнять свою часть работы, кооперируясь с другими деятелями. На первом месте здесь стоит функциональная целесообразность. Поэтому приказ здесь вторичен, он появляется после согласования целей и программ деятельности различных деятелей как момент, закрепляющий выработанную совместную систему действий. Ценностный синтез (институциональное соглашение) происходит в процессе поиска путей решения накопившихся и требующих своего разрешения проблем. Он осуществляется таким образом, чтобы все деятели – участники АгСУ – могли в максимальной степени реализовать свои необходимые для выполнения согласованной функции потенциалы.

Такой подход к осуществлению институциональных функций позволяет обществу получить как минимум два выигрыша:

1. Может привести к снижению транзакционных издержек в про-

цессе производства и доведения продукта до потребителя.

2. Обеспечивает существенно более значительные, чем при командном управлении, возможности для «производства» необходимых эмерджентных эффектов.

Возможности снижения транзакционных издержек в результате заключения институциональных соглашений при выполнении институциональных функций могут быть достигнуты по следующим позициям:

- по поиску информации;
- по оценке качества и его контролю;
- по ведению и заключению переговоров (они могут быть в значительной степени минимизированы или вообще исключены);
- по защите прав собственности;
- по защите от оппортунистического поведения³⁰.

Эмерджентные эффекты – это те последствия взаимодействий, которые проявляют себя в виде принципиально новых свойств (если они социально значимы, их принято называть качеством), возникающих у определенных целостностей (систем). Их принципиальная новизна – в появившемся у системы новом свойстве (качестве) или совокупности свойств (качеств). Это значит, что появилось нечто другое, существенно отличающееся от того, чем являются индивидуальные свойства или арифметическая (аддитивная) сумма свойств участников комплекса взаимодействий при выполнении определенной функции.

Далее изложена суть концепции эмерджентных эффектов³¹. Любая социальная целостность обладает совокупностью определенных свойств, единство которых принято называть эмерджентностью. Эмерджентность свойственна и институциональным феноменам,

хотя их агрегированная природа делает это их совокупное свойство не всегда явным, оно может быть как бы «размыто» и поэтому очевидно. Эмерджентность отражает совокупное свойство любой целостности, определяя ее качественное состояние. Эмерджентность «производится» эмерджентными (можно сказать и – системными) эффектами.

Эмерджентные эффекты можно сгруппировать следующим образом:

- основные (определяют само существование целостности);
- дополнительные (оптимизируют ситуационное функционирование целостности).

В свою очередь, основные эмерджентные эффекты это:

- связность / деструктивность;
- адаптивность / дезадаптивность;
- неаддитивность (синергия / синерезия).

Выполняя вспомогательную функцию, дополнительные (комплементарные) эмерджентные эффекты предопределяют ситуативное функционирование целостности. Среди них могут быть, например, следующие: управляемость, гибкость, устойчивость и другие.

Существование различных социальных образований обеспечивается их способностью «производить» необходимые эмерджентные эффекты и в результате поддерживать имеющиеся или обретать новые свойства (качества). Соответственно, функциональность любого институционального образования – и в целом института – определяется его способностью «производить» необходимые для выполнения социально значимой функции эмерджентные эффекты.

Например, для субинститута «Образование», если исходить из эффективности его функциониро-

вания в процессе производства образовательного продукта, «производимый» эмерджентный эффект - это «оптимальность / неоптимальность» осуществления. Исходя из того, какой конечный продукт системы образования хотели бы иметь отдельные деятели и общество в целом, эмерджентным эффектом будет - «качественный / некачественный». Определить значения полученных эмерджентных эффектов можно, используя определенные диагностические методики.

Пространственная распределенность в обществе социальных институтов (а также субинститутов и институций) порождает необходимость их «сборки» в случае «запроса» со стороны общества для выполнения определенной социально значимой функции. Следует иметь в виду, что практики уже фактически «собранны» на когнитивном уровне в виде *habitus*ов и в случаях нужды осуществляются индивидами автоматически, как правило, при минимальном участии сознания³².? Процесс институциональной сборки осуществляется путем согласованного взаимодополняющего сочетания гетерогенных, распределенных в обществе функционально необходимых компонентов (элементов), представляющих собой различные (названные выше) институциональные комплексы. Непосредственным результатом институциональной сборки становится сформированная для выполнения социального заказа структура, представляющая собой определенную целостность, состоящую из функционально необходимых регулятивных элементов и, обеспечивающих их влияние и протекание институциональных процессов, форм организованности. Совокупность выработанных в обществе взаимодопол-

няющих друг друга для выполнения определенной социально значимой функции практик, представляют собой институцию. В свою очередь, совокупность функционально однородных институций составляют субинститут, а совокупность функционально однородных субинститутов - социальный институт.

Теперь можно дать определение институциональной сборки. Это процесс системного объединения необходимых для выполнения определенного социального заказа гетерогенных и взаимно дополняющих друг друга элементов, относящихся к различным институциональным комплексам, результатом которого становится появление институциональной структуры, обеспечивающей осуществление определенной функции³³. Целью формирования институциональной сборки является необходимость «запуска» процесса взаимно согласованных действий распределенных в обществе субстанционально неоднородных институциональных компонентов (элементов) для выполнения определенного социального заказа. Результат институциональной сборки - сформированный функционально необходимый институциональный феномен в виде социальной практики, институции, субинститута, института или интегрированной институциональной структуры, обеспечивающий выполнение социального заказа. В дальнейшем для обозначения сформированного в процессе институциональной «сборки» гетерогенного институционального образования может использоваться термин «институциональная структура», а именно - для обозначения некоторой ситуативно образовавшейся институциональной совокупности, которую будет

невозможно отнести к какому-либо классифицированному институциональному феномену.

Причина «запуска» процесса институциональной сборки – это выраженный тем или иным образом институционально полномочным представителем социума или стихийно сложившейся ситуацией запрос (требование) на выполнение специфической социально значимой функции.

Процесс институциональной сборки осуществляется вследствие функционально предопределенного, активного, взаимно дополняющего друг друга и согласованного сочетания следующих феноменов:

1. Причина, «запускающая» процесс институциональной сборки. Это требование со стороны общества в выполнении определенной социально значимой функции. Социальный заказ общества в выполнении необходимой социальной функции может быть выражен следующим образом:

- явно, в виде четко выраженного пожелания или требования;
- действовать латентно в виде существующих в обществе обычаев, традиций и т.п.

2. Компоненты, непосредственно составляющие содержание процесса институциональной сборки. Они следующие:

1) Отдельные элементы, которыми могут быть:

- персонифицированные или коллективные деятели (формы организованности) как носители активности;
- материальные и нематериальные ресурсы;
- «проводники» («передатчики») взаимодействия;
- отдельные нормы законодательства и иных формальных нормативных установлений;
- отдельные сложившиеся в обществе обряды, обычаи, традиции.

2) Сложившиеся в обществе конкретные практики.

3) Сочетание сложившихся в обществе отдельных практик и отдельных институциональных элементов.

3. Предпосылки, обеспечивающие процесс сборки. Это те свойства компонентов институциональной сборки, тенденции их собственного функционирования, тенденции и свойства режима институциональной сборки, которые, как минимум, не препятствуют или способны облегчить, усилить, убыстрить и повысить уровень согласованности взаимодействия, чтобы в своей совокупности создать режим наибольшего благоприятствования процессу сборки или наоборот – затормозить, остановить или прекратить ее. К ним относятся:

- комплементарность (потенциальная и актуальная взаимная дополнительность свойств взаимодействующих или способных вступить во взаимодействие феноменов³⁴);
- комплиментарность (реальная предрасположенность к другому феномену, симпатия³⁵);
- адгезия (потенциальная и актуальная способность к взаимному соединению, сцеплению, образуя более или менее прочное, устойчивое соединение³⁶);
- катализаторы (усилители влияния предпосылок на процесс институциональной сборки³⁷);
- эфффекторы (феномены, влияющие на активность катализаторов в процессе институциональной сборки³⁸);
- ингибиторы (феномены, замедляющие, препятствующие, останавливающие или разрушающие процесс институциональной сборки³⁹);
- система комплемента (функциональный комплекс, осуществляющий ликвидацию препятствий

к согласованному взаимодействию элементов институциональной сборки⁴⁰);

- эмерджентные эффекты (актуальные эффекты, ставшие следствием действия различных предпосылок, порождающие качественно новое влияние предпосылок на процесс институциональной сборки).

4. Условия, в которых протекает процесс институциональной сборки. Ими являются: общество, физическая среда.

5. Когнитивные механизмы, обеспечивающие осуществление функционально необходимой институциональной сборки. Это:

- когнитивные структуры сознания;

- структуры подсознания (*habitus*ы), в которых запечатлены социальные практики⁴¹.

Институциональная сборка может осуществляться:

- осознанно, как управляемый процесс;

- спонтанно, в режиме самоорганизации;

- в режиме сочетания осознанного управления процессом и самоорганизации.

Трансакционные издержки, затрачиваемые на осуществление институциональных сборок, предопределяются следующими условиями:

- Наличием стереотипных практик, сформировавшихся для выполнения определенной институциональной задачи.

- Наличием в определенное время в определенном месте социального пространства необходимых персонифицированных и коллективных деятелей, обладающих соответствующей компетенцией для выполнения конкретной институциональной функции.

- Наличием в обществе такой деловой этики (корпоративной

культуры), которая бы способствовала выполнению необходимых институциональных функций и минимизировала возможность оппортунистического поведения членов общества.

- Наличием в обществе необходимых элементов и ресурсов для осуществления институциональной сборки, адекватных конкретной институциональной задаче.

- Наличием гармонии (потенциальной функциональной согласованности) между элементами институциональной сборки для выполнения конкретных институциональных задач.

- Наличием в обществе адекватных институциональным задачам актуализированных стандартных элементов механизма взаимодействий в социуме (например, комплементарность, адгезия, проводники, катализаторы взаимодействий и т.п.).

- Наличием в обществе сложившихся практик системы комплемента, способных «включиться в работу» при возникновении дисфункций в процессе институциональной сборки⁴².

Перечисленные выше условия институциональной сборки определяют и «работу» институциональных структур, сформированных институциональными сборками.

Таким образом, представленная модель институциональной сборки позволяет описать динамику формирования институциональных структур, переведя этот процесс из латентного состояния, в явное.

Исходя из представленной автором институциональной модели, можно:

- Разработать концептуальную систему диагностики процесса выполнения социального (институционального) заказа со стороны общества и конечного продукта, «произведенного» определенной

институциональной структурой, т.е. выполненной институциональной функцией.

- Оптимизировать функционирование определенной институциональной системы и, опираясь на результаты диагностики, минимизировать транзакционные издержки, рационально определяя соотношение либеральных (рыночных) и командных начал в осуществлении институционального управления.

Ссылки:

1 *Комаров М.С., Яковлев А.М.* Институт социальный // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова.- М.: НОРМА-ИНФРАЦМ, 1998.- С.157-158.

2 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы.- М.: Гнозис, 1994.- Ч.1.- С.72.

3 *Инишаков О.В.* Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования.-2003.-№3.- С.42.

4 *Веблен Т.* Теория праздного класса.- М.: Прогресс,1984.- С.202.

5 *Райзберг Б.А.* Современный социальноэкономический словарь.- М.: ИНФРАЦМ, 2010.- С.490-491.

6 *Давыдов А.А.* Система социологии.- М.: Ком Книга, 2006.- С.67,68.

7 *Давыдов А.А.* Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования.-1992.- №9.

8 *Давыдов А.А.* Система социологии.- С.68.

9 Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов.- М.: ИНФРАЦМ – НОРМА, 1998.- С.105.

10 *Крейк А.И.* Институциональные ограничения взаимодействия между властью и обществом: преодоление теоретической трудности

// Государственное и муниципальное управление в Сибири: Государство и право: Материалы международной научно-практической конференции: 26-27 февраля 2007 года, г. Новосибирск / Отв. ред. И.В. Князева.- Новосибирск: СибАГС, 2007.- С.14.

11 *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.- М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

12 *Норт Дуглас К.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Весна 1993.- Т.1.-Вып. 2.- С.73.

13 *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор.- М.: ИСПИ РАН, 2009.- С.240.

14 См.: Социологический энциклопедический словарь.- С.254, 204.

15 *Норт Дуглас К.* Институты и экономический рост: историческое введение.- С.73.

16 См.: *Уильямсон Оливер И.* Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка // Теория фирмы / Под ред.В.М. Гальперина.- СПб.: Экономическая школа, 1995.

17 *Коуз Рональд Х.* Природа фирмы // Вестник СПбГУ. Серия 5 «Экономика».- 1992.- Вып.4.

18 *Добренъков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология: В 15т. Т.5: Социальная структура.- М.: ИНФРАЦМ, 2004.- С.182.

19 *Спенсер Герберт* Основания социологии // *Спенсер Герберт* Сочинения Герберта Спенсера.- СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1898.- Т.1-2.

20 *Спенсер Г.* Синтетическая философия.- Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1997.

21 *Крейк А.И.* Социальный институт – постнеклассическая ин-

терпретация? // Социология, философия, право в системе научного обеспечения процессов развития современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 20 мая 2010г.) / Отв. ред. Д.Д. Невирко.- Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010.- С. 31.

22 См., например: *Комаров М.С., Яковлев А.М.* Указ. соч.- С. 152; *Кравченко А.И.* Социология: Учебник для студентов вузов.- М.: Академический Проект; Логос, 1999.- С.333.

23 *Кристиневич С.* Формирование институциональной среды воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике // XVI Кондратьевские чтения «Человеческий капитал: мировые тенденции и российская специфика». Тезисы докладов и выступлений участников чтений.- М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева; ИЭ РАН, 2009.- С.177.

24 *Спенсер Г.* Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века / Под ред. В.И. Добренькова.- М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996.- С.279-280.

25 *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения.- М.: Аспект Пресс, 1998.- С.45-47, 52-53.

26 *Быченков В.М.* Социальные институты в системе субъект - субъектных отношений: Автореф. дис. ...д. филос. н.- М.: МГУ, 1999.- С.2.

27 *Там же.*- С.8.

28 *Пошевнев Г.С.* Агрегированный субъект управления в структуре «нового государственного управления» // Научные записки Сибирской академии государственной службы.- 2006.- №6.- С.75.

29 *Коуз Р.Х.* Институциональная структура производства: Лек-

ция лауреата Нобелевской премии в области экономических наук за 1991 год // Вестник СПбГУ. Серия 5 «Экономика».- 1992.- Вып.4.- С.88.

30 *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория.- М.: Эдиториал УРСС, 2002.- 251.

31 *Крейк А.И.* Феномен эмерджентности в социуме // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы совершенствования управленческой деятельности».- Новосибирск: НГАУ, 2007.- С.25-41; *Крейк А.И.* Эмерджентность – интегративное свойство целостности, формируемое метаинститутом «Управление» // Сорокинские чтения: Отечественная социология: обретение будущего через прошлое: тез. докл. IV Всерос. науч. конф. / Под общ. ред. Г.С. Пошевнева.- Новосибирск: СибАГС, 2009.- С. 45-48.

32 *Бурдье Пьер* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие.- Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.- С.21.

33 *Крейк А.И.* Институциональная сборка – способ формирования институциональных феноменов [Электронный ресурс] // VI Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения», 1-2 декабря 2010. Материалы конференции.- Электрон. дан.- М.: МАКС Пресс, 2010.- 1 электрон. опт. диск (СК-РкМ).- Загл. с обложки.

34 Словарь иностранных слов.- 18-е изд., стер.- М.: Рус. яз., 1989.- С.248; *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов.- СПб.: Лань, 1999.- С.187.

35 *Яценко Н.Е.* Указ. соч.- С. 187.

36 Словарь иностранных слов.- С.17; *Проурзин Л.Ю.* Малый сло-

варь экономической прогностики.- М.: Кинофорум, 2005.- С.9; Новый словарь иностранных слов и выражений.- М.: Современный литератор, 2003.- С.22; Яценко Н.Е. Указ. соч.- С.15; Даниленко В.И. Современный политологический словарь.- М.: НКТА ВЕНЕ, 2000.- С.24.

37 Большой иллюстрированный словарь иностранных слов.- М.: АСТ: Астрель, 2006.- С. 345.

38 Наградова Н.К. Олигомерная структура ферментов и ее функциональная роль // Современное естествознание: Энциклопедия: В 10 т.- М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2000.- Т.8. Молекулярные

основы биологических процессов.- С. 149.

39 Словарь иностранных слов.- С.196; Андриенко Е.В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина.- М.: Академия, 2000.- С. 253.

40 Адаптировано по: Абелев Г.И. Врожденный иммунитет. Воспаление // Современное естествознание: Энциклопедия: В 10 т.- М.: МАГИСТР -ПРЕСС.- Т. 2. Общая биология.- С. 210-212.

41 Крейк А.И. Институциональная сборка – способ формирования институциональных феноменов.

42 Крейк А.И. Там же.

Математические модели информационного нападения и информационного противоборства

Маревцева Н.А.

Рассмотрены простейшие математические модели, описывающие распространение информационной угрозы, а также построены новые модели, описывающие процесс информационного противоборства.

Ключевые слова: Математическое моделирование, информационная безопасность, общение членов социальной общности

Marevzeva N.A.

Mathematical models of information aggression and information struggle

The simplest mathematical models are considered, describing spreading of the threat of information aggression. The new mathematical models are created, which describe the process of information struggle.

Key words: Mathematical modeling, information security, information safety, communication of social community members.

Введение

Известно, что человечество подошло к рубежу, за которым начинается новый этап его развития, этап «информационного общества». Он характеризуется резко возрастающей ролью информационной сферы. Поэтому национальная безопасность России [1] всё более зависит от обеспечения её информационной безопасности.

Основными видами угроз информационной безопасности (ИБ) РФ в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации [2] являются:

1. угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности;

2. угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;

3. угрозы развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в ее продукции и выходу этой продукции на мировой рынок и угрозы безо-

пасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

Информационной безопасности РФ посвящено большое количество работ (см., например, [3] и цитируемую там литературу), в которых, в частности, обсуждаются основные исследовательские проблемы (см., например, [3], [4]), характерные для данной области. Приоритетные задачи научных исследований в области ИБ Российской Федерации [5] делятся на три важнейших направления:

1. Гуманитарные проблемы обеспечения ИБ Российской Федерации;

2. Научно-технические проблемы обеспечения ИБ Российской Федерации (физико-математических, технические);

3. Проблемы кадрового обеспечения ИБ Российской Федерации.

Современные подходы к изучению гуманитарных проблем ИБ (т.е. проблем, связанных с наличием «человеческого фактора») могут быть существенно обогащены «точными» методами. К ним относится, прежде всего, использование соответствующих математических моделей (см. [6], [7] и [8]), опирающихся на социологическое знание, в том числе на последние достижения в области социальной психологии. По словам основоположника отечественной школы математического моделирования академика А.А. Самарского [9], «...математическое моделирование не частный технократический рецепт, касающийся узкого круга специалистов, а универсальная методология, основной инструмент математизации научно-технического прогресса».

К сожалению, проблемы информационной безопасности пони-

маются, в основном, только либо как проблемы её защиты от несанкционированного доступа (безопасность информации), либо как проблемы подавления распространения нежелательной информации технологическими или силовыми (см., например, [10]) способами.

Существующие технологии распространения информации (или лжеинформации) дают широчайшие возможности для деятельности недружественных государств, религиозных сект, террористов и т.д. для пропаганды своих интересов и реализации своих целей во всех областях жизни человека и общества. В соответствии с этим одной из важных задач обеспечения ИБ, помимо определения источников, характера и механизмов возникновения и распространения социально значимых информационных угроз (ИУ), является *поиск методов парирования ИУ* или их ослабления на основе более тонких и научно обоснованных подходов. Как подчёркивалось в [11], серьёзные системы мониторинга, анализа и прогноза ИУ с целью предотвращения порождаемых ими негативных последствий должны содержать в себе подсистемы моделирования и прогнозирования этих процессов, включающих в себя иерархию соответствующих математических моделей, обеспеченных адекватным социологическим «оснащением?».

В данной работе описаны простейшие математические модели, описывающие распространение ИУ ([7], [11]), а также построены новые модели, отвечающие более сложной и весьма актуальной ситуации – *информационному противоборству*. (Заметим, что согласно недавно введенной в действие Указом Президента РФ «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до

2020 года» (от 12.05.2009 № 537) [12] «усилится глобальное информационное противоборство».)

Данные модели получены в разумных и интерпретируемых предположениях и в рамках их применимости позволяют полностью изучить характер рассматриваемых процессов, что даёт возможность поставить задачу о нахождении оптимальных, в определённом смысле, способах их организации. Показано, что изучаемые процессы в силу их нелинейности допускают отнюдь не очевидные режимы развития. Тем самым, даже в простейших случаях из анализа математических моделей распространения ИУ и информационного соперничества определяются содержательные характеристики, управление которыми может стимулировать их протекание в нужном направлении.

1. Модель распространения одной информационной угрозы (ИУ)

Постановка задачи и модельные предположения [11].

Пусть имеется некоторая социальная общность численностью N_0 (культурная, возрастная, политическая, члены Интернет-сообщества, и т.д.), потенциально подверженная ИУ, т.е., например, угрозе негативного изменения состояния через воздействие - передачу по информационным каналам ценностей, важных для данной группы (вопрос о том, кто и как определяет эти ценности, здесь не рассматривается). В момент времени t_0 угроза актуализируется, т.е. источник ИУ предпринимает действия по её реализации, в результате чего ИУ начинает распространяться среди общности.

Основной текущей характеристикой степени распространённо-

сти (опасности) ИУ считается величина $N(t)$ - зависящее от времени t число «адептов», принявших распространяемые источником ИУ новые ценности, идеи, нормы и т.д. (здесь мы ограничимся рассмотрением ситуации, когда в начальный момент $t=t_0$ величина $N(t_0)=0$, т.е. сначала число адептов равно нулю - о возможных обобщениях модели см. ниже).

Основные модельные предположения состоят в следующем:

1) ИУ распространяется среди общности по двум информационным каналам.

Первый из них - «внешний» по отношению к общности, например, рекламная кампания, проводящаяся через СМИ. Её интенсивность (число равноценных информационных актов в единицу времени) характеризуется параметром α_1 , который считается не зависящим от времени, второй, «внутренний» канал - межличностное общение членов социальной общности (его интенсивность характеризуется параметром α_2 , также не зависящим от времени). В результате такого общения уже «завербованные» адепты (их число равно величине $N(t)$), влияя на ещё не завербованных членов (их численность равна величине $N_0 - N(t)$), вносят свой «личный» вклад в процесс вербовки;

2) скорость изменения числа адептов $N(t)$ (т.е. число завербованных в единицу времени) складывается из:

а) скорости внешней вербовки (она пропорциональна произведению интенсивности α_1 на число ещё не завербованных членов $N_0 - N(t)$, т.е. величине $\alpha_1(N_0 - N(t))$,

б) скорости внутренней вербовки (она пропорциональна произведению интенсивности α_2 , числа действующих адептов $N(t)$ и чис-

ла не завербованных $N_0 - N(t)$, т.е. величине $\alpha_2 N(t) (N_0 - N(t))$.

Относительно предположения а) заметим – здесь считается, что подвергаемая воздействию общность находится в своего рода «всеобъемлющем нелокальном информационном поле», т.е. любой из не завербованных членов общности (их число равно $N_0 - N(t)$) всегда имеет возможность получить распространяемую по внешнему каналу информацию и с некоторой вероятностью её воспринять. Тем самым, скорость внешней вербовки определяется помимо фактора $N_0 - N(t)$ не только величиной α_1 , но и упомянутой вероятностью (склонностью) восприятия информации. Для простоты, без нарушения общности, будем считать, что эта вероятность равна единице. Отметим также, что в отличие от внешнего внутреннего канал имеет локальный характер (от человека к человеку), но скорость вербовки, как и в первом случае, опять-таки пропорциональна числу ещё не завербованных членов общности – величине $N_0 - N(t)$.

Суммируя предположения 1 и 2, приходим к модели (1) (рис. 1).

В математическом отношении она представляет собой обобщение ([7], стр. 150) хорошо известной логистической модели, получающейся из (1.1) при $\alpha_1=0$, т.е. в отсутствии внешнего воздействия. Заметим, что существенным недостатком исходной логистической модели (в том числе для целей

данного исследования) является то, что для неё в любой момент времени, в том числе и в начальный, $N(t) = 0$.

Подчеркнём - в рассматриваемой простейшей модели не учитываются эффекты «забывания» информации, неоднородность социальной общности, возможность взаимозависимости величин α_1 и α_2 , возможность сознательного противодействия ИУ и другие факторы, могущие быть важными для изучаемого процесса. Заметим, что ряд обобщений не представляет больших трудностей, поскольку введение в модель некоторых перечисленных дополнительных факторов не меняет её математической сущности. Заметим также, что возможны иные постановки задачи о распространении ИУ, основанные на данной модели (например, попеременное воздействие внешних и внутренних источников ИУ, непостоянство характеристик во времени и т.д.), и что в силу универсальности математических моделей, она может быть применена к описанию некоторых других явлений.

Анализ математической модели

Исследуются решения уравнения (1.1) при $0 < N(t) < N_0$, $t \geq t_0=0$ и изучаются их свойства. Общее решение имеет вид:

$$(\alpha_1 + \alpha_2 N) / (N_0 - N) = C \exp((\alpha_1 + \alpha_2 N_0)t), \quad C > 0.$$

Решение, удовлетворяющее свойству $N(t = t_0) = 0$, имеет вид:

$$dN(t)/dt = (\underbrace{\alpha_1}_{\substack{\updownarrow \\ \text{Скорость роста} \\ \{ \text{числа «адептов»} \}}} + \underbrace{\alpha_2}_{\substack{\updownarrow \\ \text{интенсивность} \\ \{ \text{внешнего} \\ \text{воздействия} \}}} N(t)) (N_0 - \underbrace{N(t)}_{\substack{\updownarrow \\ \text{интенсивность} \\ \{ \text{межличностных} \\ \text{контактов} \}}}) \underbrace{N(t)}_{\substack{\updownarrow \\ \text{текущее} \\ \{ \text{число} \}}} (\underbrace{N_0 - N(t)}_{\substack{\updownarrow \\ \text{численность} \\ \{ \text{«незавербованной»} \\ \text{части общности} \}}}) \quad (1.1)$$

Рис. 1

$$N(t) = \frac{N_0 \exp((\alpha_1 + \alpha_2 N_0) t) - \alpha_1}{(\alpha_2 + (\alpha_1 / N_0) \exp((\alpha_1 + \alpha_2 N_0) t))} \quad (1.2)$$

Оно, кроме точки $t=0$, всегда положительно монотонно растёт со временем (проверяется прямым дифференцированием) и стремится к величине N_0 .

Модель описывает распространение ИУ в режиме, когда в конечном итоге (за достаточно большое время) все члены группы будут «завербованы».

$$dN/dt = -\alpha_2 N^2 + (\alpha_2 N_0 - \alpha_1)N + \alpha_1 N_0 \quad (1.3)$$

Более тонкую градацию режимов распространения ИУ даёт анализ, в зависимости от параметров модели, скорости нарастания ИУ:

Оказывается, что при выполнении условия

$$N_{кр} = N_0 / 2 - \alpha_1 / 2\alpha_2, \quad (4)$$

существует момент времени $t_{кр}$, когда достигается максимальная скорость вербовки. Здесь $N_{кр} = N(t_{кр})$ - численность членов, завербованных в момент $t_{кр}$. Назовём её точкой максимума «ажитожа» (она существует не для любых значений параметров модели).

Из анализа (1.4) следует, что в зависимости от соотношений между параметрами модели возможны три режима распространения ИУ (рис. 2):

1) Интенсивность внешних источников ИУ превосходит интенсивность внутренних источников:

$$N_0 < \alpha_1 / \alpha_2$$

В этом случае $N_{кр} < 0$, $t_{кр} < 0$, то есть скорость вербовки с течением времени уменьшается.

2) Интенсивность внешних источников ИУ сопоставима с интенсивностью внутренних источников:

$$N_0 = \alpha_1 / \alpha_2$$

Здесь $N_{кр} = 0$, это означает, что скорость вербовки в начальный

момент времени $t=t_0$ - максимально возможная, а при $t > t_0$ она уменьшается.

3) Интенсивность внутренних источников ИУ превосходит интенсивность внешних источников:

$$N_0 > \alpha_1 / \alpha_2$$

Скорость вербовки при $t < t_{кр}$ увеличивается, при $t=t_{кр}$ она максимальна, а при $t > t_{кр}$ - уменьшается.

Остановимся более подробно на рассмотрении третьего случая.

Подставляя значение $N_{кр}$ в решение (2) получаем выражение для $t_{кр}$:

$$t_{кр} = \frac{\ln(\alpha_2 N_0 / \alpha_1)}{(\alpha_2 N_0 + \alpha_1)}$$

Рассмотрим свойства величины $t_{кр}$ относительно параметров α_1 и α_2 (интенсивностей внешней и внутренней ИУ).

Дифференцируя $t_{кр}(\alpha_1)$ по α_1 , получаем,

$$\frac{dt(\alpha_1)}{d\alpha_1} = -\frac{\alpha_2 N_0 / \alpha_1 + \ln(\alpha_2 N_0 / \alpha_1) + 1}{(\alpha_2 N_0 + \alpha_1)^2} < 0,$$

т.е. при увеличении интенсивности внешнего воздействия, время $t_{кр}$ монотонно уменьшается (рис. 2).

Аналогичная операция относительно величины $t_{кр}(\alpha_2)$ по α_2 даёт выражение

$$\frac{dt(\alpha_2)}{d\alpha_2} = \frac{N_0 + \alpha_1 / \alpha_2 - N_0 \ln(\alpha_2 N_0 / \alpha_1)}{(\alpha_2 N_0 + \alpha_1)^2}$$

из которого следует, что при увеличении параметра α_2 (интенсивность межличностных коммуникаций) $t_{кр}$ ведёт себя немонотонным образом - сначала увеличивается и достигает максимального значения, а затем уменьшается (рис. 2).

Увеличение значения времени наступления максимального ажиотажа ($t_{кр}$) при увеличении интен-

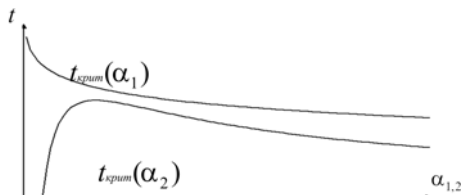

Рис. 2

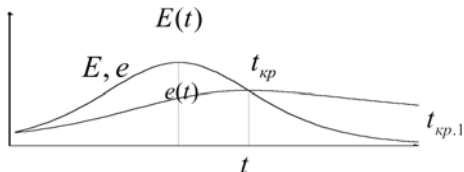

Рис. 3

сивности межличностных контактов является следствием нелинейности модели (1.1). На первый взгляд подобная «отсрочка» выглядит парадоксальной. Однако, как показывает простой анализ, парадокса не существует – «платой» (или «компенсацией») за отсрочку служит увеличение величины $N_{кр}$ с ростом параметра α_2 (момент ажиотажа наступает позже, но число адептов в этот момент больше).

Ещё одним из проявлений нелинейности процесса служит немонотонная зависимость (в третьем режиме, когда N_0 , α_1/α_2) от времени величины эффективностей $E(t)=N(t)/\alpha_1 t$ и $e(t)=(dN/dt)/\alpha_1$ (рис. 4). Их можно трактовать как текущую (достигнутую к моменту t) и мгновенную (в момент t) эффективность «затрат» на распространение ИУ (здесь $N(t)$ и dN/dt – текущая и мгновенная «прибыль», а $\alpha_1 t$ и α_1 – текущая и мгновенная затраты). Максимум мгновенной эффективности достигается в момент пика ажиотажа», то есть при $t = t_{кр}$. Текущая эффективность при равных значениях параметров достигает максимума в точке $t = t_{кр.1}$ $t_{кр}$ (причём в момент $t_{кр.1}$ величины $E(t_{кр.1})$ и

$e(t_{кр.1})$ равны между собой). Эти свойства позволяют ставить вопрос о целесообразности, начиная с некоторого момента времени, проведения дальнейших мероприятий по распространению ИУ.

Таким образом, как видно из анализа даже очень простой математической модели распространения ИУ, участники данного процесса в зависимости от ставящихся целей, наличествующих ресурсов, существующих временных рамок и поведенческих характеристик, располагают определёнными нетривиальными возможностями для его организации в нужном режиме. Отметим, что в работах [13,14] на основе методов теории оптимального управления найдены наилучшие с точки зрения затрачиваемых ресурсов (а они всегда ограничены) режимы распространения информационной угрозы, описываемые данной моделью.

2. Модель распространения двух видов информации (информационное противоборство)

Постановка задачи и модельные предположения

Пусть теперь, в отличие от п. 1, имеется социальная общность (численностью N_0), потенциально подверженная воздействию двух несовпадающих между собой по содержанию информационных потоков. (В экстремальном случае информация типа 1 (И1) и типа 2 (И2) диаметрально противоположны друг другу.) Пусть в момент времени t_0 актуализируются одновременно два источника информации, которые начинают её транслировать, т.е. предпринимают действия по её реализации, в результате чего оба информационных потока начинают распространяться среди общности.

Поскольку И1 и И2 не тождественны друг другу, то данный процесс естественно рассматривать как **информационное противоборство** (конкуренцию, соперничество). Цель данного раздела – построить математическую модель этого процесса, из которой можно было бы получить динамику его развития по времени, (т.е. зависящие от времени t величины $N_1(t)$ и $N_2(t)$ числа «адептов», принявших информацию, распространяемую источниками «1», и «2»), а также определить его конечный результат – «победителя» или «проигравшего». Победителем считается тот, кто к моменту полного охвата изучаемой общности обеими видами информации сумел распространить свою информацию среди большего, чем соперник, числа членов общности, т.е. величины большей, чем $N_0/2$ – половины от общей численности общности N_0 . Здесь мы ограничимся ситуацией, когда в начальный момент $t_0 = 0$ величины $N_1(0)=0$ и $N_2(0)=0$, т.е. вначале число адептов в обеих группах равно нулю.

Основные модельные предположения (вполне аналогичные предположениям, сделанным при построении модели п.1) состоят в следующем:

1) *Каждый из потоков И1 и И2 распространяется среди общности по двум информационным каналам.*

Первый из них – «внешний» по отношению к общности. Интенсивность распространения информации по этому каналу для И1 характеризуется параметром $\alpha_1 > 0$, а для И2 – параметром $\alpha_2 > 0$, которые считаются не зависящими от времени. Второй, «внутренний» канал – межличностное общение членов социальной общности (его интенсивность для И1 характеризуется параметром $\beta_1 > 0$, а для И2

– параметром $\beta_2 > 0$, не зависящими от времени). В результате такого общения уже завербованные идеи «1» адепты (их число равно величине $N_1(t)$), влияя на ещё не завербованных членов (их численность равна величине $(N_0 - N_1(t) - N_2(t))$), вносят свой «личный» вклад в процесс вербовки. Точно так же завербованные идеи «2» адепты (их число равно величине $N_2(t)$), влияя на ещё не завербованных членов (их численность также равна величине $(N_0 - N_1(t) - N_2(t))$), вносят свой «личный» вклад в процесс вербовки.

2) *Скорости изменения числа адептов $N_1(t) - N_2(t)$ (т.е. число завербованных в единицу времени И1 и И2) складываются из:*

а) скоростей внешней вербовки (они пропорциональны произведениям интенсивностей α_1 и α_2 на числа действующих членов $(N_0 - N_1(t) - N_2(t))$, т.е. величинам $\alpha_1 (N_0 - N_1(t) - N_2(t))$ и $\alpha_2 (N_0 - N_1(t) - N_2(t))$), соответственно, для И1 и И2.

б) скоростей внутренней вербовки (они пропорциональны произведениям интенсивностей β_1 и β_2 на числа действующих адептов $N_1(t)$ и $N_2(t)$ и на числа не завербованных $(N_0 - N_1(t) - N_2(t))$, т.е. величинам $\beta_1 N_1(t) (N_0 - N_1(t) - N_2(t))$ и $\beta_2 N_2(t) (N_0 - N_1(t) - N_2(t))$), соответственно, для И1 и И2.

Заметим, что в отличие от п. 1 численность ещё не завербованных членов общности равна величине N_0 за вычетом числа членов, принявших уже не один, а оба вида информации (т.е. за вычетом суммы $N_1(t) + N_2(t)$). Заметим также, что предположения 1) и 2) можно трактовать следующим образом – ещё не завербованная к моменту t часть общности (её гипотетический «средний» представитель, первоначально нейтральный по отношению как к И1, так и к И2)

принимает информацию тем быстрее, чем сильнее информационное воздействие, распространяемое по указанным каналам (чем больше величины $\alpha_1, \beta_1, \alpha_2, \beta_2$). При этом, даже если воздействие И1 заведомо сильнее воздействия И2 (т.е. $\alpha_1 > \alpha_2, \beta_1 > \beta_2$), часть членов общности всё равно принимает И2 (т.е. нет полной монополии одного вида информации по отношению к другой).

Суммируя предположения 1 и 2, приходим к модели (2.1) (рис. 4),

Система нелинейных обыкновенных дифференциальных уравнений (2.1) (автономная динамическая система 2-го порядка) служит первоначальной моделью изучаемого процесса. Из неё при известных параметрах $N_0, \alpha_1, \beta_1, \alpha_2, \beta_2$ и начальных значениях численностей $N_{10} = N_1(t_0), N_{20} = N_2(t_0)$ аналитически или численно находят все искомые характеристики (в дальнейшем положим $t_0 = 0$). Будем называть её **моделью информационного противоборства**.

Оказывается, что для этой модели и для нулевых начальных данных $N_1(0) = N_2(0) = 0$ можно получить общее решение (интеграл системы (2.1)), которое имеет следующий вид:

$$\beta_2 N_2(t) = \alpha_2 (1 + \beta_1 N_1(t)/\alpha_1)^{\beta_2/\beta_1 - 1} \quad (2.2)$$

Подставляя (2.2) в первое из уравнений (2.1), можно найти (численно или аналитически) функцию $N_1(t)$, а по ней из (2.2) и функцию

$N_2(t)$, т.е. полностью решить поставленную задачу.

Не рассматривая подробно временную динамику информационного противоборства, изучим вопрос о «победителе» и «побеждённом», когда к моменту полного охвата изучаемой общности обеими видами информации «победитель» сумел распространить свою информацию среди большего, чем соперник, числа членов общности (в безразмерных переменных), т.е. величины большей, чем $N_0/2$ - половины от общей численности общности N_0 .

Из (2.2) требуется найти условия на параметры $\alpha_1, \beta_1, \alpha_2, \beta_2$ и N_0 , при которых побеждает и проигрывает (в указанном выше смысле) одна из двух распространяемых информационных (например, И1).

Очевидно, что в момент t_f (момент окончания процесса, когда любой член рассматриваемой общности «охвачен» либо информацией «1», либо информацией «2») справедливо (для безразмерных численностей) равенство

$$N_0 = N_1^f + N_2^f \text{ или } N_2^f = N_0 - N_1^f, \text{ где } N_1^f = N_1(t_f) \text{ и } N_2^f = N_2(t_f).$$

Подставляя его в (2.1), получаем условие «победы» И1 ($N_1^f > N_0/2$). Оно описывается следующим неравенством:

$$\alpha_2 < N_0 \beta_2 / 2 [(1 + \beta_1 N_0 / (2\alpha_1))^{\beta_2/\beta_1} - 1] \quad (2.3)$$

Соответственно, неравенство противоположного знака означает «победу» И2, или «поражение» И1.

$$dN_2/dt = (\alpha_2 + \beta_2 N(t))(N_0 - N_1(t) - N_2(t)) \quad (2.1)$$

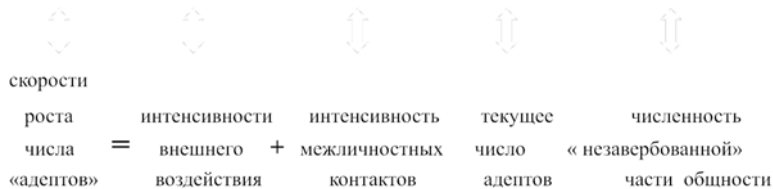

Рис. 4

Ограничимся анализом неравенства (2.3) в трёх нижеследующих частных случаях.

1) Пусть $\beta_2 = \beta_1$, т.е. *интенсивность внутренних (межличностных) каналов распространения И1 и И2 одинакова*. Тогда (2.3) превращается в очевидное неравенство для победы И1 и $\alpha_1 < \alpha_2$ для победы И2.

Тем самым, в рассматриваемой ситуации побеждает тот, кто обеспечивает более сильное внешнее информационное воздействие. Данный вывод представляется вполне разумным и понятным.

2) Пусть теперь $\alpha_1 = \alpha_2$, т.е. *интенсивности внешних каналов распространения информации И1 и И2 одинаковы*. Не приводя соответствующих выкладок, сформулируем результат: *в данном случае побеждает тот, чья информация более интенсивно распространяется по внутренним (межличностным) каналам* (т.е. при $\beta_1 > \beta_2$ верх одерживает первая сторона, а при $\beta_2 > \beta_1$ – вторая). Этот вывод, как и предыдущий, также понятен и легко интерпретируется.

3) Гораздо более разнообразные и нетривиальные результаты информационного противоборства имеют место *в общем случае, т.е. в случае, когда его исход определяется всеми характеристиками интенсивности распространения И1 и И2* как по внешнему, так и по внутреннему каналам. В качестве примера, имеющего относительно простое явное аналитическое решение, рассмотрим случай, когда интенсивность межличностного канала для И2 в два раза больше, чем для И1, т.е. $\beta_2 = 2\beta_1$ (не накладывая никаких других связей на параметры процесса). Заметим – в силу симметрии модели, (т.е. «равноправия» И1 и И2) данный случай эквивалентен

тому случаю $\beta_1 = 2\beta_2$. Неравенство (2.3) при условии «победы» информации «1» приобретает следующий вид

$$\alpha_2 < 4 \alpha_1^2 / (4 \alpha_1 + \beta_1 N_0), \quad (2.4)$$

содержащее все характеристики рассматриваемого процесса. В этом смысле оно является *системным условием*, приводящим к нетривиальным выводам.

Например, при фиксированных α_1, β_1 и относительно малых значениях $\beta_1 N_0$ по сравнению с α_1 оно превращается в условие

$$\alpha_1 < \alpha_2.$$

Это означает, что несмотря на заметное превосходство в распространении И2 по внутреннему каналу (соотношение $\beta_2 = 2\beta_1$), побеждает первая сторона (т.е. информация И1) за счёт (даже небольшого!) превосходства в распространении И1 по внешнему каналу (простое неравенство).

В противоположном случае для относительно больших значений $\beta_1 N_0$ неравенство (2.4) приобретает другой, более сложный, вид

$$\alpha_2 < 4\alpha_1^2 / \beta_1 N_0, \\ \text{или } \alpha_2 / \alpha_1 < 4\alpha_1 / \beta_1 N_0,$$

что в данной ситуации эквивалентно условию

$$\alpha_2 / 4\alpha_1 \ll 1 \text{ или } \alpha_2 \ll 4\alpha_1,$$

т.е. для победы первая сторона должна иметь значительное превосходство в распространении своей информации (т.е.) И1 по внешнему каналу.

Неравенство (2.4), как и подобное ему в общем случае (2.3) (т.е. при отсутствии соотношения $\beta_2 = 2\beta_1$), требует отдельного осмысления и интерпретации. Однако из него видно, что *у противоположных сторон существуют, в том числе в зависимости от величин N_0 - «емкости» социальной общности, весьма разнообразные возможности достигать победы, системно варьируя характеристики процесса.*

$$\alpha_2/4\alpha_1 \ll 1 \text{ или } \alpha_2 \ll 4\alpha_1,$$

т.е. для победы первая сторона должна иметь значительное превосходство в распространении своей информации (т.е.) И1 по внешнему каналу.

В заключение автор выражает благодарность проф., д.ф.-м.н. А.П. Михайлову за формулировку проблемы и полезные обсуждения.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (Утверждена приказом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537)

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Москва 2001 г., (утверждена Президентом Российской Федерации В.Путиным)

Сентября 2000 г., № Пр-1895
<http://www.netoscope.ru/docs/2001/01/16/315.html>

3. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. Москва, Книга и бизнес, 2007, 423 с.

4. Добренков В.И. Социально-гуманитарные проблемы информатизации и информационной безопасности современного глобального общества. М., 2001. 23 с.

5. Шерстюк В.П. МГУ: научные исследования в области информационной безопасности Журнал «Информационное общество», 2005 г., вып. 1

6. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирова-

ние в информационную эпоху, Вестник РАН, 2004, N. 9

7. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи, методы, примеры. Москва, Наука, 2001 г., 320 с.

8. Самарский А.А., Михайлов А.П. Методологические основы моделирования социальных процессов: пределы возможного. Математическое моделирование социальных процессов», вып. 3. М.: МГУ, 2000

9. Самарский А. Неизбежность новой методологии. «Коммунист», 1 (1335), январь 1989

10. Шретер В. Талибов просят помолчать, «Известия», 9.11.2001г.

11. Михайлов А.П., Ключев Н.В. О свойствах простейшей математической модели распространения информационной угрозы, вып. 4. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 115-123.

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (Утверждена приказом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537)

13. Михайлов А.П., Измоденова К.В. Об оптимальном управлении процессом распространения информации. Математическое моделирование, 2005, том 17, номер 5 С. 67-76

14. Михайлов А.П., Измоденова К.В. Об оптимальном управлении процессом распространения информации. Труды семинара «Математическое моделирование социальных процессов», Сборник, вып. 6. М.: МАКС Пресс, 2004.

Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию

Муравьев В.И., Прончев Г.Б.

В работе проанализирован процесс модернизации России с учетом исторического опыта и данных из текущей действительности. Обсуждается использование социальных сетей Интернета в экономической и политической сферах. Предлагаются возможные направления развития социальных сетей в Интернете в контексте продолжения модернизации России.

Ключевые слова: инновационное развитие, модернизация, социальные сети, Интернет.

Muraviev V.I., Pronchev G.B.

Social networking as the factor of Russia transition to innovative development

In our work we analyze the modernization process in Russia in the light of historical experience and data from the current reality. The using of Internet social networking in economic and political spheres discusses. Possible development directions for Internet social networking in the context of the continuing modernization of Russia suggest.

Keywords: Innovative development, modernization process, social networking, Internet

Введение

Сегодня российское общество вступает в необходимый для него процесс модернизации. Уже достаточно давно руководство Российского государства осознало, что завершиться этот процесс должен становлением в России инновационной экономики; еще в 2005 году авторы сборника «Инновационный путь развития для новой России» отмечали: «События первой половины первого десятилетия XXI в. ознаменовались качественным переломом в дискуссии о перспективах перехода экономики России к инновационному пути развития... Общество пришло к пониманию, что инновационный процесс имеет реальные перспективы только в том случае, когда инновационная составляющая станет доминантой функционирования всех компонентов системы хозяйствования»¹.

Процесс перехода к инновационному развитию идет тяжело. Как свидетельствует статистика, с 2001 по 2008 годы число инновационно-активных организаций в России выросло с 2066² до 2448³. Едва ли этот результат можно признать выдающимся: доля иннова-

ционно-активных предприятий в экономике осталась неизменной, — 9,6 %. Особую тревогу вызывает тот факт, что в период с 2006 по 2008 годы количество инновационно-активных российских предприятий уменьшилось с 2490⁴ до упомянутых 2448, хотя доля их в общем количестве российских предприятий за тот же период возросла с 9,4 % до 9,6 %.

Необходимость и безальтернативность модернизации, с одной стороны, и значительные трудности, которые современная модернизация встречает на своем пути, с другой, делают актуальным обращение к историческому опыту, изучение общих закономерностей российской модернизации, проявивших себя в ходе прошлых модернизаций России.

В последние годы в России значительное распространение получили социальные сети, возникшие внутри глобальной сети Интернет. Как показал опыт первых месяцев современной модернизации (начало которой как планомерного, направляемого государственной властью и, в известном смысле, революционного процесса, мы связываем с появлением программной статьи президента РФ Д.А.Медведева «Россия, вперед!», — впервые она была опубликована Интернет-ресурсом *gazeta.ru* 10 сентября 2009 года⁵), социальные сети могут быть успешно использованы в процессе перехода России к инновационному развитию. Как мы намерены показать в нашей статье, возможности использования социальных сетей в ходе модернизации обуславливаются общими закономерностями российской модернизации как специфического общественного процесса. Изучая исторический опыт, можно определить также те направления деятельности государства и граждан-

ского общества по переводу России на рельсы инновационного развития, на которых социальные сети еще не используются, но в принципе могут быть использованы с большой пользой для дела. Также будет затронут вопрос и об ограничениях, которые должны быть наложены на использование социальных сетей в Интернете для того, чтобы избежать проявления отрицательных внешних эффектов от их использования.

Российская модернизация как социальный процесс

В феврале 2008 года Д.А.Медведев, тогда еще кандидат в президенты Российской Федерации, выступая на V Экономическом форуме в Красноярске, обозначил следующие важнейшие характеристики экономики, перешедшей вставшей на инновационные рельсы: «Для новой экономики нужен принципиально иной подход: экономика стимулов к инновациям, а не экономика директив. Это означает необходимость опоры на частную инициативу, на мотивацию к созданию и повсеместному внедрению технологических новшеств. То есть таких решений, таких технологий, за счет которых можно выиграть конкуренцию не только на российском, но и на мировых рынках, за счет которых можно быть в чем-то все время лучше других»⁶. В процессе инновационного развития нас будет интересовать, прежде всего, начальный его период, — период перехода от стабильного развития (например, на основе «сырьевой экономики», как сегодня в России) к инновационному. Как нетрудно заметить, сам этот переход представляет собой инновацию, создающую основу для всех последующих инноваций. Но, в то же время он, — и часть предыдущего этапа обще-

ственного развития, он начинается в условиях старого, не подвергшегося еще модернизации общества.

Переход к инновационному развитию, как и всякий переход общества из одного состояния в другое, представляет собой определенную разновидность скачка, социальной революции. С этим трудно спорить по сути (потому что если не меняется качество общества, — едва ли происходящие изменения даже условно могут быть названы «модернизацией»), но форма нашего утверждения может вызвать отторжение из-за того, что в последние два десятка лет в российском обществе сложилось негативное отношение к самому слову «революция». Даже председатель ЦК партии, ведущий свою родословную от большевистской, доктор философских наук Г.А.Зюганов в середине 1990-х годов выступил с тезисом о том, что «Россия исчерпала свой лимит на революционные восстания»⁷, в публичных выступлениях нередко сокращавшийся даже до «лимита на революции». Такое отношение к термину «революция» объяснимо, но вряд ли его можно считать оправданным. Социальная революция — это вовсе не обязательно акт какого-либо «насилия над историей», а лишь качественное изменение общества, которое может происходить в различных формах (не обязательно насильственных) и с различными издержками (иногда весьма небольшими); великий русский ученый Д.И. Менделеев, уделявший немало внимания вопросам общественного развития, приводит следующий пример ненасильственной и малозатратной социальной революции: «Чтобы показать для людей, не освоившихся с тем языком, которым я заговорил, необходимость

и смысл действий революционных, мне кажется достаточно сказать, что освобождение крестьян я причисляю именно к таким действиям, а польза от освобождения крестьян, бесспорно, громадна»⁸. Резко отрицательное отношение к словосочетанию «социальная революция» не уничтожит социальных революций, зато «подарит» этот термин различным политическим экстремистам, которые, можно не сомневаться, сумеют использовать его с наибольшей пользой для себя и наибольшим вредом для стабильного и устойчивого развития общества.

Итак, переход к инновационному развитию — это определенная социальная революция. Социальная революция может происходить в различных формах, но есть определенные черты, свойственные всякой революции, всякому качественному изменению вообще. Чтобы выделить их, мы обратимся к творчеству великого немецкого философа Г.В.Ф.Гегеля, чей анализ протекания скачков в природе, обществе и мышлении, во многом, до сих пор остается непревзойденным, и, кроме того, обладает свободой от какой-либо политической нагрузки, чего, пожалуй, нельзя сказать ни об одном социологическом исследовании, посвященном этому явлению; для нас это особенно важно уже хотя бы в силу отмеченного выше негативного отношения к самому понятию «революция». Анализ условий и процесса скачка вообще дан Гегелем в труде «Наука логики», там же он констатировал и применимость этого анализа к различного рода скачкам в жизни общества, выражаясь следующим образом: «В области моральной, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественно-

го в качественное, и различные качества оказываются основанными на различии величин... именно через «большее» и «меньшее» справедливость переходит в несправедливость, добродетель в порок»⁹.

О скачке Гегель говорит следующее: «Дано отношение меры, некоторая самостоятельная реальность, качественно отличная от других. Такое для-себя-бытие, ввиду того, что оно в то же время по существу своему есть некоторое отношение определенных количеств, открыто для внешности и для количественного изменения; оно имеет простор, в пределах которого оно остается безразличным к этому изменению и не изменяет своего качества. Но возникает такая точка этого изменения количественного, в которой изменяется качество, определенное количество оказывается специфицирующим, так что измененное количественное отношение превращается в некоторую меру и тем самым в новое качество, в новое нечто»¹⁰. Из этого изложения можно выделить ряд важных свойств революции. Во-первых, она происходит всегда при наличии предшествующих количественных изменений, ведущих к ней; в случае с переходом к инновационному развитию ясно, что он невозможен без накопления определенных средств, которые будут на него затрачены, без подготовки определенного количества людей, которые составят его «ударные отряды», без принятия определенного количества законодательных актов, которые составят юридическую базу модернизации, и так далее. Во-вторых, сами по себе количественные изменения, до некоторого момента, к скачку не приводят, они даже вполне могут быть «подавлены» старым каче-

ством: накопленные средства могут быть «проедены», специалисты найдут себе высокооплачиваемую работу в сфере добычи сырья, законы не будут работать за отсутствием объекта их приложения. В-третьих, для скачка необходимо накопление определенной массы количественных изменений, которые, при своем наличии, с необходимостью приводят к скачку. В-четвертых, результатом скачка является появление нового качества.

Гегель продолжает свой анализ: «Но постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной его стороны; предшествующее количественное отношение, бесконечно близкое к последующему, все еще есть другое качественное существование. Поэтому с качественной стороны абсолютно прерывается чисто количественное постепенное движение вперед, не составляющее границы в себе самом; так как появляющееся новое качество по своему чисто количественному соотношению есть по сравнению с исчезающим неопределенно другое, безразличное качество, то переход есть скачок; оба качества положены как совершенно внешние друг другу»¹¹, — конкретизируя соотношение количественного и качественного в ходе скачка. Новое качество, возникающее в ходе скачка, отрицает старое, является «совершенно внешним» по отношению к нему, даже старые мерки к новому качеству оказываются, по существу, неприменимыми; так, предприятия, активно внедряющие инновации в свою деятельность, могут достаточно долго приносить своим владельцам существенно меньше прибыли, чем «старые», их открытие связано с существенно более высокими рисками, внедрение новых тех-

нологий может привести к совершенно неожиданным, неизученным вредным последствиям, — но все это не должно и не может останавливать общество, желающее избавиться от влияния «нефтегазовой конъюнктуры».

Новое качество общества отрицает старое, — но наряду с отрицанием в «снятии» старого присутствует и момент удержания предшествующего состояния: «...снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено»¹². Так, переход на путь инновационного развития не уничтожит добывающие отрасли промышленности, российское сырье в тех или иных объемах продолжит поставляться тем странам, которые в этом нуждаются.

Чтобы понять специфику российской модернизации, гегелевский анализ революции целесообразно дополнить достижениями русской социальной мысли времен, предшествовавших величайшим в истории России модернизациям, — имперской и большевистской. В трудах выдающихся русских социальных мыслителей, — И.Т.Посошкова, В.В.Розанова, Д.И.Менделеева, — можно обнаружить такое осмысление общественных процессов, содержащее **взгляд в будущее**, позволяющий связать их анализ с последующими модернизациями; и взгляд этот выражен не в фантастической форме, не носит характер лишь мечты, а сохраняет связь с условиями тогдашнего настоящего и, кроме того, носит научный и, в широком смысле слова, социологический характер

Вначале обратимся к творчеству И.Т.Посошкова. Чтобы обосновать принадлежность труда Посошкова «Книга о скудости и богатстве» именно к эпохе кануна модерниза-

ции, укажем на некоторые биографические моменты. Иван Тимофеевич Посошков родился в 1652 году в крестьянской семье и, как замечает исследователь Стенник, «сформировался в атмосфере домоостроевского уклада Московской Руси времени царствования Алексея Михайловича»¹³. Творя в годы петровских реформ, Посошков был «человеком двух миров»: большую часть жизни он прожил в допетровское время, а потому на протяжении его жизни (Посошков умер в 1726 году в тюрьме) мог смотреть только как «человек из прошлого», смотрящий в будущее.

Посошков не занимается описанием современной ему действительности, хотя конкретные факты, относящиеся к прошлому и настоящему, в его сочинении приводятся в немалом числе; он видит в прошлом и в современных ему условиях существенные недостатки, и вся его работа подчинена, по существу, одной цели: указать пути их исправления, которое и должно свершиться в будущем, в ходе модернизации.

Одним из важнейших условий для самого существования Российского государства Посошков считал налаженность дел у купеческого сословия: «...без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стоять не может»¹⁴. Неудивительно, что именно говоря о купечестве, Посошков в начале своего трактата высказывает мысль, которая очень важна для понимания специфики любой российской модернизации: «Купечество у нас в России чинится вельми неправо: друг друга обманывают и друг друга обидят, товары худые закрашивают добрыми, и вместо добрых продают худые, а цену берут непрямую, и между собою союзства нimalого

не имеют, друг друга едят и тако все погибают, а в зарубежных торгах компанства между собою не имеют, и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества»¹⁵. В России, с ее огромной территорией, соединившей под властью одного государства множество народов и культур, множество непохожих друг на друга и, в то же время, находящихся в теснейшей зависимости друг от друга отраслей хозяйства, одна лишь частная инициатива, не ограниченная хотя бы в некоторой мере рамками «товарищества» и планомерности, может погубить любое дело. В особенности это касается перехода к инновационному развитию, поскольку всякое внедрение инноваций предполагает значительные риски, и общество просто не может допустить, чтобы они умножались на риски, простирающиеся из ничем не ограниченной частной инициативы. Показательные в этом смысле примеры можно найти в книге Е.М.Примакова «Мир без России?»: «Начавшаяся перестройка структуры экономики отразилась в том, что уже к 2007 году почти две трети ВВП были созданы за счет внутреннего фактора – строительства, торговли, обрабатывающей промышленности. Инвестиции в эти сферы экономики осуществлялись частнопредпринимательскими структурами, как правило, не занятыми в сырьевом секторе экономики. Однако опять чисто рыночный регулятор привел к тому, что в областях экономики, которые создают ВВП, обрабатывающая промышленность оказалась на последнем месте и инвестиции обошли стороной целый ряд важных для России отраслей и производств. Лишь государство своим непосредственным участием могло выправить положение»¹⁶.

У Посошкова появляется идея, которую современным языком можно выразить так: для успешного проведения модернизации в России необходимо создание между ее гражданами отношений относительного равенства, при том это должно быть равенство в каком-либо существенном, а не второстепенном отношении. Иван Тихонович развивает данную мысль, говоря на чрезвычайно важную для себя тему справедливого суда: «А еще учинен будет суд равный, каков простолудину, таков и без понаровки и офицеру; то и нехотя все прыткость свою отложат, и будут ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирах, но и на пути по прежнему никого обидеть не будут»¹⁷. Здесь же выдающийся русский мыслитель затрагивает еще один немаловажный момент: модернизации могут помешать не только силы, интересам которых она угрожает («продажные чиновники и ничего не предпринимающие «предприниматели»», если пользоваться терминами президента Медведева), но и сами активные участники модернизации (в данном случае — офицеры новой, петровской армии), — в том случае, если зазнаются, потеряют связь с народом; и здесь ходу модернизации особенно должно помочь создание условий относительного равенства.

Другая черта российской модернизации, подмеченная Посошковым, — необходимость учета передового международного опыта. Эта сторона тоже раскрывается мыслителем в ее отношении к вопросу судебного: «Мнеся мнит: паче всякого дела надлежит старатися о правом суде, и аще правосудие у нас уставится, то все люди будут боятися неправды: всему добру основание — нелицеприятный суд!.. И того ради надлежит сочи-

нить правосудную книгу с подлинным разсуждением на всякия дела... И к тем Русским рассуждениям прежним и нынешним приложить из Немецких судебных, и кои статьи из иноземных уставов будут к нашему правлению пригодны, то те статьи взять, и присовокупить к нашему судебнику. И лучшего ради исправления надлежит и Турецкой судебник перевести на Славянской язык, и прочие их судебные и гражданского устава порядки управительные переписать, и кои сличны нам, тобы тые и от них принять; слышно бо о них, яко всякому правлению расположено у них ясно и праведно паче Немецкаго правления»¹⁸. Но заимствованием элементов иностранной культуры, которые могут быть успешно использованы в ходе модернизации, связь происходящего в России с международным положением не ограничивается. Посошков обращает внимание еще и на положение России в мире, на образ России в глазах народов соседних стран и остального мира в целом: «И писать бы не токмо крепостныя, но и приказныя всякия письма, писали бы строк по пятидесяти и больше на странице. Сие вельми дивно, что во всем свете пишут мелким письмом, а на нас все окрестныя государства бумаги напасты не могут»¹⁹.

По вопросу о силах, противодействующих модернизации России (одним из главных орудий которой были указы императора Петра), Посошков отмечает следующее: «И того ради всякие дела Государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества недействительны: ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатным нарывают, а власть имут и дерзновение токмо над самыми маломочными

людьми, а нарочитым дворяном не смеют и слова воспретительного изрещи, но как кому что угодно, так то и чинят; и за тем всякия дела и неисправны суть»²⁰, - что заставляет вспомнить критику «продажных чиновников», принятую Д.А.Медведевым.

Перейдем к социальной мысли кануна второй великой модернизации России, - большевистской. Рассмотрим вначале творчество В.В.Розанова. Вот он нападает на начальство вообще, на самый принцип начальствования: «Для меня несомненно, что исчезновение «начальства», таяние его как снега перед солнцем... вернее - перед весною... начинается и всегда начнется по мере возрождения в человеке благородства, чистоты и невинности. Это - тот огонь, в котором плавятся все оковы»²¹, - и мыслителя, прочитав это, можно было бы заподозрить в анархизме. Но если присмотреться внимательнее, - в этом бунте против «начальства», в этом «анархическом» порыве можно рассмотреть глубокий и вполне разумный смысл. Вспомним статью Д.А.Медведева «Россия, вперед!»: «Энергоэффективность и производительность труда большинства наших предприятий позорно низки. Но это полбеда. Беда в том, что, похоже, это не очень волнует владельцев, директоров, главных инженеров и чиновников»²². Вот, в чем глубинный смысл выступления Розанова против «начальства»: это выступление против тех «начальников» экономики и политики, благодаря которым Россия пребывает теперь (и пребывала тогда, только уровень общественного развития в целом был иным) в «оковах» низкой производительности труда и энергоэффективности. Заметим, что Розанов не говорит об уничтожении начальников (физи-

ческом или каком-либо еще). Он говорит именно об исчезновении такого «начальства» как общественного отношения, обеспечивающего, выражаясь словами президента России, «воспроизводство текущей модели, но не развитие ее»²³. Сопоставление современных условий с условиями вековой давности и мыслей, господствовавших в эти эпохи, ясно указывает на то, что Розанов подметил здесь одну из характерных для России проблем, без решения которой невозможен переход к инновационному развитию, – да и вообще всякое развитие затруднительно. А преодоление проблемы «начальства», – это не что иное, как создание на определенное время – условий относительного равенства между участниками модернизации.

В период модернизации особое значение приобретает компетентность осуществляющих ее, – и руководителей, и рядовых исполнителей: от принимаемых ими решений зависит, будут ли накоплены необходимые для скачка ресурсы, каковы будут вредные последствия скачка и будут ли они вообще; России это касается, быть может, больше, чем любой иной страны (слишком уж катастрофическими могут быть последствия неверных, непродуманных решений). Розанов не оставляет без внимания и эту сторону дела: «Революция – отдел науки. Прежде всего, в ней бездна научных элементов, она вся копошится научными теориями, и все ее двигатели читают и перечитывают книжки и брошюры, – думают, спорят... Революция – отдел науки. И потому-то она непобедима»²⁴.

Еще одна актуальная сегодня мысль Розанова: «Где-нибудь в одном пункте России для каждой категории вещей и дел должен быть дан идеал»²⁵. Вникнув в

нее, мы легко поймем смысл таких мероприятий, как уже начатое создание инновационного центра в Сколково и планируемое создание ряда подобных центров в других городах России (например, инновационного университетского центра социальной интеграции инвалидов, который должен быть создан в Башкортостане²⁶): нынешнее руководство России, очевидно, так же осознает необходимость «дать идеалы» для всех направлений инновационного развития.

Наконец, Василий Васильевич ставит вопрос, приобретающий особую актуальность в ходе всякой модернизации России: вопрос о ревизии или, лучше сказать, переборе традиций, отделении действительно важного и полезного в историческом наследии от тех частей прошлого, которые необходимо в прошлом и оставить. «Но о качествах можно и не спорить, остановившись просто на том факте, что каждый из нас лично получает даром богатство форм труда, мысли, всех житейских отношений, над которым лично ему не нужно нисколько думать, работать и заботиться. Связанность с этою действительностью, связанность кровная, нравственная, минутами возвышающаяся до лиризма, и образует консерватизм. Однако есть ли консерватизм что-нибудь жесткое и застойное? Многие консерватизм отождествляют с застоєм, но это совсем неправильно. Кто хочет застой, тот ищет вреда своей родине: ибо как организм портится и умирает от застоя крови, и даже машина, если она стоит, тоже ржавеет и портится, так никакая решительно цивилизация и никакая жизнь народная не может, иначе как ненадолго и всегда ко вреду для себя, остановиться»²⁷, – отмечает Розанов, констатируя, что никакое развитие не-

возможно без опоры на то, что «получено даром» из прошлого; но он же говорит об истории России: «Россия — страна великих обещаний и, вместе, очень тяжелых снов. Ну, какие у нас золотые грезы о прошлом? Давит, как кошмар. Это сплошной плач и ужас»²⁸. Отдельно останавливается Розанов на роли «традиций» в современном ему обществе: «На самом деле мелкий чиновник, который вздумал бы, следуя присяге, стать попереки тех хищений, которыми у нас прославились некоторые ведомства, был бы немедленно выброшен из службы «за неблагонадежность», «строптивость» или, вернее всего, под самым невинным предлогом «нерадивости по службе», в чем компетентно, и безотчетно компетентно, одно его начальство. Таким образом, все у нас живут традициями, «установленными приемами жизни», чем угодно, но не законом и законностью»²⁹ [10, 161 с.]. Обратившись к современности, мы увидим, что эту тему не обошел стороной и президент России: «Что касается традиций — их влияние, конечно, значительно. Но они, вписываясь в каждую новую эпоху, все же претерпевают изменения. Некоторые из них просто исчезают. Да и не все они полезны. Для меня традиции — это только неоспоримые ценности, которые надо беречь. Это межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу. А взяточничество, воровство, умственная и душевная лень, пьянство — пороки, оскорбляющие наши традиции. От них следует избавляться самым решительным образом»³⁰.

Социологическое наследие Д.И. Менделеева, представлено, прежде всего, «Заветными мыслями»,

- завещанием ученого будущим поколениям, в котором освещаются острые вопросы общественного развития. Менделеев всегда подчеркивал значение эволюционной составляющей развития, постепенного, «незаметного» движения вперед: «Чтобы быть понятным по существу, прежде всего, мне следует сказать, что со своей стороны я понимаю совершенную необходимость в гражданской жизни как мер решительно-резких, так и осторожно-постепенных, или, иначе, как революционных, так и эволюционных действий как со стороны власти, так и со стороны общей массы, но эволюционным влияниям придаю гораздо большее значение, чем революционным»³¹. Это замечание особенно актуально для России, с отмеченной еще Гоголем любовью ее народа к «быстрой езде» (о чем Розанов высказался резко: «...мы, русские, так в чем не знаем меры»³²): излишняя поспешность в проведении модернизации, недостаточное внимание к эволюционным изменениям, которые, с одной стороны, предшествуют скачку и являются его необходимым условием, с другой, — продолжают этап развития, начатый скачком, и закрепляют его результаты, может привести (и в истории России нередко приводило) к крайне тяжелым, даже губительным для государства последствиям.

Не укрылся от взора Менделеева и процесс глобализации: «Уж хоть бы то одно, что теперь в отличие от недавнего прошлого стала очевидной для всех, даже для китайцев, бедуинов, негров, зависимость народов друг от друга и общая связь множества насущнейших интересов, казавшихся сперва лишь частными, а особенно неизбежность найти в будущем какой-нибудь способ общей жиз-

ни для согласования своих действий с общечеловеческими»³³. Его идеи перекликаются с мыслями президента Медведева: «Как следствие – на уровне глобальных экономических процессов влияние России, прямо скажем, не так велико, как нам бы хотелось. Конечно, в эпоху глобализации влияние любой страны не может быть абсолютным. Это было бы даже вредно. Но возможности нашей страны должны быть значительными, подбаюющими исторической роли России».

Не обходит стороной Менделеев и вопрос о необходимости ограничения частной инициативы ради общественных интересов. Дмитрий Иванович достаточно решительно высказался в пользу кооперативных предприятий, попутно настаивая на активном государственном и общественном контроле за деятельностью владельцев капитала: «Таким образом скопленный капитал, составляя основной нерв видов промышленности, по своему существу много содействует обеспеченности и всему благу народному и находится в исторической связи с развитием видов народной обеспеченности и с накоплением богатства, но, начавши действовать лишь сравнительно недавно – всего одно или два столетия, капитал еще требует многих разумных общественных и правительственных усилий для того, чтобы при помощи его не возникли виды монополизации потребителей (возвышение цен товара) и производителей (понижения ценности труда участников), что, по всей видимости, полнее всего может быть достигнуто кооперативными предприятиями промышленно-торгового характера»³⁴.

Менделеев не мог не сказать о роли просвещения в процессе модернизации: «Просвещение стра-

ны, т.е. нахождение в ней не только сознательной и грамотной массы, но и значительного количества лиц, получивших высшее, специализированное образование и могущих сами идти и других вести вперед, конечно, одно, само по себе, без развития (т.е. при застое) промышленного и общего административного строя не может ничего существенного доставить для общего блага, но первое непременно вызовет потребность в последнем, потому что – помимо уродливых изъятий – истинное просвещение всегда возбуждает, во-первых, любовь к труду, во-вторых, умножение всяких потребностей и, в-третьих, склонность ко всякого рода улучшениям быта как своего, так и окружающего»³⁵.

Наконец, Менделеев поднимает вопрос о роли самых широких масс народа в процессе модернизации, вопрос, выражаясь современным языком, социальной мобилизации: «Время инертной неподвижности масс, поглощенных в одни свои личные интересы и толкаемых или подвигаемых только отдельными единицами, было, да прошло или окончательно проходит; пришло же или вот-вот наступит время иное, когда все почти частицы массы, по-видимому, беспричинно шевелятся и тем самым выдвигают выдающиеся, переловые единицы»³⁶.

Взглянем на процесс модернизации России в целом. Это – процесс качественного изменения российского общества, идущий на основе достижений предшествующей общественной эволюции, использующий созданные и сохраненные в ходе этой эволюции ресурсы и сложившиеся в прошлом общественные институты (здесь уместно будет вспомнить о том, например, что Советы – органы народного пред-

ставительства, благодаря деятельности которых стала возможной большевистская модернизация, возникли до Октябрьской революции, и возникли стихийно, опираясь на богатейшую традицию русского народного самоуправления, идущую если и не прямо от вечевой системы, то, по крайней мере, от Совета всея земли – руководящего органа национально-освободительного движения эпохи Смутного времени; также и имперская модернизация опиралась, во всяком случае, на самодержавную традицию, которая и сделала возможной проведение множества модернизационных мероприятий по одним лишь царским указам, без дальнейших согласований с кем-либо). В ходе модернизации России происходит перебор традиций: многие из них отбрасываются (и это может достаточно болезненно восприниматься современниками), но если и не лучшие (мы не позволим себе столь смелых суждений), то наиболее соответствующие потребностям модернизации – сохраняются, наряду с отрицанием прошлого, происходит и возвращение к прошлому опыту, прославление отдельных его страниц. Процесс модернизации возглавляется государственной властью; при этом, в состав власти могут рекрутироваться выходцы из народных низов (так, в ходе имперской модернизации выдвинулись Меншиков, Демидовы и другие подобные деятели; сам цитируемый нами Посошков – выходец из крестьян), или даже сама власть может быть властью бывших низов и примкнувшей к ним бывшей же контрэлиты (так было на начальном этапе большевистской модернизации), но российская модернизация – это всегда процесс, управляемый и направляемый сверху, идущий по заранее намеченному плану, а не

силой частной инициативы при благожелательном нейтралитете государственной власти. В ходе модернизации России между и рядовыми ее участниками, и занимающими руководящие должности возникает (по крайней мере, должно возникать – и в смысле долженствования, и в смысле объективной тенденции) отношение относительного равенства. Обновляемая Россия использует передовой иностранный опыт; и руководители, и рядовые участники модернизации уделяют значительное внимание тому, каковы будут международные последствия модернизации. Процесс модернизации встречает сопротивление со стороны сил, получавших значительную выгоду от нахождения России в прежнем состоянии, в особенности если в новом состоянии выгод для них не предвидится; среди них выделяются отдельные работники государственного аппарата, «продажные чиновники». В ходе модернизации создается центр (или ряд центров), на которые должно равняться все государство; при этом, они могут быть как созданы практически с нуля (так в ходе имперской модернизации возникла столица Российской империи, Санкт-Петербург; советский аналог – многие из «великих строек» 30-ых годов), так и получены путем значительного преобразования уже существующих городов (в ходе большевистской модернизации такими центрами стали Москва и Ленинград; в ходе современной, вероятно, подобной чести удостоится Сколково).

Равенство в социальных сетях как основа их использования в процессе модернизации

Социальные сети вообще возникли задолго до появления глобальной сети Интернет. Российс-

кий исследователь Александр Беленький определил социальную сеть как «социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются социальные объекты (в том числе люди), и связей между ними. Под связями понимаются не только коммуникационные взаимодействия между узлами, но и связи по обмену различными ресурсами, взаимодействия, касающиеся с совместной деятельностью»³⁷. Вполне правомочным, если исходить из этого определения, представляется взгляд, согласно которому социальные сети появились вместе с человеческим обществом: с необходимостью возникавшие связи между первобытными охотниками и собирателями, поводом для которых была добыча еды и иных ресурсов и их распределение внутри общин, объединяли первых сознательных жителей Земли в социальные сети. Такой вывод подтверждается и некоторыми конкретными эмпирическими исследованиями. Так, шведский археолог М.Артуссон (Университет Готенбурга) открыл, что еще в бронзовом веке управление в обществе осуществлялось по принципам, напоминающим те, на которых строится работа социальных сетей: «В 2300—500 годах до нашей эры общество было разделено на небольшие объединения под руководством старейшин и наиболее влиятельных семейств. Именно на уровне этих семейств и происходило урегулирование внутренних вопросов, принимались решения в сфере внешней политики и торговли. В чем-то административный уклад в бронзовом веке напоминал местное самоуправление, правда, без общего центра. Таким образом, частные вопросы решались внутри микроселений, а для более серьезных целей созы-

вался совет, состоящий из представителей всех входящих в городище поселений»³⁸. Сам Интернет может быть представлен как одна из социальных сетей³⁹.

Современный этап общественного развития, характеризующийся широким распространением новейших информационных технологий, заставляет нас сосредоточить свое внимание на социальных сетях, существующих внутри глобальной сети Интернет. Их история насчитывает примерно полтора десятка лет, — именно такой промежуток времени отделяет от наших дней период возникновения первых социальных Интернет-ресурсов, получивших общественное признание. Американская исследовательница Клара Ших пишет о них так: «Начав в далеком 1995 году, пионеры онлайнового социального нетворкинга Classmates.com, SixKegrees.com и Friendster ввели понятие о профиле пользователя и его связях с друзьями. Эти сайты проложили путь популярным ныне сайтам, включающим Facebook, MySpace, LinkedIn, krkut, Hi5 и CyWorld, на каждом из которых сейчас зарегистрированы десятки и сотни миллионов пользователей по всему миру»⁴⁰; к перечисленным ею ресурсам смело можно добавить отечественные «В контакте» и «Одноклассники», — эти проекты начали свою работу в 2006 году. Уже в первых социальных сетях обнаружили себя необходимые их составляющие: профили пользователей (иначе называемые «учетными записями»), являющиеся узлами социальных сетей, и фиксируемые с помощью технических средств отношения между ними внутри сети (подобные упомянутой «дружбе»), составляющие связи между узлами. Примерно в одно время с первыми социальными се-

тиями появились и первые Интернет-дневники (блоги); появление самого термина «веблог», позже сократившегося до «блог», исследователи относят к 1997 году⁴¹. Постепенно сложилась особая социальная сеть, состоящая из сетевых дневников и ссылок, которые их авторы, по собственной воле или воле владельцев определенной блог-платформы, дают друг на друга, – блогосфера: «Ссылки на другие блоги включают вас в блогосферу: как уже говорилось, поисковые машины учитывают в рейтинге страницы количество ссылок, ведущих в блог и из него»⁴².

Как можно понять из сказанного выше, социальные сети в Интернете – это не объединение людей, но совокупность связанных между собой продуктов человеческой деятельности – учетных записей, хранящихся на компьютерах, включенных в глобальную сеть Интернет. Эти продукты могут существовать вне человеческого общества (хотя в последнем случае они и утратят то значение, которое имеют в социуме), они не есть нечто совершенно оторванное от их создателей. Учетные записи всегда несут на себе индивидуализированный отпечаток своих создателей, поскольку имеют словесное содержание, описывающее определенную личность. Даже когда учетная запись создается от чужого имени, она отражает определенные черты личности настоящего своего творца, – например, его отношение к человеку, от имени которого создана запись. Данные конкретных эмпирических исследований подтверждают тот факт, что учетные записи в социальных сетях достаточно точно отражают действительные свойства своих владельцев; в частности, в 2009 году американский пси-

холог С.Гослингом и его коллеги по Техасскому университету исследовали 236 учетных записей в американских («Facebook») и немецких («StudiVZ», «SchuelerVZ») социальных сетях, принадлежащих людям студенческого возраста, и сделали вывод, «что профили в социальных сетях Интернета передают практически точные образы владельцев профиля»⁴³.

В целом, социальные сети, содержащие информацию о людях и связях между ними, являются, таким образом, хранилищем информации об общественных отношениях, или, выражаясь иначе, хранилищем материализованных и оторванных от людей (определенные связи между учетными записями в социальных сетях будут существовать, даже если все люди исчезнут) общественных отношений.

Отношения между пользователями социальных сетей, если рассматривать их только как пользователей, отвлекаясь от остальных социальных качеств этих людей, – это отношения равенства: все они являются пользователями сети, делятся с нею определенной частью своих персональных данных и получают доступ к определенным ресурсам, предоставляемым ее создателями. Когда в социальных сетях возникает неравенство (например, пользователи имеют возможность полностью закрыть для других доступ к своим личным данным или ограничить его), оно определенным образом уравнивается (как пользователь может закрыть другим доступ к своим данным, так и другие пользователи могут закрыть ему доступ к своим).

Равенство между пользователями социальной сети не уничтожает неравенства между этими пользователями в обыденной жизни. Это – не некое абсолютное ра-

венство, не «уравниловка», а относительное равенство, уживающиеся с существующими различиями. Отметим, что разница между относительным равенством и «уравниловкой» давно осознана отечественной социальной мыслью. Для примера обратимся к Отчетному докладу XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), зачитанному на том съезде одним из вождей большевистской модернизации, И.В.Сталиным: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т.е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма»⁴⁴. Как видим, даже в не самые лучшие для отечественной социологии годы разница между «уравниловкой» и относительным равенством, не только не исключаяющим сопутствующим неравенства, но и предполагающим их, была достаточно ясна и для людей науки (несомненно, принимавших участие в работе над докладом), и для руководителей государства.

Ясна важность относительного равенства и совсем уж далеким от приверженности «уравниловке» современным исследователям социальных сетей. Говоря о начальном периоде существования «Facebook», Клара Ших отмечает: «Facebook также разумно использовал наличие университетского электронного адреса для подтверждения того, что все, кто пытается зарегистрироваться в системе, являются студентами университета, что внесло важный элемент доверия в нее. С помощью этого эффективного метода проверки онлайн-идентичности Facebook стал точным отражением офлайн-мира в онлайн-мире. Влияние друзей приводит почти к 100-процентному участию в социальной сети студентов университетов, поскольку никто не хочет «выпасть из жизни». Выпускники, разъезжающиеся в разные стороны света, тоже хотят оставаться на связи друг с другом. По замыслу разработчиков, все пользователи сетей Facebook имеют что-то общее. И наоборот: пользователи многих социальных сетей первых поколений теряли к ним интерес, когда качество их сетей оказывалось «разбавленным» посторонними людьми. В отсутствие доверенной идентичности и ясного протокола приема или отвержения запросов о приеме в друзья социальные сети деградируют, заполняясь посторонними людьми и становясь источником спама и мусора»⁴⁵. Как видим, по мнению исследовательницы именно относительное равенство пользователей «Facebook» (между ними было «что-то общее», в чем все они были равны) способствовало успеху данной сети, а проникновение в другие социальные сети неравенства (появление «посторонних») уничтожало их. Также Ших заме-

чает, что, благодаря относительному равенству пользователей, в социальных сетях складывается особая атмосфера: «Сообщества на сайтах социальных сетей воспринимаются своими участниками как более реальные и персональные. Каждое сообщение сопровождается именем и фотографией автора и описанием его сети. В зависимости от его настроек приватности вы можете щелкнуть по его имени и увидеть его профиль, написать ему или предложить ему статью другом. Поскольку никто не выступает анонимно, люди ощущают определенный уровень ответственности в своих действиях»⁴⁶. Любопытно, что при общении в блогосфере различие последствий относительного равенства и «уровнировки» проявляется особенно рельефно: «Разговорный стиль на письме — не совсем то же, что разговорная речь. Автор должен внимательно писать текст, а после тщательно его редактировать. Суть разговорного письма — в особой стилистике: разговорный текст должен быть простым (без жаргона и цветистости), притягательным (дружеским, предполагающим ответ), откровенным (искренним, а не рекламным), деловитым (говорите по существу) и занимательным (не забывайте о юморе)»⁴⁷. Таким образом, если поддержание относительного равенства (читатели Интернет-дневника поощряются к написанию ответов, в тексте разговор идет, главным образом, по существу дела, что соответствует интересам читателей) способствует успеху сообщений, то «уровнировка» (например, использование жаргона, которым могут пользоваться в обыденной жизни и читатели) приводит к противоположным последствиям.

Как отмечено ранее, отношение относительного равенства возника-

ет (должно возникать) между всеми участниками российской модернизации, об этом свидетельствует исторический опыт. Неудивительно, что именно на этом направлении российской модернизации сегодня активно используются социальные сети, в частности — блогосфера. Особенно важен опыт деятельности в блогосфере президента Российской Федерации Д.А. Медведева. Им был создан ряд Интернет-дневников, первый — на основе Интернет-ресурса kremlin.ru, последующие — на основе популярных международных блог-платформ («Живой журнал», «Twitter» и других).

Показательна история, произошедшая в мае 2009 года. 10 мая 2009 года один из пользователей «Живого журнала» оставил в Интернет-дневнике президента России следующий комментарий к записи, посвященной Великой Отечественной войне: *«Это все замечательно, но, допустим, в Краснодаре ветераны на праздник не смогли прийти к Вечному огню. Уже полгода продолжается его реконструкция. В то же время буквально две недели назад в двух кварталах от мемориала открылись два многомиллионных проекта — «триумфальная арка» и комплекс «святая Екатерина». Около вечно огня работ практически не ведется — разве что выкорчеваны деревья и установлен барельеф, изображающий казаков, почему-то вооруженных АК. В результате краснодарцы возлагали цветы к металлическому забору, ограждающему Вечный огонь. Хотелось бы услышать Вашу оценку ситуации»*⁴⁸. 15 мая президент лично ответил на этот комментарий, выложив изображение листа бумаги, на котором распечатанным текстом комментария была написана короткая ре-

золюция: «Разберитесь. Накажите виновных. Доложите в трехдневный срок»⁴⁹.

В данном случае президенту, благодаря использованию возможностей блогосферы, удалось совершить действие, удовлетворяющее сразу нескольким условиям проведения успешной модернизации России.

Во-первых, ответив на комментарий рядового пользователя «Живого журнала», президент поставил себя в условия относительного равенства с ним и вообще, по меньшей мере, с гражданами России, которые имеют доступ к Интернету. Именно это относительное уравнивание президента и рядовых пользователей создало ту основу, на которой появилась возможность для проявления остальных полезных эффектов. Во-вторых, благодаря комментарию этого пользователя президент получил информацию, необходимую для оперативного принятия решений, способствующих сохранению традиции, сохранение которой чрезвычайно важно для успешного хода модернизации (память о Победе). В-третьих, благодаря своему Интернет-дневнику президент Медведев и Российское государство, которое он представляет, получили дополнительный канал обратной связи с гражданским обществом, что необходимо для успешного функционирования государственного аппарата, управляющего процессом перехода к инновационному развитию.

Как показал дальнейший ход событий, сами Интернет-дневники президента России сделались своеобразным центром модернизации, на который, со временем, стали равняться, по крайней мере, некоторые из других руководителей государства. На сегодня, по имеющимся у нас данным,

Интернет-дневники появились у руководителей таких регионов, как Республика Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Карелия, Хакасия и Чечня, Алтайский и Пермский края, Амурская, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Кировская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Свердловская, Тверская, Тюменская, Ульяновская и Челябинская области. Также с рядовыми участниками блогосферы уравнивали себя глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Иванов и глава корпорации «Российские железные дороги» Якунин. Список исчерпывающим не является. Едва ли можно сомневаться в том, что побудительной причиной для создания Интернет-дневников перечисленных руководителей России стала возможность для них относительно уравнивать себя с президентом РФ посредством деятельности в блогосфере.

О дальнейших перспективах и возможных издержках использования социальных сетей в процессе модернизации

Вспомнив о том, как выглядит процесс модернизации России в целом, и проанализировав существующий опыт использования социальных сетей в экономической и политической сферах, можно выделить возможные направления будущего использования социальных сетей в Интернете.

Первое направление — социальная мобилизация. К.Ших приводит пример из избирательной кампании президента США Обамы, которому, с помощью социальных сетей, удалось не только «собрать «медными деньгами»

почти миллиард долларов взносов простых людей»⁵⁰, но и найти волонтеров в графстве Гаррисон (штат Индиана), которое было «настоящей вотчиной Республиканской партии»⁵¹.

Второе направление - распределение специалистов по таким местам работы, где каждый из них сможет принести наибольшую пользу⁵². Важность разумного и осторожного использования человеческих ресурсов в процессе модернизации очевидна.

Третье направление — выработка новых идей, что чрезвычайно важно при переходе к инновационному развитию. Социальные сети помогают создать необходимую для этого атмосферу⁵³, оперативно собрать информацию по вопросу, над которым работают изобретатели⁵⁴, быстро ознакомить будущих потребителей с новыми, необычными, могущими вначале вызвать удивление и отторжение разработками⁵⁵.

В ходе общественного развития выявились также отрицательные последствия использования социальных сетей, из-за чего в ходе модернизации могут возникнуть значительные издержки.

В 2009—2010 годах ряд исследований показал, что социальные сети могут оказывать разрушительное влияние на семейную жизнь⁵⁶. Между тем, сохранение и укрепление института семьи, увеличение рождаемости - это актуальные задачи, которые должны быть выполнены в ходе текущей модернизации России.

Весной 2010 года появились данные, свидетельствующие о связи использования социальных сетей с расшатыванием общественной морали; выяснилось, например, что наибольший в Великобритании рост числа случаев сифилиса наблюдается в трех графствах, где

максимальна популярность социальных сетей⁵⁷; кроме того, американские исследователи установили, что школьники, сильно увлеченные социальными сетями, в большей мере, чем их не пользующиеся социальными сетями сверстники, подвержены риску нездорового сна, а нездоровый сон, в свою очередь, может приводить подростков к употреблению наркотиков⁵⁸. Может возникнуть вопрос: не станет ли роль социальных сетей в переборе российских традиций отрицательной?

Также сегодня в нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие об отрицательном влиянии социальных сетей на образование. Группа ученых-психологов во главе с П. Киришнером (Нидерланды) провела исследование⁵⁹ и выяснила, что у студентов, даже не слишком активно пользующихся социальными сетями (внимание исследователей было сосредоточено, главным образом, на сети «Facebook»), успеваемость на 20% ниже, чем у не общающихся в социальных сетях. Еще хуже - то, что, как показало то же исследование, студенты, не тратящие время на социальные сети, уделяют учебе вне университета на 88% больше времени, чем пользователи социальных сетей. Между тем, важность образования и самообразования в процессе модернизации не подлежит сомнению.

Несомненно, приведенные данные о вредных последствиях использования социальных сетей заслуживают пристального внимания, они должны быть учтены в дальнейшем. Но совершенно очевидно и то, что эти данные вовсе не свидетельствуют о том, что необходимо бороться против распространения социальных сетей, ограничивать его законодательно

и так далее. Главный вывод, который должен быть сделан из этих данных: социальные сети являются инструментом, используемым членами общества для определенных целей, которые могут как соответствовать общественным интересам, так и находиться с ними в противоречии. Социальные сети — это лишь инструмент, который используется и определенным образом может использоваться людьми. Не менее, но и не более того.

Литература

1. Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П.Горегляд; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. - М.: Наука, 2005. - 343 с.

2. Инновации в России - аналит.-стат. сб. / [сб. подгот. И.В. Зиновьева, Л.Э. Миндели, И.Е. Постникова; гл. ред. Л.Э. Миндели]; Центр исследований проблем развития науки РАН. - М.: Наука, 2006. - 254 с.

3. Россия в цифрах. 2008: Крат.-стат.сб. / Росстат. - М., 2008. - 510 с.

4. Россия в цифрах. 2010: Крат.-стат.сб. / Росстат. - М., 2010. - 558 с.

5. Медведев Д.А. *Дмитрий Медведев: Россия, вперед!* // Интернет-ресурс *gazeta.ru* (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

6. Медведев Д.А. *Точки над «и»* // *Российская газета* № 4591, 16 февраля 2008 года (заглавие дано редакцией газеты).

7. Зюганов Г.А. *Россия и современный мир.* — М.: Информпечать, 1995.

8. Менделеев Д.И. *Заветные мысли.* — М.: Голос-Пресс, 2009. — 384 с.

9. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики.* В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970 — 1972 гг.

10. Стенник Ю.В. *Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века.* — СПб.: Наука, 2004. — 277 с.

11. Посошков И.Т. *Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается* // *Сочинения Ивана Посошкова* — М.: Московское Общество Истории и Древностей Российских, 1842 г. - 346 с.

12. Примаков Е.М. *Мир без России? К чему ведет политическая близорукость.* - Новое доп. изд. - М.: Российская газета, 2010. - 254 с.

13. Розанов В.В. *Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / Сост. П.П.Апрышко и А.Н.Николокин.* — М.: Республика, 2005. — 671 с.

14. Розанов В.В. *Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф.Голлербаху)* / Под общ. ред. А.Н.Николокина. — М.: Республика, 2004. — 429 с.; С. 17.

15. Беленький А. *Бизнес-перспективы социальных сетей* // *КомпьютерПресс*, 2008, № 2.

16. Люльчак Е. *Первые социальные сети* // *РБК daily*, 22 апреля 2009 года.

17. Губайловский В. *Интернет как социальная сеть* // *Вокруг света*, 2007, № 5 (2800).

18. Ших К. *Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / пер. с англ. Михаила Фербера.* — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. — 304 с.

19. Байрон ДЛ, Брубек С. *Блоги и бизнес: путь к успеху.* - Пер с англ. - СПб: Символ-Плюс, 2008. - 208 с.

20. Сталин И.В. *Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)* // *Сталин И.В. Сочинения*, т. 13.

21. Станкевич В. *Социальные сети увеличивают число разводов*

// Компьютерные вести, 2010, № 26.

22. Facebook "linked to rise in syphilis" // The Kaily Telegraph, 24 марта 2010 года.

23. Karpinski A.C., Kirschner P.A., *Facebook® and academic performance* // *Computers in Human Behavior*, 2010, v. 26, № 6.

Ссылки:

1 Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П.Горегляд; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. - М.: Наука, 2005. - 343 с.; С.5.

2 Инновации в России - анализ-стат. сб. / [сб. подгот. И.В. Зиновьева, Л.Э. Миндели, И.Е. Постникова; гл. ред. Л.Э. Миндели]; Центр исследований проблем развития науки РАН. - М.: Наука, 2006. - 254 с.; С. 44.

3 Россия в цифрах. 2010: Крат. стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - 558 с.; С. 135.

4 Россия в цифрах. 2008: Крат. стат. сб. / Росстат. - М., 2008. - 510 с.; С. 98.

5 Медведев Д.А. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // Интернет-ресурс gazeta.ru (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

6 Медведев Д.А. Точки над «и» // Российская газета № 4591, 16 февраля 2008 года (заглавие дано редакцией газеты).

7 Зюганов Г.А. Россия и современный мир. — М.: Информпечать, 1995.; С. 93.

8 Менделеев Д.И. Заветные мысли. - М.: Голос-Пресс, 2009. - 384 с.; С. 193.

9 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970 — 1972 гг.; Т. 1, С. 467.

10 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970 — 1972 гг.; Т. 1, С. 463.

11 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970 — 1972 гг.; Т. 1, С. 464.

12 Там же, С. 168.

13 Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб.: Наука, 2004. – 277 с.; С. 33.

14 Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается // Сочинения Ивана Посошкова — М.: Московское Общество Истории и Древностей Российских, 1842 г. - 346 с.; С. 112.

15 Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается // Сочинения Ивана Посошкова — М.: Московское Общество Истории и Древностей Российских, 1842 г. - 346 с.; С. 5.

16 Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. - Новое доп. изд. - М.: Российская газета, 2010. - 254 с.; С. 110 — 111.

17 Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается // Сочинения Ивана Посошкова — М.: Московское Общество Истории и Древностей Российских, 1842 г. - 346 с.; С. 35.

18 Там же, С. 74.

19 Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается // Сочинения Ивана Посошкова — М.: Московское Общество Истории и Древностей Российских, 1842 г. - 346 с.; С. 84.

20 Там же, С. 89.

21 Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / Сост. П.П.Апрышко и А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2005. – 671 с.; С. 8.

22 Медведев Д.А. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // Интернет-ресурс gazeta.ru (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

23 Там же.

24 Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / Сост. П.П.Апрышко и А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2005. – 671 с.; С. 157 — 158.

25 Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф.Голлербаху) / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 429 с.; С. 17.

26 Первый в России инновационный университетский центр социальной интеграции инвалидов планируется разместить в Башкирии, - Сообщение информационного агентства АМИ-ТАСС от 18 часов 55 минут 14 сентября 2010 года (<http://www.ami-tass.ru/article/69535.html>).

27 Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф.Голлербаху) / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 429 с.; С. 22.

28 Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф.Голлербаху) / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 429 с.; С. 130.

29 Там же, С. 161.

30 Медведев Д.А. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // Интернет-ресурс gazeta.ru (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

31 Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 384 с.; С. 192.

32 Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908

г. Письма к Э.Ф.Голлербаху) / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 429 с.; С. 219.

33 Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 384 с.; С. 11.

34 Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 384 с.; С. 290.

35 Там же, С. 273.

36 Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 384 с.; С. 280.

37 Беленький А. Бизнес-перспективы социальных сетей // КомпьютерПресс, 2008, № 2.

38 Люльчак Е. Первые социальные сети // РБК daily, 22 апреля 2009 года.

39 Губайловский В. Интернет как социальная сеть // Вокруг света, 2007, № 5 (2800).

40 Ших К. Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / пер. с англ. Михаила Фербера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.; С. 33.

41 Байрон ДЛ, Брубек С. Блоги и бизнес: путь к успеху. – Пер с англ. – СПб: Символ-Плюс, 2008. – 208 с.; С. 13.

42 Там же, С. 69.

43 Facebook Profiles Capture True Personality, According to New Psychology Research // Интернет-ресурс Association for psychological science (<http://www.psychologicalscience.org/media/releases/2010/gosling.cfm>)

44 Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения, т. 13; С. 355.

45 Ших К. Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / пер. с англ. Михаила Фербера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.; С. 56.

46 Там же, С. 130.

47 Байрон ДЛ, Брубек С. Блоги и бизнес: путь к успеху. - Пер с англ. - СПб: Символ-Плюс, 2008. - 208 с.; С. 123.

48 Комментарий в блоге Дмитрия Медведева на Livejournal.com к видеообращению «О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти» (http://community.livejournal.com/blog_medvedev/25564.html?thread=4633308#t4633308).

49 «Вести.net»: чиновники осваивают блоги, - Сообщение Российского информационного канала Вести от 08:58 25 ноября 2009 года (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=327682>)

50 Ших К. Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / пер. с англ. Михаила Фербера. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. - 304 с.; С. 16 — 17.

51 Там же, С. 146.

52 Там же, С. 161.

53 Ших К. Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / пер. с англ. Михаила Фербера. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. - 304 с.; С. 154.

54 Там же, С. 155.

55 Там же, С. 165 — 166.

56 Станкевич В. Социальные сети увеличивают число разводов // Компьютерные вести, 2010, № 26.

57 Facebook “linked to rise in syphilis” // The Kaily Telegraph, 24 марта 2010 года.

58 Социальные сети могут «разить» подростков бессонницей и наркоманией, - Сообщение Агентства медицинской информации АМИ-ТАСС от 21:00 24 марта 2010 года (<http://www.ami-tass.ru/article/62224.html>).

59 Karpinski A.C., Kirschner P.A., Facebook® and academic performance // Computers in Human Behavior, 2010, v. 26, № 6, P. 1237 - 1245.

Проблемы московской самобытности

Шведовский В.А.

В статье обсуждается возможность косовского сценария для коренных жителей Москвы; эта проблема связывает качество иммиграции с национальной идеей. *Ключевые слова:* идентичность, самобытность, коэффициент рождаемости, коэффициент воспроизводства, коэффициент миграции, иммиграция, материальные и духовные ценности, национальная идея, когнитивная машина, социальная генетика.

Shvedovskiy V.A

Problems of Moscow originality

In the article it is discussed the possibility of Kosov scenario for Moscovites; this problem is bound up with quality of immigration, determinate of national idea

Keywords: identity, originality, birthrate, reproduction rate, migration rate, material and spiritual values, national idea, machinery of epistemology, social genetics

В связи с общемировым явлением «миграционного взрыва» перед жителями столиц, прежде всего Европы, всё чётче начинает вырисовываться проблема сохранения (или утраты) собственной идентичности. Лондонец всё чаще находит себя в окружении смугло- и тёмнолицых прохожих, возмущённые парижане потребовали от мэрии «решить вопрос о ношении в общеобразовательных местах хиджаба женщинами мусульманского вероисповедания, москвичи подняли в Общественной палате вопрос о пресечении прилюдного принесения в жертву животных в культовые дни мусульманской религии на площадках московских дворов.

Эту проблему будем ставить в более широком историко-масштабном контексте, чем только в контексте позитивистской констатации изменения спектра этнических групп населения. Такой контекст уже создан нашими историками, географами и этнологами, характеризуя процесс развития «от Руси до России», т.е. формирования евразийской общности. В ней значение местоположения

Москвы менялось от рядового славянского поселения Киевской Руси, входившего в первую евразийскую общность – Хазарский каганат¹ до столицы Московской Руси, включённой в качестве полусоюзника-полувассала во вторую евразийскую общность под монгольским началом и в Самодержавной, Советской России – Советском Союзе – третьей и четвёртой общностях, сердцем которых стала Москва. Сейчас наша столица является свидетелем нового этапа – формирования пятой формации евразийской общности, ядром которой стали этносы трёх стран – России, Белоруссии и Казахстана.

Естественно проблему самобытности Москвы рассматривать именно в этом контексте исторических свершений. Однако начнём с негативных фактов.

В первое десятилетие XXI века в силу разных обстоятельств отечественными социологами выявлен высокий уровень опасений москвичей по поводу складывающейся, так называемой, «не контролируемой миграции». По этим данным выходит, что во всех взрослых возрастных категориях свыше 60% респондентов встревожены возможностью «Косовского сценария». При этом приводятся разумные доводы своей тревоги: рост доли мигрантов в «преступной статистике», рост базы возможных пособников для террористов. К сожалению, ряд трагических событий в Москве начала XXI века подтвердили эти опасения.

Действительно, для мигрантов, как выявлено рядом исследований, наиболее характерными являются либо депрессивно-апатичное, либо депрессивно-агрессивное состояния. Они отличаются высоким уровнем пессимизма в оценках своего будущего, что порождает в их

среде две полярные линии поведения. С одной стороны, это состояние детерминирует определённую виктимность, т.е. образ «мишени» для агрессивных мигрантофобов. С другой стороны, указанное состояние в значительной степени индуцирует некоторый уровень агрессии и конкретный уровень их самоорганизованности, который латентно содержит в себе возможность «ответных ходов».

Однако из столичной истории известно, что в Москве издавна повелось существование компактных поселений делового иностранного люда, что отражено в названиях улиц и переулков: Армянский переулок, Большая и Малая Грузинские улицы, Немецкая слобода, Шведский тупик. Более того, вхождение этносов в названные евразийские общности отражено и в городской топонимике: Большая и Малая Ордынка, Татарская и Черкасские улицы и т.п. И отношения с вновь прибывшими инородными поселенцами строились так, что ни коренные жители, ни городские власти не опасались угрозы утраты московской самобытности, даже если и возникали соответствующие межнациональные браки. И такое состояние дел, вместе с мотивацией миграции – «живём, как жили наши отцы и деды», воспроизводилось из века в век. Видимо, соответствующее количество иммигрантов было далеко за пределами опасной «критической массы». Естественно задаться вопросами: «А что определяет ту пороговую величину, после достижения которой начинается выше названная утрата?» «Актуальна ли сейчас эта проблема?»

Прежде всего, сразу отвергнем буквально понимаемый «косовский сценарий», который окончательно реализовался при Г 90% албанс-

Таблица 1

Статистические данные развития косовского сценария и его возможность для Москвы

Для интервальных лет данные взяты из http://www.livejournal.com/users/wg_lj/209179.html

Удельный вес коренных жителей Космета – сербов в его населении		Процент коренных москвичей в населении города 1			
Годы	%	Годы	%	Н млн	Доля русских
1455	89	1882	26.1		
1700	89	1897	25.2	1.04	
Активное заселение		1900-02	27.0	1	
турками албанцев-мусульман		1910-12	21	1.6	
1924	36	1926-28	36.9	2	
1961	27.5	1989-91		9	0.897
1981	15	2002	53	10.1	0.848
1991	10	2008	54	10.6	
		2010		10.563	
		2025			0.56

кого населения в Космете (Косово и Метохия) в первом десятилетии XXI века. Для справки напомним, что в Москве 2002 г. 84% русских (по данным Зайончковской Ж. [1] большая часть иммигрантов русские, или, по-другому, среди русских 40% приезжих). Конечно, следует помнить, что упомянутый сценарий имеет долгую историю, а начинается с поражения сербских войск и их союзников, в том числе и албанцев, на Косовском поле в 1389 году в битве с османской армией, - по турецким переписям 1455-1485 гг на периферии Метохий из 280 поселений только 30 имеют албанскую топонимику. Оккупационные власти насильно стали вытеснять непокорное сербское население и заселять албанцами мусульманского вероиспове-

дания эту территорию с конца XVII - начала XVIII веков [2]. Для большей наглядности представления этих процессов рассмотрим табл. 1.

Из табл.1 видно, что если сербское население и абсолютно, и относительно уменьшалось в Косово, то в Москве обнаруживается устойчивый тренд (пусть и с некоторыми колебаниями) роста коренных москвичей и русского населения, по крайней мере, вплоть до первого десятилетия XXI века. Для 2025 года Институтом общей генетики РАН сделан прогноз уменьшения доли русского населения столицы. В связи с этим прогнозом естественно возникло намерение социологически уточнить долю того населения Москвы, которое на основе не столько идентичности «по крови», а более по восприимчивости культурного наследия и ценностных ориентаций относит себя к русскому московскому люду. При этом мы выделяем два аспекта:

1) возможность демографического «выдавливания» коренного населения;

2) смена свойственных московскому социуму ценностных ориентаций на иные, не отвечающие его внутренней логике развития.

Но чтобы правильно поставить задачу получения ответа на вопрос о пределах упомянутой критической массы, необходимо хотя бы кратко очертить исторически близкие к нам стадии миграционных процессов. Известный специалист по миграционным процессам д.с.н., профессор Т.Н.Юдина [3] выделяет три стадии - три модели «миграционных процессов раннего и современного периода глобализации: 1) период массовой колонизации, - *вынужденно-принудительная модель*, связанная с транспортировкой рабов, прежде

всего, в Северную Америку и перевозкой преступников в Австралию; 2) период начала XIX и до середины XX века – *индустриально-классическая модель*, в которой главными являлись экономические мотивы миграции, при этом расширялись районы выбытия мигрантов и усиливались культурные различия между ними и аборигенами; 3) период 1970–1990-х годов исследовательница характеризует *диффузной моделью*, описывающей структурные изменения в геоэкономике и геополитике. С начала 90-х годов XX века стала формироваться 4-я *транснациональная модель*, ознаменованная супермасштабным взрывным характером роста межстрановых миграционных процессов, которые к концу первого десятилетия нового века перевалили пятую часть миллиарда. При этом в мотивационном ядре миграции также происходят коренные изменения как в целом и в целях мировой практики социального управления.

Совокупный эволюционный потенциал общества по-новому распределяется по сферам приложения. Замечена общая макроисторическая тенденция (А.Д. Урсул [4]) постепенного смещения центра тяжести в распределении используемых объёмов этих ресурсов от сфер рефлексии прошлого к представлениям будущего: от «жить, как жили отцы и деды» к «жить, как живут в продвинутых группах, слоях, странах» и далее – в соответствии с собственными моделями – проектами будущего².

На наш взгляд, по большому счёту, помимо учёта факторов указанных стадий миграции в ответе на вопрос «о допустимом пороге иммиграции» следует также учитывать стратегический вектор [5] господствующей в государстве

идеологии, или, так называемой «национальной идеи». До 1917 года – это сформулированное С.С.Уваровым единство: «самодержавие – православие – народность плюс образование». Этническая структура городов в условиях внутрироссийской миграции тех времён, не говоря уж о столице, строго контролировалась государством, например, вплоть до объявления известных «черт осёдлости».

Такой путь реагирования страной въезда на потоки иммиграции, с точки зрения Юдиной Т.Н.[3], есть один из 4-х основных концептуальных путей: *полное исключение, сегрегация, ассимиляция и плюрализм*. Последние три варианта означают ту или иную интеграцию внешнего человеческого капитала страной-акцептором, последствия которой исторически объективно ведут к сценариям, например: либо иерусалимскому, либо западноевропейских столиц, либо южно-африканскому, либо косовскому, либо к резервациям североамериканских индейцев. Естественно, что большинство принимающих стран проводит избирательную политику такой интеграции, устанавливая квоты на неквалифицированную рабочую силу или ценз на знание титульного языка и т.п.

После Октябрьской революции этнический состав городов России определялся помимо факторов стадии индустриализации, естественно, идеологией «красной идеи», провозглашавшей социальную справедливость, интернациональное братство и необходимость защиты своей независимости от внешней агрессии. Соответственно именам героических участников этой борьбы за утверждение и сохранение четвёртой евразийской общности – Советского Союза подкорректировалась

и городская топонимика, отражающая вклад иноземцев, например: улицы Олеко Дундича, Зорге, Мархлевского.

О миграционном «выдавливании» коренных москвичей

Будем опираться в изучении этих процессов на исследование «Региональная модель социальной сплоченности в контексте преодоления глобального кризиса. Шифр «2009-1.1-303-074-033» Госконтракт от 23 июля 2009 года № 02.740.110361. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры России». Рук. проекта д.с.н., проф. Осадчая Г.И., Ответственный исполнитель д.с.н., проф. Юдина Т.Н.», проведенное РГСУ в 2009-2010 г. Оно охватывало свыше 1000 респондентов в трёх возрастных группах: до 24, 25-29 и свыше 30 лет.

Существуют пять теорий [3], позволяющих, на наш взгляд, комплексно структурировать эти иммиграционные потоки. Селективная и ассимиляционная теории объясняют часть потоков мигрантов как тех, кто имеет уже установку на интеграцию в социум принимающей страны. При этом в первой теории иммигранты принимают установку на число детей в семье страны – акцептора ещё до переезда, а по второй теории – это происходит уже после переезда, и в окончательном виде – во втором поколении, т.е. детьми мигрантов.

По результатам упомянутого исследования чувствуют себя *москвичами* среди мигрантов: с Кавказа – 16.7%, из Средней Азии – 18.9%, славян – 23.7%. Согласием на вопрос о том «способствовать ли тому, чтобы мигранты становились в России «своими» они ответили: с Кавказа – 26.9%, из Средней Азии – 33%, славян – 32%. Эти данные позволяют оценить потоки мигрантов с установ-

ками на рождаемость, сложившимися в московском социуме.

Существует и другой вариант селективности, согласно которому имеется поток мигрантов с установкой на сохранение своей этнической идентичности вплоть до брачных пар из представителей только этого же этноса. На вопрос «мигранты должны жить изолированно» утвердительно ответили в проценте от всех опрошенных: с Кавказа – 8.7%, из Средней Азии – 11.3%, славян – 16.5%. Неприемлемость иных браков, кроме внутри своего этноса высказали: с Кавказа – 11.4%, из Средней Азии – 7.1%, славян – 12.2%, что также позволяет оценить вклад в рождаемость населения столицы соответствующего приезжего контингента. Высокая рождаемость в этой группе объясняется теорией «синдрома меньшинства» в «качестве защитной реакции, т.е. способа сохранить социокультурную и религиозную идентичность» [6]. С этой теорией пересекается по объяснению высокой рождаемости мигрантов – выходцев из сельской местности – теория социализация, трактующая «село» как оплот традиционных ценностей, в том числе и установок на высокую рождаемость.

Наконец, между этими полярными по своим установкам категориями мигрантов имеется значительная группа – выше 50% в любом этносе – так сказать, «не определившихся», репродуктивное поведение которых детерминировано их нестабильным статусом. Эту категорию мигрантов хорошо объясняет пятая теория, рассматривающая «миграцию как событие, прерывающее нормальный ход жизненного цикла индивида» [6].

В работе [7] П. Штомпка ввёл понятие «культурная травма».

Важнейшей её причиной в XXI веке называют чрезмерный объём и ускоренный рост информации, обрушивающейся на индивида в современном социуме. По аналогии с этим понятием и как её модификацию вводим «постмиграционную травму», возникновение которой связано с прерыванием включённости индивида в один социум как среды его социализации и общения и, напротив, обретением включённости в иной социум, с иным спектром традиций, траекторий социализации и мобильности, с иным характером общения. Естественно предположить, что эта травма тем значительнее, чем больше дистанция между социумом-донором миграции и ее принимающим социумом. Например, такая ситуация может возникать при миграции из сельского социума традиционного общества в городской социум современного инновационного общества и явиться непосредственным следствием социального стресса выше обозначенного социального изменения.

На взгляд автора, серьёзным следствием «постмиграционной травмы» является резкое снижение демографического потенциала в соответствующих группах мигрантов, усугубленной нестабильностью, обусловленной мировым кризисом. Таким образом, выдвигается гипотеза:

наибольшее снижение рождаемости в каждой этнической группе мигрантов происходит за счёт её наибольшей подгруппы, названной выше подгруппой «неопределившихся».

Ниже на рис.1 приведена структура миграционных потоков, демонстрирующая основание выдвижения гипотезы.

В соответствии с нашей гипотезой была поставлена задача об исследовании репродукционных

возможностей у этих мигрантов. Для решения задачи был применён аппарат марковских цепей.

Марковская цепь есть реализация марковского процесса. **Марковский процесс** – случайный процесс, эволюция которого после любого заданного значения временного параметра t не зависит от эволюции, предшествовавшей t , при условии, что значение процесса в этот момент фиксировано. Основным отличим от других предсказательных математических аппаратов свойством является то, что в случае Марковских процессов «будущее» процесса не зависит от «прошлого» при известном «настоящем». Более того, Марковские процессы обладают тем достоинством, что их модели не требуют учёта влияния других переменных. При этом они дают достаточно полное представление о внутренней структуре процесса. Также они ценны тем, что они являются наиболее простыми среди вероятностных моделей, учитывающих взаимосвязи различных социальных слоев или групп.³ Мы не будем подробно обсуждать аппарат Марковских цепей – такое можно найти в статье [6], посвящённой этой же проблематике, а обратимся к его «пользовательскому» описанию.

Для построения прогноза с использованием дискретной Марковской цепи необходимо:

Рис. 1. Структура иммиграционного потока в Москву с Кавказа и из Средней Азии в зависимости от состояния базовых установок его носителей.

1) построить таблицы совместных частотных распределений;

2) на основе построенных таблиц получить матрицу переходных вероятностей, при этом относительная погрешность δ_{ij} оценки элементов матрицы переходных вероятностей вычисляется по следующей формуле:

$$\delta_{ij} = t \sqrt{(1 - W_{ij}) / (n_i * W_{ij})},$$

где t – квантиль нормального распределения, определяется из таблицы для заданной доверительной вероятности,⁴ а $W_{ij} = m_{ij} / n_i$ относительная частота, где m_{ij} – число переходов при n_i испытаниях из состояния i в состояние j .

3) по полученной матрице необходимо проверить процесс на марковость по имеющимся критериям;

4) проверить тип цепи: (не) однородность, наличие или отсутствие периодов, поглощающих состояний;

5) в случае однородной матрицы без поглощающих состояний и периодов прогноз на один шаг построить с помощью умножения матрицы переходных вероятностей на вектор начального распределения, а для построения прогноза на несколько шагов вперёд (в случае однородной цепи) надо возвести матрицу переходных вероятностей в соответствующую степень;

6) для однородной Марковской цепи найти вектор стационарного состояния и доверительный интервал для оценок ошибки.

Прогнозные расчёты рождаемости и численности этнической группы

В основе алгоритма расчёта численностей этнических групп лежит дискретное уравнение модели:

$$x(t+1) = ML(x(t)), \quad (1)$$

где x – численность этнической группы, t – момент времени, M – оператор действия процесса миграции, L – оператор действия процесса естественного воспроизводства, в качестве которого применяется матрица Лесли.

В матричном виде коэффициенты системы уравнений модели Лесли выглядят следующим образом:

$$L = \begin{matrix} & \alpha_1 & \alpha_2 & \dots & \alpha_{n-1} & \alpha_n \\ \beta_1 & 0 & \dots & 0 & 0 \\ 0 & \beta_2 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \dots & \dots & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \dots & \beta_{n-1} & 0 \end{matrix}$$

Здесь n – номер возрастной группы, a_n – коэффициенты рождаемости, – это именно те ключевые коэффициенты, которые получаются с помощью аппарата цепей Маркова, применённого к эмпирическим данным проведённого в Москве 2010 – го года социологического исследования, b_n – коэффициенты выживаемости в n – ой возрастной группе, равные разнице между 1 и коэффициентом смертности (также положительные величины, меньше 1), взятым из официальной статистики. И тогда выше написанные соотношения в матричном виде будут записаны так:

$$x(t+1) = L^* x(t), \text{ где } x(t) \text{ – вектор } [x^{(1)}(t), x^{(2)}(t), \dots, x^{(n)}(t)] \quad (2)$$

При умножении матрицы на вектор получается вектор:

$$x(t+1) = [\alpha_1 * x^{(1)}(t) + \alpha_2 * x^{(2)}(t) + \dots + \alpha_n * x^{(n)}(t), \beta_1 * x^{(1)}(t), \dots, \beta_n * x^{(n)}(t)]$$

Также модель можно записать и в виде:

$$x(t+1) = L^{t*} x(0), \quad (3)$$

где $x(0)$ – начальный (“стартовый”) вектор $[x^{(1)}(0), x^{(2)}(0), \dots, x^{(n)}(0)]$.

В этой форме записи поведение последовательности $x(t+1)$ определяется только начальным

состоянием $x(0)$ и коэффициентами матрицы Лесли, при этом L^{t*} - t -я степень матрицы, означающая t единиц времени.

Произведение двух матриц - это новая матрица, строки которой являются векторами, полученными умножением первой матрицы на вектор-столбцы второй, β_n - коэффициенты выживаемости в n -ой возрастной группе, равные разнице между 1 и коэффициентом смертности (также положительные величины, меньшие 1).

Поведение этой модели во времени определяется значением величины:

$$\sigma = \alpha_1 + \alpha_2 \beta_1 + \dots + \alpha_n * \beta_1 * \dots * \beta_{n-1}, \quad (4)$$

$1, \alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_{n-1}, \alpha_n, 0$ - коэффициенты рождаемости, означающие число родившихся в данной возрастной группе на 1000 человек. Равенству $\sigma = 1$ отвечает положительное состояние равновесия популяции. При $\sigma < 1$ популяция вымирает. При $\sigma > 1$ численность всех возрастных групп неограниченно растет.

Коэффициенты рождаемости, используемые в данном алгоритме, получены с помощью марковских цепей для каждой возрастной этнической группы, исходной эмпирической информацией для чего служат результаты социологического опроса, см. пример обработки данных ниже.

Коэффициенты смертности взяты для матрицы Лесли из статистического сборника по Москве за 2007 год для всех этнических групп одинаковыми.

Итоговая формула для расчётного алгоритма выражения (1) записывается для расчёта численностей возрастных групп в 2015 г каждой объединенной этнической категории граждан, проживающих в Москве: русских, выходцев из иных славянских этносов, из

Средней Азии, с Кавказа с учётом данных о ежегодной миграции названных категорий.

На верхней части рабочего поля приведена таблица частостей - частот в долях к выборке после преобразования двумерной таблицы к формату расположения строк и столбцов в соответствии с порядком «0, 1, 2, 3 и более». «0» означает, что респондент «не имеет ни одного ребёнка», «1» соответствует наличию одного ребёнка и т.д. В ячейке «0x0» записывается процент ответивших - тех, кто не имеет ни одного ребёнка и не желает их иметь, например, 13,2, в ячейке «0x1» - доля не имеющих детей, но желающих иметь ребёнка, в данном случае - 17,7 и т.д. и т.п. Для перехода к матрицам переходных вероятностей важно, чтобы сумма процентов по строке равнялась 100. В силу наличия альтернативы ответов «не знаю» возможен так называемый «ремонт», т.е. перераспределения этих ответов в соответствии с «уравнительной», «пропорциональной» или иной стратегией. Важно, чтобы этот «ремонт» осуществлялся в пределах допустимой ошибки $\delta_{ij} = t \sqrt{(1-W_{ij})/(n*W_{ij})}$, то $\delta_{ij} = 1.94 * \sqrt{(1-0.4)/(840*0.6)} = 0.08 \approx 0.1$

Эти ошибки рассчитываются, как минимум, для тех значений вероятностей, которые получают в результате «ремонта». Под приведённой таблицей с процентами ответов приведена матрица с переходными вероятностями. Для этой матрицы считается второй критерий «марковости»: сравнение произведения диагональных элементов матрицы со значением её определителя - первое должно быть больше второго: $6.264 * 10^{-3} > 3.107 * 10^{-4}$

После «ремонта» M_{rus} , получают матрицу со стационарными вероятностями за счёт возведения

		0	1	2	3	
арше 30 л	Не имею					
		13,2	17,7	44,1	25,0	100,0
	Одного	0,0	18,5	64,8	16,7	100,0
	Двух	7,7	2,5	51,3	38,5	100,0
	Трех и более	50,0	0,0	0,0	50,0	

$$M_{rus30} := \begin{pmatrix} 0.132 & 0.177 & 0.441 & 0.25 \\ 0 & 0.185 & 0.648 & 0.167 \\ 0.077 & 0.025 & 0.513 & 0.385 \\ 0.4 & 0.1 & 0 & 0.5 \end{pmatrix} \quad \text{with remort}$$

$$0.1320.1850.5130.5 = 6.264 \times 10^{-3}$$

$$|M_{rus30}| = 3.107 \times 10^{-4}$$

$$M_{rus30}^{10} = \begin{pmatrix} 0.203 & 0.1 & 0.317 & 0.379 \\ 0.203 & 0.1 & 0.317 & 0.379 \\ 0.203 & 0.1 & 0.317 & 0.379 \\ 0.203 & 0.1 & 0.317 & 0.379 \end{pmatrix}$$

$$M_{ru30} := M_{rus30}$$

1

2011

$$M_{ru30}^T \cdot X_{rus} = \begin{pmatrix} 0.1 \\ 0.157 \\ 0.474 \\ 0.245 \end{pmatrix}$$

$$0.157 + 0.474 \cdot 2 + 0.245 \cdot 3 = 1.84$$

2015

$$\left[(M_{ru30}^T)^4 \cdot X_{rus} \right] = \begin{pmatrix} 0.201 \\ 0.096 \\ 0.304 \\ 0.374 \end{pmatrix}$$

$$0.096 + 2 \cdot 0.304 + 3 \cdot 0.374 = 1.826$$

M_{rus} в некоторую высокую степень (здесь 10).

Ниже приводится сводная табл. 2 рассчитанных по методике дискретных однородных марковских цепей коэффициентов «планируемой/идеальной» рождаемости:

Таблица 2
Коэффициенты планируемой (идеальной) рождаемости в 2011 г.

Категории	До 24	25-29	Свыше 30
русские	1.887	2.883	1.84
кавказцы	1.786	2.598	1.94
Из Средней Азии	1.492	1.906	1.42
		ремонтуются	(оценка)

Из этих данных видно, что к 2011 году вычисляемый по этим возрастным группам средний коэффициент рождаемости у русских несколько выше, чем к кавказцев. Но к 2015 году эта ситуация меняется на противоположную.

Таблица 3
Коэффициенты планируемой (идеальной) рождаемости в 2015 г.

Категории	До 24	25-29	Свыше 30
русские	1.887	2.568	1.826
кавказцы	1.787	2.816	1.91
Из Ср. Азии	0.819	1.906	1.3
			(оценка)

Очевидно, что коэффициент рождаемости, полученный из социологического опроса, на основе идеального или планируемого числа детей всегда носит завышенный характер. Но предполагается, что это завышение во всех опрошенных этнических категориях примерно одинаково.

Коэффициенты воспроизводства, вместе со стартовыми значениями численностей этнических групп при использовании матриц Лесли, в принципе, позволяют спрогнозировать этническую структуру столицы. В итоге проведённых расчётов можно сделать следующие выводы в отношении возможности демографического «вытеснения» москвичей:

1) из табл. 2 можно сделать заключение, что как в первой, так и во второй – самой активной миграционной категории «кавказцев» – расширенное естественное воспроизводство этнических групп невозможно даже при завышенных коэффициентах рождаемости;

2) это означает, что в социуме мегаполиса доминирующая установка по рождаемости (на малодетность) коренного населения в среднем вытесняет иноэтнические установки в группах иммигрантов;

3) непосредственная тревога москвичей по поводу их вытеснения инородцами в абсолютной численности населения столицы по косовскому сценарию не подтверждается ни исторически (бывали и проценты москвичей существенно ниже 50%), ни статистически (переписи дают рост численности русского населения до 80% и выше), ни демографически (см. выводы 1 и 2).

Однако в случае выхода развития динамической структуры населения на траекторию по Косовскому сценарию соответствующие проблемы межэтнических отноше-

ний начинаются раньше формального демографического выравнивания численностей этнических групп. В этом отношении, на наш взгляд, знаковым показателем, характеризующим подобные эволюции в социуме могут оказаться социологические данные по ценностным ориентациям молодёжи.

Понятие о самобытности столицы и идентичности москвичей

Наверное, будет справедливым сразу заметить, что самобытность столицы и идентичность москвичей – взаимоувязанные понятия. Под самобытностью будем понимать постоянное проявление таких компонент социальной наследственности данного социума, которые, с одной стороны, являются инвариантными при разных общественных трансформациях, а с другой стороны, существенными для его самосохранения.

Из вышесказанного напомним, что Москва занимала разное место в приведённых 4-х евразийских общностях, но в 3-х последних – это российская столица, которая сегодня характеризуется тем, что она:

- Центр высшего уровня властной иерархии России, здесь – место пребывания Президента Российской Федерации.

- Историко-культурный, социально-политический, образовательный и научный центр – сердце духовной жизни страны-суперэтноса, в которой свыше 150 этносов и народностей уживаются друг с другом.

- Многовековая столица высокоширотной, континентальной страны с замерзающими морями, огромной территорией, содержащей ископаемые с элементами всей таблицы Менделеева⁵, с невысокой плотностью населения и са-

мой большой границей без существенных естественных преград для геополитических захватчиков с Запада, Востока и Юга.

- Единственный в стране по максимальной пропускной способности коммуникационный узел транспортных, связанных, торговых, финансовых и миграционных потоков.

- Производственно-промышленный комплекс, дающий 0.25 ВВП РФ.

- До распада Советского Союза Москва символизировала ещё и один из двух геополитических центров, который представлял в качестве стратегического вектора развития страны «красную идею» как проект переустройства мира.

Обращаясь к завершению морфогенеза второй евразийской общности, обнаруживаем, что окончание ордынского цикла приходится на XV век. Это примечательное время русской истории, ибо за двести лет владычества монголов поднимается Москва. Она собирает восточные земли по логике чаяний и устремлений народов славянских и иных рядом живущих этносов. В её основе, во-первых, наследовалось православие, защищённое и сохранённое от посягательств Западной Римской церкви ещё со времён в.к. А.Невского. Во-вторых, начинает реализовываться для обеспечения целостности суперэтноса принцип, сформулированный пр. Сергием Радонежским, закрепивший и развивший ордынскую веротерпимость в чеканную формулу взаимоотношений разных этносов как «единство неслянных, но и не разделяемых». В-третьих, находят своё практическое применение как некоторые организационные нововведения чингисхановой «Ясы», так и механизмы строго централизованного управления, воспринятые от

монголов. И все эти трансформации крепнущей Московской Руси происходят в XV веке в условиях совпадения двух исторических событий: безвозвратного распада Золотой Орды и падения Византийской империи. В этот период и возникает миссионерская («национальная») идея о русских как о «богоносном народе», а о Руси как о «Святой Руси»: два Рима пали, третий стоит, четвертому не бывать. При этом спектр иммигрантов Москвы определялся именно православием: «ведь обязательным условием поступления на московскую службу было добровольное крещение... количество активных христиан в Москве... увеличилось из-за притока пассионариев Орды, Литвы и окраинных русских княжеств»⁶.

Смысл любого долгосрочного стратегического вектора развития состоит в том, как он поляризует социум, т.е. каким ценностям и как благодаря нему расставляются приоритеты. В сущности, это начало формулирования так называемой «национальной идеи», чеканное завершение которой было дано в формуле графа С.С.Уварова (см. выше), социальная генетика которой отражена образным рядом известной песни «Москва Златоглавая».

Метаболизм системы общественного воспроизводства Москвы как сердца России подчинялся простой формуле «живём, как жили наши отцы и деды». Но уже в начале XIX века начинает в Петербурге закладываться новая генетика общественного метаболизма «хотим жить как живут в передовых странах», т.е. возникает общественное течение «западников»⁷. В общественной жизни Москвы формируется биполярное противостояние «западников» и «славянофилов»:

«Западники»: П.Чаадаев, И.Тургенев, А.Герцен, В.Белинский, Т.Грановский, В.Боткин, П.Анненков.

«Славянофилы»: И. и К. Аксаковы, В.Даль, Н.Данилевский, К.Леонтьев, Ю.Самарин,

«Западники» призывали «учиться у Запада» и акцентировали внимание на антФ.Тютчевропоцентрической позиции, в то время, как «славянофилы» настаивали на осо А.Островскийбом цивилизационном пути России и утверждали «теоцентрическую позицию» - оба термина даны акад. Пивоваровым.

Однако всегда для интеллектуальных москвичей было важным сохранять приоритетным духовную составляющую в указанной биполярной динамике, т.е. ценностными ориентирами являлись не гедонизм, не потребительский формат жизненной позиции, не самоутверждение индивидуалиста, а поиск «горних истин» с позиций русской философии, наследнице «теоцентрической позиции» славянофилов.

Сейчас Россия собирает силы для построения инновационного сектора своей системы общественного воспроизводства. А при реализации любого долгосрочного стратегического проекта важно, прежде всего, задавать духовный тон сердцу страны. И в этом смысле актуальны для социальной реконструкции следующие результаты социологических исследований. Для их интерпретации ещё раз напомним, что под *антропоцентрической позицией* понимаются ценности и нормы либерально-индивидуалистической ориентации, а под *теоцентрической позицией* понимаются традиционные для российской культуры нормы (честность, принципиальность; отзывчивость; трудолюбие, добросовестность).

К 65-летию Победы над фашистской Германией в коллективной монографии «Смысл Великой По-

беды» (под общей редакцией В.Н. Кузнецова) опубликована статья А.А. Возьмителя «Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России». Приводимые данные из этой работы логично сопоставить с результатами ранее проведённого в Институте социологии РАН исследования (М.К.Горшков), см. табл. 4.

Мы далеки от того, чтобы прямолинейно утверждать о поголовной бездуховности как ушедшего в прошлое, так и современного Запада, в том числе и российских «западников», достаточно взглянуть на их список, приведённый выше. Однако у России другая «социальная генетика», отличная от той, что насаждалась западной римской церковью - её депозитарием единиц социальной наследственности, т.е. социальных генов [5].

На наш взгляд, это проистекает из радикально различающихся образов жизни «морских» стран и такой высокоширотной «континентальной» страны как Россия. А образ жизни детерминирует образ мыслей, некоторые единицы которого оседают в подсознании в виде неосознаваемых регулятивов поведения, которые мы называем социальной генетикой. Так, естественно, в силу более суровых условий выживания и рискованного сельскохозяйственного производства в

Таблица 4
Динамика распространённости ценностей и норм в России конца XX и начала XXI века.

Общероссийские данные распространённости ценностей и норм, притягивающихся к:	
Антропоцентрической позиции	Теоцентрической позиции:
1982 - 4.1%	1982 - 60.1%
(А.А.Возьмитель)	(А.А.Возьмитель)
2005 - 26%	2005 - 42%
(М.К.Горшков)	(М.К.Горшков)
2008 - 32.3%	2008 - 19.3%
(А.А.Возьмитель)	(А.А.Возьмитель)

России всегда больше ценилась коллективная взаимовыручка, т.е. основа «social man» - SM, а не «economic man» - EM с его рациональным рыночным поведением, формирующим у массового западного обывателя императив «всё продётся – назовите цену». Это можно выразить в виде неравенств между статусами соответствующих ценностей: для Запада – EM SM, а для России – SM EM.

Если в отношении Природы западная цивилизация с библейских времён позиционировала человека как «царя природы», т.е. Ч П, то в России человек всегда рассматривался равным природе, растворенным в ней, и идеалом, выдвинутым академиком Н.Н.Моисеевым стала коэволюция с Природой, т.е. Ч ≈ П[5]

Если в отношениях между членами общества западная цивилизация позиционирует доминирование интересов личности над интересами социума, т.е. Я Мы, то в России – это прямо наоборот: Мы Я[5] Эта сухая констатация отношения статусов ценностей нашла своё достойное выражение в метафоричной формуле советского кинорежиссёра Сергея Эйзенштейна: «Я есть Мы, и в этом Мы есть место для меня».

Приведём сопоставимые данные (использовалась одна и та же анкета – см. Приложение) опросов московских студентов 2004 и 2007 гг. Выяснилось изменение распространённости ответов на следующие вопросы: «если привелось бы уезжать из России, то уехал бы на Запад (но не в США)» - (162 → 135); «я живу в России, люблю её и никуда не хочу из неё навсегда уезжать» - (135 → 613); «США – это мой идеал страны проживания» - (81 → 122); «Мне по душе страны Востока, например, хотел бы жить в Японии или на Таити» - (135 → 181).

Выберем в качестве индекса духовности отношение числа респондентов, разделяющих нормы и ценности, «тяготеющих к традиционным для России, или к теоцентрической позиции», к числу респондентов, разделяющих индивидуалистические, потребительские нормы-ценности, т.е. соотносимые с антропоцентрической позицией. И сравним этот индекс с его аналогом, построенным для московского студенчества по ответам на дополнение к «Марбургской анкете», в двух временных интервалах: (2004-2005 гг.) и (2007-2008 гг.), а также по ответам студентов Советской России и Москвы [10] и студентов в выше упомянутом исследовании РГСУ-2010.

Заметим, что в последней строке табл. 5 индексы рассчитывались не для процентов ответов, а для балльных взвешенных оценок, что обуславливает меньшую вариативность значений самого индекса. Это обстоятельство и проявилось в таблице.

Из табл. 5, если предположить корректность построения индексов, их валидность и сопоставимость, можно сделать следующие выводы:

1) понижающаяся тенденция динамики индекса общероссийской духовности конца XX и начала XXI веков сейчас стала меняться на возрастающую;

2) индекс духовности московского студенчества в 2007-2010 годы показал более высокие значения, чем в целом по России.

Таблица 5
Сравнительная динамика индексов духовности для России и Москвы

Индексы \ Годы	Общероссийской духовности	Духовности московского студенчества
1976-1982 гг.	14.6	-
2004-2005 гг.	1.6	0.8
2007-2008 гг.	0.6	4.5
2010 г.	1.19	1.31

Таким образом, возрождение страны логично начинается с возрождения духовности граждан России, её молодёжи, и в особенности московского студенчества.

И наконец, к вопросу об утрате самобытности Москвы и идентичности москвичей: данные исследований показывают, что как численность москвичей, так и индекс их духовности испытывают со временем заметные колебания, что само по себе не должно внушать тревогу, и эмпирически определяют пороговые ориентиры, - см. табл. 1 и 5, ниже которых не следует испытывать судьбу в вопросе о сохранении самобытности столицы России. И хотя теоретически не решена пороговая проблема динамики численности коренного населения, обратимся к другим не менее актуальным вопросам: «Что питает эту динамику? Может ли она способствовать становлению «национальной идеи России?».

О важной черте московской самобытности и укоренении «национальной идеи»

Опираясь на высказанную выше закономерность, подмеченную А.Урсуллоу, «постепенного смещения центра тяжести в распределении используемых объёмов этих ресурсов от сфер рефлексии прошлого к представлениям будущего: от «жить, как жили отцы и деды» к «жить, как живут в продвинутых группах, слоях, странах» и далее - в соответствии с собственными моделями - проектами будущего», будем рассмат-

ривать самобытность столицы в контексте этих проектов будущего.

Уже приведённый ранее список «западников» и «славянофилов» можно рассматривать как фрагмент списков авторов двух проектов «западного» и «почвеннического» по модернизации России.

Как оказалось при более внимательном рассмотрении авторских списков эти два мировоззренческих течения в своей духовной динамике (ДД) допускают разбиение по теоретическим школам, более детальную классификацию которых, т.е. течений общественной мысли, дал А.Г.-Дугин в «Эволюции национальной идеи Руси (России)», 2005 (см. рис.).

Дальнейшее обобщение этой классификации позволило выявить субъектов истории, как их представляли названные и вновь появившиеся во второй половине XX века научные школы (см. рис. внизу).

Конечно, важно не только указать, какие масштабные субъекты истории закладываются в качестве демиургов «национальной идеи», но и какие проекты, отвечающие этим идеям, оказались успешными, а какие провальными. На наш взгляд, успешным ока-

УТОЧНЁННАЯ ДД - КЛАССИФИКАЦИЯ

(ДУГИН А.Г., 2005)

либерально-этантистская западническая школа:

Н.М.Карамзин, С.М.Соловьёв,
В.О.Ключевский - Б.Н.Чичерин,
К.Д.Кавелин, П.Н.Митюков и
П.Б.Струве

● национал-консервативная школа:

● С.С.Уваров, К.П.Победоносцев,
Д.И.Иловайский и т.д.

революционно-демократическая школа, позже развившаяся в марксистско-советскую:

● А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский,
П.Л.Лавров, Г.В.Плеханов,
М.Н.Покровский, С.Я. Лурье и др.
советские историки-марксисты

славянофильско-евразийская школа:

А.С.Хомяков, И.В.Киреевский
братья А.С. и К.С.Аксаковы
К.Н.Леонтьев, Н.Я.Данилевский
кн.Н.С.Трубецкой,
А.В.Флоровский, Г.В.Вернадский
П.Н.Савицкий, Н.В.Устрялов

зался проект модернизации Японии, отвечающий национальной идее «вакон-ё-сай»: «японская душа – европейские знания». Он позволил Японии уже во второй половине XX века войти в первую пятёрку развитых стран мира, опираясь, с нашей точки зрения, на 4 субъекта истории, раскрываемых в рамках приведённой терминологии как *государство, хозяйство, народ, наука*.

Любой национальный проект имеет в своей основе не только субъектов-креаторов, определённые или примерные сроки реализации, но и явно указываемые «национальной идеей» социальные инварианты-источники и условия эволюции социума такие, например, как те, что сформулированы и в японской, и в уваровской идеях. Однако, ради исторической правды стоит сказать и об авторах «нулевых» проектов. Так уважаемый академик Д.С.Лихачёв неумоимо доказывал необходимость переустройства России, не опираясь ни на какую «национальную идею». В контексте миграционных процессов это означало

бы «толерантную всеядность», которая бы превращала Россию в жертву случайных факторов всемирного миграционного взрыва.

Надо признать, что, начиная с 1990-х годов уже существовало много попыток в среде московских интеллектуалов внести свою лепту в разработку общенародной идеологии, её сердцевины в виде так называемой «национальной идеи». К примеру, разработки, начатые в «Индем» под руководством Г.А. Сатарова – помощника Первого президента РФ, завершились формулировками, «какими свойствами не должна обладать эта идея, например: она не должна быть моноконфессиональной и монопартийной». Группа авторов журнала консервативной мысли «Русское Время», анализируя крах трех проектов мирового значения (либерального, «красного» и «коричневого»), предлагает [11] в «проект обустройства России», названный «4-ой политической теорией» взять следующее наиболее ценное из них: из либерализма – «черпает ценность свободы; из коммунизма – этический

идеал справедливости, равенства и гармоничного человеческого общежития, основанного на преодолении отчуждения; от «третьего пути» берёт ценность этноса, народа, религии, духовности, семьи и сакральности». Многочисленный коллектив учёных и специалистов, сложившийся вокруг журнала «Безопасность Евразии», шеф-

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ - ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДД - РЕФЛЕКСИИ, УЧИТЫВАЮЩЕЙ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Субъект истории - хозяйство (либеральная и социалистическая школа),

Субъект истории - государство: национал-консервативная и либерально-элитаристская школа

Субъект истории - народ: (революционно-демократическая школа)

Субъект истории - классы (марксистская школа)

Субъект истории - наука как производительная сила (Анчишкин А.И. Моисеев В.Н., Трапезников В.А., Кузнецов В.Н.)

Субъект истории - цивилизация, геополитические общности: славянофильско - евразийская школа

Субъект истории - геоэкономические общности: пул ГНК, региональные кластеры - АЭС и т.п. (Э. Г. Кочетов и др.)

редактором которого является член-корр. РАН В.Н.Кузнецов, уже в течение десятилетия аккумулирует самые разнообразные идеи и разработки по геополитике, геоэкономике, геокультуре, социологии безопасности, в которых ставятся, обосновываются и частично решаются задачи формирования новой российской идеологии на основе учёта достижений новых гуманитарных технологий, реализованных в ключе развития «культуры жизни», противопоставляемой западной «культуре смерти».

Сегодня, когда, фактически, нет утвердившейся общенародной идеологии, не стоит поддаваться пессимизму. На самом деле её зачатки уже видны и опираются они на стратегический курс построения инновационной экономики в многоэтническом обществе в условиях уже продвинутых фаз его информатизации.

В книге А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» убедительно показано, что по большому спектру товаров Россия из-за своего географо-климатического положения (континентальность, т.е. наибольшая в мире удалённость внутренних областей от береговой линии, замерзаемость прилегающих морей) никогда не станет конкурентоспособной страной из-за самых больших в мире накладных расходов на производство и на транспорт. Об этом много раньше писал один из теоретиков евразийства П.Н.Савицкий, пришедший к альтернативной «морским странам» экономической стратегии в отношении обычной торговли — на основе принципа «соседства».

По всему выходит, что одни из немногих товаров, не входящих в список обычных товаров «мирового рынка» стран «океанического круга» являются информационные и вообще наукоёмкие

технологии, — единственный путь не «сырьевой альтернативы».

Чтобы в такой многоэтнической стране как Россия поддерживать постоянный приток инноваций, убеждены, мало просто поддерживать уже сложившиеся или сейчас складывающиеся технологически прорывные научные школы, наукограды и технопарки типа Дубны, Пушкино, Сколково, Троицка, Фрязино и т.п.

Следует иметь в виду и дальнесрочную перспективу, выстраивая многоаспектную инфраструктуру кадровой, образовательной, в широком плане информационной, включающей создание не только баз знаний и коммуникационных сетей доступа, но и в хорошем смысле пропагандистскую работу, обще- и автономно — культурной подпитки растущего организма инновационного сектора.

Такая инфраструктура, во-первых, помимо производства новых рабочих мест для молодёжи — носителей разноэтнического интеллектуального потенциала — обеспечит генерирование «надежд» широких масс на вертикальную мобильность их детей в сферы высоких технологий, что безусловно повысит социально-политическую стабильность российского общества. Во-вторых, в России, единственной стране мира так богатой социально-генетическим ресурсом (свыше 150 этнических групп и народностей), выстраиваемый инновационный комплекс вовлекает этот ресурс в разнообразную комбинаторику сочетания разных исторических опытов и мировоззренческих позиций, что с информационно-кибернетических позиций создаёт объективную основу для возникновения своеобразной «когнитивной машины», по вероятности, продуктивной на неожиданные открытия в науке и

культуре, распознавательная мощность которой зависит от множества культурных кодов этносов, составляющих суперэтнос данной страны, а с другой стороны, «алфавит» машины. Объединение таких машин в мировом масштабе – безальтернативный выход перед нарастающим валом усложняющихся угроз планетарного и выше уровня. Подтверждением верности этого являются успехи общемировых научно-технологических проектов, объединяющих множества разно национальных коллективов учёных и специалистов: 1) расшифровка генома человека; 2) доказательство грандиозной теоремы 20 века по классификации всех алгебраических конечных групп; 3) международная космическая программа и т.д.

Важно подчеркнуть, что если с информационно-кибернетических позиций, в принципе, любой этнос можно рассматривать как стихийно сложившуюся и соответственно функционирующую такую «машину», то в нашем подходе к России как суперэтносу предлагается, *впервые сознательно строить и исследовать стратегию управления такой объединённой «когнитивной машиной» как пилотный проект для мирового общественного воспроизводства.*

А чтобы эта система общественного воспроизводства заработала как расширенно самовоспроизводящийся механизм, предлагается, опираясь на обобщение опыта СССР, на базе Москвы и Московской области создать бизнес-инкубатор разноэтнических кадров как для страны – суперэтноса, так и 5-ой евразийской общности.

Такой проект построения евразийской общности с мощной инновационной экономикой будет обуславливать совсем иную мотивацию иммигрантов как человеческого

капитала, концентрирующегося в Москве и Московской области.

Выводы

1. В социуме мегаполиса доминирующая установка по рождаемости (на малодетность) коренного населения в среднем вытесняет иноэтнические установки в прибывших мигрантских группах.

2. Вызывают тревогу результаты максимальных сценариев: численности в возрастных группах русских и кавказцев становятся вполне сопоставимыми и различаются всего в 2-3 раза. И хотя по совокупной численности демографических пирамид безусловное преимущество в Москве за «русскими», ибо в группе «кавказцев» слабо представлены как старшие – Г 5%, так и пока ещё младшие группы, но «попустительство» неконтролируемой миграции может сформировать определённую угрозу.

3. Известно, что средний по России коэффициент рождаемости преодолел «вялые колебания» 2000-2006 гг. в окрестности 1.3 и обнаружил рост (2007-2009 гг.) до 1.537. И хотя это весьма далеко до рубежного значения (2.15), всё же поворот в глубинных настроениях социума формируется: если судить об этом не только по данным социологического исследования о приметных максимальных значениях (2.568) коэффициента рождаемости в группе «русских» 25-29 лет, но и по тенденции к росту коэффициента духовности московского студенчества.

4. Полученные коэффициенты рождаемости в столице подтверждают общеевропейскую тенденцию малого вклада мигрантов в суммарный коэффициент рождаемости – в пределах 0.1-0.08 (Австрия, Бельгия, Испания), 0.16 – Швейцария [4], что, на наш взгляд, объяснимо с позиций введённой гипотезы.

5. Принимаемая российским социумом та или иная национальная идея, как показывает история, оказывает на иммиграцию решающее фильтрующее воздействие.

6. Модернизация российской экономики на базе научного подхода к формированию инновационного сектора системы общественного воспроизводства складывающегося ядра пятой формации евразийской общности создаст новую мотивацию московской иммиграции.

Литература

1. Зайончковская Ж. А. и др. Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009, 296 с.

2. Терзич С. Историческая подоплёка событий в Косово и Метохии // Обозреватель, 1998, № 10

3. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования, Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора социологических наук, М., 2004.

4. Урсул А.Д. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ. Коллективная монография «Смысл Великой Победы» / Под общей ред. В.Н.Кузнецова, М.: Книга и бизнес, 2010.

5. Шведовский В.А. Об основах выбора стратегического направления развития многоэтнического государства (социальные коды, социальный генотип и место в глобальном социоморфогенезе – на примере России), Безопасность Евразии, №1, 2001.

6. Захаров С.В., Сурков С.В. Иммиграция и рождаемость в России // «Демоскоп Weekly», 23 ноября – 6 декабря, № 399-400, 2009.

7. Штомпка П. Социальное изменение как травма. М.: Аспект Пресс. 1996.

8. Шведовский В.А. О гипотезе

ограничения рождаемости в основных этнических группах иммигрантов Москвы // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. Российский государственный социальный университет. М.: Изд-во «Союз», 2010. Вып. 9 (21). С.27-29.

9. Шведова Л., Клубов А.В. Методологические основы организации организации социологического мониторинга социальных страхов, террористических угроз среди студенческой молодёжи (результаты социологического исследования 2007 г.) / Основы социологии терроризма. Коллективная монография. М.: 2008 г., 351 с.

10. Шведовский В.А., Шведовская Т.Л. Глава 9 «Оценка изменения ценностной ориентации студенческой молодёжи в России» в книге «Состояние и тенденции межнациональных отношений этнодемографического развития населения г. Москва: социологический и социально-психологический аспекты / Камнев А.Н., Кондратьев М.Ю. и др. – М.: Государственное учреждение «Московский дом национальностей», МГУ им. М.В.Ломоносова, МГППУ, 2004.

11. Добренков В.И., Дугин А.Г. К внешне-политической стратегии России в XXI веке, Русское Время – Журнал консервативной мысли, №1(2), 2010.

Ссылки:

1 Хазары – кавказские племена, обитавшие на территории нынешнего Дагестана. Киев стал данником каганата после 940 г.

2 Не волонтеристскими «проектами», а обусловленными методически выверенной, в том числе моделированием и прогнозированием, необходимостью

3 Бартоломью Д. Стохастические модели социальных процессов. М., 1985. С. 6.

4 Ефремов В.А., Леонтьев А.С.

Использование аппарата Марковских процессов в социологических исследованиях межконфессиональных отношений в России // Математическое моделирование социальных процессов, Вып.8. – М.: МГУ, 2006. С.23

5 «На долю России приходится пятая часть (21%) мировых запасов ресурсов, это больше, чем удельный вес её территории (12.6%), не говоря уже о доле страны в мировом населении (2.4%). России обладает 45% мировых запасов

природного газа, 13% - нефти, 23% - угля и т.д.» - Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы, 2003.

6 Л.Н. Гумилёв. От Руси до России, М.: ООО «Издательство В.ШЕВЧУК», 2001, с.146-147.

7 Впрочем, на Руси уже издавна – по естественной «соседской» причине – возникали «прозападные партии», например, в 11 веке при Святополке II до 1113 года, а затем – после XIII века.

Приложение 1.

Анкета с данными опроса московских студентов (2007 г.)
Выскажите отношение к следующим положениям?

Москва	Категорично Да	В основном Да	Скорее Да, чем Нет	Ни Да, Ни Нет	Скорее Нет, чем Да	В основном Нет	Категорично Нет
Надо стараться налаживать хорошие отношения друг с другом	55,7	27,0	10,5	3,2	1,2	0,8	1,5
Сначала надо создать нормальные жилищные условия для москвичей	53,8	18,1	12,2	8,2	2,7	1,9	3,1
Я живу в России, люблю ее и никуда не хочу из нее навсегда уезжать	42,8	18,5	13,3	12,6	5,5	3,8	3,6
Нелегальные эмигранты - вон из Москвы	42,2	14,3	15,2	10,4	5,5	3,9	8,5
Москва - это не собес - орган социального обеспечения для СНГ и зарубежья	34,1	16,7	14,2	17,2	7,1	3,7	7,1
Бюджет Москвы должен тратиться на нужды Москвичей	32,0	23,6	18,2	10,9	6,3	2,4	6,7
Москвичи становятся меньшинством	29,2	20,0	18,8	12,5	9,4	5,4	4,8
Интеграция мигрантов в московскую среду - это убийство Москвы	28,0	15,1	16,6	15,8	11,3	4,8	8,4
Если бы привелось уезжать из России, то уехал бы на Запад, но не в США	26,3	19,4	19,5	13,5	6,4	3,6	11,3
Мы ведь тоже практически везде являемся иностранцами	25,7	30,3	14,8	14,3	5,4	4,3	5,3
Следует улучшить интеграцию мигрантов в Москве	22,6	12,6	12,5	14,9	9,9	8,4	19,1
Права вынужденных мигрантов надо ограничивать	22,0	17,0	20,5	12,7	13,8	7,5	6,5
Права беженцев надо охранять по всей России	21,4	17,1	24,0	18,2	8,6	2,4	8,4
В лодке нет свободных мест	20,6	12,1	18,2	25,0	9,5	5,0	9,6
Враждебность к рабочим-приезжим вредит экономике	16,2	14,1	17,5	17,3	15,4	7,2	12,3
Надо мягче относиться к вынужденным переселенцам	12,4	17,4	23,6	11,9	12,3	8,5	13,8
Мультикультура означает мультикриминал	12,3	12,8	15,3	29,9	12,8	8,4	8,6
Мне по душе страны Востока и Юго-Востока, например хотел бы жить в Японии или на Таити	5,9	5,7	11,5	18,1	13,7	14,0	31,0
США - это мой идеал страны проживания	2,1	3,2	4,8	12,2	10,1	12,9	54,6

Российская деловая культура: проблемы становления и развития

Гавриленко О.В.

Статья посвящена проблемам формирования и развития российской деловой культуры, влиянию национальной культуры на специфику функционирования современных российских организаций и организационное поведение в целом. Для анализа российской деловой культуры используются существующие базовые модели деловых культур, а также результаты ряда эмпирических исследований. В работе также рассматриваются различные аспекты кросс-культурного взаимодействия в условиях глобализации бизнеса.

Ключевые слова: национальная культура; деловая культура; российская деловая культура; организационная культура; ценности и нормы; кросс-культурные взаимодействия.

Gavrilenko O.V.

The problems of formation and development of Russian business culture

This article is dedicated to the problems of formation and development of Russian business culture and the influence, which exert the national culture, on functioning of modern Russian organizations and organization behavior in whole. The basic models of business culture and results of empirical research are used to describe the Russian business culture and its specificity. In paper are also examined the different questions of cross-cultural interaction in the context of business globalization.

Key words: national culture, business culture, Russian business culture, organizational culture, values and norms, cross-cultural interactions.

Глобализация бизнеса, участие организаций в различных формах международной кооперации, стремление компаний к расширению своей деятельности выявляют новые проблемы управления современной организацией, связанные с различием культур. Эффективность международной деятельности во многом зависит от понимания культуры другой страны, осознания культурных различий между нациями и возможности адаптироваться к данной ситуации. Понимание деловой культуры своего партнера по бизнесу – важнейшее условие эффективного взаимодействия в международном бизнесе. Чтобы понять свою роль на глобальном рынке и строить бизнес, опираясь на реалии своего рынка, необходимо понимать то место, которое занимает национальная деловая культура в общей структуре деловых культур мира. Незнание культуры своего делового партнера и непонимание своей собственной культуры ведут к стереотипности деловых отношений. В связи с этим необходимо изучать особенности национальных культур, их влияние на культуру конкретной организации и на организационное поведение в целом, необходимо разрабатывать методы улучшения межкультурного взаимодействия, мотивации, лидер-

ства с учетом специфики культуры страны.

Эта проблема актуальна и для российского бизнеса. Для России процессы глобализации и интернационализации экономики имеют особое значение, так как, с одной стороны, страна продолжает процесс рыночной трансформации, эффективность которой во многом связана с внешнеэкономической деятельностью; а с другой стороны, по сравнению со многими другими странами, Россия вынуждена наверстывать в развитии внутренней рыночной инфраструктуры и активизации внешнеэкономических связей, поскольку страна долгое время находилась в некоторой изолированности от мировой экономики. Россия заинтересована в превращении своей экономики в привлекательный для внешней торговли и зарубежных инвестиций рынок. Россия активизирует свои усилия по проникновению на внешние рынки: помимо традиционного экспорта сырья, энергоносителей и других ресурсов, импорта иностранных товаров, создания совместных предприятий развиваются и другие формы международной кооперации, такие как производство по контракту, открытие филиалов, приобретение акций иностранных компаний и т.д.

Национальная культура во многом определяет поведение работников компании и оказывает серьезное влияние на организационную культуру, на модель управления. Этим объясняется внимание менеджеров, которое они уделяют изучению национальных особенностей, межкультурных различий в тех странах, где работает организация. Культурологический анализ помогает понять процессы, происходящие внутри организаций, объединяющих представителей различных культурных, суб-

культурных и профессиональных групп. Концепция организационной культуры не только способствует пониманию субкультурных феноменов внутри организации, она используется для анализа проблем межнационального и межэтнического взаимодействия, т.к. все чаще приходится работать с представителями всевозможных сообществ в рамках совместных предприятий, стратегических альянсов и объединений. *Национальную культуру* можно определить как совокупность ценностей, установок, убеждений и норм, принятых в стране и разделяемых большинством ее жителей. *Национальная деловая культура*, являясь частью национальной культуры, включает нормы и правила ведения бизнеса, деловую этику, деловой этикет. Национальная культура оказывает влияние на глубинный уровень организационной культуры (по модели Э. Шайна), уровень общечеловеческих ценностей, верований, базовых представлений, что, в конечном счете, и определяет специфику культуры конкретной организации (формирует уровни ценностей и артефактов).

Исследователи, изучающие поведение людей в различных национальных культурах, выделяют ряд параметров, которые позволяют выявить культурные различия и сходства [1]. Наибольшую популярность получили следующие параметры, характеризующие особенности национальной культуры: религия, язык, отношение к формальностям, социальное и личное пространство, отношение к природе, отношение к использованию времени, отношения между людьми и др.

Во многих культурах *религия* является доминирующим фактором, оказывающим серьезное влияние на характер деловых связей,

этические установки работников, график работы, внешний вид и т.д. Глубокие религиозные и философские убеждения формируют беспрекословно соблюдаемые правила ведения бизнеса. Религиозные верования оказывают влияние на обрядовую сторону жизни верующего, на структуру потребления (табу в отношении тех или иных товаров). Религия определяет и роль женщин в экономике страны, налагая ряд ограничений на их возможности как работников, потребителей. Если в разных странах преобладающее место принадлежит одной и той же религии (христианству, исламу, буддизму), это может быть основой для сходства культур. Так, например, существуют базовые принципы построения этического бизнеса в модели исламского экономического поведения: свобода предпринимательской деятельности и заключения договора, справедливость, законность, этическое поведение управляющих и управляемых, благотворительность и милосердие [2]. Хотя эти принципы достаточно универсальны, тем не менее, они имеют свою специфику. Так, принцип законности подразумевает, что есть виды деловой активности, рассматриваемые в исламе как запрещенные: ростовщичество (что определяет специфику банковской сферы), неопределенные сделки с повышенным риском (опционы, фьючерсы), виды деятельности, несовместимые с моралью ислама (игорный бизнес, лотереи, спекуляции с ценными бумагами), традиционное коммерческое страхование, установление монополии, нерациональное использование природных ресурсов, производство и торговля запрещенными товарами (алкогольная, табачная продукция, свинина, предметы языческого поклонения и др.) [3].

Очень сильное влияние на ведение бизнеса в азиатских странах (Китай, Сингапур, Гонконг) оказало конфуцианство, что проявляется в соблюдении неравенства в отношениях (отец – сын, старший – младший, руководитель – подчиненный и т.д.), в необходимости всегда «сохранять свое лицо», в коллективизме, высокой ценности человеческих отношений в бизнесе. Христианство, в силу своей неоднородности, демонстрирует сложное отношение к предпринимательству. Если протестантизм, прежде всего кальвинизм и лютеранство, внес свой вклад в формирование и укрепление предрасположенности к предпринимательству (как это показал еще М. Вебер), то православие относилось всегда с большим подозрением к «чистому духу стяжательства».

Языки часто образуют барьеры в деловом общении и создают коммуникативные проблемы. Исходя из модели организационной культуры Э. Шайна, язык является одним из артефактов культуры организации, находится на вершине «айсберга», в основании которого лежат культурные ценности, нормы, верования, базовые предположения [4]. Каждый конкретный акт коммуникации определяется культурными различиями собеседников. В межкультурной коммуникации принято различать коллективистский и индивидуалистский виды культуры [5]. Коллективистский вид культуры распространен преимущественно среди восточных народов, где важной ценностью является отождествление себя с коллективом. Часто представители такой культуры употребляют местоимение «мы», высказывая свое личное мнение. В целях улучшения межличностного взаимодействия личные интересы уходят на второй план. Кол-

лектив, группа – устойчивое явление социального мира, в то время как отдельный индивид является его «преходящей» частью. В индивидуалистских культурах акцент делается на личность, главной ценностью является индивидуализм. Тот или иной вид культуры порождает свой тип общения. Так, представители коллективистских культур стараются избегать прямых взаимодействий, делая акцент на невербальных средствах коммуникации, в то время как представители индивидуалистских культур предпочитают прямые, вербальные, формы общения.

Не менее важным аспектом межкультурного взаимодействия являются *невербальные коммуникации*. Мимика, жесты, взгляды, паузы, знаки приветствия могут быть неверно истолкованы или вызвать недоумение, т.к. в рамках другой культуры они имеют совершенно иной смысл. Так, одни и те же жесты могут иметь различное значение в рамках той или иной культуры и субкультуры. Например, классический американский жест «окей» («все в порядке»), в Японии означает «деньги», во Франции – «ноль», в Тунисе – «я тебя убью», в ряде стран Латинской Америки жест имеет оскорбительное значение. Крепкое и энергичное рукопожатие, традиционное для делового протокола США, Европы, России, абсолютно не свойственно странам Южной и Юго-Восточной Азии. Очень большое значение в кросскультурных коммуникациях имеет взгляд. В арабских странах, Латинской Америке, в Юго-Восточной Европе партнеры при общении стремятся все время смотреть друг другу в глаза, в то время как в большинстве стран Азии прямой взгляд в глаза считается непри-

личным и может рассматриваться как демонстрация угрозы или враждебности [6].

Исходя из специфики процесса коммуникаций, можно говорить о двух типах культур – *низкоконтекстных и высококонтекстных*. Учение о высоко- и низкоконтекстуальных культурах (Э. Холл) предполагает, что культуры различаются по значимости высказываемого прямо и подразумеваемого («что сказано, как сказано, кем, в какой ситуации»). В культуре низкого контекста начальник (например, американец) спокойно говорит подчиненному, что от него требуется и что он получит в случае успешного выполнения задания. В культуре высокого контекста важно умение «читать между строк», понимание интонаций начальника. Характер и результаты процесса коммуникации определяются и степенью информированности его участников. В культурах низкого контекста (США, Германия, Швейцария) для полноценного общения необходима дополнительно подробная и детальная информация, т.к. в этих культурах плохо развиты неформальные сети информации и люди оказываются слабо информированными. Культуры высокого контекста (Франция, Испания, Италия, Япония) отличаются высокой плотностью информационных сетей, что предполагает тесные контакты между членами семьи, постоянные контакты с друзьями, коллегами, клиентами. Российская деловая культура является культурой высокого контекста.

Важным параметром для понимания культуры является использование *социального и личного пространства*. В некоторых культурах поощряется использование социального пространства,

в других предпочтении отдается личному пространству. В Северной Америке предпочитают личное пространство, чем больше ограничен доступ к руководителю, тем выше его статус. Восточная культура ориентирована на социальное пространство, руководитель часто находится в одной комнате с подчиненными. Индивидуальная дистанция между людьми определяется культурными традициями страны. Арабы и латиноамериканцы в процессе переговоров стремятся максимально сократить дистанцию, вторгаясь в чужое интимное пространство. Представители скандинавских стран, Северной Америки, большинства европейских стран предпочитают большую дистанцию (0,5-1,5м.), что воспринимается носителями других культур как холодность, неприязнь («чопорные» англичане). Попытка сократить индивидуальную дистанцию может вызывать внутреннюю негативную реакцию и создать неудобство для партнера.

В разных культурах можно наблюдать различное отношение к соблюдению формальностей, связанных с ведением бизнеса, традициями, обычаями, ритуалами. Прежде чем начать переговоры, представители восточной, латиноамериканской культур совершают определенный ритуал знакомства, проводят предварительную беседу на отвлеченные темы. В то время как североамериканцы, немцы и др. сразу переходят к делу, не тратя время на «пустые» разговоры. По-разному носители тех или иных культур относятся к соблюдению рабочего графика, сроков, к опозданиям. Также отличается в разных культурах отношение к выполнению контракта. Так, для американцев, немцев, британцев соблюдение всех требований контракта является обязательным,

никакие внешние обстоятельства (даже важные) не могут оправдать невыполнение контракта. Для представителей стран Азии контракт также важен, но в случае серьезных изменений условий, появления новых обстоятельств возможным и правильным является пересмотр контракта на взаимовыгодной основе. А, например, латиноамериканцы воспринимают контракт как некий «идеальный» документ, к соблюдению которого по возможности надо стремиться.

В разных национальных культурах существует различное отношение людей к природе. Это может быть подчинение природе, поиск гармонии с природой либо господство над природой. В некоторых странах доминирует подчиненное отношение к природе, «обожествление» природы, природные катастрофы воспринимаются как «наказание», «кара». Представители других стран, прежде всего азиатских, стремятся жить в гармонии с природой. Человек является частью природы, поэтому он не должен наносить вред окружающей среде: загрязнять природу, неразумно использовать природные богатства. Это проявляется, в частности, в стремлении к использованию энерго- и ресурсосберегающих технологий. В большинстве западных стран человек противопоставляет себя природе, стремится господствовать над природой. Человек своей хозяйственной деятельностью наносит непоправимый вред природе («все на благо человека!»). Отношение индивида к природе формирует его мировоззрение, создает нормы и стереотипы поведения.

Среди моделей, используемых для анализа межкультурных различий, наибольшую известность получили: модель национально-культурных различий Ф. Тромпе-

наарса – Ч. Хемпден-Тернера; модель изучения культурных ценностей «4+1» Г. Хофштеде; модель английского культуролога Р. Льюиса. Мы остановимся подробнее на этих моделях, показав, как в их терминах может быть описана специфика российской деловой культуры.

Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тернер исследовали кросс-культурные различия и предложили ряд направлений, на основе которых необходимо строить международные отношения в рамках глобальной деловой сферы. Авторы выделили семь шкал делового поведения в национально-культурном контексте. По пяти шкалам описываются человеческие взаимоотношения (универсализм – партикуляризм, специфичность – диффузность, индивидуализм – коллективизм; эмоциональность – нейтральность, достижение – аскрипция), по шестой – отношение ко времени и по седьмой – отношение к окружающей среде (внутренний или внешний контроль).

Параметр «универсализм – партикуляризм» характеризует ориентацию либо на универсальность для всех людей одних и тех же «правил игры», законов, либо на избирательность в применении правил. В универсалистских культурах (Германия, США) культивируется понимание того, что закон един для всех, существующие правила надо соблюдать, условия контракта необходимо выполнять, в бизнесе важнее решаемая задача, чем человеческие отношения. В партикуляристских культурах (Латинская Америка, арабские страны) существуют различные правила для своих и чужих, обстоятельства и ситуация диктуют правила, в бизнесе важнее всего устанавливать и поддерживать личностные отношения, соответ-

ственно, в случае необходимости, контракты можно корректировать. Российская деловая культура является *партикуляристской*, что характеризуется такими переменными как наличие частных привилегий, «всемогущество дружбы» в делах, «игра не по правилам», относительность закона, постоянное использование личных связей и т.д. [7].

Второй параметр, «специфичность – диффузность», показывает то, как воспринимается индивид в организации – как исполнитель определенной ролевой функции (главное, какой он профессионал, все остальные аспекты, в том числе, личной жизни, остаются «за кадром») или как целостная личность во всей своей многогранности. Российская деловая культура является *диффузной*, что характеризуется целостным подходом к личности сотрудника, глубокими межличностными контактами, проявлением личностных симпатий на рабочем месте, привнесением элементов личной жизни в рабочую среду (например, празднование дней рождения на рабочем месте, совместный отдых, «корпоративы»).

Как уже отмечалось, выделяют *индивидуалистские* и *коллективистские* культуры. В большинстве западных стран (США, Германия? Великобритания, скандинавские страны) поощряется индивидуализм как культурная ценность, самостоятельность, независимость, индивидуальная ответственность. В восточных странах (Китай, Япония) ценится ориентация на групповые ценности, сотрудничество, подчеркивается важность коллективного успеха, большое значение придается иерархии, уважению к статусу. На наш взгляд, в этом параметре наиболее очевидно проявляется то,

что Россия является «евразийской» страной. В западной части России (прежде всего, в крупных мегаполисах) сегодня достаточно ярко проявляются черты индивидуализма (особенно, если мы говорим о молодом поколении) – желание «полагаться только на себя», не рассчитывать на чью-либо помощь, отстаивать свои интересы, но в целом по России наблюдается большее стремление к коллективизму (что обусловлено, в том числе, исторически). Это проявляется во взаимопомощи, преданности коллективу, семейственности, «размывании» ответственности, сплоченности, уравниловке (россиянам, в целом, свойственно негативное отношение к чужому богатству, т.к. «трудом праведным не наживешь палат каменных»).

Четвертый параметр «эмоциональность - нейтральность» описывает отношение к эмоциям и возможности их открытого проявления. В нейтральных культурах (Япония, Великобритания) эмоции принято контролировать, необходимо проявлять сдержанность на людях, «сохранять лицо», «эмоции мешают работе». Представители эмоциональных культур (латиноамериканцы, итальянцы, французы) выражают свои чувства открыто и естественно. Ценится живость характера, красноречие, искренность в отношениях. Российская деловая культура является скорее эмоциональной, чем нейтральной, россиянам свойственна искренность, сентиментальность, импульсивность, чувство юмора, спонтанность («говорят то, что думают») [8]/

Параметр «достижение - аскрипция» указывает на то, чем определяется статус члена общества. В культуре, ориентированной на достижение, статус определяется личными успехами, профессио-

нальными достижениями, компетентностью, самореализацией на рабочем месте (США, Австрия, Великобритания). Человек оценивается исходя из того, что *он сделал*. В аскриптивной культуре, ориентированной на принадлежность, статус определяется, прежде всего, принадлежностью человека к той или иной группе по кровно-родственному, возрастному или профессиональному признаку. Здесь человек оценивается на основании того, *кто он есть*. В России преобладает аскриптивная культура, культура статусности, т.е. выраженным является желание занять определенное положение («получить должность в кормление»), пользоваться различными привилегиями («мигалки» на дороге).

Представители тех или иных культур по-разному относятся ко времени, живут настоящим, прошлым или будущим. На Западе господствует линейная модель времени, на Востоке – цикличная. На востоке говорят: «Когда Бог создавал время, Он создал его достаточно» [9]. Исходя из циклической природы времени, деловые решения на Востоке принимаются иначе, чем на Западе. Западный человек ждет быстрого решения, основанного на сегодняшних выгодах и преимуществах, не учитывая того, что было в прошлом. Для восточного человека прошлое создает контекст, основу настоящего решения. С точки зрения американцев, время, в течение которого не было принято решение и не было сделано дело, потрачено впустую. Восточные же люди смотрят на время не как на нечто уносящееся в линейное будущее впустую, но как на вращающееся по кругу, с теми же возможностями, рисками, опасностями, тогда как люди стали уже

мудрее за это время. В российской деловой среде преобладает полихронно-синхронная организация рабочего времени [10], со свойственной ей параллельностью действий, направленных на решение нескольких задач одновременно, и высокой скоростью реакции на изменение внешней среды. Российским менеджерам свойственна как долгосрочная ориентация (откладывание решений, длительное выстраивание деловых отношений, затягивание переговоров), так и ориентация на краткосрочную перспективу (нацеленность на немедленный результат, на быстрое получение прибыли, стремление жить сегодняшним днем).

Наконец, *отношение к окружающей среде*. По отношению к окружающей среде культуры в рамках данной модели делятся на внутренне и внешне управляемые. Представители первого типа культур (США, Швейцария, Австрия) верят в возможность контроля получаемых результатов, чувствуют себя «хозяевами своей судьбы» («то, что со мной происходит, это результат моих собственных действий и решений»), что выражается, в том числе, в стремлении переделать окружающую среду. Психологи относят таких людей к «интерналам», людям с внутренним локусом контроля. Представители второго типа (Япония, Китай, страны Латинской Америки, Африки) считают, что события идут своим чередом, к внешней среде надо приспосабливаться, чувствуют себя скорее «заложниками судьбы» («что будет, то будет», «от меня мало что зависит»). Это люди с внешним локусом контролем («экстерналы»), которые в отношении с окружающей средой проявляют большую гибкость и стремление к гармонии с природой. Что касается России, то россиянам

больше свойственен внешний локус контроля («я – человек маленький»), «во всем виноваты внешние обстоятельства») и, как следствие, пассивность, фатализм, безграничное терпение и адаптация к внешним условиям.

Как уже отмечалось выше, значительный вклад в изучение различий национальных культур внес голландский ученый Г. Хофштеде, который исследовал особенности деятельности дочерних компаний корпорации «Ай-Би-Эм» более чем в 60 странах [11]. Хофштеде использовал для анализа четыре параметра: индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, стремление избежать неопределенности, мужественность/женственность. В дальнейшем он выделил пятый параметр – долгосрочность/краткосрочность ориентации. Оценка каждого параметра осуществлялась по 100-балльной шкале. Сам Хофштеде не проводил исследование в России, но его методика была использована специалистами кафедры теории организации и управления ГУУ для выявления особенностей российской деловой культуры (в дальнейшем мы будем ссылаться на результаты данного исследования) [12].

Индивидуализм имеет место в случаях, когда люди определяют себя как индивидуальность и заботятся только о самих себе, своей семье. Сотрудники организации не желают вмешательства в личную жизнь, дистанцируются друг от друга, считают, что должны надеяться только на себя, отстаивать свои интересы. Доминирует ценность личного успеха и карьеры. *Коллективизм* характеризуется тесной взаимосвязью человека с группой. Группа заботится об удовлетворении потребностей членов группы, обеспечивает им под-

держку и безопасность взамен на их преданность. Сотрудники ожидают участия организации в решении их личных дел, ждут защиты от предприятия, они достаточно лояльны своей организации. Индивидуализм как ориентация работника свойственен США, Голландии, Франции, Канаде, Великобритании, Скандинавским странам и т.д., а коллективизм – Китаю, Японии, Индонезии, Колумбии и др. России, по оценке отечественных исследователей, больше свойственен коллективизм, но при этом в крупных городах у более молодого населения все чаще проявляются черты индивидуализма.

Второй параметр «дистанция власти» измеряет степень, в которой наименее наделенный властью индивид в организации принимает неравноправие в распределении власти и считает его нормальным положением вещей. В культурах с высоким уровнем дистанции власти сотрудники редко выражают свое несогласие с решениями руководства, легко принимают директивный стиль руководства, структура организации как правило многоуровневая с тенденцией к централизации (Китай, Гонконг, Франция, Италия, Индия, большинство африканских, латиноамериканских стран). Подчиненные ожидают, когда им скажут, что и как надо делать. В культурах с низким уровнем дистанции власти сотрудники предпочитают демократический стиль руководства, при необходимости выражают несогласие с мнением начальства, организационная структура чаще плоская, децентрализованная (США, Швеция, Германия, Голландия, Великобритания...). В России можно говорить о значительной дистанции власти [13].

Параметр «стремление избежать неопределенности» измеряет степень, в которой люди чувствуют угрозу от неопределенных, неясных ситуаций и стремятся их избежать. Для снижения ситуации неопределенности люди создают условия, обеспечивающие им большую стабильность, посредством применения формальных правил, отвержения девиантных идей и поведения. В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности руководители организаций, как правило, концентрируются на частных вопросах и деталях, ориентированы на выполнение задания, не любят принимать рискованных решений и брать на себя ответственность (Франция, Греция, Япония, Китай). Руководство склонно полагаться на мнение специалистов и экспертов. Сотрудники же любят четкие указания, негативно относятся к риску и сопротивляются переменам. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности руководители концентрируются на стратегических вопросах, готовы принимать рискованные решения и брать на себя ответственность (Швеция, США, Германия, Гонконг). Соперничество и конкуренция внутри компании рассматривается как нормальное явление, способствующее улучшению ее деятельности. Сотрудники предпочитают широкие директивы, оставляющие возможность самостоятельно выбирать способы достижения целей, спокойно относятся к риску и необходимым изменениям. России присуще достаточно высокое стремление избежать неопределенности, если мы говорим о персонале в целом. При этом российским менеджерам и собственникам бизнеса свойственно более спокойное отношение к риску, к неопределенности, им присущи гибкость,

высокая приспособляемость к внешним изменениям.

Параметр «*мужественность - женственность*» указывает на доминирование в обществе маскулинных (напористость, настойчивость, добывание денег) или феминных (забота о близких, поддержание теплых отношений, жизненные удобства) ценностей. Измерение «мужественности - женственности» имеет важное значение для определения методов мотивации на рабочем месте, для разрешения конфликтов. Маскулинные общества более жестко определяют гендерные роли, чем феминистские общества. В «мужской» культуре мужчина должен зарабатывать деньги, а женщина – воспитывать детей, в жизни важен успех, деньги, хорошие материальные условия. Акцент, даже среди друзей, делается на конкуренцию и высокие результаты. Это свойственно Японии, Германии, США, мусульманским странам. В «женской» культуре мужчина может как зарабатывать деньги, так и заниматься домашним хозяйством, важен не успех, а качество жизни, хорошие отношения, солидарность (Голландия, Швеция, Дания, Норвегия). Россию по доминирующим ценностям (сострадание, самопожертвование, взаимопомощь, душевная дружба и др.) можно отнести к «женской» культуре.

Пятый параметр, «*долгосрочность - краткосрочность ориентации*», был введен Хофштедом позже. Долгосрочная ориентация характеризуется взглядом в будущее, проявляется в стремлении к сбережениям и накоплению, в упорстве в достижении цели. Люди могут отказывать себе в удовлетворении потребностей в настоящем, инвестируя в проекты и программы для будущих поколений. Краткосрочная же ори-

ентация характеризуется взглядом в прошлое и настоящее, проявляется в уважении традиций и наследия, в уважении к статусам и социальным обязательствам. Долгосрочную ориентацию демонстрирует Китай, Южная Корея, Япония и т.д., а краткосрочную – Германия, Индонезия, Франция, США. В России сложно выделить доминирующую ориентацию, примерно в равной степени выражены и долгосрочная, и краткосрочная ориентация.

Интересная типология культур была предложена известным культурологом Р. Льюисом, в основу которой было положено отношение носителей культуры ко времени [14]. Льюис выделил три типа культур: моноактивные, полиактивные, реактивные. Моноактивные – это культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, занимаясь только одним делом в данный момент времени. Представители данного типа культуры часто интровертивны, пунктуальны, тщательно планируют свои дела и придерживаются этого плана, ориентированы на работу (задание), в споре опираются на логику, многословны, имеют сдержанную жестикуляцию и мимику и т.д. Это немцы, швейцарцы, британцы, американцы (англосаксы), скандинавы, австрийцы, канадцы и др.

Полиактивные – это общительные, подвижные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность не по расписанию, а по степени привлекательности, значимости мероприятия на данный момент времени. Носители данного типа культуры экстравертивны, нетерпеливы, словоохотливы, непунктуальны, график работы непредсказуем (по-

стоянно меняются сроки), ориентированы на человеческие отношения, эмоциональны, ищут связей, протекции, смешивают социальное и профессиональное, имеют несдержанную жестикуляцию и мимику. Это арабы, африканцы, латиноамериканцы, испанцы, итальянцы. Если говорить о русских и о славянах в целом, то, по мнению Р. Льюиса, на континууме моноактивности – полиактивности они находятся ближе к полиактивному полюсу.

Наконец, реактивные культуры – это культуры, придающие наибольшее значение уважению, вежливости, предпочитающие молча и с уважением слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. Представители данного типа культуры интровертивны, молчаливы, почтительны, пунктуальны, ориентированы на работу, внимательны к происходящему, они подстраиваются под график партнера и берегут репутацию партнера, избегают конфронтации, имеют едва уловимую жестикуляцию и мимику. Это японцы, китайцы, корейцы, малазийцы, финны.

Говоря о специфике российской деловой культуры и особенностях ее становления, важно отметить противоречивую двойственность системы ценностей, скачкообразность развития России (иногда говорят, маятникообразность). Двойственность связана, прежде всего, с тем, что Россия – евразийская страна, которая занимает пограничное положение между Европой и Азией, Западом и Востоком (Р. Льюис называет российскую деловую культуру «шизофреничной»). В российской системе ценностей можно найти и ценности, присущие Востоку (коллективизм, зависимость от семьи, неравенство в отношениях, приле-

жание и т.д.), и ценности, свойственные Западу (предприимчивость, самостоятельность, индивидуализм). Возвращаясь к рассмотренным выше моделям деловых культур, можно отметить, что по ряду измерений Россия получает средние баллы, сочетая в себе противоположности (полиактивность с сильным влиянием моноактивных тенденций, женственность и мужественность одновременно, коллективистская культура с явным усилением черт индивидуализма, одинаково выражена как ориентация на задачу, так и на человеческие отношения, краткосрочность и долгосрочность ориентации).

Также значительное влияние на российскую деловую культуру оказало «маятниковое» развитие страны [15], т.е. изменение системы управления то в сторону наращивания централизации и ограничения использования зарубежного опыта (период «застоя»), то в сторону децентрализации и активного использования зарубежного опыта (период «реформ») [16]. Многие зарубежные и отечественные исследователи говорят также о крайностях «русского характера»: скачки от упорного труда к безделью, от покорности к бунту, от полного повиновения власти (надежда на доброго царя-батюшку) до революционных выступлений. В «русском характере» сосуществуют терпимость (миролюбие) и нетерпимость (воинственность), индивидуальная активность (готовность к риску, вера в собственные силы) и пассивность (фатализм, покорность судьбе).

Важную роль в формировании русской культуры и, в частности, деловой культуры сыграла крестьянская община. Община, «мир», рассматривались как основа существования индивида, интересы об-

щины (вообще, коллективные интересы) всегда стояли выше интересов личности (мы уже неоднократно говорили о коллективизме российской культуры). В то же время, в случае необходимости член общины мог рассчитывать на защиту, поддержку и помощь своей общины. В отличие от протестантских стран, труд сам по себе никогда не являлся главной ценностью на Руси [17], важнее было духовное становление человека, поиск пути к Спасению. Спасение же души возможно, в том числе, через терпение, страдание, самоограничения, жертвование собой ради других.

Интересным документом дореволюционной деловой России является нравственный кодекс хозяйствования «Семь принципов ведения дел в России», принятый почти сто лет тому назад (еще в 1912 году) [18]: 1. Уважай власть. Власть – необходимое условие для эффективного ведения дел. Во всем должен быть порядок. 2. Будь честен и правдив. Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах. 3. Уважай право частной собственности. Свободное предпринимательство – основа благополучия государства. 4. Люби и уважай человека. Любовь и уважение к человеку труда со стороны предпринимателей порождает ответную любовь и уважение. 5. Будь верен своему слову. Успех в делах во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе. 6. Живи по средствам. Всегда оценивай свои возможности. Действуй соответственно своим средствам. 7. Будь целеустремлен. Всегда имей перед собой ясную цель. Не отвлекайся на другие цели. В стремлении достичь заветной цели не переходи грань

дозволенного. Никакая цель не может затмить моральные ценности. Такой кодекс поведения мог бы и сегодня стать неким ориентиром для современных бизнесменов.

Изучая специфику современной российской деловой культуры, важно констатировать, что с точки зрения культурных ценностей в настоящее время российские компании представляются крайне разнородными [19]. Можно выделить два типа российских организаций: организация, имеющие советское прошлое, пытающиеся приспособиться к новым условиям (условно говоря, имеющие исторические корни до 1991 года) и вновь созданные фирмы, изначально ориентированные на деятельность в условиях рынка (организованные после 1991 года). В советское время существовала достаточно сильная идеологизированная и политизированная культура, единая для всех организаций (работники идентифицировали себя со страной, а не с организацией). Можно сказать, что она имела определенную «миссию» («строительство коммунизма»); лозунги («один за всех и все за одного»); систему социалистических ценностей, нормы поведения, элементы конкуренции (социалистическое соревнование, доска почета) и др. Профсоюзы, общественные и партийные организации успешно помогали «внедрять эту организационную культуру в жизнь». Советским организациям был свойственен коллективизм, высокая дистанция власти, централизация власти и ответственности, опора на межличностные отношения, отношение к персоналу как к «винтику», долгосрочный найм персонала, доминирование нематериального стимулирования. Некоторые элементы «советской

организационной культуры» сохраняются и в современных российских организациях, придавая определенный «оттенок» российской деловой культуре.

Новые организации, появившиеся в стране в период реформ, строились по иным принципам, часто пытались копировать некую «западную модель управления» (причем, каждый понимал по-своему, что это такое). У истоков новых компаний стоял основатель (часто совмещавший функции собственника и менеджера) со своим видением путей развития организации. Новые предприятия начинали свою деятельность с крайне агрессивной политики захвата рынка и получения прибыли (причем вопросы законности отходили на второй план). Стремление к обогащению как базовая культурная ценность было свойственно многим российским организациям в ранний период развития. Причем ситуация начала очень медленно меняться только в последние годы, когда стали появляться «новые» эффективные управленцы, которые стали уделять большее внимание грамотному стратегическому корпоративному управлению и корпоративному поведению.

Сегодня западные менеджеры, которые начинают работать в российских компаниях (или с российскими компаниями), иногда испытывают определенный «культурный шок», сталкиваясь с российской деловой культурой [20]. В качестве негативных проявлений российской деловой культуры выделяют следующее: хаотичность организации бизнес-процессов и труда работников; одинаковую оплату труда специалистов с разной квалификацией; стремление к быстрому достижению результата в ущерб стратегическим целям; слабую ориентацию работников на

конечный результат; «разорванность» коммуникаций и построение деловых коммуникаций на личной основе; стремление обойти закон и «отягощенность опытом криминальных разборок»; слабую мотивированность персонала и др. Положительными же характеристиками являются высокий интеллект и образованность российских топ-менеджеров и специалистов; их рискованность в условиях неопределенности; самостоятельность в решении деловых проблем; опора на личные связи внутри организации и за ее пределами; умение грамотно использовать административные ресурсы в управлении и др.

Опираясь на данные проведенного автором статьи опроса экспертов в 2008-2010 гг. (в качестве экспертов выступали руководители подразделений крупной многопрофильной российской корпорации), можно выделить ряд особенностей российской деловой культуры.

1. *Отношение к правовым нормам.* Важным элементом российской деловой культуры является отсутствие четкой установки строго следовать закону. Большинство предпринимателей предпочли бы соблюдать законы, но фактически они вынуждены обходить их, если существенно ущемляются их интересы (это случаи уклонения от уплаты налогов, сокрытие своих доходов и др.). Российская деловая культура является партикулярной, что характеризуется наличием частных привилегий, относительностью закона, коррупцией (так, по данным отчета Transparency International за 2010 год, Россия занимает 154 место в мире по уровню коррупции).

2. *Сила неформальных отношений в бизнесе.* В силу того, что деятельность предпринимателей

разворачивается в «полуправовом» поле, существенно усиливается роль неформальных экономических связей и отношений. Очень высока роль личных связей, разного рода обменов деловыми и личными услугами.

3. *Отношения с властями.* Велика зависимость бизнеса от решений власти: разрешений или запретов, порядка распределения ресурсов и льгот. Остро стоит вопрос коррупции среди чиновников, хотя сами предприниматели активно дают взятки как открыто, так и завуалировано.

4. *Высокая степень адаптации и быстрота реакции на изменения внешней среды.* Привычка бороться за выживание, жить в постоянном напряжении порождает изобретательность и умение выходить практически из любых сложных ситуаций. Умение адаптироваться к ситуации и «правилам игры» способствует успешной деятельности российских предпринимателей как в России, так и за рубежом. Но, к сожалению, наши предприниматели ориентированы на краткосрочную перспективу, а не на использование долгосрочных стратегий (быстрое получение высокой прибыли в ущерб стратегическому развитию).

5. *Повышенная склонность к риску.* Ситуация, в которой развивается российский бизнес, привлекает предпринимателей к неизбежности повышенного риска. Зачастую предприниматели разворачивают масштабные проекты без детального планирования и подготовки. Российским предпринимателям и менеджерам свойственна достаточно большая самостоятельность в решении деловых проблем.

6. *Наличие высокой дистанции власти и коллективизм.* Высокая дистанция власти проявляется в излишней зависимости от началь-

ника, ожидании указаний от начальства, авторитарности власти, и также в послушании, смиренных подчиненных перед руководством. В то же время можно говорить о достаточно выраженной сплоченности персонала, коллективизме, что проявляется во взаимопомощи, наличии коллективистских традиций, в круговой поруке (недоносительстве, солидарности, желании не высываться и др.).

7. *Привычка к авралам.* Это умение собраться, мобилизовать все свои силы в экстремальных, кризисных ситуациях (или просто к концу квартала, года...), за неделю сделать то, что предполагалось сделать за месяц, и при этом занижение активности, темпов работы в нормальных, спокойных ситуациях.

8. *Отношение к иностранцам и гостеприимство.* Отношение к иностранным партнерам, оказавшимся в качестве гостей организации, обычно выходит за рамки протокола. Для российского предпринимателя характерны традиции хлебосольства, часто выходящие за пределы деловой необходимости. Но при этом россиянам свойственна определенная настороженность и предвзятость по отношению к иностранцам, особенно, если мы говорим о людях старшего поколения.

Большинство опрошенных считают, что российская деловая культура находится еще в стадии становления. Она чрезвычайно эклектична: что-то заимствуется с Востока (клановость, чиновничество, коллективизм, акцент на личные отношения, несоблюдение сроков), что-то с Запада (индивидуализм, самостоятельность, предприимчивость), какие-то черты сохраняются с советских времен (централизация, высокая дистанция власти, опора на личные

связи), что-то формируется, исходя из современных западных стандартов ведения бизнеса. Но по мере активизации международной деятельности компаний, благодаря развитию глобализации бизнеса российская деловая культура стремится к все большей универсализации принципов управления и, в какой-то степени, к отказу от собственной «самобытности».

Литература

1. Организационное поведение: Учебник для вузов // Под ред. Г. Латфуллина, О. Громовой. – СПб.: Питер, 2004. С. 387.
2. Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса. – М.: УММА, 2004. С. 43.
3. Там же. С. 58.
4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. С. 35.
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 37.
6. Мясоедов С.П. Основы кросс-культурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур: Учебное пособие. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2008. С. 46.
7. Кондрашова Т.В. Восприятие российской деловой культуры российскими и французскими менеджерами // Вестник Московского университета. Серия 24. Менеджмент. №1, 2010. С. 43.
8. Там же. С. 43.
9. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. / Пер. с англ. – М.: Дело, 1999. С. 92.
10. Кондрашова Т.В. Восприятие российской деловой культуры российскими и французскими менеджерами // Вестник Московского университета. Серия 24. Менеджмент. №1, 2010. С. 51.
11. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании. – М.: ИНФРА-М, 2007.
12. Организационное поведение: Учебник для вузов / Под ред. Г. Латфуллина, О. Громовой. – СПб.: Питер, 2004. С. 398.
13. Там же. С. 399.
14. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. / Пер. с англ. – М.: Дело, 1999. С. 70.
15. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Журнал «Эксперт»; Урал-пресс, 2003.
16. Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура: воздействие на модель управления: учеб. пособие. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. С. 10.
17. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 310.
18. Национальная программа «Российская деловая культура». Торгово-промышленная палата РФ. – М., 1997. – С. 90-91.
19. Барков С.А. Социология организаций. Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2004. С.203.
20. Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 208.

Внедрение консюмеризма через систему управления потребительским поведением

Голова А.Г.

В России сформировалась система управления потребительским поведением, которая не только решает экономические задачи по обеспечению баланса спроса и предложения, но трансформирует социально культурные основы населения, интернируя ценности общества потребления и создавая человека новой формации – активного и управляемого потребителя.

Ключевые слова: система управления, методы управления, потребительское поведение, интенсификация потребления, социально-культурные основы, среда мегаполиса, общество потребления.

Golova A.G.

Entrenchment of the Consumerism through the System of Control over the Consumerist Behaviour

There has been a system of control over the consumerist behavior formed in Russia not only solving the economic issues to ensure the balance of the demand and supply, but also transforming the social and cultural principles of the population, interning the values of the consumerist society and creating a new formation: an active and manageable consumer.

Keywords: the system of control, methods of management and control, consumer behavior, intensification of the consumption, transforming the social and cultural principles of the population, the megalopolis environment, consumerism.

Потребительское поведение обычно рассматривают как компонент экономического поведения, и его изучение редко выходит за рамки экономического дискурса¹. Управление потребительским поведением соответственно выполняет экономические задачи по обеспечению спроса или баланса спроса и предложения, что в современных условиях становится залогом устойчивого развития всей общественной системы. Собственно поэтому стратегическим политическим решением выхода из кризиса, которое озвучил Б. Обама на саммите Большой восьмерки в июне 2010 г., является стимулирование потребления. В потребительской активности искал ответ вызовам террористов после 11 сентября Дж. Буш: «Покупайте, или терроризм нас одолеет!». Эти слова были рефреном лозунгов Т. Рузвельта во времена депрессии 1930-х годов.

Потребление и потребительское поведение, как форма его реализации в современных условиях, выполняют не только экономическую и утилитарные функции, но разнообразные социальные (социализации, коммуникации, саморе-

ализации и т.п.), в том числе перенимают на себя многие функции других институтов и социальных феноменов, например, образования, досуга² или моды³. А для молодежи, как считает Ю.А. Зубок, потребление становится аутоотелической ценностью, которая становится центром жизненных стратегий⁴. Увеличение функциональной нагрузки на потребление служит признаком консюмеризма, концентрирующего социальную жизнь вокруг потребительских практик. Но возникает вопрос: является ли проникновение элементов общества потребления и, происходящие вследствие того, социально-культурные трансформации естественным историческим процессом развития общественных отношений?

Наше исследование показывает, что данные процессы носят экзогенный характер, а изменения происходят целенаправленно под действием определенных сил, заинтересованных в активизации потребительского поведения любыми средствами с целью решения чаще всего частных задач.

Управление потребительским поведением как сложная гетерогенная система

Одним из основных инструментов управления потребительским поведением рассматривают рекламу (в явных или скрытых формах) или рекламные/маркетинговые коммуникации. Реклама как социокультурный феномен, социальная технология и коммуникация стал предметом разноаспектных социологических исследований⁵, в том числе благодаря социальному резонансу на манипулятивное ее воздействие в виде появившихся групп обманутых пайщиков, дольщиков, вкладчиков и т.п. Современные способы управления потре-

бительским поведением базируются не только на коммуникациях, но также, на иных методологических основах, связанных со всей системой производства, реализации, информационного и финансового обеспечения товародвижения.

Управление потребительским поведением является сложной гетерогенной системой, использующей разные методы на макро- и микро-уровнях. Управляющую подсистему будут составлять государство, финансовые структуры, торгово-производственные системы и коммуникационные структуры, интегрированные с предприятиями сферы культуры, досуга и спорта, и наделенные соответствующими функциями (регулирования, экономической, производства и распределения, информирования и интерпретации). Все элементы управляющей системы связаны между собой формальными (юридически оформленными) и неформальными отношениями. Их взаимозависимость усиливается в условиях современной олигополии, а действия координированы единой целью – увеличение экономических показателей деятельности, которые корректируются активностью на потребительском рынке. Фактически, можно говорить об *ассоциированном* субъекте управления – источнике действия, который аккумулирует и координирует имеющиеся ресурсы своих элементов, дифференцируемых по функциональным признакам: политический, идеологический, организационно-административный и финансовый, для выработки методов управления потребительским поведением. Этот «субъект» – консолидируемый образ «элиты», которая, говоря словами Э. Тоффлера, «управляется желанием людей – отправной

точкой для создания богатства, опираясь сознательно или несознательно на идеологию, религию, рекламу и на другие средства воздействия⁶».

«Управление желаниями» можно рассмотреть только на уровне индивидуального потребительского поведения. Само «желание» – понятие относительное, оно связано как с рациональной потребностью, так и компенсацией эмоционального дискомфорта, вызванного разными причинами (так называемой, «квазипотребностью»⁷). Как об источнике действия правильное было бы говорить о мотиве, включающем в себя рациональные и эмоциональные компоненты, как интрогенные детерминанты потребительского поведения. Для стимулирования этих детерминант используются различные методы.

Во-первых, технологические методы, например, сокращение жизненного цикла товара, удорожание сервиса и обслуживания (из-за чего купить новое выгоднее, чем починить его), использование стимулирующих и вкусовых добавок (как в шампунях или в картофельных чипсах)⁸ и т.д. Простым технологическим решением можно считать ограничение размерного ряда для молодежной одежды. Более сложным – создание комплексных продуктов, сочетающих товары разных категорий и решающих одновременно разнообразные задачи. Сублимированным видом такого продукта выступает «киндер-сюрприз» – сюрприз, игрушка, шоколад.

Во-вторых, комплекс социальных – психологических методов, на которых базируются латентные и явные рекламные коммуникации (от оформления мест продаж до интеграции рекламируемого продукта в сюжетные линии художе-

ственных произведений). Эффективность этого метода можно оценить по импульсивности потребительского поведения в торговых залах. По данным Университета Berkeley (Калифорния, США), «около 68% покупок, которые делают посетители супермаркетов и больших магазинов, оказываются незапланированными, то есть более половины покупателей решают совершить покупку уже непосредственно в месте продаж»⁹.

Наше исследование показало, что 72% респондентов делают часто незапланированные покупки и 43% время от времени покупают совсем ненужные вещи (и это при определенных ограничениях в финансах). Для активизации потребительского поведения помимо мотива важны объективные условия – возможность осуществления покупки, а именно наличие времени на такое поведение (которое может включать предварительный сбор информации о товаре, анализ альтернатив, апробация) и средств для совершения обмена, то есть экстрагенные детерминанты совершения покупки.

Таким образом, третьим методом управления микро-уровня становится финансовый, включающий в себя потребительские кредиты, кредитные карты, «мобильные кошельки» и другие финансовые инструменты, снимающие финансовые ограничения в потреблении.

Четвертый метод можно назвать организационным, он обеспечивает дистрибуцию, оптимизирующую временной фактор, которая включает ассортиментную политику, каналы реализации (в том числе продажа через автоматы, Интернет). Об эффективности такого метода свидетельствует прецедент, имевший место в Англии. Он связан с запретом прода-

жи снеков через автоматы в школах. Из-за его доступности дети тратили на покупку все обеденные деньги. По данным коммерческих компаний, при размещении в магазине порционной закуски (снеков) в пивном ряду их продажи возрастают в три-четыре раза - независимо от торговой марки и типа снеков.

Наблюдается интеграция описанных методов. Так, торговая сеть «Седьмой Континент» и банк «Финсервис» предлагают оформление в торговом зале кредитной карточки, которая дает скидку на товары супермаркета. Причем специальная программа продвижения банковского продукта у них существует для молодых до 25 лет. Она учитывает режим посещения молодыми торгового заведения и распространение информации об услуге.

В 2004 году в России запущена программа Маркетингового информационного центра (MIC) Taylor Nelson Sofres (TNS) «Impuls», которая исследует приобретение товаров, так называемого импульсного спроса (сигареты, фаст-фуд, напитки, сладости). По данным этой программы, только 20% населения управляют своим выбором¹⁰. Интрогенные и экстрагенные детерминанты обусловлены образом жизни людей. Методы управления влияют как на детерминанты, так и на образ жизни, предоставляя новые возможности и мотивы для действия.

На макро-уровне «симфония» бизнеса и власти, декларируя примат экономических интересов, реализует имеющиеся ресурсы через соответствующие методы (экономические, политические, идеологические и административные). Это проявляется через политику «управляемой инфляции» (сжигающей все накопления граж-

дан), монетаризацию льгот, поддержки развития потребительского кредитования¹¹, систему налогообложения, государственные гранты, таможенную политику.

Новые требования к стандартам качества, безопасности, экологии также является способом стимулирования потребительского поведения. В качестве примера можно привести последние инициативы правительства, связанные с запретом выпуска бензина 92, что потребует смену парка автомобилей, а запрет продажи лампочек накаливания стимулирует приобретение иных светотехнических изделий.

Идеологические методы вырабатывают принципы подбора материала во всех информационных источниках и каналах коммуникации, в том числе и рекламных, создавая контекст информационного пространства. Административные методы обеспечивают материальные условия коммуникации продукта и потребителя. А экономические методы - с помощью кредитов, инвестиций, развития конъюнктуру фондовых рынков и платежные инструменты - формируют необходимые финансово-экономические условия для функционирования системы управления.

Объединенными ресурсами управляющая система генерирует макро-инструменты управления потребителем поведением, которые изменяют социальную структуру сообщества (ускоряя процессы фрагментации, мобильности, социализации) и социально-культурные основы (нормы, ценности, интересы). Э. Фромм, анализируя ряд выступлений членов Римского Клуба, писал, что возникла «экономическая необходимость изменения человека»¹², именно такой человек будет субъектом общества потребления.

И инструменты для этого созданы, причем наиболее восприимчиво к ним молодое население мегаполиса. Учитывая возрастающую социальную субъектность молодежи, все выявленные тенденции будут экстраполироваться на все общество¹³.

Инструменты влияния на поведение

К социально-культурным инструментам управления потребительским поведением макроуровня можно отнести несколько технологий и явлений, интенсивно развивающихся в последнее время.

Во-первых, это изменение культуры быта. Происходит расширение ассортимента предметов одноразового использования (посуда, постельное белье, ручки, фотоаппараты, грили для пикников, мобильные телефоны). Потребителю нет необходимости мыть, стирать, обслуживать. Благодаря инновациям в быту высвобождается время для активного досуга, но возникает зависимость от коммерческих предложений и доступности товаров.

Во-вторых, формирование готовности пользоваться коммерческими предложениями потребительского рынка, так называемая «включенность в потребление». В 2006 году компания «Макдоналдс» стала рекламировать свои завтраки. Эта услуга стала так популярна, что сегодня завтраки предлагают все кафе и рестораны (соответственно изменился и их график работы). На приоритет общественного питания перед домашним указали респонденты нашего исследования (62% уйдут из дома при наличии альтернативного обеда в компании в кафе). Использование готовых коммерческих предложений (например, чтение сказки ребенку по телефо-

ну), в свою очередь меняет не только систему потребления, но и формы межличного взаимодействия, а также семейные и культурные традиции (как утренние завтраки в кругу семьи).

В-третьих, изменение культуры эксплуатации товаров, связанной со стремлением к обновлению и приобретению новинок, с быстрым моральным устареванием товаров. Потребители сами сокращают сроки использования не только одежды и обуви, но и товаров, традиционно относящихся к товарам длительного пользования (бытовая и радиоэлектронная техника, мебель). В течение одного года ремонтные работы в квартире производят 32,3% жителей России и около 41% жителей Москвы¹⁴. Результаты исследований 2008 года компании РОМИР по потреблению одежды показали, что «каждый третий из опрошенных обновляет гардероб чаще, чем раз в три месяца (34%), делает покупки раз в три месяца - 38%, каждый пятый радуется обновкой раз в полгода (22%), и только 6% покупают новую вещь не чаще, чем раз в год»¹⁵. Сложилось целое направление в модной индустрии - «фаст фэшн» (англ. fast fashion - быстрая мода), ориентированная на молодежный сегмент (15+), где появление нового ассортимента происходит еженедельно. Плохо сшитая, быстро теряющая форму остромодная вещь, разбросанная одежда в торговом зале (даже на полу во время распродаж) - приучает к небрежности в использовании вещей и их скорой замене. Готовность менять и обновлять что угодно с целью получения новых впечатлений и эмоций проецируется затем на отношения между людьми.

В-четвертых, развитие игровой культуры и создание особого

игрового и развлекательного образа жизни, характеризующее современное общество. Ф. Мюрэ называет нашу культуру «гиперфестивальной»: «проведение всевозможных праздников... стало трудовой деятельностью нашей эпохи и ее главным открытием»¹⁶. Апологеты игровой культуры требуют «отказаться от устоявшегося стереотипа противопоставления игры и труда» и считают «игру движущей силой культурогенеза»¹⁷.

Такой игрой становится потребительское поведение, обеспечивающее индивидуума удовольствием и поддерживаемое проведением специальных акций - с дополнительным включением игрового момента (лотереи, призы). По классификации Р. Кайа дискурс спорта можно рассматривать как игру¹⁸. Наблюдается интеграция различных форм культурно-массовых и спортивных мероприятий. Спорт превратился в зрелищный продукт, поддерживаемый СМИ и пулом торговых марок, которые с помощью анимации становятся равноправными участниками состязания. Активный образ жизни, в том числе увлечение разными видами спорта, требуют увеличения расхода на оборудование и экипировку, что создает новые рынки и стимулирует потребление.

Способом популяризации игровой культуры становятся потребительские игры, которые часто соединены со зрелищными проектами, транслируемыми по массовым каналам, и которые для многих становятся «праздником жизни», заменяя собой реальность. Например, «реалити шоу» на телевидении «Последний герой» шел под эгидой сока «J7»; конфеты «Рафаэло» и чай «Липтон» были равноправными участниками шоу «Ледниковый период». Молодежный фестиваль «урбан культуры»

(то есть уличной, городской культуры) «Сникерс урбания» носит название сладкого батончика. Развитие игр (используемых в продвижении товаров) и массовых праздников имеют одно общее - теряется грань между реальностью и игрой.

У нас популяризируются потребительские праздники, к которым надо делать подарки: Новый Год, Рождество, Пасха, 8 Марта, 23 февраля. Прижился день Святого Валентина, позволяющий стимулировать потребление между Рождественскими и Пасхальными распродажами. По данным ВЦИОМ, среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет более 81% юношей и девушек отмечает этот праздник¹⁹. Интегрировался в молодежную культуру Хеллоуин, сопровождаемый большим количеством атрибутов и маскарадными костюмами (несмотря на официальные запреты). Праздники без включения потребительского поведения не удерживаются в обществе (опросы показывают, что единицы знают, какого числа в России День Конституции). Национальные праздники (а их учреждение связано с идеологией и политическими решениями) приравняются по значимости к международным фестивалям (типа Евровидения или чемпионатов мира по футболу). Они становятся еще одной программой развлечения, способом привлечения туристов и отвлечения от социальных проблем, поскольку праздник - это всегда «временный уход от реальности»²⁰.

Привыкнув постоянно быть в приподнятом настроении - при отсутствии праздника в реальной жизни, - человек идет туда, где искусственно поддерживается атмосфера праздника - в предприятие досуга или магазин («в магазин - как на праздник»). Р. Кайа

в своих заметках пишет, что во время праздников и войн наступает «время эксцесса, насилия и войн, и нарушения запретов»²¹. Современные игры и праздники – это виртуальная, искусственно созданная реальность, которая моделирует особые эмоциональные и ментальные состояния горожанина и замещает подлинные отношения между людьми.

Нарушение аттестации настоящей и виртуальной жизни в игре является причиной девиантных отклонений (нередко связанных с трагедиями). Причем часто наблюдается стремление переноса игры в будни, в том числе в профессиональную деятельность и семейную жизнь, что провоцирует конфликты с окружающими, что становится причиной осложнений в производственных и семейных отношениях. Согласно девятому ежегодному обзору Pricewaterhouse Coopers «Global Entertainment and Media kутlook», российский рынок индустрии развлечений считается самым динамичным среди регионов Восточной Европы, Среднего Востока и Африки. В 2007 г. рынок развлечений и СМИ, как и в предыдущие годы, продемонстрировал самые высокие темпы роста в Европе – 12,2%. При этом прогнозируемый средний годовой показатель роста на 2008-2012 гг. составляет 11,4%. Так, например, в Москве, доля инвестиций в данную отрасль составляет уже 7% всех инвестиций в город за год. Для сравнения: доля инвестиций в банковскую сферу – 9%, в промышленность – 8%²².

В-пятых, это глобальные трансформации сферы досуга и развлечений. Можно выделить несколько доминант в развитии индустрии развлечения²³: во-первых, глобализация рынка – укрупнение форматов, создание сетей

(горизонтальная интеграция), внедрение зарубежных стандартов и участие международного капитала; во-вторых, интеграция развлечений и других направлений деятельности (вертикальная интеграция и межотраслевая диверсификация); в-третьих, виртуализация развлечений, связанная с техническими инновациями. Каждый момент бытия индивида может быть заполнен каким-то предложением от данной индустрии.

Проникновение развлекательного компонента в другие направления деятельности обеспечивает стимулирование общего потребления. Каждое направление идентифицировано, имеет свое наименование (торговля и развлечение – *R e t a i l t a i n m e n t* (Retail+Entertainment), образование и развлечение *Edutainment* (Education+Entertainment), спорт и развлечение *Sportainment* (Sport+Entertainment), информация и развлечение *Infertainment* (Information + Entertainment), свои принципы организации и технологии, нормы и правила. Иными словами, происходит институализация интегрированных форм таких социальных практик. Наше исследование показало, что для 88% молодежи посещение магазина – это прежде всего развлечение и досуг.

Идет процесс слияния развлечения с объектами искусства и торговыми марками. Показы театральных постановок или художественных экспозиций организуются в помещениях объектов потребительского рынка (ресторанах, клубах). По мнению А.С. Шендрика, «искусство, как наиболее чувствительная часть культуры, становится все более поверхностным, иллюзорным и превращается в товар, произведенный для развлечения и удовольствия»²⁴. Харак-

терным примером служат бывший «Винзавод», ставший галереей искусств, и водка «Абсолют», владеющая музеем и поддерживающая конкурс молодых дизайнеров.

В-шестых, инструментом управления потребительским поведением становится моделирование новых социальных образцов и функционирование института «тренд-сеттеров», состоящий из «селебрити» («медийные персоны»), функцией которого является интернизация каких-либо тенденций. В отличие от «лидеров мнений» коммуникативной концепции П. Лазарсфельда, данные субъекты не являются самостоятельными «привратниками» информации, а выполняют определенный заказ от элементов «управляющей системы» - в ответ на финансовую, информационную и политическую поддержку. Политические методы (например, решение о присуждении государственных наград и званий) также формирует этот инструмент. С помощью подобных инструментов, выражаясь словами В.И. Ильина, «феномены культуры (устойчивые формы взаимодействия людей, вкусы, ценности, нормы, инструменты коммуникации и т.д.) производятся так же, как и обычные товары»²⁵. Селебрити выступают поставщиками основного информационного материала для СМИ, а их жизнь, внешний облик, поведение и оценка ими различных событий становится способом доведения до широких масс нужных мнений, идей, норм и ценностей.

Консюмеризм базируется на ценностях либерального общества, которое декларирует индивидуализм, интерпретированный как самодостаточность, веру в себя и в свои силы, что в современных условиях превратилось в крайний

эгоцентризм, где терминальной ценностью становится получение удовольствия от жизни и удовлетворение любых своих желаний. Элементы новой системы ценностей можно увидеть, проведя контент-анализ рекламных сообщений: «Бери от жизни все» («Pepsi cola»); «Относитесь к себе хорошо. Каждый день пейте бутилированную питьевую воду Kasani»; «Признайтесь себе в любви!» - Соки и нектары Rich; «Счастье - это просто» - Сок Фруктовый сад; «И пусть весь мир подождет! Данисиммо» и т.п. В результате массированного воздействия, прежде всего на молодежь, внедряется представление, что чувство комфорта и самоудовлетворения, приравненного к самодовольству - самые важные в жизни, и все они связаны с потреблением определенных продуктов. Выводы исследования РАН подтверждают, что за последние 10 лет ориентированность молодых россиян на современные ценности индивидуализма, достижений, самостоятельности и конкурентоспособности усилилась, так же как доминирующей ценностью стало материальное благополучие, а также наличие свободного времени и возможность проводить его в свое удовольствие (83%)²⁶.

Исследование ценностных ориентаций молодежи в потребительской сфере, проведенное автором методом семантического дифференциала Ч. Осгуда и биполярных бланков в феврале 2010 г. (участвовало 47 человек, выборка целевая), показало, что слово «эгоист» в молодежной среде характеризуется (более 60% ответов), как современное (средний балл по методике Ч. Осгуда 0,7), модное (1), энергичное (0,9), яркое (1,2), связанное с лидирующими качествами (1,1) и богатством (0,8), явля-

ется хорошим названием торговой марки (0,7). Лидирующие качества эгоиста и яркость личности имеют высокую степень выраженности. При оценке ответов на вопросы бланков основная масса респондентов согласна с выражением, что «многим безразлично, что их считают эгоистами» (70%), и 90% (множественный выбор) поддерживают следующие высказывания: «эгоист всегда достигает цели», «эгоисты популярны», «у эгоистов яркая жизнь», «модно быть эгоистом». Это обусловлено массовым использованием этого слова с соответствующими коннотациями в информационном пространстве.

При помощи таких инструментов внедряют нормы поведения, активизирующие потребительское поведение. Например, ониомания-шопоголизм становится модным стилем жизни. Осуществляется это через различные инструменты микроуровня: во-первых, рекламу, которая показывает успешных людей, вовлеченных в такое действие (например, «Стокман - королевство шопинга», «Шопинг как искусство», «Шопинг - моя страсть, моя религия! Nokia в Связном»). Во-вторых, с помощью киноиндустрии (можно вспомнить фильмы «Красотка» и «Шопоголик»). В-третьих, через СМИ стилевой направленности (life's style), в русской интерпретации - «гламурные» издания, специальные телевизионные программы («Шопоголики» на канале MTV). В-четвертых, через эффекты подражания, когда селебрити в СМИ делятся своим опытом шопинга (Мадонна, Дженифер Лопес, Бритни Спирс). Зависимость от покупок становится яркой чертой их характера.

В-седьмых, это коммерциализация духовной сферы, трансформация объектов культуры или ин-

теграция продуктов культуры с товаром и услугой. С помощью компиляции продуктов различных видов, жанров и форм (визуальное искусство, музыка, аттракцион, игра, продажи) удовлетворяются вкусы разных категорий потребителей. Ярким примером сублимированного продукта служит канадский цирк Дю Солей, который сочетает в себе цирковое, музыкальное, танцевальное, художественное (с мощным техническим оснащением) искусство. Сценография и оформление каждой программы становится основой интерьеров баров и ресторанов, а костюмы - линиями одежды, аксессуаров, предметов интерьера. У цирка есть свои магазины, в том числе «Интернет-бутик», художественная галерея и фитнес программа вместе с компанией Reebok, под девизом «превращение фитнеса в развлечение». Цирк активно рекламируется через ресурсы различных торговых марок. Культурный продукт неотделим от материального продукта, в глазах потребителей они обладают одинаковой значимостью, и при этом все связано с развлечением.

Е. Барабанов говорит об искусственном инцидировании деградации культуры и встраивании ее в систему социального управления, поскольку «эстетика новой тотальности задана политикой слияния власти и капитала, то есть, с одной стороны, отказ воспринимать искусство как отдельную сферу жизни, а с другой - теоретическая рефлексия - о полагании эстетики потребления в центр диагностических и прогностических анализов. Понятно, что современное искусство здесь также встраивается в эстетику воздействий: неважно, аморальной, циничной «эстетики шока» или этически стилизованной «эстетики самоограничения»²⁷.

В-восьмых, особым инструментом управления потребительским поведением и стимулированием потребления можно считать поддержку элементами управляющей системы интернационализации и глобализации культуры, что сопровождается идеализацией западного образа жизни, непосредственно связанного с консюмеризмом. Глобальный интернациональный продукт требует космополитичного потребителя, который вращивается или «штампуются» в массовых масштабах», по словам А.А. Зиновьева²⁸, благодаря стандартам западной культуры, западных стилистических приемам и эстетики. Подобное осуществляется за счет всей политики государства (в том числе доминирования импорта материальной и культурной продукции на отечественном рынке). По данным компании Movie Research, в прокат 2009 года вышло 209 фильмов, из которых всего лишь 41 отечественный²⁹. Поддерживается устремление первых лиц государства к солидарности с зарубежным миром - от пропаганды необходимости вхождения в ВТО до демонстрации отношений с иностранными «селебрити» (актерами, музыкантами, спортсменами). У молодежи сформировалась вера в лучшее качество западной жизни. Так, 58% наших респондентов считают, что зарубежный дизайн лучше, чем отечественный.

В-девятых, поскольку в условиях неопределенности социальные ожидания молодых людей «касаются надежд на улучшение качества жизни, измеряемого потреблением»³⁰. Поддержание состояния неопределенности и нестабильности служит одним из инструментов стимулирования потребительского поведения. Ориентация на неопределенность выступает «стратегией» социально-эко-

номического развития России, по мнению академика РАН Н.В. Бекетова³¹. Социальная неопределенность обостряется оторванностью жителя мегаполиса от промышленного и сельскохозяйственного производства (следствие деиндустриализации, зависимости людей от поставок продукции в магазины). Это позволяет более активно манипулировать потребителем поведением горожан с помощью онтологических угроз (жизни, здоровью, привычному комфорту). Например, так был создан рынок бутилированной питьевой воды и фильтров для ее очистки³².

Механизм управления потребительским поведением в мегаполисе

Эффективность управленческого воздействия на потребительское поведение обусловлена соответствием внешнего стимула внутреннему состоянию объекта управления - его интересам, ожиданиям, ценностям³³. Собственно на этом базируется разделение мотивации на экстринсивную и интринсивную (подкрепляющее поведение извне или изнутри). Такая модель работает на микро- и мезоуровнях социальной системы.

Управляющая система генерирует инструменты макроуровня, воздействующие на внутренние характеристики сообщества, корректируя ожидания, интересы, ценностные ориентации и создавая интринсивную мотивацию потребительской активности. Одновременно она воздействует на среду мегаполиса, создавая экстринсивные мотивационные факторы. Д. Харви³⁴, доказывает, что пространственный облик города обусловлен не только естественными рыночными отношениями, но, главным образом, монопольной властью большого бизнеса. Госу-

дарство, перераспределяя бюджеты и выдавая разрешительную документацию, регулирует развитие тех или иных территориальных единиц (создание торговых центров, элитной жилой застройки, клиник, магистралей, коммуникаций), формирует транспортную, социальную, коммуникационную/информационную инфраструктуру. В частности, решение правительства Москвы о систематизации транспортных коммуникаций вдоль МКАД ведущих к торговым точкам, снизило их оборот в первые дни на 40-60%. Элита, как субъект управления, целенаправленно трансформирует среду мегаполиса под задачи активизации потребительского поведения жителей. Это объясняет нехватку детских садов в Московском мегаполисе и интенсивное развитие торговых площадей.

Помещенный в среду мегаполиса, объект управления (индивид) испытывает на себе воздействие как среды мегаполиса, так и инструментов управления микроуровня (например, связанных со стимулированием какого-то продукта). Воздействие стимулирующих инструментов микроуровня локально и дискретно, но они сменяют друг друга - в связи со сменной рекламных кампаний или при перемещении по городу. Благодаря разнообразию стимулирующих инструментов и интенсифицирующих факторов человек постоянно подвергается управляющим импульсам, что создает перманентное управляющее воздействие. При этом управляющая информация действует вопреки защитным реакциям горожан вроде «рассеянного восприятия» В. Беньямина³⁵. Элементы управляющей системы генерируют в мегаполисе многочисленные воздействия, значительно перебивающие внутрен-

ние флуктуации объекта управления. В результате реализуется принцип Эшби о необходимом разнообразии управленческих воздействий, обеспечивающих высокую степень управляемости потребительским поведением населения именно в мегаполисе. Оценить результаты данного механизма помогают экономические показатели. Например, оборот торговли на душу населения в Москве в 4,5 раза выше, чем в Санкт - Петербурге³⁶.

Индикатор эффективности управленческих воздействий

Раскрывая инструменты управления, очень сложно подобрать эмпирические индикаторы происходящих изменений и оценить эффективность воздействия. Если понимать под эффективностью степень достижения цели, то это должны быть некие параметры, позволяющие сопоставить социально-культурные пространства российского общества и «западного», олицетворяющего собой консюмеризм. Несмотря на отсутствие сложных лонгитюдных исследований, можно предложить в качестве комплексного индикатора происходящих изменений динамику Индекса Потребительских Предпочтений (разработка Дж. Катона 1946 г.), определение которого происходит по идентичной программе для всех стран мира. В России его мониторинг ведется с 1993 г. Фондом «Содействия построения и развития ИПН России и США»³⁷, а теперь и рядом других исследовательских структур.

Для расчета индекса анализируются ответы респондентов на пять вопросов о материальном положении и экономических ожиданиях. В методике выделяют два субагрегата: ИПН - индекс текущего состояния (ИТС) и индекс

потребительских ожиданий (ИПО), которые отражают восприятие людьми настоящего и будущего. Величина индексов позволяет оценить пропорцию между оптимистически и пессимистически настроенных граждан как для оценки настоящего, так и в оценке будущего. Анализируя графики, представленные на сайте фонда с 1993 по 2009 г.³⁸, можно увидеть, что в России в начале рыночных реформ векторы трансформаций оценок настоящего и будущего различались особенно сильно, причем благоприятная оценка собственного положения до 1995 г. не была связана с покупками. Их корреляция достигнута после выхода из кризиса 1999 г., только после 2002 г. индексы российских граждан приблизились к пропорциям американским, а в 2004 г. было зафиксировано примерное равенство оптимистов и пессимистов. То есть индекс приблизился к 100, проявляя ориентацию населения на потребление и будущие покупки. Эта корреляция динамики ИТС и ИПО типична для Америки и, по мнению специалистов, для всех «развитых стран с рыночной экономикой». Иначе говоря, российские потребители во все большей степени начинают оценивать себя и экономику с позиций, характерных для западных стран.

Необходимо отметить, что «ожидания» в американском обществе по уровню значений ниже текущих оценок, т.е. оптимистов по отношению к реальной действительности больше, чем применительно к будущему. Российская же ситуация прямо противоположна: ожидания в отношении будущего по своему уровню стабильно выше текущих оценок. Исследователи видят объяснение тому не в экономической, а в социально-психоло-

гической сфере, связанной с традициями национальной российской веры в «лучшее завтра»³⁹. На самом деле это признак наличия нематериальных терминальных ценностей, перспективности мышления, пока еще не полная концентрация на утилитарном настоящем.

Помимо стабильности экономического развития и развития механизмов экономического стимулирования потребления, произошло главное, о чем свидетельствуют диаграммы ИПН: инерция нашей культуры была переломлена, теперь русский народ ориентирован на потребление вне зависимости от оценки текущей ситуации. Таким образом, динамика Индекса Потребительских Настроений и его субагрегатов позволяет косвенным образом оценить скорость интернирования консюмеризма в наше общество и даже выявить критическую точку, когда произойдут необратимые изменения, т.е. когда динамика наших данных будет полностью синхронизирована с американскими.

Ссылки:

1 Вехи экономической мысли Т. 1 Теория экономического поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа, 1999. 384с.

2 Ромах О.В. Социология молодежного досуга. М.: МТИК, 1991. 156 с.

3 Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.:КДУ, 2010 С.179-197

4 Зубок Ю.А. Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008. С.68

5 Савельева О.В. Социология рекламного воздействия. М.: РИП-холдинг, 2006. 284 с.

6 Тоффлер Э., Революционное богатство/Э. Тоффлер Э., Х. Тофф-

фелер, М.: АСТ: АСТ МОСКВА. 2008 С. 31

7 Козырев А.А. Мотивация потребителей. Спб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. С.15

8 В последнее время по ТВ прошло большое количество программ разоблачающих данные технологии, например, цикл на НТВ «История всероссийского обмана».

9 Теряете покупателя? Задумайтесь – почему.// gps-pos.. URL: <http://www.gps-pos.ru/pub/article-6.html>

¹⁰Группа компаний TNS в России внедряет систему iMercury компании Ulter Systems, на базе Microsoft .NET//URL: <http://www.microsoft.com/Rus/Casestudies/CaseStudy.aspx?id=280>

¹¹ Программы по потребительскому кредитованию включены в первоочередные меры при выходе из кризиса //Программа антикризисных мер правительства Российской Федерации на 2009 год// Сайт председателя правительства РФ. [Эл. ресурс.] // URL: <http://www.premier.gov.ru/crisis/>

12 Фромм Э.»Иметь» или «быть»./Э. Фромм; пер. с нем.Э. Телятниковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С19.

13 Автором в 2009-2010 гг. методом анкетирования студентов вузов было проведено: а) исследование параметров потребительского поведения молодежи; б) исследование особенностей управленческого воздействия отдельных детерминант на потребительское поведение молодежи; в) исследование инструментов стимулирования потребительского поведения молодежи в мегаполисе (опрошено 530 молодых людей, выборка целевая). Отдельные результаты данного исследования будут представлены в данной работе.

¹⁴ Обзор рынка ремонтно-строительных услуг. Система между-

народных маркетинговых центров [Электронный портал] URL:// <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-11254.html>.

¹⁵ Romir - URL://<http://www.rmh.ru>

¹⁶ Мюрэ Ф. После истории. Фрагменты книги / Пер. с фр. Н. Кулиш // Иностран. лит. 2001. № 4 [Электрон. ресурс] Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/4/mure.html>

17 Сарычев О. Игровой аспект современной культуры. К вопросу стратегии развития. //Обозреватель.// Гуманитарные науки. Выпуск 15. 2008 №55

18 Сосланд А. Человек и его игры // Знание-сила, 2008. N 5, С. 57-59.

19 День святого Валентина праздник половины россиян. // ВЦИОМ Пресс-выпуск №287 2008 13.02 URL://<http://wciom.ru/novosti/otkrytye-proekty/prazdniki-i-daty/item/single/9621.html>

20 Попова В. Н. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект / В. Н. Попова, Л. А. Шумихина // Известия Уральского государственного университета, 2008. № 55. С. 25-33.

21 Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С.280

22 Шевченко А. Доходное место: Большая игра // Ведомости, 2004. №110. (28 июня).

²³ Стальная В.А. Экономика «впечатлений»: особенности становления и проблемы развития отечественной индустрии развлечений// Проблемы современной экономики, N 1(29) [Эл. версия журнала.] // URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=25411>

24 Шендрик А.И. Кризис культуры и его осмысление в трудах выдающихся представителей западной и отечественной культурологической мысли.//Культура в

мире: драма бытия: избр. работы/ А.С. Шендрик. М.: Изд-во МосГУ, 2007. С.125

²⁵ Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность

Модель общество потребления (тезисы) [Эл. ресурс.] С8. // URL: www.hse.ru/journals/wrldross/vol05_2/ilyn.pdf

²⁶ Аналитический доклад. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Москва 2007//Институт социологии РАН URL http://www.w.i.s.r.a.s.r.u/analytical_report_Youth.html

²⁷ Барabanов Е. Ресурс этического: между эстетизацией и утопией.//Художественный журнал 2005 №57 апрель [Эл. версия журнала]// URL: <http://xz.gif.ru/numbers/57/barabanov/>

²⁸ Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С53.

²⁹ Кинорынок России в 2009 году//Новости Кино [Эл. информационный ресурс] URLhttp://www.kinonews.ru/business_316/

³⁰ Зубок Ю.А., Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008. С.83

³¹ Бекетов Н.В. Бифуркационная природа экономических кри-

зисов и социальных катастроф.// СРЕКк NEW теоретический журнал 2009 // <http://credonew.ru/content/view/798/61/>

³² Медведев Ж. Пить или не пить?//Наука и жизнь 2008.36 С.114-121

³³ Кравченко А.И. Тюрина И.О. Социология управления. М.: Академический проект, 2008. С. 260

³⁴ Harvey K. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Kevelopment. London and New York: Verso, 2006. 154 pp.

³⁵ Бенъямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под ред. Ю. А. Здорового — М.: Медиум, 1996. С15 -65.

³⁶ Федеральная служба государственной статистики РФ [официальный сайт] URL <http://www.gks.ru/>

³⁷ Фонд потребительских настроений. Независимый институт социальной политики. // <http://www.socpol.ru>

³⁸ Там же http://www.socpol.ru/research_projects/ipn/csijan09.pdf

³⁹ Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.: Помпадур, 2005. С.36

Социальное и рабочее время как мера социально-экономического развития

Малинина Т.Б.

В статье показано, что в условиях ориентации социально-экономического развития на человека, именно экономия труда способствует социально-экономическому эффекту научно-технического прогресса. Экономия труда позволяет сократить рабочее время и увеличить свободное время, которое способствует не только всестороннему развитию человека, но и удовлетворению его возвышающихся потребностей.

Ключевые слова: труд, рабочее время, потребительская стоимость, экономия труда.

Malinina T.B.

Social and labor time as a measure of social and economic development.

In article it is shown that in conditions of orientation of social and economic development to the human, the saving of labor promotes social and economic effect of scientific and technical progress. The saving of labor allows to reduce labor time and to increase free time which promotes not only to an all-around development of the human being, but also satisfaction of its towering needs.

Key words: labor, labor time, consumption value, saving of labor.

Модернизация российского общества предполагает, что важнейшим приоритетом инновационного пути развития являются люди, их благополучие и качество их жизни. Общепринятыми измерителями уровня социально-экономического развития, как справедливо заметил С.Ю.Глазьев, являются ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности; средняя продолжительность жизни; уровень образования. Первый показатель для России соответствует таким странам, как Алжир или Венесуэла. По второму показателю наша страна находится на одном из последних мест в мире. Третий показатель приближает нас к развитым странам [1, с.157]. При этом главным фактором экономического роста является научно-технический прогресс, им обеспечивается более 90% экономического роста в развитых странах [1, с.229]. В этой связи возникает вопрос о критерии эффективности самого НТП и его месте в указанных показателях.

Любые инновационные преобразования, как феномен обще-

ственной жизни, связаны с человеческой деятельностью в материальной и духовной сфере, а значит с трудом. В какой мере труд участвует в оценке социально-экономической эффективности и собственной инновационности? Обычно эту функцию выполняет мера производительности труда. Рост производительности труда проявляется в увеличении количества потребительных стоимостей, производимых в единицу времени или в экономии рабочего времени, затраченного на единицу продукции. Следовательно, экономия рабочего времени является выражением производительности труда. К.Маркс писал, что «производительность труда вообще = максимуму продукта при минимуме труда» [2, с.125], т.е. при большей экономии труда.

Увеличение массы потребительных стоимостей включает так же и изменение в их составе, потребительских свойствах продукта. Эти изменения обязаны своим происхождением труду, имеющему двойственный характер: с одной стороны он создает потребительные стоимости в виде новых продуктов, знаний, технологий и т.д., а с другой – стоимость, которая представляет собой затраты абстрактного человеческого труда при особой роли его интеллектуальной составляющей [3, с.62].

С одной стороны рост производительности труда продиктован ходом исторического развития и вытекает из природы целесообразности человеческого труда, развития и умножения сил труда и является объективным экономическим законом, действующим во всех экономических формациях. Подъем производительности труда является экономической необходимостью для всякой системы хозяйства и всеобщим законом,

«по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее» [4, с.76]. С другой стороны, рост производительности труда напрямую связан с удовлетворением растущих потребностей общества. Следовательно, главной функцией НТП является социально-экономическая функция: повышение производительности общественного труда и на этой основе усложнение общественных потребностей и развитие человеческой личности.

Под социально-экономической эффективностью, которая связана с законом экономии времени, будем понимать сокращение затрат рабочего времени и увеличение свободного времени (именно так рассматривали закон экономии времени К. Маркс и Ф. Энгельс). Условия действия закона экономии времени опирается на общественную функцию материального производства, которая заключается в использовании необходимого общественного труда для создания экономической базы человеческого общества, удовлетворяющей материальные и духовные потребности. Повышение эффективности материального производства состоит в том, чтобы обеспечить человеческую жизнь и удовлетворить непрерывно растущие и развивающиеся потребности общества с меньшими затратами труда, времени и ресурсов. В результате чего создаются реальные возможности для возрастания свободного времени – главного богатства человеческого общества.

В общественной жизни время является универсальным измерением социальных изменений, и проявляется в двух ипостасях. С одной стороны, оно служит «внешней рамкой для измерения событий и процессов, упорядочения их

хаотического потока таким образом» [5, с.71], чтобы человек мог ориентироваться и координировать свои действия в удовлетворении своих потребностей. В этом случае время выступает количественным измерением. С другой стороны, время связано с социальными процессами «как внутреннее, имманентное, онтологическое свойство событий» [5, с.72]. В этом случае время выступает качественным измерением, определяемым самой природой человеческой деятельности (время работы, отдыха и т.п.).

Философ Кант рассматривал время как универсальный человеческий путь упорядочения опыта, а социолог Дюркгейм подходил ко времени как к «социальному факту», или «коллективному представлению и изучению» коллективного опыта и социальной организации общества, которая социально «конструируется» [5, с.82-83].

Социальный характер времени отражает связи и взаимодействия, складывающиеся в общественной жизни. «Сорокин и Мертон рассматривали социальное время как функциональную предпосылку упорядоченной, предсказуемой, скоординированной и синхронизированной общественной жизни» [5, с.84].

Реалии современного общества таковы, что время превращается в измеритель: свое личное нерабочее время или часть его человек считает временем отчуждаемой, продаваемой рабочей силы, и тем самым превращает его в рабочее время. «Время современного человека жестко сегментируется на части, когда он официально исполняет свою роль по роду занятий, и остальное, когда он не играет такой роли» [6, p.168-177].

Вся жизнедеятельность и развитие человека протекают и отра-

жаются во времени, зависят от его использования, «связанного с воспитанием, трудом и досугом людей» [7, с.21]. К.Маркс определял время как пространство человеческого развития [8, с.147].

Современный человек постоянно связан с протеканием времени: загружен работой, не хватает времени на воспитание детей, на досуг и т.д. Время является самой распространенной мерой жизнедеятельности человека, и понимание его расширяется вместе с техническим и социально-экономическим прогрессом.

Социальное время, отражающее человеческое общество, напрямую связано с удовлетворением потребностей людей: в труде, в образовании, в медицинском обслуживании, в деторождении, в питании, в жилье, в одежде и т.д. На все это затрачивается определенная часть социального времени [9, с.59].

Социальное время - это фундаментальная и универсальная форма бытия общества, основополагающими отношениями в которой являются отношения по поводу производства и потребления. Социальное время, отражающее человеческое общество, напрямую связано с удовлетворением потребностей людей: в труде, в образовании, в медицинском обслуживании, в деторождении, в питании, в жилье, в одежде и т.д. На все это затрачивается определенная часть социального времени. Поэтому, вводятся следующие справедливые утверждения - аксиомы для социального времени:

1. Все социальное время затрачивается на удовлетворение потребностей общества.

2. Определенная часть социального времени затрачивается на удовлетворение соответствующей потребности.

3. Каждая потребность удовлетворяется за счет соответствующей части социального времени.

4. Между соответствующими частями социального времени существует взаимнооднозначное соответствие [9, с. 59].

Основой социально-экономического развития является труд – необходимая потребность человечества для выживания. На процесс труда общество затрачивает общественно необходимое время, являющееся частью социального времени.

Социальное время (CB) состоит из двух частей: необходимое социальное время ($НСВ$) и свободное социальное время ($ССВ$), т.е. $CB = НСВ \cup ССВ$, где под необходимым социальным временем $НСВ$ будем понимать часть социального времени CB , которое общество расходует на восстановление того, что астрономическое время разрушает, т.е. на простое воспроизводство. Время простого воспроизводства всегда меньше полного объема социального времени $НСВ \subset CB$. Излишек CB , т.е. $CB / НСВ = ССВ$, назовем свободным социальным временем, им общество может распоряжаться произвольно [9, с. 19-20]. Свободное время – это то, что остается у общества после удовлетворения необходимых для простого воспроизводства потребностей. Этот “остаток” может затрачиваться человеком на творческую деятельность, научные исследования, генерацию идей» [9, с. 26]. Увеличение свободного времени, способствуя всестороннему развитию человека, активно воздействует на эффективность функционирования труда в материальном производстве и дальнейшее сокращение времени в этой сфере.

Количественным выражением действия закона экономии време-

ни и социально-экономической эффективности может служить отношение свободного времени (T_c) к рабочему времени (T_p), т.е. $\mathcal{E}_{сэ} = T_c / T_p$. Это отношение показывает, сколько свободного времени приходится на единицу затрачиваемого в процессе производства материальных благ рабочего времени.

Социально-экономические показатели и процессы необходимо оценивать и взвешивать во времени. Например, такой показатель как доходы населения дает не полное представление об уровне жизни общества. «Анализ требует использования и другого мерил – времени, которое служит основным измерителем труда и важной характеристикой уровня жизни» [7, с. 22].

Рабочее время – $PВ$ и вне рабочее время $НВР$ можно представить дополняющими друг друга составными частями, входящими в социальное время, затрачиваемое обществом на удовлетворение своих потребностей т.е. $CB = PВ \cup НСВ$.

Потребности определяют трудовые затраты общества, а значит, и рабочее время, необходимое для производства продукта, удовлетворяющего данную массу потребностей.

Обозначим через $\pi(t)$ – объем потребностей общества (производственных и индивидуальных) в год, а через $x(t)$ – объем продуктов (благ), удовлетворяющих данную массу потребностей $\pi(t)$. Тогда:

$$\pi(t) = \bigcup_i \pi_i, \quad x(t) = \bigcup_j x_j,$$

где π_i – i -я потребность, x_j – j -е благо (причем несколько благ могут удовлетворять одну потребность).

Для производства данного объема благ затрачивается необходи-

мое рабочее время, которое равно времени труда на получение полезного эффекта от продукта как средства производственного и индивидуального потребления.

Так как $CB = PB \cup HCB$, где PB – это рабочее время равное доли социального времени CB , затрачиваемое индивидами по роду своей деятельности, обеспечивающей уже достигнутый уровень удовлетворения потребностей общества, HPB – не рабочее время равное доли CB , дополняющей PB до CB . Тогда мера социального времени будет равна мерам его составных частей, т.е. $\mu(CB) = \mu(PB) = \mu(HPB)$.

Независимо от общественного строя, уменьшение $m(PB)$ и увеличение $\mu(HPB)$ является объективным законом общественного развития.

В рамках инварианта $\mu(CB)$ граница между PB и HPB перемещается в сторону уменьшения $\mu(PB)$ за достаточно большой период времени. Однако обе части социального времени PB и HPB зависят друг от друга, т.к. и в той и в другой частях протекают сложные процессы, влияющие на перемещение границы между PB и HPB . С одной стороны общественно необходимое время на удовлетворение каждой потребности как общественной, так и личной сокращается, а с другой стороны количество потребностей растет, а затраты необходимого времени не увеличивается, а наоборот уменьшаются. Это объясняется законом роста производительности труда или законом экономии труда, которая осуществляется благодаря росту энерговооруженности труда, применению новых технологий, росту социального коэффициента полезного действия, показывающего ту часть продукции, которая превратилась в удовлетворенную потребность. Производи-

тельность труда выражает степень эффективности процесса труда.

В результате НТП происходит замещение живого труда прошлым, позволяющее в большей степени экономить живой и олицетворенный общественный труд. Однако, так как экономия живого труда связана с потерями прошлого, то исходя из процесса расширенного воспроизводства важно превышение экономии над потерями.

В каких формах выражается экономия труда? Во-первых, экономия труда выражается в росте потребительных стоимостей опережающими темпами по отношению к их стоимости и означает уменьшение затрат труда, общественно необходимых для производства той же продукции [3, с. 66]. Инновации и нововведения сами требуют затрат труда на их создание. Поэтому экономия труда зависит от затрат в тех сферах трудовой деятельности (например, в сфере науки, образования), где изобретают и создают новые знания. Отсюда в результате большей экономии труда, часть общественно необходимого труда перераспределяется в эти новые трудовые сферы для создания и разработки нового. Таким образом, общественная потребность в экономии труда порождает и затраты труда для обеспечения этой экономии.

Во-вторых, экономия труда может реализовываться в форме увеличения доходов работника (как участника процесса воспроизводства), обмениваемых на растущий объем потребительных стоимостей и в форме более полного удовлетворения общественных потребностей (в том числе и в увеличении свободного времени, предназначенного для гармонического, более полного развития человека) при неизменных доходах и сниже-

ния цен. В-третьих, возможны оба варианта [3, с. 76].

Наиболее простой формой экономии труда является снижение цен, вследствие снижения стоимости полезного эффекта (продукции). В результате одно и той же сумме доходов будет соответствовать большая масса потребительных стоимостей, а возможны и бесплатные блага. Более сложная форма заключается в возвышающихся потребностях общества: высококачественное питание, комфортабельное жилье, скоростной транспорт, телекоммуникации, безотходные технологии, улучшение условий труда, повышение образования, укрепление здоровья и т.д. Все это означает использование эффекта экономии труда, его растущей производительности, для удовлетворения более высоких, качественных, общественных потребностей, требующих больших издержек производства. Однако, чем больше экономится труда в рамках сложившихся общественных потребностей, тем значительнее может быть перестроена структура будущих потребностей в пользу более сложных. По мнению А.И. Анчишкина, в этом проявляется эффект НТП и его использование.

С точки зрения потребительной стоимости, величина и пределы затрат труда определяются потребностями, а время труда имеет принципиально иное значение. Говоря о необходимом рабочем времени общества как о времени, которое нужно затратить для удовлетворения данных потребностей, подчеркнем, что это время не является мерой стоимости продукта. В данном случае необходимый труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой. А рабочее время - это не то рабочее время, которое нужно зат-

ратить для создания какой-либо стоимости (в том числе и стоимости суммы благ), необходимой рабочему для своего существования и воспроизводства рабочей силы. Здесь имеется в виду относительная необходимость удовлетворения продуктами различных видов труда (например, определенное количество земледельческого труда необходимо, чтобы удовлетворить потребности в питании).

Если говорить в общем, то в этом смысле необходимое рабочее время определяется и другими факторами, связанными с потребительной стоимостью, с потреблением и потребностями людей. Заметим, что именно потребительная стоимость жизненных средств работника определяет, сколько нужно затратить труда и времени на их производство. Рабочее время и количество производительного труда, необходимые обществу для жизни, зависят от количества нуждающихся в этих средствах людей, то есть от числа потребителей и «потребительских корзин». Объем необходимого рабочего времени зависит от потребительной силы общества, которая предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, общий объем необходимого рабочего времени данного общества.

Определим совокупное рабочее время за год t численностью производительного населения в год. Понятно, что из года в год она меняется. Поэтому в качестве единицы измерения рабочего времени, можно выбрать 1 млн. годовых работников и обозначить $1 \text{ МГР} = 1 \text{ млн. раб.} \times 1 \text{ год}$.

Почему так? Действительно, «рассмотрение структуры общественных потребностей на достигнутом уровне специализации в разделении труда позволяет сделать

вывод, что популяция в один миллион человек способна обеспечить себя по всему спектру потребностей современного человека: от науки и культуры до продуктов питания» [9, с. 81]. В одном миллионе потребителей содержится приблизительно половина производительного населения, обеспечивающая процесс труда потребительных стоимостей жизненных средств, а остальная половина это дети и пенсионеры. Поэтому 1 млн. работников в год способен произвести потребительные блага, сохраняющие потребление на прежнем уровне населения в один миллион человек и даже больше.

Обозначим через $q^H(\pi_i)$ - научно обоснованную норму благ удовлетворяющих j -ю необходимую потребность (воспроизводство рабочей силы), тогда $\mu(t, q^H(\pi_i))$ [МГР] - плановая доля рабочего времени, которую необходимо затратить в году t для полного удовлетворения потребностей в воспроизводстве рабочей силы одного миллиона человек. Если просуммировать по j , то получим плановый годовой бюджет рабочего времени для удовлетворения необходимых потребностей

$$\mu(t, q^H) = \sum_{(j)} \mu(t, q_j^H(\pi_j)) \text{ [МГР].}$$

Величина затрат рабочего времени - $\mu(t, q^H)$ характеризует способность общественного производства удовлетворять необходимые потребности в воспроизводстве рабочей силы. Причем должно выполняться условие $\mu(t, q^H) < 1$ МГР, в противном случае производство не выполняет своего назначения удовлетворять жизненно необходимые потребности общества. Разница $1 - \mu(t, q^H) = \Delta\mu(t, q^H)$ представляет собой оценку годового ресурса рабочего времени общества, который может быть израсходован на удовлетворение

других потребностей общества, кроме жизненно необходимых.

Величина экономленного времени есть разность объема живого труда $t^0_{ж}$, замещаемого фактором производства, и количеством затраченного общественного труда - t^1 , т.е. $\Delta t = t^0_{ж} - t^1$.

Если факторы производства оценивать их потребительной стоимостью, которая измеряется единицей экономленного живого труда, то легко оценить не только источник экономии, но и результат производства. Более понятным становится смысл условия социально-экономической эффективности - высвобождение большого объема живого труда при меньших затратах труда. В общем случае можно установить балансовое соотношение потребительной стоимости продукта и всех составляющих его производства:

$$ПС_{II} = \sum_i Q_i,$$

где $ПС_{II}$ - потребительная стоимость продукта; Q_i - объем живого труда, высвобождаемый i -й составляющей, участвующей в производстве данного продукта.

Обозначим через Q_1 - объем живого труда, высвобождаемого квалифицированной рабочей силой; Q_2 - объем живого труда, высвобождаемого новой техникой (новыми технологиями); Q_3 - объем живого труда, высвобождаемый за счет использования нового сырья; Q_4 - объем живого труда, высвобождаемого за счет материалов; Q_5 - объем живого труда, высвобождаемого за счет лучшего использования природных условий и энергии. Тогда $ПС_{II} = Q_1 + Q_2 + Q_3 + Q_4 + Q_5$. Из этого равенства видно, что чем выше потребительные стоимости элементов, участвующих в создании продукта (потребительные стоимости техники,

сырья, материалов, природных условий и энергии), тем меньше требуется рабочей силы для создания данной потребительной стоимости, т.е. тем больше экономится живого труда. Отсюда сразу следует, что научно-техническое развитие производства, качества сырья и материалов, лучшее использование природных условий и энергии дадут больший результат. Чтобы использовать в комплексе эти факторы роста производства, человек должен повышать свой образовательный и квалификационный уровень. Экономический эффект создания продукта \mathcal{E} можно оценить как разность его потребительной стоимости и затрат труда:

$$\mathcal{E} = \text{ПС}_{\text{п}} - (q_1 + q_2 + q_3 + q_4 + q_5) = (Q_1 - q_1) + (Q_2 - q_2) + (Q_3 - q_3) + (Q_4 - q_4) + (Q_5 - q_5),$$

где \mathcal{E} – экономический эффект при производстве новой потребительной стоимости; q_1 – затраты живого труда; q_2, q_3, q_4 – овеществленный труд, необходимый для создания и применения соответственно новой техники (технологии), сырья и материалов; q_5 – суммарные затраты живого и прошлого труда, направленные на сохранение окружающей среды и природных ресурсов.

Таким образом, при данных рабочей силе и технике эффект экономии живого труда достигается благодаря эффективности прошлого труда, рациональному использованию природных ресурсов и окружающей среды.

В процессе потребления человек развивает свои способности и производительную силу своего труда, в результате чего образуется дополнительное количество труда, т.е. совершенствуются субъективные производительные силы, проявляющиеся как свойства индивида. В результате труд

более высокой производительности высвобождает определенное количество живого труда, которое остается от труда, затрачиваемого на воспроизводство его собственной рабочей силы. Образуется, следовательно, разница между прошлым трудом, заключенным в рабочей силе, и трудом, высвобождаемым ею. Она и служит мерой потребительной стоимости рабочей силы. Потребительная стоимость произведенных продуктов, находя свое выражение в потребительной стоимости рабочей силы, в конечном счете, реализуется в производительной силе человека – субъективного фактора производства [10, с. 265].

Источником экономии труда является потребительная стоимость факторов производства: средств производства и рабочей силы.

НТП обеспечивает замещение живого труда прошлым, повышает эффективность этого замещения и тем самым экономит общественный труд. Согласно Анчишкину А.И., экономия труда обеспечивается НТП, является главным источником полного и качественного удовлетворения уже существующих и удовлетворения новых общественных потребностей; поглощает развивающиеся потребности, которые сами вызывают к жизни необходимость и возможность экономии труда.

Кроме того, экономия труда позволяет сократить рабочее время, тем самым увеличить свободное время, которое пойдет на развитие человека и удовлетворение его возвышающихся потребностей. «Экономия рабочего времени, которая происходит за счет развития человека, усложнения и рационализации процесса труда, его лучшей оснащенности все более совершенными средствами произ-

водства является действительной экономией труда» [3, с.118].

В условиях НТП и экономии рабочего времени, происходит повышение сложности труда, возникают новые виды труда. Умелый и образованный работник, способен заменить нескольких работников более низкой квалификации. В связи с появлением более сложного труда, требуется специальная подготовка, которая обеспечивается увеличением затрат общественно-го труда в других сферах, таких как образование, здравоохранение. Именно в такие сферы направляется часть экономии рабочего времени, которая поглощается дополнительными затратами в этих сферах трудовой деятельности, обусловленными общественными потребностями. Чтобы экономия труда сопровождалась не высвобождением рабочей силы, а удовлетворением более качественных и трудоемких потребностей обществу необходимо знать какую массу потребительных стоимостей надо произвести, чтобы удовлетворить общественную потребность. В условиях ориентации социально-экономического развития на человека, необходимо в большей мере распределять труд в соответствии с предвиденными долгосрочными потребностями, обеспеченными социальными гарантиями, тогда всякое высвобождение труда становится источником удовлетворения растущих потребностей и развития человека. Это означает, что «по мере увеличения масштабов конечной экономии труда ее часть может направляться на увеличение фонда свободного

времени», «на обеспечение эффективного его использования», причем «чем более творческий характер приобретает сам труд и чем больше его производительность определяется не только материальными, но и субъективными, психологическими факторами, тем более условна граница между рабочим и свободным временем» [3, с.131].

Литература

1. Глазьев С.Ю. Выбор будущего. М., 2005.
2. Маркс К. Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII), М.: Политиздат, 1982, 405с.
3. Анчишкин А И., Наука-техника-экономика. М.: Экономика, 1989, 383с.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. М.: Политиздат, 1968.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
6. Zerubavel, Eviatar 1990. "Privat-taime and public-taime", in Hassard, p.p. 168-177/
7. Пруденский Г.А. Время и труд. М.: Изд-во «Мысль», 1965, 343с.
8. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т.16. М.: Политиздат, 1960, С.101-155.
9. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я., Математическое обеспечение управления // Меры развития общества. М., 1996, 178с.
10. Ельмеев В. Я., Теория и практика социального развития. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004, 400с.

Рынок «Форекс» как показатель социальной и культурной динамики

Меркушев Д. Б., Самкова И. А.

Современная ситуация на глобальных рынках такова, что вмешательство различного рода корпоративных структур в рыночные процессы становится реальным источником кризисного развития, спровоцированного волонтаристскими стратегиями. Рынок «Форекс» - это единственный на сегодняшний день рынок, который является альтернативной неинституционализированной формой социальной организации в экономической сфере общества. Поэтому он позволяет изучать социальные механизмы организации рынков в условиях отсутствия легитимного вмешательства корпоративных структур, что помогает выявлению объективных закономерностей.

Ключевые слова: Рынок «Форекс», социальная система, социальная структура, социальные функции, социальный механизм, социальная организация, ролевые стратегии участников рынка, инновация, методология системного анализа, диалектическая парадигма.

Merkushev D. B., Samkova I. A.

The FOREX market as an indicator of social and cultural dynamics

The current situation in global markets is such that the interference of various corporate structures in the market process becomes a real source of the crisis provoked by voluntaristic, arbitrary policies. The FOREX market today is the only one, which is an alternative non-institutionalized form of social organization in the economic life of society. Therefore, it allows you to study the social mechanisms of the markets in the absence of legitimate interference of corporate structures, which helps to identify objective patterns. In particular, the social organization of the FOREX market is the modus operandi of its members as a whole.

Key words: Market FOREX, social system, social structure, social function, social mechanism, social organization, role strategies of market participants, innovation, methodology of the system analysis, the dialectical paradigm.

Название рынка «Форекс» происходит от английской аббревиатуры «FкREX», что означает FкReign EXchange market и переводится как «международный валютный рынок». Этот рынок представляет собой совокупность торговых, инвестиционных, спекулятивных и организационных операций с валютой, реализующихся через систему экономических институтов - предпринимательских (индивидуальные трейдеры); отраслевых (диллинговые компании); национальных (биржи, банки, пенсионные фонды, страховые компании); транснациональных (ТНК).

В качестве международного межбанковского валютного рынка «Форекс» сформировался в семидесятых годах, когда мировая торговля перешла от фиксированных курсов валют к «плавающим», то есть подлежащим согласованию между участниками рыночного процесса. Это произошло в марте 1973 года, когда система плавающих курсов сменила Бреттон-Вудскую систему фиксированных курсов, в рамках которой курсы национальных валют были жестко привязаны к доллару США, а последний - к золоту. Причиной подобного рода изменения явилось прогрессирующее разделение труда между странами в условиях глобализации.

Становление системы плавающих курсов привело к следующим последствиям:

1. Импортёры и экспортёры валюты, а также обслуживающие их

банковские структуры были вынуждены стать регулярными участниками валютного рынка, поскольку изменения курсов валют могли бы сказаться на финансовых результатах их работы как с положительной, так и с отрицательной сторон.

2. Центральные банки обрели возможность оказывать воздействие на курсы национальных валют, тем самым, влияя на экономическую ситуацию в стране.

3. Курсы наиболее ликвидных национальных валют стали формироваться на основе поиска рынком точки равновесия между текущим спросом и имеющимся предложением, когда каждое изменение спроса и предложения на рынке вызывает отклонение курса в ту или иную сторону.

4. Движения валютных курсов, помимо потребности страховать риски, привели к возникновению возможности зарабатывать на изменениях курсов, вследствие чего появляется профессия валютного трейдера.

Первое время возможность совершать сделки на Форексе была прерогативой исключительно крупных финансовых структур и крупных частных собственников капитала. Однако развитие сети Интернет и массовая компьютеризация сделала рынок более доступным. Финансовые организации осознали, что зарабатывать можно и на обслуживании частных трейдеров, что привело к возникновению первых дилинговых центров.

Дилинговые центры — это финансовые компании, аккумулирующие деньги частных трейдеров на своих счетах и выполняющие приказы своих клиентов на покупку и продажу валют. Именно они поняли, что возможен симбиоз между физическими лицами, за-

интересованными в работе на Форексе, и финансовыми структурами, имеющими ресурсы для организации и поддержания с технической и информационной точки зрения торговой системы для многочисленных «частников».

В отличие от других рынков, рынок «Форекс» характеризуется самым большим объемом торгов, минимальной стоимостью проводимых сделок и самым быстрым движением валютных средств. Ликвидность этого рынка возросла до нескольких триллионов в день. В настоящее время операции на рынке «Форекс» являются основным источником дохода многих ведущих банков и других финансовых институтов мира. Объем ежедневных торгов на рынке «Форекс» составляет, по разным оценкам, от 2 до 4 трлн. долларов.

Масштабность данного рынка, несомненно, обеспечивается инновационным характером его организации, которая отражает современные достижения общественного развития. С точки зрения технических, психологических, социальных и технологических параметров этого развития Форекс представляет собой инновационную структуру рыночной экономики. Организация Форекса отличается от организации любого другого рынка, входящего в сложившуюся экономическую систему.

Во-первых, рынок «Форекс» — это принципиально незамкнутый рынок, работу которого невозможно прекратить вне чрезвычайных обстоятельств ликвидации мирового сообщества, поскольку он является:

- открытым, то есть не имеющим биржевой регламентации. Доступ на рынок может получить любой заинтересованный пользователь персонального компьютера, подключенного к сети «Интернет»;

- свободным, то есть не подчиненным действию денежного эквивалента. Это рынок, где осуществляется натуральный обмен одной валюты на другую;

- независимым, то есть не подлежащим чьей бы то ни было юрисдикции. На сегодняшний день это единственный рынок, исключаяющий вмешательство корпоративных интересов в рыночную ситуацию;

- непрерывным, то есть не ограниченным по времени. Он работает 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Во-вторых, рынок «Форекс» - это структурно сбалансированный рынок, где информация о процессах согласования курсов валют уравнивает возможности участников вследствие её:

- экстерриториальности, то есть локализации в сетевом пространстве «Интернета»;

- всеобщности, то есть доступности независимо от статусных различий;

- универсальности, то есть достаточности для применения в любых ситуациях;

- синхронности, то есть одновременной трансляции во всех точках земного шара.

В-третьих, рынок «Форекс» - это ситуационный рынок, который использует организационные ресурсы пограничных состояний социума:

- технические, в частности, сконструированную посредством программных технологий модель специализированного рынка, которая компенсирует состояния техногенного кризиса системы валютного воспроизводства;

- управленческие, в частности, исторически сложившуюся модель согласования курсов валют создателями рынка, которая компенсирует состояния энергетического кри-

зиса системы валютного воспроизводства;

- коммуникационные, в частности, существующую модель структуры взаимодействия участников рынка, которая компенсирует состояния инфомогенного кризиса системы валютного воспроизводства;

- символические, в частности, используемую пропагандистскую модель вовлечения в бизнес участников рынка, которая компенсирует состояния социогенного кризиса системы валютного воспроизводства.

В-четвертых, рынок «Форекс» - в отличие от традиционного рынка с его иерархическим принципом организации Форекс представляет собой клановую структуру представительства интересов его участников. Клановый принцип обуславливает сокращение издержек его участников посредством сетевого вовлечения. Чем больше посредников, тем меньше издержек; чем меньше издержек, тем больше посредников, что объективно порождает необходимость их клановой дифференциации, иначе становится невозможной сама организация рынка, которая приносит прибыль его участникам.

Подобные характеристики рынка «Форекс» не дают оснований для достоверного с точки зрения современной социальной ситуации заключения о системности данного «объекта». Это находит отражение во всех типах общественного сознания: повседневном, правовом, научном и массовом, которые генерируют, каждое на свой манер, отношение к рынку «Форекс» как игровому феномену случайного финансового воспроизводства.

Так, с точки зрения семиологического анализа, предполагающего логическую языковую реконструкцию смысла феномена, рекламный призыв - «Заработай на

Форексе!», свидетельствует о том, что Форекс рассматривается обышателем как доступный способ разового получения дохода, не требующий постоянных трудовых затрат, а значит, не являющийся работой, институционализированным трудом, то есть серьезным делом в рамках организации, дающим стабильный заработок, гарантирующим положение в обществе, иными словами, социально одобряемым или приличным занятием. Из этой интерпретации закономерно производны обыденные сомнения в легитимности Форекса, настороженное отношение к нему как авантюрному способу заработка, статусное неприятие его спекулятивной природы, боязнь непосредственного соприкосновения с этим необычным феноменом. В обывательских кругах его существование оправдано лишь человеческой слабостью вырваться за грань общепризнанных установлений, желанием рискнуть, поймать удачу, насладиться игрой, то есть отдохнуть, что не позволительно, когда речь идет о получении заработка. Заработок и отдых четко разделены в повседневном сознании: «Делу – время, потехе – час». Форекс же нарушает этот социальное установленный предел, обретая значение девиантной формы поведения, которая допустима лишь потому, что не запрещена законом. Эта закономерность находит отражение в противоречиях языка участников рынка. Так, русскоязычные участники Форекса, чтобы соблюсти приличие и придать статус своему занятию, называют себя «трейдерами» на западный манер, а не уничижительно по-русски «спекулянтами», хотя «trader» в переводе с английского имеет именно это значение. Общаясь же между собой на специализированных Ин-

тернет-форумах, трейдеры называют себя «трейдунами», тем самым выражая ироничное отношение к своему занятию, не имеющему позитивной оценки с точки зрения им же присущего повседневного сознания.

В соответствие с той же логикой повседневности департамент налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации признает все сделки с валютой на рынке «Форекс» биржевыми играми, которые как разновидность игр и пари относятся по гражданскому законодательству к рискованным (алеаторным) сделкам, осуществляемым участниками игр и пари на свой страх и риск. Согласно ст. 1062 Гражданского кодекса РФ участники игр и пари не подлежат судебной защите кроме операций, совершенных на бирже. А глава 25 Налогового кодекса Российской Федерации не содержит специальные нормы, регулирующие налогообложение результатов биржевых игр и пари¹.

Нетипичность феномена игры на рынке «Форекс» с точки зрения использования статистических методов в определении социальной значимости данного явления также приводит к тому, что на сегодняшний день мы не знаем прецедентов социологического исследования данного рынка.

А между тем, массовое сознание инициирует возрастание значимости рынка «Форекс» именно по причине его «игровых» свойств, способных привлечь внимание граждан. Во всех статусных СМИ присутствует информация о котировках валют, экспертный анализ ситуации на рынке, прогнозы влияния происходящих событий на колебания соотношения курсов валют, реклама настойчиво призывает граждан зарабатывать деньги на Форексе. Тем самым со-

здаются основания для формирования социальной ситуации, когда появляются основания для существования группы трейдеров, чьи действия, как мы знаем, не регулируются гражданским и налоговым законодательством, т.е. не имеют институциональных оснований и, следовательно, могут стать источником социальной напряженности. Об этом свидетельствует, например, появление в судебной практике неудовлетворенных исков рядовых граждан, выступивших в роли частных инвесторов, в отношении трейдеров, предоставивших услугу по управлению их денежными средствами на рынке «Форекс», вследствие которой они потерпели убытки. Подобного рода прецеденты указывает на то, что рынок «Форекс» оказывается социальной проблемой *de jure* и одновременно социологической проблемой *de facto*.

Именно социологический анализ рынка «Форекс» показывает, что этот рынок имеет все признаки социальной системы.

Во-первых, становится все более актуальным **социальное значение** рынка FkREX:

- как инновационного рыночного проекта;
- как организации кланового типа;
- как канала социальной мобильности;
- как символа достижения успеха.

Во-вторых, определяется **социальная структура** рынка «Форекс», в основе которой лежат группы интересов различных экономических классов:

- *трейдеров* – физических и юридических лиц (коммерческих организаций), осуществляющих торговые операции по купле и продаже валют;
- *дилеров* – бирж и дилинго-

вых центров, какими являются посреднические компании типа «Forex club», «Alpari» и т.п., предоставляющие доступ к рыночной информации;

- *маркет-мейкеров* – крупнейших мировых банков-участников торгов валютой, инициировавших создание электронной брокерской системы (EBS), которая выступает в качестве символической модели работы рынка;

- *специалистов по информации* – компаний Quotron, обеспечивающих процесс функционирования EBS с 1993 года.

В-третьих, налицо **социальные функции** рынка «Форекс», которые проявляются в институционализированных сферах общественной деятельности:

- *экономическая*: аккумуляция мировых финансовых ресурсов;

- *политическая*: распределение мировых финансовых ресурсов в интересах участников рынка;

- *гражданская*: оптимизация мировых финансовых ресурсов посредством организации глобальной торговой системы способом частной инициативы участников рынка;

- *идеологическая*: формирование потребностей в использовании мировых финансовых ресурсов в качестве инструментов получения прибыли.

В-четвертых, действует **социальный механизм** организации рынка «Форекс», определяющий ролевые стратегии экономически активной части населения, работающего на данном рынке, в зависимости от:

- способа согласования рыночных интересов;

- способа использования денежных средств;

- способа организации статусного неравенства;

- способа участия в процессах ценообразования (см. табл. 1).

Таблица 1
Рольевые стратегии на рынке «ФОРЕКС»

По способу согласования рыночных интересов			
<i>Инициатор</i>	<i>Информатор</i>	<i>Ориентатор</i>	<i>Креатор</i>
побуждает участников рынка удовлетворять их рыночные интересы с его помощью	информирует участников рынка о возможности удовлетворения их рыночных интересов	предлагает участникам рынка оптимальные способы удовлетворения их рыночных интересов	создает организацию участников рынка для удовлетворения их рыночных интересов
По способу использования денежных средств			
<i>Либерал</i>	<i>Консерватор</i>	<i>Центрист</i>	<i>Радикал</i>
нулевая доходность – минимальные риски	низкая доходность – минимальные риски	средняя доходность – медиальные риски	высокая доходность – максимальные риски
По способу организации статусного неравенства			
<i>Работник</i>	<i>Инвестор</i>	<i>Учредитель</i>	<i>Предприниматель</i>
принимает ситуационные решения по торговым операциям	определяет цель инвестирования торговых операций	устанавливает пределы допустимых рисков в торговых операциях	повышает риски для увеличения прибыли от торговых операций
По способу участия в процессах ценообразования			
<i>Продавец</i>	<i>Покупатель</i>	<i>Брокер</i>	<i>Дилер</i>
назначает цену на товар	выбирает цену на товар	регулирует цену на товар	определяет цену на товар

Рольевые стратегии поведения на рынке «Форекс» позволяют проиллюстрировать отобранные экспертным способом характеристики социальных типов деятельности реальных участников рынка, предоставивших информацию о себе на сайте дилинговой компании «Альпари»². Для отбора типологических характеристик как источника вторичной информации использованы комментарии одного из соавторов – М.Д. - , имеющего четырехлетний опыт работы на рынке «Форекс».

Тип 1. Трейдер «Best Keal».

Инициатор: «Инвестиционная программа предназначена для широкого круга инвесторов, ориентирующихся на получение стабильного дохода при невысоком уровне риска на инвестиционном горизонте от одного года... Если Вы хотите получить исчерпывающую информацию о наших ПАММ-счетах³ или если Вы уже решили, куда хотите инвестировать средства, но у вас возникли

вопросы, то, пожалуйста, напишите нам и оставьте Ваши контактные данные. Мы ответим на все ваши вопросы и дадим всестороннюю консультацию».

Либерал (рис. 1).

Работник: «В нашей работе мы не используем никаких автоматических систем⁴. Все наши инвестиционные и спекулятивные решения основываются исключительно на системно-аналитических подходах, на техническом и фундаментальном анализе рынков и компаний, где ключевую роль очень часто играют наш опыт, навыки, интуиция и наши знания. Мы придерживаемся единственно верной для нас инвестиционной философии: ... торговля в тот промежуток времени, когда высока вероятность заключения прибыльных сделок и охвата более сильных и устойчивых движений при минимальных рисках».

Продавец: «Торговля ведется отложенными ордерами». [То есть

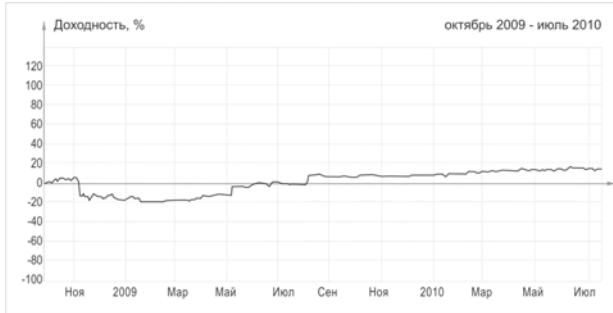

Рис. 1. Колебания доходности по времени: нулевая доходность при минимальных рисках.

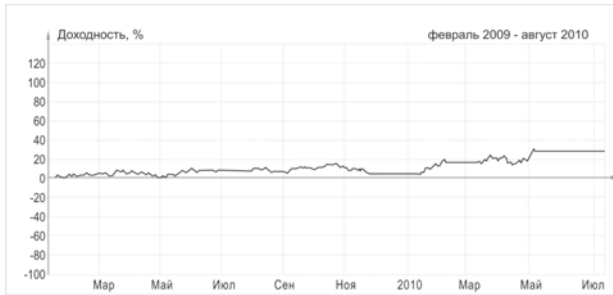

Рис. 2. Колебания доходности по времени: низкая доходность при минимальных рисках.

Рис. 3. Колебания доходности по времени: средняя доходность при средних рисках.

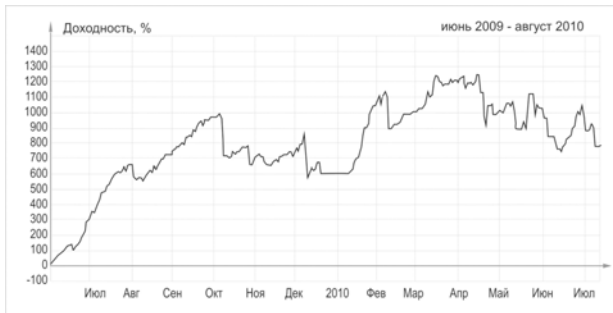

Рис. 4. Колебания доходности по времени: высокая доходность при максимальных рисках.

сделки открываются и закрываются при достижении ценой заданного трейдером уровня — М. Д.]

Тип 2. Трейдер «Weather».

Информатор: «Работа на финансовом рынке обладает повышенным риском, и никакие прошлые успехи не являются гарантией прибыли в будущем, максимальный лимит потерь не устанавливаю, так как рассчитать его заранее считаю крайне затруднительным, просадка депозита в 8-13% является для меня нормальным торговым процессом. Прибыль рассчитывается на основании прошлых торгов... Оферта будет создана в течение 2009 года⁵. Предположительно первые результаты торговли будут в мае этого года».

Консерватор (рис. 2):

Инвестор: «Цель открытия ПАММ-счета: 1. Приобретение опыта публичных торгов, статистика, прибыль. 2. Поиск инвесторов в течение последующих нескольких лет». [Трейдер не имеет публичных оферт, инвестирует только свои средства, — М. Д.]

Покупатель: «Практикую удержание прибыльной транзакции до 5 месяцев...

Отсутствие торговой активности на счёте в течение 1-3 месяцев является нормой. Оценка результата торговли происходит по итогам года». [Трейдер долго ждёт выгодной цены сделки, но, выбрав её, держит, пока сделка приносит прибыль, т.е. ведет себя как покупатель, — М. Д.]

Тип 3. Трейдер «Nicolay P. ».

Ориентатор: «Торговлю на паре евро/доллар, вручную... Основные принципы - действовать четко по моим уже установленным правилам... В день может быть до 20 сделок, а может, - ни одной, даже, несмотря на то, что могу находиться у компьютера».

Центрист (рис. 3):

Учредитель: «Я искал и нашел свое конечное призвание в вопросе зарабатывания денег - на Форексе. Начиная с простых акций ММВБ в 2005 году. Но быстро понял, что в силу относительно малых капиталов (особенно в сравнении с рынком евро/доллар) на ранке ММВБ нет стабильности и логической закономерности в графиках. На Форекс пришел через «Форекс-клуб» в начале 2006 года, потом «ВТБ - банк», потом «Альфа-форекс», потом «Альпари». Есть хорошие отчеты в предыдущих компаниях. Но и серьезные ошибки, которые сегодня уже учитываю и стараюсь не повторять. Максимальный дневной риск потери допускаю 7-8 %».

Брокер: «Моя цель торговать без подобных просадок три года, чтобы потом можно было начать работать с банками».

Тип 4. Трейдер «4xCobra».

Организатор: «Этот ПАММ-счет рисковый. Ведется агрессивная внутриденная торговля. Первоначальная цель этого ПАММа - 1000%. К сожалению, временные

рамки для достижения этой цели тяжело очертить - слишком многое зависит от поведения рынка и эффективности на нем моей автоматической торговой системы. Ориентир: 2-3 месяца. Прошу уважаемых инвесторов вносить только небольшую часть своего инвестиционного капитала из-за довольно высоких торговых рисков».

Радикал (рис. 4):

Предприниматель: «Хотелось бы, чтобы инвесторы осознавали, что максимальная возможная просадка на этом ПАММе - 100% средств... Я крайне не заинтересован в потере средств, и после ожидаемой просадки я закрываю ПАММ и оставляю инвесторов в убытке не планирую. Но и полных гарантий выхода всех инвесторов в плюс тоже дать не могу - это рынок... С учетом того, что я изначально описал рискованность моей торговли, и неоднократно это повторял, смысла уменьшать риски я не вижу. На самом деле, по моим тестам, я должен риски увеличить для увеличения геометрического роста прибыли».

Дилер: «Моя задача определить, когда у системы начнется хороший период и попытаться вовремя увидеть, когда он закончится. Если будут признаки поломки системы, то заработают резервные варианты или торговля временно остановится... В пятницу на закрытии рынка я не торгую... В последний день месяца решил сделать перерыв из-за увеличенных рисков. 1-2 дня на этой неделе могут быть без сделок также - буду решать, как и чем торговать. [Получается, что цену сделки трейдер определяет ситуационно в соответствии со своей торговой системой — М. Д.]».

Описанные ролевые стратегии позволяют установить закономерность функциональной дифферен-

циации связанных с ними практических компетенций, которые приобретаются в процессе деятельности на рынке. Данный процесс имеет воспроизводственную структуру, то есть проходит 4 стадии общественного воспроизводства: производство, распределение, обмен, потребление, которые и определяют практические компетенции участников рынка. Другое дело, что такое определение практических компетенций идёт не со стороны рынка как объективации, а со стороны рынка как культурного феномена, поскольку акторы, фактически, руководствуются объективирующими рынок ролевыми стратегиями. Деятельность участников рынка, производная от ролевых стратегий, определяет социальную организацию «Форекса», который формально представляет собой объективную констелляцию культурных факторов, отмеченных в виде графического изображения колебания курсов валют на экране компьютерного монитора.

Таким образом, на сегодняшний день рынок «Форекс» является *альтернативной неинституционализированной формой социальной организации в экономической сфере общества*. Определения данного явления как «игрового», «случайного», «нетипичного» или «несистемного» указывают лишь на использование неадекватной методологии системного анализа в социологии, в социальных науках, в прикладных науках и в науке в целом. Постановка проблемы адекватности используемой современной наукой методологии системного анализа, заставляющей признавать или не признавать, по выражению Ю. Хабермаса, «новые непрозрачности» эпохи постмодерна, не вскрывая рационального содержания в их непривычных организационных формах, является по-

казателем фактического изменения культурного тренда развития научного познания. Для современной науки, изучающей социальные системы, таким культурным трендом является научный метод, который до сих пор в форме диалектической парадигмы определял возможности научного познания. Теперь же в связи с появлением социально значимого аспекта реальности в организации глобального рынка, каким является рынок «Форекс», объективно должны измениться условия применения самого метода. Действительно, если метод позволяет трактовать реальность как необычное, нетипичное, игровое или случайное отклонение от неё же самой и на этом основании заставляет исследователей отказываться от её рационального познания, то реальность сама по себе начинает диктовать условия применения метода, лишая его безусловности, а следовательно, эвристической состоятельности. Эвристическая несостоятельность диалектической парадигмы научного метода объяснить возможность успешного существования рынка «Форекс», воспроизводящего себя в мировом масштабе, и фактически определяющего экономически значимые для людей тенденции социального развития – это и есть показатель изменения культурного тренда научного познания развивающейся реальности, то есть способа, каким осуществляется эта реальность, самой социальной технологии развития. Определение направления данного тренда чрезвычайно важно в современной ситуации. Институционализация рынка «Форекс» идет буквально на глазах достаточно быстрыми темпами. Явными признаками институционализации является то, что банки и биржи оказывают услуги

доступа на рынок «Форекс» и доверительного управления активами клиента. Об этом свидетельствует хотя бы появление компаний типа «3 Sigma Profit Asset Management», специализирующихся на доверительном управлении средствами клиентов на рынке «Форекс», которые зарегистрированы, однако, в офшорных зонах, так как законодательство РФ не предусматривает появление подобных компаний в российском правовом поле.

Модель организации Форекса, без которого уже не могут обходиться значимые субъекты экономической системы, но который представляет собой альтернативную реальность существующим экономическим институтам, становится образцом оптимизации деятельности этих институтов. В результате институционализация рынка «Форекс» приводит к изменению экономики как институциональной системы, которая приобретает другое качество, начинает действовать в соответствии с другими принципами, по другим законам и, следовательно, становится не предсказуемой, воспроизводящей кризисные тенденции. Получается, что сама реальность определяет необходимость её адек-

ватного изучения. Иначе вопрос о перспективах перемен остается без ответа, а определение перспектив не может использоваться в качестве ресурса развития. Это значит, что современная наука должна признать, что изменение реальности рынка, происходящее под давлением альтернативного феномена социальной организации рынка «Форекс» определяет необходимость переосмысления используемого научного метода познания реальности как целостного явления.

Ссылки:

1 Письмо министерства финансов Российской Федерации от 23 июня 2005 г. N 03-03-04/2/12

2 Официальный сайт компании «Альпари»: <http://www.alpari.ru>

3 ПАММ-счёт – торговый счет с возможностью присоединения к нему счетов инвесторов.

4 Автоматическая система – автоматическая торговая система – программа, торгующая самостоятельно по жестко заданному алгоритму.

5 Оферта - коммерческое предложение о присоединении инвесторских счетов к торговому ПАММ-счету на предложенных условиях.

Темпоральные основания экономической политики государства

Томилов В.А.

Влияние скорости профессиональных действий людей и условий организации общественного производства на темп их совместной (групповой) деятельности превращают государство в субъект социально-экономической ренты (доход), а институт образования – в субъект ренты (доход) образовательной.

Ключевые слова: Скорость действий, темп совместной деятельности, работник единичный, работник совокупный, переход в темп деятельности действий участников, социально-экономическая рента (доход), образовательная рента (доход).

Temporal Bases of the Economic Policy of the State
Tomilov V. A.

The influence of the rate of people's professional actions and the conditions of public production organisation on the tempo of their joint (group) activities convert the state into the subject of socio-economic rent (income) and the institute of education – into the subject of educational rent (income).

Keywords: Rate of actions, the tempo of the joint activity, single worker, joint worker, the conversion into the tempo of the activity of the participants' actions, social and economic rent (income), educational rent (income).

У культуры есть характерный темп, определяющий ритм жизни людей и побуждающий представителя другой культуры воспринимать как носителя чужого временного сознания. В наши дни подобные чувства возникают и у тех, кто ориентирован на медленный или быстрый темп своей жизни, а его ускорение, обусловленное технологическими инновациями, воспринимает и как основу процветания, и как утрату контроля над будущим – будущий шок (future shock). Футурошок (временной феномен) – продукт стремительных перемен в жизни, благодаря которому современное общество и отличается от предшествующих ему обществ. Смысл отличия передаёт термин «трансенция» (быстротечность) или, по А.Тоффлеру, новая темпоральность в повседневной жизни, ещё не ставшая предметом внимания психологов и социологов. Они не исследуют состояния общества с «низкой скоростью» жизни, как и жизнь в «высокоскоростном обществе», когда «все структуры – вещи, места, люди, идеи и организации – расходятся быстрее», а изменение его состояний уже зависит от такого особого фактора, каким является «скорость, с которой протекают наши взаимоотношения» [1, с.12-38].

Необходимость в измерении скорости действий человека и механизма её «перехода» в *темп* (от лат. *tempus* время) совместной деятельности людей вызвана рядом обстоятельств. Во-первых, «желание ускорить темп жизни» – это одна их скрытых причин так называемой

«утечки мозгов», что позволяет сделать вывод: «если одни живут и процветают благодаря быстрому темпу, то у других он вызывает отращивание, и в своём желании «избавиться от этой свистопляски» они идут на крайние меры» [1, с. 31-32]. Во-вторых, внешнее проявление скорости действий работника – производительность труда: «суть производительность труда предельно проста – это *результат*, делённый на *количество времени*, в течение которого он получен. ...Производительность труда очень напоминает скорость: там мы говорим о единице расстояния в единицу времени, здесь – о единице результативности в единицу времени» [2, с. 49]. В-третьих, различие скорости действий работников, определяемое их естественными («природными») способностями служит основанием для выделения так называемой *ренты труда*.

Первым теоретиком ренты считают Джеймса Андерсона (1739-1808), и его идеи в дальнейшем лишь развивали Д. Рикардо, Дж.С. Милль, А. Маршалл и Дж.Б. Кларк [3].

Идею о ренте труда, возникающей благодаря различия в способностях людей, подхватил А.Маршалл, указывавший лиц, которые получают высокие доходы (ренту) от своих способностей. В их число входят адвокат, инженер, торговец, художник, музыкант и наиболее успешные предприниматели (бизнесмены). В частности, А.Маршалл замечает: «Та часть дохода, которой человек обязан своими необычайными природными способностями, подарок судьбы ему и в абстрактном представлении имеет определённое сходство с другими дарами природы, например, такими, как плодородие земли» [4].

Современные социологи, рассуждая об экономической ренте (economic rent), имеют в виду *пла-*

ту «за фактор производства, включая человеческий труд, по причине абсолютной нехватки обеспечения (например, неизменное наличие земли, внутренние ограничения в обеспечении “талантом”, выдающимися музыкальными или спортивными способностями)» [5, с. 472-473]. И здесь уместен термин «рента способностей».

Современные же экономисты, различая ренту (доход) неприродную и природную, отмечают: «экономические отношения, связанные с получением, природной ренты заключаются в действиях по созданию продукта. Тогда как экономические отношения по получению неприродной ренты уже не создают продукт, а перераспределяют имеющийся. В качестве неприродной ренты признаётся предпринимательская рента, или рента, полученная в результате применения предпринимательских способностей. Если предпринимательские способности различаются тем, что кто-то получает доход от деятельности, а кто-то нет, тогда указанный подход сравнивают с понятием трудовой ренты, или ренты талантов, вытекающего из... качественных особенностей человека» [6].

Однако при этом не имеется в виду промышленное производство и совместная (групповая) деятельность, содержанием которой являются как все профессионально-трудовые действия работников, так и механизм (структура) их «перехода» в общий для них темп. Между тем в условиях промышленного производства становится очевидным различие работников по естественным («природными») способностям и обнаруживается его регулятивная функция в труде, сопровождающемся *страданием*. Если труд сопровождается для работника страданием, его процесс не только приобретает «два измерения – интен-

сивность и продолжительность» [7, с. 70-73], то его интенсивность не может превосходить силы индивида. То есть скорость профессионально-трудовых действий человека не только измеряемая, но предельная величина. В число элементов организации труда на производстве (предприятие, фирма) входит в современном обществе профессиональный отбор, предшествующий профессиональному обучению кандидата на рабочее место.

Социологические исследования позволяют сделать вывод, что «при удачном профессиональном отборе производительность труда рабочих... возрастает на 20-40%, не считая высокие качественные показатели» [8, с. 62]. Поэтому субъектами труда, если его организация принимает форму « $t=(p\pm c)$ », где « t » – это труд, « p » – работник, а « $\pm c$ » – способности к труду, становятся три «идеальные» группы – « $A(p+c)$ », « $B(p-c)$ » и « $C(A+B)$ ». Первая включает в себя тех из работников, кто «удачно» прошёл профессиональный отбор, а вторая состоит из тех, кто «неудачно» прошёл профессиональный отбор. Обе группы являются однородными (гомогенными) по составу участников. И тем лишь различаются между собой, что производительность группы «А» на 20-40% выше производительности группы «В».

Группа « $C(A+B)$ » является неоднородной (гетерогенной). И поскольку она состоит из «удачно»/«неудачно» прошедших профессиональный отбор, то должна становиться однородной в самом процессе труда, чтобы последний мог протекать непрерывно. То есть скорость действий одних участников из состава совместной (групповой) деятельности оказывается основанием для её темпа. При общей для всех скорости действий или темпе деятельности и труд

непрерывен, как и функционирование хозяйственной жизни (экономика) общества. Страдание (боль), переживаемое в труде всеми, кто «неудачно» прошёл профессиональный отбор, не позволит **увеличить** им скорость действий на 20-40%, чтобы действовать со скоростью «удачно» прошедших профессиональный отбор. Но работники группы «А» в состоянии **снизить** скорость действий до той интенсивности, которая *популярна* прошедши отбор «неудачно» (группа «В»). В реальности именно это и имеет место. Например, при «работе с прохладцей» (рестрикционизм), как показывают исследования, «рассчитывается “нормальный” (т.е. приемлемый для большинства) уровень выработки», а он «достигается путём понижения интенсивности труда до уровня наименее производительных рабочих» [9, с. 291].

Изучение феномена, получившего названием «рестрикционизм», имеет отношение к поиску ответа на вопрос: кто контролирует трудовой процесс – действия предпринимателя (менеджера) или работников? Ответ, в частности, даёт практика приобретения членства в японской фирме. Оно завоевывается путём прохождения через отборочные тесты, которые разрабатываются с целью убедиться в том, что каждая группа работников – это «максимально однородная по способностям группа» [10, с. 71]. Такая группа состоит из тех, кто «удачно» прошел профессиональный отбор – это « $A(p+c)=20-40\%$ ». Её производительность является оптимальной, а получаемый доход включает ренту предпринимателя. Она составляет процент (%) от капитала, который был затрачен на профессиональный отбор, понимаемый в «узком» смысле слова. Здесь есть субъект отбора (кто

отбирает), объект (кого отбирают) и цель отбора (ради чего).

Однако профессиональный отбор может пониматься и в «широком» смысле слова, то есть на уровне хозяйственной жизни общества в целом. В этом случае нет не только традиционно понимаемого субъекта и объекта, но трудовой процесс контролируется действиями работников, точнее – в ходе «перехода» активности субъектов хозяйственной жизни в её темп, который протекает в самопроизвольном (спонтанном) режиме. Профессиональный отбор, осуществляемый на производстве (предприятие, фирма), вызывает в действительности сегментацию хозяйственной (экономика) жизни общества, «переводя» её функционирование в режим группы «C(A+B)» посредством становления темпа через взаимодействия («-») участников групп «A(p+c)» и «B(p-c)» или в форме «C(A-B)=B<A(v20-40%)». В группе «C(A-B)» имеет место «снижение» (v20-40%) производительности на 20-40%, то есть до того уровня который является достаточным, чтобы процесс совместной (групповой) деятельности независимо от форм (макро/микро) организации протекал как непрерывный независимо от участников и самопроизвольной (спонтанной) регуляции через «переход» скорости действий в общий темп. И из этого следует, что общество, его хозяйственная жизнь в целом относятся к особому классу динамических систем, которые не являются «ни полностью детерминированными, ни чисто случайными и в них какие-то события определяют ход процесса развития» [11, с. 184].

Итак, процесс оптимального развития предприятия (фирмы) определяет профессиональный отбор, а хозяйственной (экономика) жизни общества – выбор профес-

сии. В свою очередь, подготовка человека к выбору профессии – задача общественных институтов; и её решение превращает государство в субъект социально-экономической ренты (доход), а институт образования – в субъект образовательной ренты (доход).

Темпоральные основания активности людей, которые обусловлены их естественными («природными») способностями непосредственно влияют на то, что в хозяйственной (экономика) жизни общества могут проявляться два уровня её производительности (эффективности) – оптимальная как условие развития с ресурсом в форме социально-экономической ренты (доход): её «производят» не усилия участников совместной (групповой) деятельности, а «переход» (структура) скорости индивидуальных действий в общий темп. И он, в частности, зависит от способа связи человека с трудом, что определяют общественные институты организации Второго уровня – достаточная для того, чтобы процесс совместного труда протекал непрерывно, Он является уровнем существования людей, а не развития общества. В силу того, что они зависят от состава его участников, то есть от профессионального отбора в «узком» и «широком» смысле слова, состоянием хозяйственной (экономика) жизни общества принимает форму колебание (флуктуация) уровней этих уровней – «C(A-B/A)=v^20-40%». Если участники совместной (групповой) деятельности различаются скоростью действий, необходима модель, которая управляет темпом, «переводя» в режим оптимальной производительности.

Термин «темпоральность» используется социологами и при анализе уровня социальной компетентности: здесь имеется в виду субъектность как качество отношений, то есть

такая их модальность, когда субъект выступает агентом самого себя. Темпоральная субъектность в этом случае проявляется через способность каждого человека представить себя в будущем времени. И тогда механизм проявления темпоральной субъектности как составляющей социальной компетентности – это «планирование» [12], то есть *контроль* за развитием своей жизни. В этом случае темпоральная субъектность, связанная с воле-рациональными усилиями людей, *протекает во времени*, понимаемом в духе Декарта и Ньютона. Такое время воспринимается как абсолютное и неизменное, а в современных естественных науках предстаёт ритмическим и подверженным изменениям [13, с. 361]. Но, если в наши дни имеет место ускорение темпа жизни общества, то темпоральная субъектность зависима от феномена, который определяется как «футурошок». В «высокоскоростном обществе» (А.Тоффлер), изменяющемся растущими темпами и способом, «восприятие» перспектив мира человеком [14, с. 64–65] перестаёт быть устойчивым (долговременным), что лишает его возможности «планировать» свою жизнь. Тогда как темпоральные основания экономической политики государства ориентированы на стратегию развития общества и человека с использованием ресурсов в форме *социально-экономической ренты*.

Литература

1. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
2. Архангельский Г.А. Организация времени. СПб.: Питер, 2005. 448 с.
3. Мальшев Б.С. Общая теория ренты (http://mbs-renta.narod2.ru/Glava_3.3.htm).
4. Там же (http://mbs-renta.narod2.ru/Glava_3.5.htm).
5. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
6. Сытник А.А. Использование ренты в качестве источника инновационного развития (<http://sytnik.mlcomp.ru/mod/science/tezis/2009-2.pdf>).
7. Джевонс У.С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 70-77.
8. Мьялкин А.В. Способности и потребности личности: диалектика формирования. М.: Мысль, 1983. 260 с.
9. Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособи для вузов. М. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 602 с.
10. Дор Р. Различия японской и англосаксонской моделей капитализма // Анализ рынков в современной экономической мысли: пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 63-79.
11. Дэвид П. Зависимость от пути развития и исторические общественные нвуки // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 183-207.
12. Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Темпоральная субъектность как составляющая социальной компетентности // III Всероссийский социологический конгресс. М., 2008 (http://www.isras.ru/abstract_bank/1210578375.pdf).
13. Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 620 с.
14. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 544 с.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Качество жизни детей в городе¹

Аверин Ю.П.

В статье рассматриваются принципы и пути развития градостроительства в интересах детей для повышения качества их жизни. На основе теории «ощущаемого качества жизни» раскрыт подход к прогнозированию состояния городской среды, которая создает условия для этого в соответствии с направлениями развития современного общества. В качестве инструмента прогнозирования используется технология Форсайта. Выделены существующие в российском обществе проблемы, препятствующие повышению качества жизни детей. Исходя из содержания данных проблем, предложены принципы и способы проектирования жилых помещений и городского пространства в интересах детей, которые позволяют обеспечить необходимые социальные связи для их развития.

Ключевые слова: качество жизни, детство, проблемная зона, зона приложения усилий, экспертная среда.

Averin U.P.

Quality of life of children in the city

In the article the principles and the ways of the development of town building in the interests of children for an improvement in the quality of their life are examined. On the basis of the theory "of the percept of quality of life" is opened the approach to the prognostication of the state of urban environment, which creates conditions for this in the correspondence with trends in development of contemporary society. Forsythe's technology is used as the tool of prognostication. Are isolated the existing in the Russian society problems, which impede an improvement in the quality of the life of children. On the basis of the content of data of problems, are proposed the principles and the methods of designing of living quarters and urban space in the interests of the children, who make it possible to ensure the necessary social connections for their development.

Keywords: quality of life, childhood, problematic zone, the zone of the application of force, expert medium.

Подход к развитию градостроительства и среды обитания для обеспечения качества жизни детей основывается на концепции «ощущаемого» качества жизни. Необходимость использования данного подхода обусловлена тем, что состояние объективных показателей, характеризующих экономическое и социальное положение индивида, не могут в полной мере объяснить его восприятие качества жизни. В них не учитывается характер стремлений, ожиданий и личных потребностей людей. В тоже время в рамках концепции «ощущаемого» качества жизни оно таково, каким его воспринимает и ощущает индивид с точки зрения выполнения своей социальной роли.

Концепция «ощущаемого» качества жизни рассматривает его как субъективное состояние индивида, являющееся результатом существующих условий для удовлетворения его потребностей. Качество жизни индивида таково, в какой мере ощущаемые им физические, интеллектуальные, эмоциональные и волевые возможности позволяют ему трудиться и общаться, т.е. не препятствуют выполнению социальной роли. При этом восприятие таких возможностей определяется с точки зрения самого индивида, т.е. субъективно. Основным понятием, посредством которого анализируется качество жизни в рамках

данной концепции, является понятие ощущаемых возможностей для выполнения социальной роли. В рамках данной концепции качество жизни тем выше, чем большими возможностями обладает индивид для выполнения своей социальной роли. Такой подход позволяет определить проблемы качества жизни детей, состояние которых лежит в основе использования технологии Форсайта.

Формирование возможностей детей для выполнения своей социальной роли предполагает понимание того, каким образом должно происходить освоение детьми социальных ролей в обществе, кто и какими способами должен это обеспечивать. Содержание способов освоения детьми социальных ролей можно определять по-разному, и это содержание обуславливает понимание таких явлений как детство, качество жизни детей, и, соответственно, понимание того, в каком направлении развивать градостроительство и среду обитания для достижения данного качества.

Понимание способов освоения детьми социальных ролей может рассматриваться с точки зрения традиционного подхода к социализации, в соответствии с которым заботу об освоении детьми социальных норм и ценностей общества, о подготовке детей к реализации себя в будущем берут на себя только взрослые. Дети должны стать «сменой» родителей и унаследовать то общество, в котором они живут. Способы освоения детьми социальных ролей определяются взрослыми и дети должны встраиваться в процесс их освоения. Задача взрослых создать удобные жизненные условия для детей, обеспечить удовлетворение их потребностей в соответствии со своими представлениями о них. Приме-

ром реализации такого подхода является сеть детских воспитательных учреждений, существовавших в Советском Союзе (пионерская и комсомольская организация, летние лагеря отдыха). В соответствии таким подходом, главное, например в школе, обеспечить удобные условия для занятий и пребывания в школе, здоровое питание. Данные представления до сих пор господствуют у представителей тех органов управления, которые отвечают за состояние школы.

Такой подход был бы оправдан в условиях относительно стабильного и закрытого общества. В настоящее время это условие невыполнимо. Современная Россия все больше встраивается в глобальный мир, скорость социальных изменений огромна. Взрослые усвоили потребности, ценности и нормы, цели и способы их достижения десять, двадцать, тридцать лет назад и они соответствовали тому времени. Их дети начинают жить в качественно других социальных условиях, что для современной России особенно характерно. Способность взрослых к быстрой перестройке своего сознания ограничена. Если взрослые будут диктовать детям способы их социализации, дети, скорее всего, усвоят то, что «работало» в прошлом времени и «не работает» в настоящее время.

Другой подход к социализации детей, не отрицая полностью первого, ориентирует на то, что основной целью социализации детей является их подготовка к самостоятельной жизни в динамично меняющемся информационном, глобализирующемся обществе, а основным способом её достижения – развитие многообразных форм самоорганизации детей. В условиях ускоряющихся общественных изменений ребенка нельзя научить тому, что надо делать в будущем,

так как его еще нет. Но его можно научить умению самому организовывать свою жизнь в соответствие с возникающими социальными условиями в обществе. Для этого необходимо задействовать творческий потенциал детей, обеспечить его развитие. При этом роль взрослых заключается в создании условий для развития самоорганизации детей и выполнении роли инвестора, помощника, консультанта, эксперта, помогая детям выбрать те направления и формы самостоятельности, которые определяются не столько настоящим, сколько будущим. Ибо дети возьмут на себя роль взрослых в будущем. Способность к самостоятельной жизни предопределяет подход к пониманию качества жизни детей и к способам развития градостроительства и среды обитания в интересах детей.

Понимание способов развития градостроительства и среды обитания в интересах детей зависит от того, как мы себе представляем образ желаемого детства и способности его достижения как социального явления, каким оно должно быть и как к нему прийти. В связи с этим возникают вопросы, во-первых, о том, как определить содержание будущего явления и, во-вторых, как его построить. Обычно для решения данных вопросов используется социальное прогнозирование – построение поискового и нормативного прогноза. Сущность поискового прогнозирования заключается в анализе внутренних закономерностей исследуемого явления, выявление тенденций его развития, экстраполяции этих тенденций в будущее и построении на этой основе прогнозных оценок будущего состояния данного явления. Поисковый прогноз направлен на выявление настоящих и возможных

проблем, решение которых позволяет достичь желаемого состояния.

Нормативное прогнозирование состоит в нахождении путей и сроков достижения выдвинутых целевых установок, желаемого будущего. Это – «как бы экстраполяция тенденций из этого условного будущего в настоящее с целью выявить альтернативные пути достижения оптимума»². Отличие поискового от нормативного прогнозирования состоит в том, что здесь осуществляется «не просто экстраполяция в будущее динамического ряда данных, закономерности развития которого в прошлом и настоящем известны, а оптимизация – выбор наилучшего из возможных – значения этих данных по критериям, заранее заданным средствами целеполагания»³. Таким образом, нормативный подход возможен при наличии цели, выражающей желаемое состояние исследуемого явления. Следовательно, нормативному прогнозированию предшествует целеполагание.

Нормативное прогнозирование и целеполагание отличаются по своим результатам. Результатом нормативного прогнозирования является определение возможных путей достижения цели, результатом целеполагания – содержание цели. При этом результат нормативного прогнозирования относится к сфере предвидения, научного обоснования управления, а результат целеполагания – к сфере управления⁴.

В настоящее время развивается относительно новый подход к формированию будущего. Форсайт как технология формирования будущего содержит в себе три составляющие, лежащие в основе процесса прогнозирования, – целеполагание, поисковое и нормативное прогнозирование. В ней используются некоторые формы и методы прогнозирования. Но, дан-

ная технология выходит за рамки данного процесса. Она не ограничивается научными исследованиями, опирается не только на ученых, но на всех тех людей, интересы которых затрагивает будущее – тех, кто его формирует, и тех, для которых оно формируется. В ней задействованы все участники – от разработчиков до конечных потребителей будущего как продукта совместного творчества. Это – технология не только поиска образа будущего и путей его достижения, но и технология практической реализации желаемого будущего. Т.е. она соединяет в себе науку и практику, непосредственно используя прогнозирование для решения прикладных задач. В этом смысле технология Форсайта – не прогнозирование и не планирование, а технология формирования будущего, в рамках которой определяется, что нужно делать и кто это будет делать.

Технология Форсайта включает ряд этапов. Во-первых, разработка **объекта** как явления будущего, с которым надо иметь дело при формировании технологии движения к нему. Объект должен быть определен содержательно. В данном исследовании, таким объектом выступает качество жизни детей. Необходимо определить, что мы понимаем под данным явлением, и каким мы его видим в будущем. Если хотим улучшить качество жизни детей, необходимо определить, что мы действительно при этом имеем в виду. В первую очередь следует отказаться от того, что качество жизни детей, которое мы имеем в виду, уже есть. Далее требуется ответить на вопрос о том, чего же конкретно надо реальным участникам проекта достигнуть в будущем, на что надо работать. Сложность состоит в том, что такое явление как качество жизни

имеет социокультурное содержание, которое не существует объективно, а формируются как результат социальной практики.

Во-вторых, определение **зоны приложения усилий**. После выявления того, какого состояния разрабатываемого явления требуется достигнуть, необходимо знать то, к чему прилагать усилия, чтобы этого состояния достигнуть, т.е. следует описать **зону приложения усилий**. На этом этапе вырабатывается понимание **«существенных условий»**, при которых достижение искомого состояния возможно.

В-третьих, определение **экспертной среды**. Для того чтобы ответить на вопросы по поводу содержания объекта будущего, зоны приложения усилий, существенных условий, необходима специальная проработка и организация сложной системы общения экспертов. Требуется вовлечь в это общение большое количество экспертов с разными позициями. Различие позиций экспертов достигается привлечением к общению людей с разным положением по отношению к разрабатываемому явлению. При этом следует определить, кого считать экспертом. Если речь идет о качестве жизни детей, то такими экспертами могут быть ученые, представители государственного управления, архитекторы, проектировщики, бизнесмены, учителя, социальные работники, родители, сами дети. Далее необходимо ответить на такие вопросы: кого, на каком этапе и в каком качестве включать в проект; кто составляет круг лиц, принимающих решения; какие тенденции существуют и как оценить их влияние.

В-четвертых, определение **методов**, которые будут использоваться при разработке данной технологии исходя из того, какие прогнозы нужны и как к ним относится, ка-

ким способом будет осуществляться исследование (метод Дельфи, экспертные панели, или другие).

Исходя из данных этапов технологии Форсайта, автор предлагает соответствующее видение структуры и содержания процесса формирования основных направлений развития градостроительства и среды обитания в интересах детей.

Этап I. Определение градостроительства и среды обитания в интересах детей как объекта приложения усилий

Градостроительство и среда обитания как объект приложения усилий в интересах детей представляет собой такое явление, которое должно обеспечивать развитие творческого потенциала детей, формирования творческого поколения, как сферы вложения капитала и его увеличения, развития его качества, и соответствующее этому понимание детства как особого явления, социального периода существования человека. В качестве основополагающих дискурсов⁵ детства для определения градостроительства и среды обитания как объект приложения усилий в интересах детей принята система дискурсов «**Компетентное детство+Прикольное детство+Охранное детство**» в их взаимосвязи. Компетентное детство предполагает представление о том, что «дети должны как можно раньше становиться самостоятельными и компетентными в выборе и построении своей образовательной и жизненной траектории»⁶ Прикольное детство предполагает представление о том, что «детей иметь интересно, социально значимо и престижно. Для них разрабатываются новые товары, возникает индустрия развлечений детей, детская мода и т.д.»⁷. Охранное детство предполагает представление о том, что «для

детей надо создавать безопасную и дружелюбную среду. Проявление этого дискурса можно увидеть в обсуждении вопросов экологии, правильной организации жилья, в товарах, которые изготавливаются: детские автомобильные кресла, накладки на острые углы мебели и т.д. В рамках этого дискурса появляются программы типа «Город, благоприятный для детей». Реализация этих дискурсов одновременно будет создавать условия для прохождения социализации и сохранения традиций, как процесса выработки навыков общения и усвоения меняющихся общественных норм.

Этап II. Выделение проблемных зон жизнедеятельности детей в России, обуславливающих подходы к градостроительству и формированию среды обитания

Актуальными проблемными зонами жизнедеятельности детей в России, существование и осознание которых становится критически важным для трансформации отношения к градостроительству как инструменту развития творческого потенциала детей, формирования творческого класса, вложения капитала и его увеличения, развития его качества, представляются следующие.

1. Низкая глобализация социальных связей. Различные общества и страны в информационном, культурном, трудовом, языковом смыслах все больше и больше проникают друг в друга. Такое проникновение порождает необходимость формирования у детей способности в ориентации в глобальном пространстве, необходимость выхода детского сознания из ограниченного пространства ближайшего социального окружения за его пределы - за пределы семьи, района, города, региона, своей стра-

ны. Такая способность в настоящее время развивается у очень узкого слоя детей в силу огромности российской территории и не пригодных для развития такой способности условий жизни детей. Расширению глобальных социальных связей помогает сеть Интернет. Однако её развитие на территории России очень неравномерно. Согласно статистике пользователей Интернета, в городах с населением более 100000 человек более 42% населения (19,4 млн. чел. или 42%) старше 12 лет пользуются интернетом хотя бы один раз в месяц⁸. В городах с населением менее 100000 и в сельской местности количество таких пользователей значительно меньше, хотя в них проживает абсолютное большинство населения России. На начало 2007/2008 учебного года число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, составило 5 штук в расчете на 100 учащихся, на одну школу 12 персональных компьютеров⁹.

2. Бедность значительной части населения России. В целом, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2008 году составляла среди всего населения 13,1%, среди детей в возрасте до 7 лет – 15,3%, среди детей в возрасте от 7 до 16 лет – 20,8%¹⁰. Домашние хозяйства, имеющие детей до 16 лет, следующим образом оценили свое финансовое положение: не хватает денег даже на еду – 3,4%, затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги – 29,2%, не могут позволить покупку товаров длительного пользования – 40,9%, не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры – 21,5%, средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным – 3,9%, затруднились ответить – 0,9%¹¹. Таким образом, примерно третья часть се-

мей (33,6%) не в состоянии финансово обеспечить полноценное развитие детей, а 40,9% могут сделать это лишь отчасти. Кризисные явления в экономике в последние несколько лет ухудшили финансовое положение семей с детьми. Бедность является преградой для развития творческого потенциала детей. Бедность, во многом, создает недоступность инструментов его современного развития: интернет, компьютеры, мобильная связь. Родители не могут обеспечить детей всем этим. Резко падает доступность для детей культурной среды, возможности для развития личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка, доступность для детей и подростков развивающих услуг.

3. Стесненные жилищные условия проживания детей. В табл. 1 показано состояние жилищных условий домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 лет¹².

Анализ данных, приведенных в табл. 1, позволяет сделать следующие выводы. С точки зрения количества комнат, в стесненных условиях живут, во-первых, все домохозяйства, имеющие одну комнату; не зависимо от количества детей в них, но особенно домохозяйства, имеющие более одного ребенка (2 детей – 9,3%, 3 детей – 7,7%, 4 и более детей – 14,9%); во-вторых, домохозяйства, имеющие две комнаты и 3-4 и более детей (соответственно, 27,8% и 34,6%); в-третьих, домохозяйства, имеющие три комнаты и 4 и более детей (50,5%). С точки зрения размера общей (полезной) площади жилища в среднем на проживающего, в стесненных условиях живут домохозяйства, имеющие более одного ребенка и размер полезной площади в среднем на проживающего до 11 кв.м. (2 детей – 40,7%, 3 детей – 49,2%, 4 и более детей –

Таблица 1
Распределение домашних хозяйств по числу занимаемых жилых комнат и размеру общей (полезной) площади жилища на проживающего, в %

	1 ребенок	2 детей	3 детей	4 и более детей
1 комната	12,6	9,3	7,7	14,9
2 комнаты	37,4	38,1	27,8	34,6
3 и более комнат	50	52,6	64,5	50,5
До 9 кв.м.	9,8	21,6	32,6	67,9
От 9,1 до 11 кв.м.	15,8	19,1	16,6	13,3
От 11,1 до 13 кв.м.	14	15	13,8	5,7
От 13,1 до 15 кв. м.	17,9	14,1	10,7	8,3
От 15,1 до 20 кв.м.	24,8	19,7	17,3	0,5

81,2%). Стесненность жилищных условий семей с детьми обуславливает большие ограничения в их жизнедеятельности, отсутствие достаточной зоны личного территориального пространства ребенка в квартире или доме, затруднения в выборе занятий в соответствии с их интересами и способностями. Существующее массовое жилищное строительство исходит из такой планировки квартир, которая не рассчитана на создание условий для развития детей.

4. Брошенность детей родителями. Тяжелые материальные условия вынуждают родителей много работать, у них не остается времени на общение с детьми. Существует большое количество неполных семей, в которых есть только мать (отец). Исследования, проведенные в Москве, показали, что только с матерью живут 19,8% детей от 14 лет и старше, только с отцом – 1,8%. Родители-одиночки уделяют меньше времени своим детям из-за необходимости выполнения дополнительных ролей. Они работают, и вынуждены предоставлять детей самим себе. Не

уделяют совсем времени детям в заметном количестве тех семей, в которых дети живут с отчимом и матерью (9,5%), только с отцом (15,4%) и с мачехой и отцом (23,1%); в которых отношения в семье прохладные, отчужденные (18%) или плохие (22,1%); в которых присутствует равнодушие, безразличие (22,5%) или постоянное недовольство, раздражение (23,6%); в бедных (27%) и малообеспеченных (12,9%) семьях; в семьях, где дети учатся на тройки и двойки (33,3%), активно включены в молодежный субкультуры (10,5%), курят (10,4%), регулярно употребляют алкоголь (10,5%) и состоят на внутришкольном учете (12,8%). Все указанные семьи являются не дружественными к детям, в них существует неблагоприятная среда для жизни и развития детей, высокая вероятность насилия по отношению к детям¹³.

Родители часто педагогически несостоятельны, не владеют технологиями и инструментами развития творческого потенциала детей. Родители на подростковой стадии детей оторваны от них в силу неспособности и отсутствия времени отвечать быстро происходящим изменениям. Предоставленность самим себе дома тех детей, у которых существует возможность доступа к сети Интернет, приводит к существованию детей в виртуальной бесконтрольной среде, насыщенной пустыми развлечениями и недетскими страстями (порнография, ненормативная лексика, преступная идеология и субкультуры). При этом, отрыв детей от родителей приводит к неблагоприятным, а порой и тяжелым, социальным последствиям для личности ребенка и общества в целом.

Исследования, проведенные в Москве среди школьников, показали, что среди тех видов заня-

тий дома, которые ребенок может выбрать сам, т.е. исключая виды занятий, которые ребенок выполняет в силу необходимости (приготовление уроков, уборка квартиры/дома), преобладает пассивное времяпрепровождение: общаются с друзьями в социальных сетях (60%), играют на компьютере, игровой приставке (40,2%), смотрят телевизор. Активное времяпрепровождение, предполагающее физические и умственные усилия, характерно менее, чем для половины детей (занимаются любимым делом – читают, рисуют, мастерируют и т.п. – 45,8%; помогают родителям по дому – 44%)¹⁴.

5. Конфликтные отношения и насилие в семье. Исследования в Москве показали, что абсолютное большинство детей (87,4%) ощущают себя в семье комфортно. Однако заметная группа детей (7,9%) постоянно конфликтует с членами семьи. Детей, конфликтующих с членами семьи, значительно больше в тех семьях, где, во-первых, существуют прохладные, отчужденные (23,4%) и плохие (26,3%) отношения между членами семьи, равнодушные, безразличные (17,6%), постоянное недовольство, раздражение (39,6%); во-вторых, материальное положение семьи, по оценкам детей, хуже, чем у одноклассников (15,5%)¹⁵.

Конфликты в семье, как правило, порождают насилие в отношении детей. Для абсолютного большинства семей (61,7%) характерна низкая степень интенсивности насилия по отношению к детям. Более чем для каждой четвертой семьи характерна средняя степень, для каждой десятой семьи – высокая степень интенсивности насилия по отношению к детям¹⁶.

6. Наличие семей группы риска. «Трудные» дети воспитываются в неблагоприятных семейных ус-

ловиях: неполная семья, аморальный образ жизни родителей, асоциальные антиобщественные взгляды и ориентации родителей, их низкий общеобразовательный уровень, конфликтные отношения в семье. Дети стремятся уйти из таких семей. В 2008 году численность беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних составляла 60903 чел., в том числе изъятых из семей по решению суда – 4648 чел., без решения суда – 24506. Всего 714 тыс. детей остались без родительского попечения¹⁷.

7. Поиск понимания и общения вне семьи, стремление детей на улицу. На подростковой стадии дети находятся в поиске понимания и общения, в постоянной готовности к контактам, причем приоритет отдается сверстникам подростка. Дети стремятся на улицу. Немногим более половины детей в возрасте от 14 лет и старше проводит примерно от 20% до 37% (от 3 до 6 часов) времени дома, не учитывая время сна и приема пищи; более чем каждый третий ребенок – более 37%. С увеличением возраста количество часов, проводимых детьми дома, уменьшается. Так, количество детей в возрасте 14 лет, проводящих время дома более 6 часов, составляет 43,6%; в возрасте 17 лет – 38,1%. Таким образом, с возрастом роль дома, как места жизни ребенка, падает.

Подросток чувствует себя комфортно в основном в кругу своих друзей. При этом ведущее место в общении со сверстниками занимает игровая деятельность в рамках подросткового сообщества. Эта деятельность значима среди данного сообщества, причем это может быть деятельность как в социально-полезном (например, футбольная команда), так в социально-вредном (отклоняющиеся группировки) сообществе. Около четверти школь-

ников от 14 лет и старше (17,7%) принадлежат к субкультурам¹⁸.

8. Сильное влияние улицы и стихийных уличных компаний, закрытых детских сообществ на формирование детей. На улице дети черпает свои представления, идеалы, правила жизни и способы действия, которые зачастую приобретают преступный характер. Бесконтрольный алкоголь, наркотики, сигареты, нездоровое питание, ненормативный язык, антисоциальная реклама, обилие развлекательных и питейных заведений создают неадекватные условия, в которых растут дети, формируют уличный, бесцельный стиль жизни, лишены творческих мотиваций. Формируются антисоциальные, антикультурные ценности, ориентируясь на которые дети организуют себя, свое свободное время в городском пространстве. Городская среда становится причиной социальных болезней, деградации личности ребенка, формирования детской преступности вместо того, что бы быть стимулом к мобильности и развитию личности. В 2008 году зарегистрировано 116090 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии¹⁹, численность несовершеннолетних, состоящих на учете составляла в 2008 году 313113 чел.²⁰.

Исследование, проведенное в Москве, показывает, что среди детей от 14 лет и старше активно курят 19,2% детей; регулярно и в отдельных случаях употребляют спиртные напитки, соответственно, 5,3% и 54,5% детей; состоят на внутришкольном учете 5,7% детей. Среди детей, которые курят, проводят время вне дома с друзьями существенно больше детей (более 5 часов - 55,1%), чем среди детей, которые не курят (37,9%). Среди детей, которые употребляют алкоголь, проводят вре-

мя вне дома с друзьями существенно больше детей (более 5 часов - 42,5%), чем среди детей, которые не употребляют алкоголь (36,4%). Среди детей, которые состоят на внутришкольном учете, проводят время вне дома с друзьями существенно больше детей (более 5 часов - 56,9%), чем среди детей, которые не состоят на внутришкольном учете (41,7%). Таким образом, между количеством времени проведения детьми с друзьями вне дома и курением, употреблением алкоголя и нахождением на внутришкольном учете существует взаимосвязь. Чем больше времени проводят дети с друзьями вне дома, тем больше они курят, употребляют алкоголь и из-за своего поведения попадают на внутришкольный учет. И наоборот. Чем больше дети курят, употребляют алкоголь и из-за своего поведения попадают на внутришкольный учет с друзьями, тем больше времени проводят они вне дома²¹.

9. Высокая преступность и насилие на улице и в школе. Дети попадают на улице в недружественную, зачастую опасную среду - детскую и взрослую, которая характеризуется жестокостью, несет угрозу для здоровья и жизни детей. Численность несовершеннолетних детей, потерпевших от преступных посягательств постоянно растет - в 2000 г. их было 104,1 тыс. чел. в 2005 - 175 тыс.чел, в 2008 - 126,5 тыс. чел.²² Исследования, проведенные в Москве, показали, что немногим более половины детей указывают на низкую степень насилия в школе (55,4%). Примерно каждый третий ребенок указывает на среднюю степень насилия в школе (32,2%). На высокую степень насилия в школе указывает очень заметное количество детей (10%). Дети оценивают уровень насилия в школе существен-

но выше, чем на улице, и заметно выше, чем в семье²³.

10. Развлекательный тип взаимодействия. Дети в своем большинстве ориентированы на и практикуют развлекательный тип взаимодействия, лишенный созидательных целей и результатов. У них вырабатывается потребительский подход к взаимодействию. Из 13389 тыс. детей в возрасте от 6 до 15 лет занимаются в спортивных секциях 2704,3 тыс. детей или 20,2%. Неуклонно сокращается число зарегистрированных пользователей библиотек – с 11,2 млн. чел. в 1995 г. до 9,8 млн. чел. в 2008 г.²⁴..Незначительное число детей участвуют в каких-либо социальных проектах в школе или за её пределами. По данным различных исследований, большую часть свободного времени дети гуляют на улице с друзьями, группируются в дворовые компании, ходят на танцы, посещают гостей.

11. Брошенность детей государством. Сеть детских учреждений, существовавших в Советском Союзе, сильно разрушена, отдана в частные руки, перепрофилирована. Число дошкольных общеобразовательных учреждений сократилось с 68,6 тыс. в 1995 г. до 45,6 тыс. в 2008 г.²⁵. С 2000 года сократилось количество детских специализированных учреждений дополнительного образования различного вида: эколого-биологических – примерно на 18%; туристско-краеведческих – примерно на 36%; технических – примерно на 33%; спортивных (детско-юношеские школы и клубы общей физической подготовки) – примерно на 34%; военно-патриотических и спортивно-технических – примерно на 69%; детско-юношеских спортивных школ – примерно на 25%; детских музыкальных, художественных, хореографических школ и

школ искусств – примерно на 74%²⁶. В большинстве случаев существующие муниципальные детские учреждения плохо оснащены, плохо финансируются, персонал низко оплачиваемый, не мотивированный, не владеет технологиями и инструментами развития творческого потенциала детей. Это создает состояние невостребованности таких заведений со стороны детей. Платность дошкольных учреждений, дополнительного дошкольного образования создает дополнительную невостребованность их силу недоступности для семьи.

Этап III. Выработка существенных условий Градостроительства и формирования среды обитания для детства в России

Выработка существенных условий для определения зоны приращения усилий в Градостроительстве должна иметь своей целью создание **детской территории развития**, которая смогла бы выступать средой, стимулом и инструментом, обеспечивающим детство как объект развития творческого потенциала детей, формирования творческого поколения, как сферы вложения капитала и его увеличения, развития его качества.

Жилая территория должна создаваться, как уже говорилось, на основе сочетания нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих дискурсов: Компетентное детство+Прикольное детство+Охранное детство, которые, естественным образом, обеспечивают современную социализацию детей при сохранении традиций. Раннее становление самостоятельности и компетентности детей в выборе и построении своей образовательной и жизненной траектории ведет к преобразованию структуры ролей родителей по отношению к ребенку.

Ведущее положение в новой структуре ролей будет занимать сопровождение и консультирование ребенка, поддержка и помощь в решении возникающих проблем, выполнение роли друга и советника, кровно заинтересованного в развитии ребенка, разделяющего его увлечения, радости и заботы. Роль материальной поддержки приобретает духовную целевую направленность. Роли контролера и воспитателя отодвигаются у родителей на второй план. Такая структура формирует повышенную духовную заинтересованность родителей. То, чего достигают дети, приобретает социальную значимость и престижность в обществе. Тем самым реализуется дискурс «Прикольного детства». При этом участие родителей в развитии детей позволяет реализовать традиционный и социализационный дискурсы. В свою очередь, данное изменение ролей родителей по отношению к детям будет формировать безопасную и дружелюбную среду в семьях, на улице и в городе.

Создание города как детской территории развития должно исходить из того, что подходы к Градостроительству и формированию среды обитания следует вырабатывать с учетом вышеперечисленных проблемных зон жизнедеятельности детей в России. В соответствии с этим, Градостроительство и городская среда должны создавать такую систему пространств и мест, в которых обеспечиваются возможности:

1. Для современной глобализации социальных связей детей, непрерывного освоения ими новых информационных средств и технологий.

2. Для компенсации бедности населения России посредством доступности инструментов развития творческого потенциала детей - сети Интернет, экранных и дру-

гих технологий - независимо от материального состояния семей.

3. Для существования зоны личного территориального пространства ребенка в квартире или доме.

4. Для преодоления социальной замкнутости семьи, для обеспечения социально значимого взаимодействия родителей и детей вне своего жилья, на территории района и города, где дети могли бы реализовать свои задачи, активно взаимодействуя с взрослыми.

5. Для овладения родителями технологиями и инструментами развития творческого потенциала детей, для постоянного обучения и переобучения родителей в соответствии с возрастом их ребенка, для получения соответствующей квалификации в различных сферах, чтобы не терять контакта с детьми, отслеживать и понимать их развитие.

6. Для обучения всех категорий взрослых, сталкивающихся с детьми вне семьи по поводу предоставления им социальных услуг (от водителей автобусов, официантов и дворников до чиновников).

7. Для замещения среды, существующей в семьях группы риска, средой на территории района и города, обеспечивающей полноценное развитие детей.

8. Для замещения уличной среды средой на территории района и города, обеспечивающей общение детей между собой по поводу социально значимых дел в игровой форме, для создания условий преобразования развлекательного типа взаимодействия детей в социально-значимый, стимулирующий возникновение социально-полезных детских сообществ.

9. Для добровольного перемещение уличных компаний, закрытых детских сообществ в развивающую среду, которая создает сильные стимулы для занятий социально-полезными делами.

10. Для возникновения сети общественного наблюдения на улице, постоянного присутствия на улице достаточно большого количества людей, занимающихся повседневными делами, формирующую основу для предотвращения преступности и насилия против детей, для безопасности и взаимного доверия²⁷.

11. Для возникновения сети современных муниципальных детских учреждений, укомплектованных квалифицированным и мотивированным персоналом, оснащенными экранными, сетевыми и другими технологиями, используемыми для развития детей.

Градостроительство и среда обитания должны обеспечивать решение следующего ряда задач с применением соответствующих способов.

1. Проектирование современных жилищных условий для семьи, в которых предусмотрено возможность создания зоны личного пространства ребенка.

Одним из существующих способов решения данной задачи может быть концепция свободно трансформируемого жилого пространства на основе легких полимерных панелей, разработанная Ричардом Роджерсом, которое меняется в зависимости от прохождения семьей различных стадий своей жизни – создание семьи, рождение ребенка, взросление ребенка. «Он предлагает так называемый flexi-house – гибкий дом, планировку и внешнее оформление которого можно легко менять. Межкомнатные перегородки внутри коттеджей можно передвигать по своему усмотрению: например, на первом этаже можно сделать студию, а после – возможно, при появлении в семье детей – разделить её на несколько спален...Эти коттеджи также отличаются высокими экологическими

показателями: их эксплуатация предусматривает переработку отходов, минимизацию расходов воды и использование возобновляемых источников энергии»²⁸.

2. Превращения школ в территории знания, социального проектирования и глобальных коммуникаций. Получаемые в школе знания должны реализовываться в социальных проектах, давая школьникам возможность накопления взрослого опыта и компетенций. Социальные проекты позволяют выйти школьникам реально или виртуально за рамки школьной территории в городскую, страновую и глобальную среду. Для этого школа должна постоянно насыщаться современными коммуникационными средствами для проектного использования сетевых, экранных и других технологий. Они должны проходить здесь тестирование с помощью консультантов из производящих компаний. При этом компании формируют будущих потребителей, что создает стимулы для предоставления школам бесплатного коммуникационного оборудования. В рамках социальных проектов должно будет налажено предметное общение родителей с детьми как консультантов их социальных проектов.

Проектирование современных школьных зданий не только как центров получения знания, но и центров практического применения этого знания, центров социальных проектов предполагает такой подход к их созданию, при котором классы представляют собой не просто помещения для школьных парт и учебных досок, пусть даже интерактивных. Они должны стать коммуникационной и технологической средой, насыщенной соответствующим оборудованием, а школы в целом должны стать своего рода детскими

технопарками, где дети под руководством преподавателей и при непосредственном участии родителей создают новые изделия.

Одним из существующих способов решения данной задачи может быть также концепция свободно трансформируемого школьного пространства Р. Роджерса, которое меняется в зависимости от содержания разрабатываемых социальных и технических проектов. В таком пространстве классные комнаты могут укрупняться или сужаться в зависимости от целей их использования.

3. Создание сети муниципальных центров современного детства в каждом муниципальном районе, где дети могли бы общаться с консультантами из предприятий и институтов, отечественных и мировых компаний по поводу разработки технических и социальных проектов. Данные муниципальные центры должны быть спроектированы таким образом, чтобы в них присутствовали, во-первых, зоны для детей дошкольного возраста, где они могут находиться в течение дня или круглосуточно; во-вторых, зоны для детей школьного возраста, где бы они могли общаться по поводу разрабатываемых ими проектов, обмениваться опытом, создавать муниципальные проектные группы, демонстрировать свои достижения, приобщаясь к конкуренции в современном обществе; в-третьих, зоны общения, где дети дошкольного и школьного возраста могли бы встречаться и дошкольники вместе с родителями, под наблюдением психологов и педагогов могли бы участвовать в меру своих возможностей в социальных проектах школьников.

В свою очередь школьники могли бы осваивать социальные технологии развития детей младшего возраста, дошкольников, в игро-

вой форме общались бы и работали с дошкольниками, постигая радость общения с малышами, воспроизводя в новых условиях принцип многопоколенной семьи, где взрослые дети обучались навыкам родительства, ухаживая за маленькими братьями и сестрами. Школьники осваивали бы тем самым приемы будущего родительства, формируя интерес к будущим собственным детям как друзьям и помощникам, понимание радости, которое приносят дети.

Пространство для различных зон муниципальных центров современного детства должно быть перестраиваемым в зависимости от предполагаемой сферы деятельности. Эти сферы должны охватывать всю совокупность интересов детей. Они также должны охватывать всю совокупность интересов родителей по поводу детства, в том числе их обучение и переобучение.

Проектирование муниципальных центров современного детства должно предполагать возможность их использования в качестве постоянно действующих демонстрационных площадок муниципального уровня, мест проведения соответствующих конференций, семинаров, круглых столов и т.п., а также концертов и представлений, спортивных соревнований; в качестве аудиовизуальных информационных центров, электронных библиотек, где книга соседствует с сетью Интернет и видеоматериалами.

4. Создание городского центра современного детства, позволяющего максимально оснащать их всем самым современным, во-первых, коммуникационным оборудованием для выхода в глобальное мировое пространство; во-вторых, техническим оборудованием для создания наиболее крупных социально-значимых проектов городского, регионального и странового

масштаба, требующих участия самых талантливых детей, представителей крупных отечественных и зарубежных компаний, куда бы они поставлял все необходимое оборудование на безвозмездной основе. Для этих компаний такое участие может иметь, как минимум, двойной смысл. Они могли бы уже со школьного возраста проводить для себя отбор наиболее талантливых в той или иной сфере детей в качестве своих будущих сотрудников; при этом такое участие являлось бы эффективной социальной рекламой, ибо благотворительность в пользу детей вызывает наибольший отклик у граждан.

Проектирование городских центров современного детства должно предполагать возможность их использования в качестве постоянно действующих демонстрационных площадок городского уровня, мест проведения масштабных детских форумов, конференций, семинаров, круглых столов и т.п., а также концертов и представлений.

5. Создание места проживания как детской территории развития должно предполагать реализацию следующих основных принципов организации городской среды, дружественной детям²⁹.

А) Формирование территориально среды как системы открытых общественных пространств, с выделением детских пространств как отдельных, обранных жилими и общественными зданиями. Приоритет должен отдаваться не отдельным зданиям, а целостным пространственным образам городской среды. Территория проживания должна представлять собой сеть открытых общественных пространств, разнообразных по своему облику и назначению площадей, демонстрационных, игровых, парковых зон. Воспроизведение на

новом витке принципов построение ренессансного итальянского города с его приоритетом публичных площадей. Эти пространства должны обеспечивать возможности для игр детей, осуществления проектов и другой детской активности. Дети должны себя чувствовать хозяевами территории наравне со взрослыми. «Детские» и «взрослые» пространства должны пересекаться в точках совместной активности (коммуникационные места, узлы инфраструктуры и т.д.). Транспортные потоки должны находиться на периферии открытых общественных пространств, не пересекая их и, в то же время, находясь в непосредственной близости для обеспечения доступности.

Б) Открытые общественные пространства должны формироваться в соответствии с принципом **«компактности городского пространства»**. Это означает плотность и социальное разнообразие города, концентрацию разных видов активности людей. Открытые общественные пространства должны быть приспособлены к многофункциональному использованию, создавая возможность концентрации в одних и тех же местах разнообразной активности детей и взрослых (услуги, занятия, общение), в которой может участвовать каждый.

Примеры концентрации активности – оживленные площади и улицы, уличные кафе, магазины и т.п. При этом неотъемлемым элементом открытых общественных пространств должны быть места детской активности – детские магазины, детские кафе, детские демонстрационные площадки и т.п.

В) Открытые общественные пространства должны формироваться в соответствии с принципом **«приоритетности пешехода»**.

Территориальная среда должна иметь многочисленные пешеходные зоны, мосты с многообразным инфраструктурным наполнением: уличные выставки, детские игровые площадки, музыкальные площадки и т.п. С учетом российского климата должно быть больше прикрытых от непогоды пространств, прозрачных крыш.

Г) Строительство домов должно соответствовать принципу **«пространственной открытости»**. Это означает, что нижние этажи домов должны оставаться пустыми, т.е. сохраняется улица, деревья, все становится закрытым от дождя и удобным для людей.

Д) Строительство объектов территориальной инфраструктуры должно соответствовать принципу **«совместного использования»**. Все места, которые посещают дети - магазины, парикмахерские, рестораны, кафе, выставочные залы и т.д., должны быть организованы таким образом, чтобы была возможность участия детей в деятельности этих учреждений, и обеспечивались места для совместных действий детей и родителей. В качестве примера можно привести детские залы, имеющиеся в настоящее время в некоторых ресторанах.

Е) Реализация вышеназванных принципов проектирования среды обитания должна обеспечивать возникновение **«сетей общественного наблюдения»** на улицах, площадях, парках, формирующих «социальную прозрачность» территориального пространства и тем самым их физическую и духовную безопасность детей, взаимное доверие жителей. Основа таких сетей - постоянное присутствие на улице достаточно большого количества людей, занимающихся повседневными делами.

6. Процесс развития Градостроительства и среды обитания дол-

жен предусматривать реализацию принципа **«абсолютной и относительной самооценки»**, в соответствии с которым территориальные сообщества на различных уровнях должны регулярно (один раз в год или два года в зависимости от масштаба сообщества) проводить самооценку посредством показателей состояния Градостроительства и среды обитания на их территории с точки зрения её дружелюбности детям - способности обеспечить развития творческого потенциала детей, их физическую и духовную безопасность. Абсолютная самооценка позволяет определить состояния Градостроительства и среды обитания в территориальном сообществе, относительная - в сравнении с другими сообществами.

Самооценка проводится посредством социологического опроса детей, родителей, экспертного сообщества, представителей органов управления и использования данных статистических органов.

Ссылки:

1 Основное содержание статьи составляют материалы, подготовленные автором в 2010 г. для Общественной палаты РФ. В ней использованы подходы, изложенные в презентации Радченко А.Ф. и Попова С.В. форсайт-проекта «Детство» под названием «Детство 2030» - опыт проведения форсайт-проекта в России», материалы Общественной палаты РФ, а также научные публикации и статьи, имеющие отношение к данной проблематике.

2 См. Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества: Опыт систематизации. М., 1982.

3 Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. М., 1987. С. 33.

- 4 Там же. С. 38.
- 5 В данном случае дискурс понимается в социологическом значении - как способ классификации и представления действительности в языке в те или иные периоды времени, выражающие её смысловые характеристики.
- 6 Радченко А.Ф., Попов С.В. Презентация «Детство 2030» - опыт проведения Форсайт-проекта в России». 2010, С. 9.
- 7 Там же.
- 8 По данным TNS за февраль 2009 г.
- 9 См. Дети в России. Статистический сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. С. 59.
- 10 Там же. С. 80.
- 11 Там же. С. 88.
- 12 Там же. С. 95.
- 13 Результаты опроса школьников Москвы от 14 лет и старше в рамках научно-исследовательской работы «Проблема насилия в отношении детей в городе Москве», проведенная Социологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова при участии автора по Государственному контракту № 32 от 14 июля 2010 года для государственных нужд города Москвы. В октябре-ноябре 2010 г. опрошено 1500 школьников, в школах, отобранных с использованием метода случайной выборки.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 См. Дети в России. Статистический сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. С. 109.
- 18 Результаты опроса школьников Москвы от 14 лет и старше в рамках научно-исследовательской работы «Проблема насилия в отношении детей в городе Москве».....
- 19 См. Дети в России. Статистический сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. С. 109.
- 20 Там же.
- 21 См.: Результаты опроса школьников Москвы от 14 лет и старше в рамках научно-исследовательской работы «Проблема насилия в отношении детей в городе Москве».....
- 22 См. Дети в России. Статистический сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. С. 116.
- 23 См.: Результаты опроса школьников Москвы от 14 лет и старше в рамках научно-исследовательской работы «Проблема насилия в отношении детей в городе Москве».
- 24 См. Дети в России. Статистический сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. С.68-69.
- 25 Там же. С. 57.
- 26 Там же. С. 64.
- 27 См.: Основные принципы организации городской среды, дружественной детям. Принципы основаны на современных требованиях к урбанистике, в частности, на идеях Дж. Джекобса, Р. Роджерса, К. Линча и ряда других признанных экспертов.
- 28 См. <http://www.forma.spb.ru/magazine/articles/rogers/Richard-rogers.shtml>
- 29 Принципы основаны на современных требованиях к урбанистике, в частности, на идеях Дж. Джекобса, Р. Роджерса, К. Линча и ряда других признанных экспертов.

Динамика качества жизни в Беларуси

Бабосов Е.М.

Проанализирована динамика качества жизни как важного фактора обеспечения стабильности современного общества на основе анализа социологических исследований в Беларуси. Построена система показателей, характеризующих степень удовлетворенности человека осуществлением его материальных и духовных потребностей и жизненных планов.

Ключевые слова: Качество жизни, материальное и духовное благосостояние, состояние окружающей среды, здоровье населения, самореализация личности, уровень образования и культуры, финансово-экономический кризис.

Babosov E.M.

The dynamics of life quality in Belarus

The dynamics of life quality as the important factor in ensuring the stability of modern society is analyzed based on the basis of sociological surveys in Belarus. The system of indicators characterizing the contentment degree of the implementation of material and spiritual needs and life plans is analyzed.

Key words: Quality of life, material and spiritual welfare, environment, public health, self-realization, standard of education and culture, economic and financial crisis.

Качество жизни - понятие многогранное. Оно включает в себя не только повышение материального благосостояния, интересную работу, обеспеченность комфортным жильем, но и высокий уровень образования и культуры, добротное состояние здоровья и его эффективную защиту, личную и коллективную безопасность человека, его духовно-нравственное и социальное развитие.

В условиях перехода России, Беларуси, как и ряда высоко развитых стран, в стадию постиндустриального развития проблема качества жизни приобретает новый, очень важный аспект. Дело в том, что современная наука и развивающееся на основе ее достижений производство во все большей степени становятся человекомерными. Человеческий интеллект, мировоззренческий кругозор, духовно-нравственный потенциал и социальная ответственность, целенаправленные действия превращаются в решающий фактор развития всех сторон общественной жизни - и экономики, и социальной сферы, и культуры, политики. Неизмеримо возрастает значимость человека как субъекта исторического творчества, как субъекта, активно влияющего на результаты своего труда, на развитие природы и общества, на их взаимодействие. Совокупность производимых человеком активных

действий неразрывно связана с обретенными и реализуемыми им знаниями и навыками, с его духовным потенциалом, аккумулированным в человеческий капитал. Поэтому решение всех наших стратегических задач в решающей степени предопределяется инвестициями в человеческий капитал, в развитие тех сфер, которые прямо определяют качество жизни народа - в образование, здравоохранение, науку, культуру, жилищное строительство, информационные и коммуникационные системы.

Качество жизни может быть социологически исследовано и осмыслено посредством системы показателей, характеризующих степень удовлетворенности человека осуществлением его материальных и духовных потребностей и жизненных планов, соотносенных с минимальными (а в перспективе и с лучшими мировыми социальными стандартами и с ресурсными возможностями своей социальной группы, общности, общества в целом. Оно предопределяется путем построения и использования теоретической модели рассматриваемого феномена, представляющей собой систему взаимосвязанных агрегированных индикаторов. Каждый из этих индикаторов включает в себя совокупность количественно и качественно определяемых показателей (рис. 1).

Высокое качество жизни не может быть обеспече-

но без осуществления достойного человека благосостояния, предусматривающего повышение материального и духовного уровня жизни людей. Поэтому в *первый* индикаторный блок, характеризующий качество жизни, входят такие показатели, как уровень валового внутреннего продукта (ВВП), приходящегося на душу населения, минимальный потребительский бюджет и бюджет прожиточного минимума, распределение населения по уровню располагаемых ресурсов на каждого члена семьи в соотношении с прожиточным минимумом, соотношение ресурсов наиболее и наименее обеспеченных групп населения, объем и структура расходов и доходов, уровень бедности.

Среди факторов, играющих важную роль в повышении качества жизни, приоритетную значимость, бесспорно, имеет рост валового внутреннего продукта (ВВП). В последние годы Беларусь сумела обеспечить стабильный и

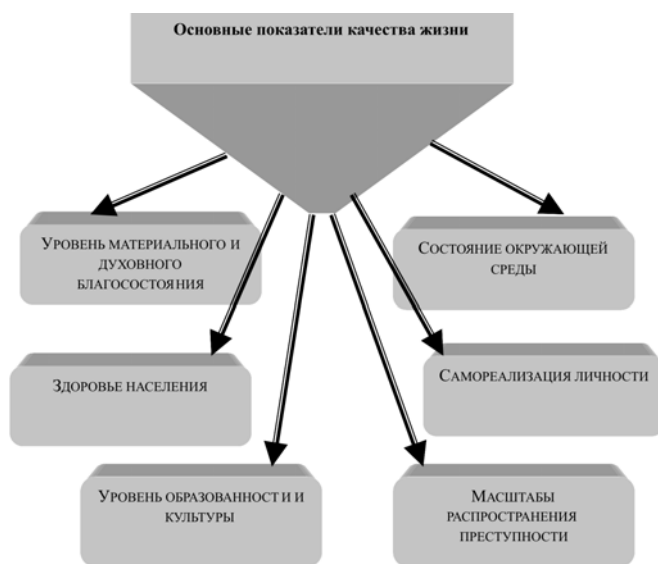

Рис. 1. Основные показатели качества жизни населения.

устойчивый рост ВВП на уровне 9-9,5% в год. Это очень хороший показатель.

Разумеется, мировой финансово-экономический кризис оказал отрицательное влияние на социально-экономическое развитие Беларуси, в результате чего темпы роста ВВП в 2009 г. составили всего 0,2%, но не обернулись, как во многих странах, его отрицательным балансом. К концу 2009 г. удалось приостановить кризисные процессы и выйти на путь и незначительный, но прирост ВВП. В итоге, к концу 2010 г. по сравнению с 2005 г. он возрастет в Беларуси на 146%. За этот же период реальные доходы населения увеличатся на 175%. За последние пять лет средняя зарплата в Беларуси в долларовом эквиваленте выросла на 86% и составила в 2010 г. 500 долларов в месяц. Однако важен не сам по себе размер зарплаты, а то, сколько времени нужно работать человеку, чтобы купить нужный ему товар. Поэтому важнейшее значение для характеристики реальной динамики качества жизни имеет не только рост объемов ВВП и определение его в расчете на душу населения, но и выявление покупательной способности номинальной заработной платы. О направленности такой динамики свидетельствуют такие данные: для того, чтобы средне-статистическому белорусу купить 1 кг. черного хлеба, в 2005 г. ему необходимо было трудиться 12,8 минут, а в 2010 г. – 7,4 мин.; 1 кг. свинины – соответственно 3 часа 35 мин. и 1 час 58 мин.; купить новый автомобиль Ford Fiesta – 6 лет и 3 года 5 месяцев; совершить 1 поездку на общественном транспорте – 17,4 мин. и 5,7 мин. Чтобы накопить на покупку стандартной двухкомнатной квартиры (60 кв. м.) в 2005 г. в Минске нужно было ра-

ботать 19 лет, а сейчас – 14, т.е. на 5 лет меньше, чем москвичу. Чтобы рассмотреть жилье в сравнительно-социологической панораме, отметим, что по результатам 2009 г. построено жилья в расчете на 1 человека в Украине 140 кв. м., в Казахстане – 399 кв. м., в России – 422 кв. м., в Беларуси – 545 кв. м. В результате на одного жителя в среднем приходится: в Украине 23 кв. м., в России – 22 кв. м., в Беларуси – 23,6 кв. м. Итак, по строительству жилья в расчете на одного человека Беларусь занимает первое место на постсоветском пространстве.

10 лет назад за чертой бедности находилось 42% белорусов (выживали на сумму меньше бюджета прожиточного минимума), а в 2010 г. их количество снизилось почти в 8 раз и составляет 5,4% всего населения. Весьма существенное значение для определения динамики качества жизни имеет социальный показатель, фиксирующий разрыв в доходах между 10% наиболее и наименее обеспеченных граждан. По данным, опубликованным в начале ноября 2010 г. российской «Независимой газеты» такой разрыв составляет в Беларуси 5 раз, в Казахстане – 5,3 раза, в Украине – около 9 раз, в России – почти 17 раз.

Существенным показателем качества жизни населения страны является уровень бедности, определяемый сопоставлением дохода различных социальных групп, приходящегося на душу населения, с величиной бюджета прожиточного минимума, которая и определяет уровень бедности. Динамика данного показателя в Беларуси такова. В 2000 г. уровень распределяемых доходов на одного члена семьи в соотношении с бюджетом прожиточного миниму-

ма располагался ниже черты бедности у 41,9% населения республики, а к 2009 г. он снизился до 5,4%, т.е. показатель бедности за первое десятилетие XXI века снизился в Беларуси почти в 8 раз (в 7,75 раз), что является существенным показателем повышения благосостояния народа.

Благосостояние человека чаще всего утрачивает свою ценность частично или полностью, если этот человек нездоров. Поэтому здоровье личности и нации – это высшая ценность и одновременно важнейший приоритет социальной политики государства. Совокупность показателей, характеризующих эту важную сторону жизни, составляет *второй* интегральный блок индикаторов качества жизни. Их совокупность дает представление о том, в какой мере общество признает на деле высшую ценность человеческой жизни, насколько укоренилось в мироощущении человека это чувство уверенности в завтрашнем дне, а улучшение этих индикаторов означает наличие перспективы улучшения качества жизни населения страны. В данный индикаторный блок входит большая группа взаимосвязанных показателей. Наиболее важные из них таковы: 1) численность врачей и младшего медицинского персонала в расчете на 10 тыс. населения; 2) коэффициент рождаемости (число родившихся за данный год в расчете на 1 тыс. населения); 3) коэффициент смертности (число умерших за данный год в расчете на 1 тыс. населения); 4) коэффициент младенческой смертности (число умерших в возрасте от одного года на 1 тыс. родившихся); 5) возрастание коэффициента смертности от самоубийств на 100 тыс. человек определенного пола и возраста; 6) общая оценка различными

группам населения состояния своего здоровья; 7) удовлетворенность населения состоянием медицинского обслуживания; 8) ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении (число лет).

Данный индикаторный блок фиксирует как позитивные, так и негативные тенденции. К числу первых относятся: рост численности врачей всех специальностей в расчете на 10 тыс. населения с 45,9 в 2000 г. до 51,1 в 2009 г., соответственно среднего медицинского персонала со 122,8 до 126,5, числа амбулаторно-поликлинических организаций с 1843 в 2000 г. до 2205 в 2009 г. Однако снижение численности заболеваний происходит медленно, да и не по всем видам болезней. За период с 2002 по 2009 г. включительно уменьшилась численность инфекционных и паразитарных болезней на 9%, болезней нервной системы – на 20%, но возросло количество болезней от новообразований на 7%, психических расстройств – на 7%, болезней системы кровообращения – на 25%, органов дыхания – на 23%, болезней от травм, отравлений и других внешних причин – на 7%.

Проведенное в октябре-ноябре 2010 г. общереспубликанское исследование (объем выборки – 2094 человека) показало, что в связи с резким подорожанием цен на лекарства 56% респондентов жалуются на то, что у них не хватает средств для оплаты лечения и медикаментов, а 38% опрошенных (а в возрастной когорте старше 50 лет – 45,5%) обеспокоены качеством и доступностью медобслуживания и лекарств. По самооценкам опрошенных, 60% из них характеризуют состояние своего здоровья как удовлетворительное, 26,6% как хорошее, а 12,3% считают его плохим.

В результате улучшения и стабилизации социально-экономического развития страны в Беларуси в последнее время наметился небольшой, но все же ощутимый положительный сдвиг демографической динамики. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 68,8 года в 2005 г. до 71 года в 2010 г. Уровень младенческой смертности по сравнению с 2005 г. сократился в 1,7 раза и является самым низким среди стран СНГ.

Третьим блоком показателей, характеризующих качество жизни населения страны, является достаточно высокий, соответствующий мировым тенденциям, уровень развития образования и культуры. Белорусская модель социально-экономического развития ориентирована на приоритетную, опережающую государственную поддержку этих важнейших компонентов современного социального прогресса. Ее практическая реализация привела к тому, что Беларусь оказалась единственной на постсоветском пространстве страной, которая не сократила, а увеличила объемы образования, финансируемые из госбюджета.

Вследствие этого за период, прошедший с начала социально-экономических реформ, в нашей республике, по сравнению с 1990 годом, процент охвата детей (при их количественном уменьшении в стране) возрос с 67,7 до 78,5 в 2009 г., число средних специальных учебных заведений увеличилось со 147 до 211, численность учащихся в них – со 143,7 до 166,9 тыс. человек, доля учащихся в расчете на 10 тыс. населения возросла со 141 до 172 человек. За этот же период численность специалистов, выпущенных средними специальными учебными заведениями, в расчете на 10 тыс. населения увеличилась с 41 до 47, а высшими

учебными заведениями с 28 до 77 человек, т.е. в 2,75 раза.

Широкое применение категории «качество жизни» началось в 70-80-х гг. XX в. в русле экологизации (инвайронментализации) развития социальных и экономических теорий. Поэтому при исследовании рассматриваемого социального феномена существенное значение имеет четвертый блок показателей, которые в своей совокупности характеризуют состояние окружающей среды. Сюда входят такие компоненты, как динамика сброса загрязненных сточных вод, выбросы загрязняющих атмосферу веществ, защита лесов от вредителей и пожаров, уровень формирования, использования и обезвреживания токсичных отходов производства, инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, уровень удовлетворенности населения состоянием окружающей среды.

Приведем некоторые параметры названных показателей. За период с 1990 по 2009 г. включительно объем сброса загрязненных сточных вод в Беларуси снизился в 34,5 раза, выбросы загрязняющих атмосферу веществ уменьшились в 2,6 раза.

Характерно, что уровень беспокойности респондентов экологической ситуацией в Беларуси с 82% от общего количества опрошенных в 2000 г. снизился в 2010 г. до 16,5% респондентов. В связи с этим становится понятным, почему в октябре 2010 г. из общего количества опрошенных граждан Беларуси оценили качество работы местных органов власти по охране окружающей среды как хорошее 47,7%, а как плохое – 10% респондентов.

Пятый индикатор-блок, характеризующий качество жизни, составляют показатели, выражающие профессиональный успех и самореализацию личности. Сюда входят такие показатели, как ощущение удовлетворенности условиями труда и жизни в целом, уровень обеспеченности прав и свобод личности, уверенность в будущем, ощущение социальной комфортности, социальной защищенности, степени реализации жизненных стратегий. 49,1% опрошенных считают возможность реализовать себя в профессии удовлетворительными, 19,3% - хорошими и почти столько же (19,9) - плохими. На вопрос о том, на что Вы рассчитываете в своем стремлении самоутвердиться и добиться успеха в жизни, 18,3% респондентов ответили: «на свое образование, знания», 41,2% - «на свое трудолюбие», 15,5 % - «на свои способности, таланты», 20,3% - «на свою целеустремленность, настойчивость», и только 12,5% респондентов надеются на удачу, счастливый случай.

Среди профессионально удовлетворенной своей деятельностью социальной группы (а она самая многочисленная) уровень социальной самореализации 86% опрошенных связывают с применением своих способностей, 68% - с общением с интересными людьми, обладающими богатым духовным миром, 56% - с реализацией чувства собственного достоинства, 48% - удовлетворением чувства свободы.

Качество жизни определяется не только теми материальными и духовными благами, которыми располагает индивид, социальная группа или общность, но и теми неблагоприятиями, которые осложняют или могут осложнить их жизнедеятельность. Поэтому ше-

стой блок показателей, способных в своей совокупности отразить негативные, неблагоприятные аспекты качества жизни, составляют своеобразные «антиблага», которые выпадают на долю человека. Сюда относятся общая численность и доля безработных в составе трудоспособного населения, численность зарегистрированных преступлений, состав лиц, совершающих преступления, доля в составе населения лиц, испытывающих тревогу за безопасность своей жизни, здоровья, имущества от преступных посягательств, уровень обеспокоенности населения состоянием преступности в стране и т.п.

Картина криминальности в Беларуси оказывается мозаичной: уровень совершения одних преступлений снижается, а других - увеличивается. Так, например, количество убийств и покушений на убийство с 1990 по 2009 г. снизилось в 1,2 раза, количество изнасилований и покушений на изнасилования - в 3,5 раза, а количество краж, грабежей, разбоев, мошенничества, преступлений, связанных с наркотиками возросло соответственно в 2,7; в 1,6; в 4,6 и в 12 раз. В последние годы становится вид преступлений против собственности и установленного порядка осуществления экономической деятельности. Сложная криминальная ситуация приводит к тому, что 15% опрошенных социологами граждан Беларуси не чувствуют себя в безопасности на улицах своего города 5,3% - в собственном жилище, а почти 19% - в общественных местах.

Следует особенно выделить две опасные тенденции в динамике криминальной сферы в Беларуси. Одна из них состоит в заметном возрастании удельного веса фак-

торов криминальной организованности и криминального профессионализма. Вторая - в увеличении жестокости совершаемых преступных деяний, особенно убийств и разбойных нападений. Это в решающей степени объясняется негативным нравственно-психологическим сдвигом в сознании людей, особенно молодых, ухудшением психического здоровья многих из них, ослаблением контроля над средствами массовой информации, все чаще пропагандирующими культ жестокости и насилия.

Позитивный вклад в стабилизацию, а затем и в снижение уровня преступности в нашем обществе вносят обозначившаяся в последнее время в Беларуси политическая стабилизация и вытекающие из нее практические действия властных структур, направленные на укрепление правопорядка и повышение роли закона как высшего регулятора общественной жизни и поведения людей. Тем самым создаются реальные предпосылки сужения сферы «антиблаг» в нашем обществе и повышения в нем качества жизни его граждан.

Итоги проведенного в октябре 2010 г. социологического исследования свидетельствуют, что большинство населения положительно оценивают деятельность правоохранительных органов по пресече-

нию преступности, а 41,6% респондентов считают действия властных структур по борьбе с коррупцией эффективными.

Все охарактеризованные показатели действуют не разрозненно, а во взаимодействии друг с другом, создавая многомерную, в некоторых своих сегментах противоречивую, нелинейно развивающуюся панораму динамики качества жизни белорусского народа. Основные тренды ее развития имеют восходящую, позитивную направленность. В итоге такого развития по последним данным Программы развития ООН, по обобщенному показателю уровня социально-экономической динамики стран - индексу человеческого потенциала - Беларусь в 2010 г. переместилась с занимаемого в 2008 г. 68 на 61 место, а по итогам рейтинга «Индекс благосостояния» - с 85 на 54 место. Все это оказывает положительное влияние на социальное самочувствие белорусов, которое по данным социологической службы «Евробарометр», оказывается более благоприятным и устойчивым, чем на Украине и в России, и, являясь прямым следствием повышения качества жизни, становится важным фактором обеспечения социальной стабильности современного белорусского общества.

Структура потребления продуктов питания как показатель качества жизни

Вторушина А.В.

Статья посвящена рассмотрению потребления как условия и фактора реализации качества жизни населения. Посредством кластерного анализа проведено сравнительное исследование рационов, составляющих основу питания различных обществ. Разработана классификация стран, учитывающая в качестве базового показателя состав и количество потребляемых населением продуктов, а также кратко характеризуются потребительские свойства этих продуктов в контексте изучаемого вопроса. Особым образом анализируется положение России в мировом пространстве потребления.

Ключевые слова: Потребление, продукты питания, потребительские практики, структура потребления, типы питания, качество жизни.

Vtorushina A. V.

Structure of food consumption as an indicator of quality of life

This article is devoted to the consumption as a condition and factor of realization of the quality of everyday life of each person. The comparative research of rations, which are the basis of nourishment of some societies is realized by means of cluster analyze. The author of the article worked out the classification which takes into account the structure and quantity of consumption of products as a basic criterion. The author also gives characteristic of the consumption properties of these products within the framework of the problem under analysis. Special attention is paid to the status of Russia in the world space of consumption.

Key words: consumption, food, consumption practices, structure of consumption, types of nourishment, quality of life.

Потребление продуктов питания связано с обеспечением материального, базового уровня существования людей, их повседневностью, поэтому именно этот показатель становится важным в постановке и поиске путей решения экзистенциальных проблем человека, в том числе, проблем уровня и качества его жизни.

Необходимо уточнить, что потребление всегда связано с использованием полезных свойств некоторых благ, являющихся дефицитным и иссекаемым ресурсом. Об этом важной особенностью потребления как социально-экономической практики пишет, например, В. В. Радаев [19]. Кроме того, потребление всегда предполагает использование ресурсов, неравномерно распределенных между людьми, занимающими определенные позиции в социальном поле. Социальное поле мы трактуем достаточно широко – поле может быть локальным, совпадать с непосредственной системой социальных связей индивида, а может быть широким, охватывая все мировое пространство.

Итак, потребление – сложный, институционализированный процесс использования полезных свойств некоторых благ (в нашем случае продуктов питания), обусловленный совокупностью естественных (особенностями климата, природных условий), социокультурных (нормами, ценностями, традициями, то что еще называется культурой потребления и пр.) экономических (включенность в мировой рыночный процесс, гло-

бализация, и пр.), психологических (ситуационное влияние, обусловленное физиологическими и психическими особенностями самого человека) факторов, и происходящий в определенном пространственно-временном континууме.

Нельзя забывать, что сегодня потребление становится еще и важным фактором экономического развития, поэтому многие критически настроенные социальные мыслители все чаще говорят об общесте потребления и потребительской культуре, суть которой заключается в постоянной генерации потребностей как виртуальных идеологических конструктов. В первую очередь это касается материальных вещей и связано с такими явлениями, как фетишизм, страсть к коллекционированию, распространение гаджетов и пр., необходимых для стимулирования спроса а, тем самым, для развития производства и усиление экономической мощи государства [2]. Таким образом, в процесс потребления необходимо учитывать и немаловажное политическое измерение.

Отсюда, вероятно, особый интерес наиболее развитых государств мира к потребительским практикам населения, и, как результат, наполнение последних особыми политическими коннотациями. Разработка продовольственной политики тому яркое подтверждение. Так, одной из мер, принимаемых на государственном уровне, стала выработка доктрины продовольственной безопасности (преимущественно в экономически развитых странах), имеющей, в том числе, серьезные геополитические последствия. США рассматривают продовольственное обеспечение как средство воздействия на внешнюю и внутреннюю политику других стран. В последующем США для этого прибега-

ли к торговому эмбарго и продовольственной блокаде.

Кроме декларируемых доктринальных политических программ, связанных с вопросом эффективного регулирования потребления продуктов питания, организациями различного уровня, в том числе международными, разрабатываются нормативные показатели, проводится сбор статистических сведений, касающихся потребительских практик населения во многих странах мира.

Подобные тенденции трансформации потребления в особую политическую стратегию наметились и в России, где все активнее стал подниматься вопрос об обеспечении продовольственной безопасности (доктрина была принята в 2008 г.), проводятся мониторинговые исследования, в том числе по инициативе международных служб и ведомств. В 2006 году Российская Федерация вступила в ФАО – продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН, главные задачи которой заключаются в сборе информации и статистических данных о питании в разных странах; выработке программы помощи голодающим; разработке пищевых стандартов и рекомендации по их внедрению во всем мире и т.д. Организация на данный момент насчитывает 189 стран.

Итак, для того чтобы охарактеризовать специфику положения России в мировом политическом пространстве потребления, а соответственно наметить пути анализа таких важных вопросов как качество и уровень жизни населения, мы воспользовались данными статистики, размещенной в свободном доступе на официальном сайте ФАО [17]. Информация содержит сведения за период 2005-2007 гг. по структуре потребления основных продуктов пита-

ния – молока, риса, мяса, сыра, яиц и пр. (в кг. на человека в год) в 174 странах мира.

Концептуальная основа исследования

Вначале мы осуществили концептуальный анализ поставленного вопроса и сформулировали ряд тезисов.

Тезис 1. Продукты питания обладают разным «рыночным потенциалом», то есть способностью быть товаром в рамках национальной и мировой капиталистической системы. Какие-то продукты питания используются преимущественно для внутреннего потребления, и в меньшей степени попадают на рынок в силу присущих им биохимических свойств, или, например, в силу сложившихся национальных традиций и привычек (национальная кухня, национальные диеты и пр.).

Мы предполагаем, что можно все продукты питания классифицировать, исходя из особенностей их производства и потребления. Рассуждая на тему свойств, присущих продуктам, мы придерживаемся основных идей, развиваемых в социологии материальной культуры. В частности, Б. Латур утверждает, что сами вещи активно участвуют в конструировании социальной реальности, наряду с индивидуальными или коллективными субъектами [13].

Можно выделить два ключевых параметра, объясняющие особенности потребления и производства продуктов питания – локальность и повсеместность. Следовательно, можно выделить следующие сочетания:

1 ВАРИАНТ. Производство и потребление локально. Надо сказать, что в пищевкусовой промышленности большинство продуктов (чай, кофе, какао, различные спе-

ции) имеют свои потребительские достоинства. Их производство растет, и оно обычно привязано к определенным природным зонам планеты, где сельское хозяйство стран специализируется на их получении. В то же время локализация потребления связана с особенностями культуры питания того или иного общества. Причем территориально локальности потребления и производства продукта питания могут совпадать, а могут и не совпадать. Например, в случае риса мы имеем дело с территориальным совпадением практик производства и потребления продукта. В случае с чаем – скорее его отсутствие. Он преимущественно выращивается в Азии, а главными его потребителями остаются страны Европы и Ближнего Востока.

2 ВАРИАНТ. Производство повсеместно, потребление локально. Ярким примером здесь является сыр. Разнообразие сортов сыра обусловило широкое участие этой продукции во внешней торговле. Поэтому многие страны даже в Западной Европе традиционно ввозят сыры из целого ряда государств региона и даже других регионов. Некоторые сорта приобрели мировые стандарты (голландский сыр, швейцарский сыр и др.), они вырабатываются во многих странах мира. Однако главным потребителем сыра остается Западная Европа.

3 ВАРИАНТ. Производство локально, потребление повсеместно. Так, известно, что некоторые экзотические фрукты производятся только в определенных географических ареалах в силу специфичности климатических условий, необходимых для их произрастания. Зато потребление подобных продуктов в связи с развитием технологий доставки и логистики стало повсеместным и подчиняется преимущественно логи-

ке рынка. Ярким примером могут быть бананы.

4 ВАРИАНТ. Потребление и производство повсеместно. Например, картофель. Как отмечает ФАО, человечество очень многим обязано этой неприхотливой и очень важной сельскохозяйственной культуре. Данный продукт тропический по своему происхождению смог приспособиться и к умеренным климатическим условиям. Не требуя серьезного ухода и обладая необходимым уровнем питательности, картофель превратился в перспективный продукт для быстрорастущего населения многих слаборазвитых стран [8].

Тезис 2. Потребление того или иного продукта, на наш взгляд, подчиняется либо экономическому, либо социокультурному императиву. При этом, логика «культурного потребления» в большей мере соотносима с качественным, а не количественным измерением структуры питания (то есть социокультурным полем потребления). Логика же «экономического потребления», наоборот, находит свое выражение в количестве потребляемых продуктов, а не в их качественном составе.

Тезис 3. Экономическая логика связана либо с унификацией, стандартизацией потребительских практик, либо с локальным хозяйственными операциями, обуславливающими необходимость удовлетворения минимума потребностей в сложившихся природно-климатических условиях. А вот культурная логика связана скорее с социальной практикой потребления, выходящей за рамки объективной необходимости поддержания жизни и не релевантной «формально-рациональным» правилам рыночной системы. Хорошей иллюстрацией сказанному в контексте обсуждаемого вопроса может быть описанный Муратовой А. С. слу-

чай из антропологических наблюдений: «На одном острове существовал варварский обычай, связанный с каннибализмом. Прибывшим на остров миссионерам-европейцам удалось его отменить. В результате туземцы постепенно перестали выращивать рис, который до сих пор служил для них основной пищей. Оказалось, что главное предназначение риса — ритуальное: совершая каннибальский обряд, поедали рис. Утратив сакральное применение, рис потерял свое значение для туземцев» [14].

Сегодня немаловажным фактором, влияющим на процесс потребления, становится степень вовлеченности обществ в мировую капиталистическую систему. Так развитие рынка способно снижать значимость природно-климатических условий потребления (когда оно не привязано к специфике территории и во многом зависит от развитости национальной рыночной структуры) или даже противоречить им (когда производимый продукт не потребляется, а используется преимущественно в качестве экспортируемого товара).

Влияние же рынка на культурную составляющую потребления в разных обществах скорее не столь однозначны. Появление во многих странах стандартных практик потребления и массовой культуры, дополняется усиливающимся разрывом с обществами, стремящимися сохранить культурную самобытность, или, по крайней мере, нарушить правила рыночной системы путем искусственно культивируемой идеологии и политических решений. Ярким примером может быть Куба [9].

Все последующие наши тезисы призваны выразить концептуальную базу для понимания характера потребления в различных странах мира.

Тезис 4. В количественном отношении страны делятся на много и мало потребляющие. Мы предполагаем, что уровень потребления продуктов питания в них будет сильно варьироваться от абсолютного недопотребления до потребления максимально возможного на данном этапе развития человечества.

Тезис 5. Существуют значимые различия между странами и относительно структуры, или, по-другому, социокультурного поля потребления. Вероятно, много потребляющие страны являются преимущественно гетерогенными по качественному составу потребляемых продуктов

Тезис 6. Мало потребляющие страны делятся на страны с гетерогенной структурой питания, что предполагает потребление всего в недостаточном количестве, дефицит потребления. Эти страны преимущественно ориентированы на включение в мировой процесс торговли и во многом выживают за счет экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции. Большинство товаров при этом импортируется, однако в силу низкой покупательской способности, приобрести основной массе населения не представляется возможным.

Тезис 7. Страны мало потребляющие могут иметь и гомогенную структуру питания. Подобное монопотребительское поведение характерно преимущественно для слаборазвитых стран в силу различных условий: культурной специфики и привычек питания, особенностей климата и природных условий (замкнутости потребления, неразвитости или недостаточной развитости национального рынка, отсутствие выхода на мировой рынок), сложившихся экономических и политических условий.

Тезис 8. Локальность потребления выражается в узости географических границ, в рамках которых происходит распространение однотипных потребительских практик. Поэтому, вероятнее всего территориальная ограниченность указывает на исключенность тех или иных стран из мирового процесса торговли.

Тезис 9. Универсальность и глобальные стандартизированные практики потребления, наоборот, предполагают охват широких географических районов независимо от их удаленности друг от друга и имеющихся там природно-климатических условий.

Тезис 10. Страны, вовлеченные в мировую капиталистическую систему, имеют качественно однотипную структуру потребления. Отличия существуют лишь относительно количественных показателей – между слаборазвитыми и экономически развитыми обществами. И, наоборот, страны, не вовлеченные в мировой рыночный процесс, однородны по количественным параметрам (одинаково низкие показатели), но отличаются качественным составом потребляемых продуктов, то есть социокультурным полем потребления.

Тезис 11. Страны, потребляющие тот или иной продукт, не обязательно являются его главными производителями, и, наоборот, производитель продукта не обязательно попадает в группу стран, его потребляющих. Эфиопия, например, один из крупнейших экспортеров кофе, но потребление данного продукта здесь остается на самом низком уровне. Надо сказать, что подобные парадоксы присущи современной капиталистической системе с самого начала ее существования. Вероятно, это происходит, в силу того, что она во многом искусственна и чужда

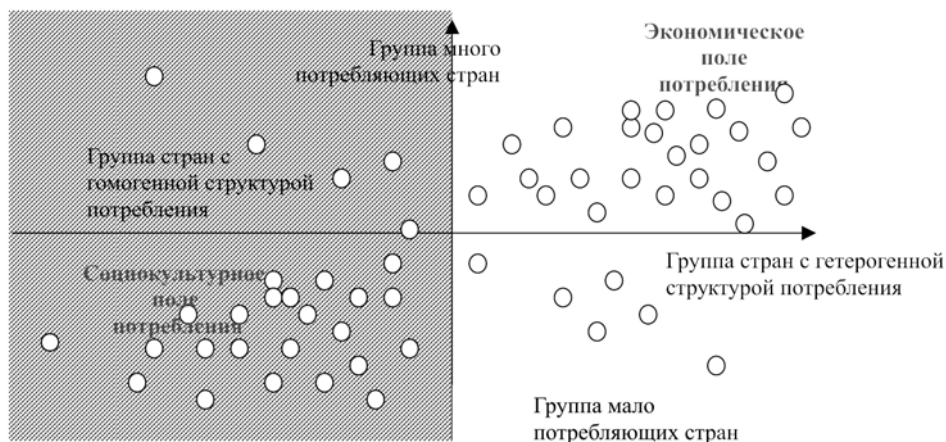

Рис. 1. Группировка стран в пространстве потребления*.

* ○ – условное обозначение страны, ■ - пространство потребления, регулируемое социокультурной логикой, □ - пространство потребления, регулируемое рыночной логикой.

аутентичному социальному процессу, осуществляемому на уровне повседневности. Так, Бродель Ф. утверждал, основываясь на исторических фактах, что в Новое Время и без того дефицитная пшеница в Западной Европе в условиях массового недоедания оставалась главным объектом продаж, а не собственного потребления [4].

Итак, это основные идеи, на которые мы будем опираться в ходе анализа статистических данных. При осуществлении процедуры выделения кластеров нами будут учтены, таким образом, следующие параметры: количество потребляемых продуктов и их состав, то есть социокультурное поле потребления. Соответственно, группировка стран будет проводиться на основе комбинации данных показателей.

Так, например, можно выделить много и мало потребляющие страны, имеющие либо гетерогенную, либо гомогенную структуру питания. Схематично гипотетическую группировку стран можно

изобразить следующим образом (см. рис. 1).

На наш взгляд, все страны занимают в данном пространстве определенное место и имеют соответствующие координаты относительно полюсов «количества» и «качества» потребительских практик в рамках экономического (ось абсцисс) и социокультурного (ось ординат) поля потребления. Вероятно, большинство стран будет укладываться во вполне определенный и наблюдаемый на рисунке тренд. Те страны, которые относятся к мало потребляющим, чаще всего имеют гомогенную структуру питания с преобладанием одного какого-нибудь продукта, а много потребляющие страны - гетерогенную. Причем левая часть рисунка, выделенная цветом, указывает на преобладание в странах социокультурной логики потребления и отсутствие интеграции в мировую рыночную систему, правая выражает экономическую логику потребления и большую степень

вовлеченности стран в мировые экономические процессы.

Этап анализа статистических данных

В исследовании мы использовали две формы кластерного анализа - метод К-средних и иерархический. Иерархический кластерный анализ является математически более точным, его мы применили в первую очередь. Задав все необходимые параметры - статистические, графические и т.д., а также, оценив приблизительное количество эмпирически верифицируемых кластеров в диапазоне от 2 до 6, мы получили распределение стран по группам. Анализируя коэффициенты, определяющие расстояние между кластерами, мы пришли к выводу, что в общем массиве данных с наибольшей очевидностью можно говорить о наличии двух кластеров, остальные включают очень маленькое число случаев (от 1 до 4). Первый кластер оказался самым многочисленным, имеет ярко выраженные отличия в структуре потребления от второго кластера. Отличия касаются преимущественно количественных параметров потребления. Так, страны, входящие в кластер №2 потребляют много и их рацион более разнообразен, нежели рацион стран, входящих в клас-

тер №1. Для того, чтобы сформулировать данный вывод мы провели статистический анализ частотных распределений относительно каждого выделенного нами продукта питания, в частности значения среднего (см. табл. 1).

Затем мы провели кластерный анализ методом К-средних. В этом случае наша цель заключалась не столько в получении математически достоверных данных, сколько в проведении эвристического анализа полученных групп с целью верификации гипотез исследования и построенной концептуальной схемы.

В результате проведенного кластерного анализа мы выделили шесть групп стран, отличающихся количественными и качественными параметрами потребления. Числовые данные, характеризующие структуру потребления, а также расстояния между кластерами приводятся в таблицах 2 и 3.

Общая характеристика кластеров, полученных в ходе математического анализа методом К-средних.

Первый кластер. Включает 20 обследованных нами стран. Данный кластер в количественном отношении характеризуется очень низкими показателями потребления в целом, а также по отдельным категориям продуктов. При этом со-

Таблица 1

Сравнительная характеристика структуры потребления продуктов питания первого и второго кластера (в кг на человека в год).

№ кластера	Крепкие спиртные напитки	Вино	Пиво	Чай	Кофе	Сахар	Овощи	Фрукты	Картофель
1	2,3	1,5	12,4	0,5	1,1	6,01	69,2	73,6	21,3
2	5,3	18,7	70,6	0,5	4,65	3,48	109,4	95,5	77,59
№ кластера	Зерновые	Рис	Молоко	Говядина	Свинина	Рыба	Птица	Сыр	Яйца
1	139,8	37,9	47,8	7,9	5,0	14,5	13,5	1,45	4,08
2	122,9	6,7	89,4	18,5	34,4	25,7	23,4	11,3	10,9

циокультурное поле потребления отличается неоднородностью и ярко выраженными диспропорциями. Так, четко выделены несколько основных продуктов, потребляемых преимущественно в данной группе стран, остальные же составляют лишь незначительную долю в структуре питания.

На основании анализа межкластерных расстояний (см. табл. 3) можно сделать вывод, что наиболее близок первому кластеру по структуре потребления кластер №2. Отличия между ними касаются скорее даже не общих количественных, а качественных ха-

рактеристик потребительских практик (состав продуктов).

Второй кластер. Самый многочисленный, он включает 70 обследованных нами стран. Данная группа, также как и первая, характеризуется низкими показателями потребления, как в целом, так и по отдельным категориям продуктов. Что касается качественного измерения потребительских практик, то данный кластер отличается относительной однородностью структуры питания. В этой группе нет стран, потребляющих какой-то определенный продукт (в отличие от стран первого

Таблица 2

Общая количественная характеристика кластеров (в кг на чел. в год)*.

* **28,33** – максимальное значение, 141,17 – максимальное значение в данном кластере (прим. авт.)

Кластеры	1	2	3	4	5	6
Крепкие спиртные напитки	1,61	2,06	6,19	4,95	1,79	4,86
Вино	,43	2,33	5,62	19,36	5,39	4,06
Пиво	5,92	16,22	21,82	79,52	12,84	21,29
Чай	,48	72	,98	,52	,79	,27
Кофе	,58	1,12	1,44	5,10	1,93	2,80
Сахар	16,45	5,99	27,42	47,48	32,94	34,73
Овощи	45,96	42,49	121,36	100,70	184,73	46,29
Фрукты	35,24	7,52	51,74	107,18	99,18	198,91
Картофель	10,61	4,51	80,28	75,12	38,48	21,31
Зерновые	180,75	117,70	178,35	117,51	170,79	90,01
Рис	97,43	26,83	4,76	6,03	31,80	28,56
Молоко	20,43	38,56	141,17	87,15	49,92	60,16
Говядина	4,06	9,45	13,98	18,84	9,33	8,79
Свинина	5,76	4,25	11,66	37,43	9,91	10,55
Рыба	16,41	14,55	5,91	26,93	24,52	28,33
Птица	6,39	13,25	9,16	23,77	20,28	28,44
Сыр	,19	1,46	2,13	12,03	5,98	2,05
Яйца	3,08	3,33	7,85	11,35	8,98	3,50
Всего	451,78	392,34	691,82	780,97	709,58	594,91

Таблица 3

Расстояние между кластерными центрами*.

* 100,479 - минимальное расстояние, **160, 673** – максимальное расстояние (прим. авт.)

Кластеры	1	2	3	4	5	6
1		100,479	186,243	194,298	173,548	206,723
2	100,479		159,766	136,871	160,673	147,862
3	186,243	159,766		124,652	133,308	216,070
4	194,298	136,871	124,652		138,332	145,132
5	173,548	160,673	133,308	138,332		190,415
6	206,723	147,862	216,070	145,132	190,415	

кластера), хотя наибольшую долю в питании составляют зерновые.

Третий кластер. Включает 18 проанализированных нами стран, в том числе и Россию. Эти страны характеризуются довольно высокими количественными показателями потребления, по сравнению с первыми двумя кластерами, но сравнительно низким уровнем потребления по сравнению с кластером №4. Для данной группы свойственны низкие показатели потребления рыбы и риса, но сравнительно высокие показатели потребления таких продуктов, как крепкие спиртные напитки, чай, картофель, зерновые и молоко. Социокультурное поле потребления не столь диспропорционально, как поле первого кластера, однако тоже имеет ярко выраженные особенности: в структуре питания значительную долю составляют молоко и картофель, чего не наблюдается не в одной из проанализированных нами групп. Исходя из данных о расстоянии (см. таблицу №3), рассматриваемый кластер по структуре потребления ближе всего находится к кластеру №4.

Четвертый кластер. Включает 31 страну. Данный кластер характеризуется самыми высокими показателями потребления, как в целом, так и по многим отдельным категориям продуктов питания, в частности, вина и пива, кофе, сахара, говядины и свинины, сыра и яиц. Можно сказать, что это самая «калорийная» группа, исходя из питательных свойств потребляемых продуктов – продукты имеют преимущественно животное происхождение. Социокультурное поле потребления также относительно однородно: нет тех категорий еды или напитков, потребление которых составляла бы значительную долю в пищевом рационе этих стран.

Хотя сама структура питания характеризуется значительной долей в ней фруктов и зерновых, в общемировом контексте это не является ярко выраженным отличием.

Пятый кластер. Включает 21 обследованную нами страну. Характеризуется данная группа сравнительно высокими количественными показателями потребления, но по структуре питания в большей степени приближается к третьему кластеру. Социокультурное потребительское поле кластера неоднородно, для него характерен самый высокий в мире уровень потребления овощей. В этой группе потребительские практики связаны преимущественно с использованием полезных свойств таких продуктов как овощи, фрукты, зерновые.

Шестой кластер. Самый малочисленный, он включает всего 14 стран. Его положение в общем пространстве потребления относительно других кластеров достаточно неопределенно и парадоксально. Так, например, четвертый кластер, судя по данным, представленным в таблице расстояний (см. табл. 3), достаточно далек от шестого, который в свою очередь оказывается максимально к нему близок. Данная группа стран занимает срединное положение по количественным показателям потребления. Социокультурное же потребительское поле относительно неоднородно. С одной стороны, наблюдается высокий уровень потребления мяса рыбы и птицы, а также фруктов, а с другой стороны, относительно низкий уровень потребления зерновых (уровень потребления которых преимущественно высок во всех рассмотренных кластерах). Так в общей структуре питания доля зерновых остается не значительной по сравнению с долей фруктов.

Социокультурная характеристика продуктов питания, представленных в кластерах 1–6

Спиртные напитки (в частности пиво) явно преобладают в структуре питания четвертого кластера, превосходящего остальные как по критерию количества, так и по критерию качественного разнообразия потребляемых продуктов. Это явно продукт из сферы «роскоши», которую могут себе позволить далеко не все современные общества. «Как отмечает большинство экспертов, потребление пива достаточно тесно связано с уровнем ВВП на душу населения, иными словами, с уровнем «цивилизованности» государства. Так, средневропейский уровень потребления пива составляет около 70 литров в год на душу населения, при этом в ряде высокоразвитых стран потребление пива доходит до 100–150 литров в год» [18].

Надо отметить, что с пивом и другими спиртными напитками связаны ряд парадоксов, которые на наш взгляд, очень хорошо иллюстрируют противоречивую работу всей мировой капиталистической системы. Например, в рейтинг крупнейших мировых стран по производству пива главные его потребители – Чехия и Ирландия не входят. А вот Китай, который имеет самые низкие показатели потребления данного напитка, вместе с тем занимает первое место по его производству [18].

Спиртные напитки, что также кажется удивительным только на первый взгляд, несмотря на масштабы потребления в относительно благополучных странах «потребительского изобилия» не несут какой-то полезной ценности с точки зрения присущих им питательных свойств. Более того, именно с их употреблением связываются

многие экологические, социальные и экономические проблемы развитых обществ, именно их влияние на здоровье людей вызывает все большее беспокойство медицинской науки, общественных движений (например, «зеленых») и т.д.; принимаются административные меры по регулированию этой продукции в рекламе, продажах и т.д.

Чай как напиток связан скорее не с экономическим, а социокультурным полем потребления, сложившимися в обществе практиками его использования (обычаями, традициями, ритуалами и т.д.). Иными словами, потребление чая в большей степени характеризуется не количественными, а качественными параметрами. Так, в странах даже мало потребляющих, где относительно низким остается уровень потребления многих продуктов, показатели потребления чая относительно высоки. Это отражается в том числе и на особенностях мировой торговли данным продуктом, которая не получила столь широкого распространения. «До начала 90-х гг. прошлого века пять стран – крупнейших производителей чая – давали 70 процентов мирового производства заварки для этого напитка. Из этих пяти стран три принадлежат к числу «чаелюбивших» стран. Это Китай, Япония, Россия. Почти 75–95 процентов их продукции идет на собственное внутреннее потребление» [15].

Кофе, в отличие от чая, преимущественно потребляется в странах, попавших в четвертую группу, характеризующуюся более разнообразным и калорийным питанием. Резкие контрасты в общем мировом пространстве потребления указывает, что данный напиток скорее подчиняется не экономическому императиву, а культурному. Так практики его производства задаются национальными традиция-

ми стран производителей, а потребление преимущественно локализовано (главными потребителем кофе остается Европа), исходя опять же из сложившихся коллективных привычек питания.

Надо отметить, что кофе относится к вкусовым продуктам, не являющихся обязательными для поддержания нормальной жизнедеятельности человека. При этом десятая часть всей возделываемой земли в мире служит производству именно вкусовых продуктов. За счет экспорта кофе живут десятки слабо развитых стран. В итоге из года в год возрастает необходимость все больше импортировать продовольствие. Стоит оно дорого и, следовательно, предназначено в основном для богатых слоев общества.

Сахар употребляется в пищу повсеместно, и, скорее всего, его использование подчиняется экономической логике, нежели социокультурной. Так различия между странами по критерию потребления сахара не столь выражены и вполне релевантны общим количественным показателям. Сахар, кстати, также как и кофе, является продуктом, полезность которого подвергается сомнению со стороны экспертов в области здорового питания. Ведутся многочисленные дискуссии по вопросу ограничения его употребления в диетических целях.

О том, что сахар в большей мере подчиняется экономическому императиву, нежели культурному, говорит еще и такой факт: экспорт и импорт сахара определяется преимущественно балансами потребления и производства в стране. В то же время внешняя торговля продукцией любой другой пищевой промышленности чаще всего имеет характер ассортиментного обмена. Иными словами, отсутствуют возможности, по крайней мере,

для культурно «самовыражения» в производстве отдельных сортов или видов сахара, или в особых способах его производства.

Овощи и фрукты. Потребление данных продуктов подчиняются скорее не экономическому, а социокультурному императиву. Хотя высока доля овощей в питании «много потребляющих» стран, они все же не являются здесь лидерами. Овощи и фрукты чаще всего характеризуются локальными практиками потребления и таким же локальными практиками их производства (по причине их быстрой порчи и сложностями, связанными с транспортировкой). Большинство продуктов питания подобного рода производится для собственного использования, и лишь небольшой процент попадает на мировой рынок в качестве экспортируемого и импортируемого товара.

При этом немаловажное значение имеют и благоприятные для выращивания климатические условия. Основными производителями овощей остаются страны (а в странах отдельные хозяйства) с низким уровнем механизации производственных процессов. Торговля овощами основывается чаще всего на личных контактах участников рынка и носит стихийный характер. В маркетинговых каналах чаще всего доминируют многочисленные посреднические структуры и действуют непрозрачные схемы сбыта.

Необходимо отметить и тот немаловажный факт, что фрукты и овощи сегодня попали в список «модных» продуктов, которые современная наука стигматизировала в качестве самых полезных, работав на их основе идеологический концепт «здорового питания».

Картофель в большей мере свойственен рациону питания стран, входящих в кластеры №№

3 и 4 (в других группах количественные показатели его потребления не столь значительны). Использование полезных свойств данного продукта опять же (как в случае с овощами) подчиняется скорее не экономической логике, а социокультурной: потребительские практики преимущественно локализованы, обусловлены обычаями и привычками питания, а производство связано с наличием индивидуального подсобного хозяйства и процессами самообеспечения. Относительная простота возделывания картофеля сделали эту культуру основной в так называемом «городском» сельском хозяйстве [7].

Питательные свойства картофеля относительно невысокие, но он обладает высоким содержанием углеводов, что делает этот овощ ценным и сравнительно дешевым источником энергии. В Европе поэтому потребление данного овоща падает, но быстро растет в Китае, Индии и других слаборазвитых странах. На Западе скорее возрастает доля картофеля, который идет на переработку в различные пищевые продукты. Так, например, Соединенные Штаты являются крупнейшим в мире рынком для замороженного переработанного картофеля (в основном картофель фри) [18].

Зерновые относятся к главному источнику жизненной энергии, которую получает человек. Соответственно, серьезных различий в количественных показателях потребления такого рода продуктов не наблюдается (кроме шестого кластера). Так доля зерновых в структуре питания всех проанализированных групп либо значительна, либо максимально высока (первый кластер).

Потребление зерновых в большей мере подчиняется экономическому императиву (требованиям

рынка), нежели социокультурному. Причем можно наблюдать зеркальное отражение ситуации, которую мы имели, например, в случае с сахаром. Если доля сахара была релевантна общим количественным показателям потребления, то здесь все наоборот. Много потребляющие страны отнюдь не являются лидерами в потреблении зерновых, поскольку чаще всего именно они их главные экспортеры. Парадоксальная ситуация сложилась и в бедных развивающихся странах: страдая от недостатка продуктов питания, они вынуждены импортировать его из богатых стран в виде зерна. В то время как эти же самые бедные страны ежегодно экспортируют в западные страны семена масличных культур и рыбную муку, которые имеют более высокую белковую ценность, чем зерно, и в западных странах используются на корм скоту [1].

Рис – это продукт, в полной мере подчиняющийся законам социокультурным, нежели экономическим. Он занимает значительную долю в питании стран первого кластера, потребительские практики которого резко выделяется на общемировом фоне, с одной стороны, очень низкими количественными показателями, с другой стороны, ярко контрастной структурой потребления. Таким образом, использование риса в питании не связано ни с числом, ни с качественным разнообразием потребляемых продуктов. Более того, рис является основным продуктом питания в странах мало потребляющих и имеющих относительно гомогенное социокультурное поле потребления.

Молоко. Потребление молока локализовано преимущественно в третьем кластере, что также говорит о том, что использование данного продукта питания скорее

относится к социокультурной, а не экономической практике.

Так, высока доля потребления молока и молочных продуктов в России, в частности, сметаны, являющейся исконно национальным продуктом, который, например, в других странах встречается редко и носит характерное название «русские сливки». Вот что пишет Н. Лайдинен о значении молока и молочных продуктов в рационе питания россиян: «Привычки потребления молока и молочных продуктов в России уходят корнями в глубокую древность. Кроме того, молоко является одним из архетипов в русском народном сознании - символом здоровья, благополучия, изобилия...» [12].

Что касается экспорта и импорта молока, то Европа, а в частности, Новая Зеландия останется крупнейшим экспортером пастеризованных молочных продуктов. Причем уровень потребления на внутреннем рынке остается незначительным. Натуральное молоко не экспортируется, а производится локально и используется преимущественно для внутреннего потребления. И здесь на фоне остальных лидерами являются страны Центральной Азии, а также Россия, Украина и пр. [12].

Необходимо отметить и тот факт, что молоко, как и овощи, входит в качестве базового элемента в современную идеологическую доктрину здорового питания. Это кажется уже вполне закономерным, учитывая, что только продукты, потребляемые в четвертом кластере, наполняются отрицательными, коннотативными значениями (спиртные напитки, сахар, кофе и пр.).

Мясо (в том числе птицы, рыбы), его потребление более характерно для четвертого кластера, где оно и локализовано. В ос-

тальных группах наблюдается низкий уровень потребления данного продукта. Уменьшение потребления мяса напрямую связано с общими количественными показателями, нежели с социокультурными различиями в потребительских практиках. Несмотря на то, что сохраняются некоторые национальные, религиозные традиции использования мяса у разных народов (скорее носящие запрещающий характер – не употреблять определенные виды мяса в пищу), экономические возможности здесь играют более существенную роль. Так, рост потребления мясных продуктов в мире – один из показателей повышения жизненного уровня населения.

Как и некоторые другие продукты, составляющие значительную долю питания стран четвертого кластера, мясо подвергается все той же «научной» рационализации, которая направлена на «самоограничение» людей в потреблении данного продукта. Общая тенденция – увеличение потребления диетических видов мяса (в первую очередь птицы).

Хотя доля развивающихся стран в производстве мяса в последние десятилетия существенно возросло, на количественных показателях потребления это никак не отразилось. В большинстве своем мясо из этих стран экспортируется в экономически развитые. Так, США импортируют говядину, и хотя импорт этот составляет незначительную долю годового потребления мяса на душу населения в этой стране, во многих бедных странах такое количество составляет годовое потребление мяса на одного человека. Ведущим экспортером также остается много потребляющая Западная Европа: около половины поставок мяса в мире (наиболее крупные – Ни-

дерланды, Франция и Дания). Северная Америка – вторая по значению в торговле мясом [6].

Подобная ситуация складывается и относительно рыбы как таковой. Так государства, имеющие выход в Тихий океан, дают более 70% продукции. Среди них нет ни одной западноевропейской страны, хотя они ведут активный лов в этом отдаленном океане. Причем 75% мирового улова потребляют богатые страны, население которых составляет около 1/3 численности всего населения земного шара [15]

Сыр – исключительно культурный продукт, его изготовление и потребление имеет тысячелетние традиции. При этом потребляют его преимущественно в странах, входящих в кластер №4. На общемировом уровне наблюдается контраст в использовании сыра: подобно кофе он является исключительно «западным». География производства сыра характеризуется постоянно высокой долей Западной Европы, где он всегда был одним из самых важных и любимых продуктов питания. Роль этого региона как продуцента сыра меняется, но он остается лидером мирового сыроварения [4].

Яйца, их потребление в большей мере подчиняется экономической логике. Иными словами, количественные показатели потребления яиц релевантны общим числовым данным по каждому проанализированному нами кластеру. Значительная доля этого продукта приходится на много потребляющие страны.

И как можно уже догадаться, яйца маркируется современным научным дискурсом в качестве потенциально опасного источника «вредного холестерина», способного вызывать ранние инсульты и инфаркты, а также различные

вирусные заболевания. Экологические движения выступают против «бесчеловечного» содержания кур на птицефабриках, где не поддерживаются элементарные нормы санитарии и отношение к курам носит явно антигуманный характер. «Рубеж 70-х и 80-х годов XX века характеризуется (особенно в высокоразвитых странах) значительным снижением употребления и производства яиц. Это было вызвано, главным образом, холестеринофобией, а также в некоторой степени боязнью сальмонеллеза» [20].

У производителей яиц (большая часть которых сосредоточена в США и ЕС) появляются новые способы борьбы с понижением спроса на яйца и погоней населения за мифом о «здоровом питании». Наподобие того, как на многих внутренних и внешних рынках реализуются сыры с приставкой био-, в практику нашей жизни входят и «обогащенные» биологически действующими веществами «эко-яйца».

Таким образом, можно сделать некоторые заключения. Все рассмотренные нами продукты питания выражают или социокультурную (например, рис), или же экономическую логику потребления (например, яйца, пшеница и пр.). Социокультурная логика предполагает локализацию питания в той или иной стране, вне зависимости от сложившейся конъюнктуры на мировом рынке. Экономическая логика отражена в общих количественных показателях потребления и связана только с характером экспорта и импорта, принимающие нередко крайние формы (либо экспорт в ущерб собственному потреблению, либо же импорт в отсутствие национального производства). Более того, есть продукты, потребляемые преимущественно

щественно в экономически развитых странах мира (например, сыр), либо в экономически отсталых (например, рис). В каждом проанализированном нами кластере можно обнаружить также свой специфически «культурный» продукт. Например, в третьем - это молоко и картофель, в пятом - овощи и фрукты и т. д.

Социокультурная характеристика стран, входящих в кластеры 1-6

Кластер 1 «Цивилизации».

Страны, входящие в первую группу, мы условно назвали «цивилизации», в силу значимости культурного фактора в структуре их потребительских практик. Так, имеющийся здесь тип потребления имеет четкую географическую и культурную локализацию - преимущественно это регионы Юго-Восточной Азии и Океании (Индонезия, Лаос, Бангладеш и пр.), а также Западной и Центральной Африки (Лесото, Буркина-Фасо и пр.).

Страны этих регионов относятся к беднейшим в мире. В питании их населения доминирует преимущественно один продукт (чаще всего, зерновые и рис), что придает рациону однообразный характер. Причем в странах Южной и Юго-Восточной Азии доля риса в рационе составляет 75%, а в некоторых районах Индонезии еще больше. Для зоны саванн и Сахеля в Африке наиболее характерны просяные культуры (в первую очередь сорго), дающие до 40—50% калорий [15].

Несмотря на явную отсталость этих стран в экономическом отношении, их традиционные культуры отличаются большей целостностью и консерватизмом ценностей. В силу этих причин они оказываются в меньшей степени интегри-

рованными в глобальную капиталистическую систему и рыночные отношения. Известно, например, что яркое и самобытное искусство народов Африки (скульптура, живопись и архитектура) развивалось преимущественно в западной ее части, в отличие от северной и восточной части, где большее распространение получил ислам. Культура кхмеров, составляющих основное население Камбоджи, одной из беднейших стран мира, оказала серьезное влияние на многие стороны жизни соседних народов, что до сих пор объединяет их, несмотря на языковые отличия. Большинство из культурного наследия Камбоджи при этом сохранилось благодаря и политическим мерам, в частности, политики «чистого государства».

Сельское хозяйство при этом малопродуктивно - товарные культуры выращиваются в небольших объемах, продукция животноводства идет в основном на удовлетворение внутренних потребностей. В сельском хозяйстве определяющим является мелкотоварный уклад с большой долей патриархальных, натуральных отношений. В большинстве освободившихся государств капитализм имеет периферийный характер. Он возникает и развивается как имитационная модель в результате вливания иностранного капитала, технологий и идеологии. Имитация при этом происходит асинхронно и неравномерно [1].

Кластер 2 «Экономические аутсайдеры». В данную группу вошли страны с разным, хотя и одинаково низким уровнем социально-экономического развития, охватывающие широкие географические пространства Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, Центральной и Южной Америки. В общем, это те государства, ко-

торые достаточно красноречиво принято сегодня именовать в интеллектуальной среде «третьим мир», «периферией мировой системы», «Югом». Все они активно вовлечены в мировую рыночную систему, однако скорее в качестве производителей, нежели потребителей благ. Необходимость их участия в международном разделении труда объясняется тем, что они не производят целый ряд товаров и живут за счет экспорта сырья и продовольствия. Во многих странах производится единственная сельскохозяйственная культура, что делает национальную экономику монокультурной и еще более зависимой. Поэтому внешняя торговля развивающихся стран хотя и остается наиболее надежным источником доходов, но происходит на неравноправной основе (условия, включая цены, диктуются развитыми странами). Политическая зависимость экономически отсталых стран, таким образом, сменилась сегодня их экономической зависимостью в рамках мировой капиталистической системы.

Как бы это не показалось странным на первый взгляд, но во втором кластере, куда входят беднейшие страны мира, оказалась и Япония. Хотя Япония явно не относится к странам экономически отсталым, но продовольственная проблема для нее стоит очень остро. Так по уровню производительности труда в сельском хозяйстве Япония значительно отстаёт от США и развитых европейских стран. Причина этого заключается в преобладании мелких и мельчайших хозяйств. Из-за высоких издержек производства в мелких хозяйствах их продукция неконкурентоспособна на внутреннем и мировом рынках. Поэтому, несмотря на протекционные меры, Япо-

ния является крупнейшим в мире импортером продовольствия. Особенно велика зависимость Японии от ввоза пшеницы, ячменя, соевых бобов, кукурузы и сахара [15].

Кластер 3 «Переходные страны». Эта группа характеризуется выраженной долей в структуре потребления цельного молока, зерновых и картофеля. Показатели уровня потребления остальных продуктов довольно низкие. В данный кластер попали, в частности, страны Центральной Азии (Киргизстан, Туркменистан, Казахстан и пр.), а также Россия, Украина и Беларусь. Все они имеют как общее культурно-историческое, так и политическое прошлое (страны бывшего Советского Союза и Варшавского договора). Однако поскольку структура потребления здесь аналогична экономически развитым обществам (см. таблицу №1), данную группу можно назвать группой переходных стран, в смысле их частичной вовлеченности в мировой рынок и, как предполагается, не без влияния политических факторов (смена политических режимов и пр.).

В группу переходных стран вошла Россия. Среди продуктов питания, составляющих основу отечественного продовольственного рынка, именно картофель и молоко занимают особое место.

Так на протяжении десятилетий Россия является одним из мировых лидеров по производству картофеля и его потреблению. При этом в структуре производства данного продукта значительную долю всегда занимал и занимает частный сектор (личные подсобные хозяйства, в т.ч. огороды, дачи и т.д.), где, как правило, производительность низка, высока доля ручного труда, а удобрения применяются не в соответствии с научно-обоснованными нормами.

При этом картофель является тем продуктом питания, который мало вовлечен в рыночные процессы. Большая часть производимого населением картофеля идет на личное потребление. «Вплоть до настоящего времени собственное производство картофеля на подсобном участке или даче является залогом продовольственной безопасности для многочисленных слоев малоимущего населения, позволяющим переживать трудные времена» [7].

Группа 4. «Экономические лидеры». Эта группа экономически гомогенна и включает страны наиболее развитые, с высоким уровнем жизни и культивирующие универсальную идеологию потребления. Сюда входит большинство стран Европы – Франция, Великобритания, Германия, а также Австралия, США, Канада. Они являются главными производителями и потребителями продуктов питания на душу населения, и, соответственно, образуют центр мировой капиталистической системы. Именно западные общества являются главными идеологами рынка и либеральных ценностей. Тем самым культивируя универсальный экономический порядок, они снижают влияние культурного фактора на коллективные привычки питания.

В силу того, что питание является в данной группе калорийным, о чем было сказано выше, главной проблемой в экономически развитых странах становится избыточный вес и ожирение. В этой группе наибольшее значение приобретает также искусственное культивирование потребностей и стимулирование спроса населения на некоторые продукты питания с помощью различных маркетинговых стратегий. И в этих же странах активно вводится в социальную жизнь идеология «экологического» и «здорового» питания.

Группа 5. «Маргиналы» характеризуется высоким уровнем потребления овощей и зерновых. В эту группу входят государства Африки (Марокко, Египет), Юго-Восточной и Восточной Азии (Корея Южная и Северная, Израиль, Кувейт, ОАЭ). Географическая неоднородность указывает на включение стран данной группы в процесс мировой торговли. Однако преобладание овощей в питании в то же время указывает на относительно самостоятельный и замкнутый характер потребительских практик их населения. Это неудивительно, если учесть, что в силу политических и идеологических условий, многие из этих стран оказались в маргинальном положении и балансируют на грани политической и экономической легитимности (Куба, КНДР и др.).

Известно, что Ближний Восток и Северная Африка представляют один из наиболее нестабильных районов мира. Сложность урегулирования возникающих здесь кризисов в немалой степени связана с наслоением друг на друга интересов государств этого региона, соперничества внерегиональных держав, межнациональных и межрелигиозных конфликтов [1].

Особое положение в мире занимает и Куба, вошедшая в данный кластер по показателям потребления. Так, в США официально приняты законы против Кубы. Режим эмбарго действует с 1962 года. Американским компаниям в третьих странах запрещено сотрудничать с кубинскими компаниями, компаниям третьих стран запрещено экспортировать в США продукцию кубинского производства или продукцию, содержащую кубинские компоненты. Несмотря на маргинальное положение Кубы в мировом политическом и экономическом пространстве, она пользуется ав-

торитетом в странах так называемого «третьего мира» [3].

Китай, также как и Куба, занимает особое политическое и экономическое положение и отношение к нему со стороны Запада очень неоднозначное. В КНР видят растущую мощь и угрозу мировому порядку [10].

Интересен тот факт, что тесные международные экономические связи Китай сейчас стремится установить со странами Латинской Америки, а также Кубой. В частности, КНР взяла на себя обязательства по закупкам кубинского сахара и подтвердила желание участвовать в разработке нефтяных месторождений, обнаруженных на кубинском участке шельфа Мексиканского залива.

Группа 6 «Исключенные».

Структура потребления здесь скорее отражает естественно-климатические, нежели экономические и политические условия жизни людей. Это государства Африки (Габон, Уганда и пр.), Южной и Центральной Америки (Гренада, Коста-Рика, Эквадор и пр.), где в силу объективных условий (прибрежного расположения стран, либо тропического и субтропического климата) население употребляет либо морепродукты и рыбу, либо фрукты и овощи. Причем производимый продукт используется, вероятно, непосредственно для внутреннего потребления, а не для продажи. Это подтверждает исключенность потребительских практик стран данной группы из общемирового рыночного процесса.

Так на международном уровне вполне открыто декларируется задача разработки соответствующих международными организациями программ по активной поддержке стран, «не способных полноценно интегрироваться в мировые рыночные процессы». «Нынеш-

ней проблемой, существующей в Уганде, является невозможность поставлять необходимое для международного рынка продовольствие, а это - скрытый ущерб». Поэтому ВПП наметила цель - закупать в этой стране продовольствия по меньшей мере на 100 млн. американских долларов в год [5].

Итак, из всех рассмотренных нами групп только две - вторую и четвертую можно считать в полной мере охваченными универсальной рыночной идеологией потребления и системой мирового рынка. Эти группы (кластеры) не однородны по географическим и культурным характеристикам входящих в них стран, однако имеют гомогенную структуру потребления. Единственные значимые различия между ними - это количественные показатели питания.

Нашу статью мы хотели бы завершить обоснованием того места, которое Россия занимает в мировом политическом пространстве потребления, и тех перспектив, которые для нее возможны, учитывая имеющуюся группировку стран. Как уже было сказано выше, Россия включена в третий кластер, характеризующийся частичной вовлеченностью в мировые рыночные процессы. Она имеет схожие показатели потребления с развитыми странами, однако сравнительно низким уровнем экономического развития и высокой ролью политических факторов в определении направления социально-экономического развития. Таким образом, возможные варианты развития России в контексте мирового нам видятся следующим образом:

1) максимальная интеграция в мировое капиталистическое пространство, что может стать либо источником экономического развития, либо причиной дальнейшего увеличения экономического раз-

рыва с западными странами (судьба Аргентины, Бразилии, некоторых других стран Южной Америки, попавших в группу экономических аутсайдеров)

2) добровольная изоляция – культурная или политическая, что также скажется на структуре потребления, и, вероятно, на качестве и уровне жизни.

3) закрепление статуса страны с особыми политическими условиями, что вряд ли приведет к очередной «холодной войне», но станет причиной периодического использования репрессивных экономических мер со стороны мирового сообщества.

Каков же будет выбор России, и каковы будут его экономические, культурные, геополитические последствия, является вопросом будущего.

Литература

1. *Авдокушин Е. Ф.* Международные экономические отношения: Учебник - 4-е изд - М.: ЮристЪ, 1999.

2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. - М.: Республика; Культурная революция, 2006.

3. *Борцов А.* Социализм без ярлыков // <http://www.x-libri.ru/elib/borzv000/index.htm>

4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1 Структуры повседневности: возможное и невозможное. - 2-е изд. - Пер. с франц. - М.: Весь мир, 2006

5. В продовольственном кризисе существуют и коммерческие возможности – эксперт ООН // <http://thenews.kz/2010/10/17/569049.html>

6. *Висъневска-Рошковская К.* Вегетарианство. - Мн.: Польшмя, 1992.

7. *Голохвастов А.М., Иванчо С.И.* Состояние и перспективы российского рынка картофеля // Информационный бюллетень Агроинформ. 2007. №52.

8. Грядет международный год картофеля. Что он нам несет? // «Агробаза». 2007. №2

9. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню реального. – Пер. с англ. - М.: «Прагматика культуры», 2002.

10. *Киндж Дж.* Китай, который потряс мир. - Пер. с англ. - М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008.

11. *Кучеренко Т.* Рынок овощей: текущая конъюнктура // Овощеводство. 2010. №10.

12. *Лайдинен Н. Музафаров А.* Потребление молока и молочной продукции гражданами России // <http://www.rosinvest.com/dir/analysis/2/96/>

13. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей: Сб. статей / под ред. В. Вахштайна. - М.: Территория будущего, 2006.

14. *Муратова А. С.* Едение как выражение культуры // <http://www.prakultura.ru/school/culture/meal/cultural/>

15. *Максаковский В.* Географическая картина мира: Пособие для вузов. - Кн. 2 - Региональная характеристика мира. - М.: Дрофа, 2009.

16. Официальный сайт продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) // <http://faostat.fao.org>

17. *Похлѣбкин В. В.* Чай, его история, свойства и употребление. - М.: Пищевая промышленность, 1968.

18. *Прытин Д.* Страны по потреблению пива на душу населения // <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2005/09/06/1162348>

19. *Радаев В. В.* Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. - 2005. - №1.

20. *Тадеуш Т.* Куриное яйцо: производство, потребление, использование // http://www.rusnab.ru/files/03_Chicken_egg.doc

Качество жизни пожилых людей на Северо-Востоке России

Рычкова Л.В.

Статья посвящается изучению современных проблем качества жизни пожилых людей на Крайнем Северо-Востоке России. Рассмотрены условия жизнедеятельности пожилых людей г. Магадана, трудовая деятельность пожилых людей г. Магадана, труд в домашнем хозяйстве и деятельность в свободное время. Затронута проблема постарения населения и проблема определения категории «пожилые люди».

Ключевые слова: пожилые люди, пенсионеры, качество жизни

Rychkova L.V.

Quality of life of elder people on the northeast of Russia
The article is devoted to the study of contemporary issues of quality of life of older people in the far northeast of Russia
The conditions of life of older people of Magadan, employment older people in Magadan, household work and activities in their spare time. Affected by the problem of aging population and the problem of determining the category of «older people».

Key words: older people, pensioner, quality of life

В последнее время существенно возрос интерес к проблеме качества жизни населения. Значимость проблемы качеством жизни возрастает в связи с тем, что перед мировым сообществом остро стоит проблема старения населения как в отдельно взятой стране, так и в целом на земном шаре. В 90-е годы XX века сочетание низкой рождаемости и высокой смертности привело к началу депопуляции населения в России в целом и в Магаданской области в частности. В большинстве регионов России процесс естественной убыли населения несколько смягчен миграционным притоком. Однако Магаданская область относится к числу регионов, в которых значительная миграционная убыль усугубляется естественной убылью населения. При этом на фоне общего сокращения численности населения в области растет число лиц пенсионного возраста, в то время как доля населения моложе трудоспособного возраста в общей численности неуклонно снижается.

По прогнозу, в ближайшие годы численность лиц трудоспособного возраста в Магаданской области

будет сокращаться как абсолютно, так и относительно из-за вхождения в трудоспособный возраст в Магаданской области малочисленного поколения, рожденного в 1990-х годах. В то же время старение населения области будет продолжаться. К 2016 году удельный вес старшей возрастной категории в общей численности населения может составить более 20%¹. Снижение демографического потенциала при продолжающемся старении населения, с точки зрения экономических последствий, означает уменьшение трудового потенциала региона и дефицит трудовых ресурсов в регионе.

Основу данной работы составили результаты опроса пенсионеров, проведенного в г. Магадане в 2008 году, и анализ статистических данных, полученных в Магаданской статистике. Мы исходили из того, что проблемы старшего поколения Северо-Восточного региона должны изучаться с ориентацией на экстремальные условия проживания людей в регионе.

В исследование принимало участие 287 пенсионеров г. Магадана, из них женщин от 50 лет и старше - 201, мужчин от 55 лет и старше - 86. На пенсии менее 5 лет находятся 110 (38,3%) опрошенных, 5 - 10 лет - 68 (23,7%), и более 10 лет - 109 (23%). В основном это пенсионеры по наступлению возраста (75,3%), по выслуге лет (20,6%) и по состоянию здоровья (4,2%)

Условия жизни пожилых людей

Большинство опрошенных нами людей старше трудоспособного возраста г. Магадана - это приезжее население, причем 69,7% проживают в Магадане более 10 лет. С рождения проживают лишь 16,4% респондентов.

Почти 60% из всех опрошенных собираются уехать из Магадана. Причем женщины больше чем мужчины хотят уехать. Из всех женщин это 82,6%, из мужчин - 51,2%. Большинство опрошенных, которые хотят уехать, это пенсионеры, которые прожили в г. Магадане более 10 лет или с рождения. Пенсионеры, которые проживают в г. Магадане менее 10 лет, в основном отмечают, что их все устраивает здесь, и они не собираются никуда уезжать. Из всех опрошенных 33,4% хотели бы уехать, но у них нет возможности, и 40,4 % все устраивает здесь.

Основные причины, по которым пенсионеры хотят уехать, это возможность проживать в более благоприятных климатических условиях (26,8%). Также пенсионеры отмечают, что в центральных районах страны более низкие цены на продукты питания, товары и услуги (22%). Старшее поколение так же хочет покинуть регион по семейным обстоятельствам: они стремятся жить с родственниками и детьми (21,7%). Среди респондентов велико желание вернуться на историческую родину (12,8%).

К основным причинам, по которым их не устраивает жизнь в г. Магадане, относятся: высокие цены на продукты питания, товары и услуги (27,2%), суровые климатические условия (21,6%), удаленность от центральных районов (23,2%).

Большинство опрошенных хотят уехать, чтобы проживать в более благоприятных климатических условиях. Вместе с тем они отмечают, что наибольшее влияние на них оказывают перепады давления (29,1%), продолжительная зима/короткое лето (19,6%), сильные ветра (13,0%), что, безусловно, сказывается на их жизни. У пенсионеров становится мень-

Таблица 1
Почему Вас не устраивает жизнь в Магадане? (предлагалось отметить не более 3-х вариантов ответа)

	Кол-во человек	%
суровые климатические условия	92	21,6
проблема организации досуга	4	,9
неблагоустроенный город	8	1,9
отдаленность от центральных районов	99	23,2
ограничена свобода перемещения	36	8,5
отсутствие возможностей для самореализации	9	2,1
высокие цены на продукты питания, товары и услуги	116	27,2
плохи жилищно-коммунальные условия	31	7,3
проблемы медицинского обслуживания	26	6,1
затрудняюсь ответить	5	1,2

ше возможности находиться на свежем воздухе, ходить на природу, заниматься сельскохозяйственной деятельностью.

Социально-экономические, демографические, природно-климатические, финансовые и другие условия Крайнего Северо-Востока России значительно отличаются от условий других районов страны. Жизнь здесь традиционно связана с суровой природой, низкими зимними температурами и большими ее колебаниями, холодным климатом, своеобразием местных ресурсов, неравнозначными условиями труда, продолжительной зимой и коротким летом. Географическая и экологическая среда здесь влияют на жизнедеятельность человека в значительно большей мере, чем в других районах страны. Региональные особенности Магаданской области, ее отдаленность и относительная изо-

лированность откладывают отпечаток на быт и психологическое состояние человека.

Трудовая деятельность пожилых людей

На качество жизни пенсионеров большое влияние также оказывает продолжение трудовой деятельности в пожилом возрасте.

Из всех опрошенных 65,2% продолжают трудовую деятельность. Не работают 34,8% респондентов. Это соотношение характерно как для мужчин, так и для женщин.

Стремление улучшить свое материальное положение (46,0%) – один из основных мотивов продолжения трудовой деятельности для людей пенсионного возраста. Также это желание помочь детям (23,2%). Для многих пенсионеров продолжать работать – значит получать гораздо больше, нежели деньги. Это значит чувствовать себя по-прежнему нужным, занятым делом. Они продолжают работать, потому что им нравится работа (15,9%), они желают больше общаться с людьми (9,8%) и для того, чтобы занять свое время (4,4%).

Большинство мужчин работают в сфере транспорта (26,7%), ЖКХ (9,3%), с/х, рыбной отрасли, промышленности (7,0%). Женщины работают в сфере образования, науки (19,9%), здравоохранения (12,4%), сфере транспорта (12,4%), культуры, искусства, СМИ (7,5%), торговли, сфере обслуживания (5,5%).

Не работают 34,8% респондентов. Основные причины, по которым пенсионеры не работают, это: плохое состояние здоровья (66,0%), и они не могут найти работу (19%). Также 6% пенсионеров ответили, что не работают, потому что им помогают родственники. С выходом на пенсию, у людей появля-

ется больше свободного времени, есть возможность заниматься любимым делом (36,0%), общаться с родственниками, друзьями и знакомыми (20,0%). Вместе с тем, не мало респондентов отметили, что круг общения с выходом на пенсию значительно уменьшился (32,0%) и появилось много свободного времени, которое не на что потратить (9,0%). Как правило, это связано с разрывом социальных связей с трудовым коллективом, а также с тем, что многие после выхода на пенсию покидают г. Магадан. Мужчины чаще, чем женщины отмечают, что круг общения с выходом на пенсию значительно уменьшается.

19% опрошенных ответили, что у они не могут найти работу. По данным статистики в 2008 году в службу занятости с целью поиска работы обратились лишь 336 пенсионеров, из них 67% - женщины. Трудоустроен был лишь каждый двенадцатый, желавший найти работу.

Занятость в пожилом возрасте тесно связана с уровнем образования. Большинство опрошенных имеют среднее специальное образование - 48,8%, высшее - 34,1%, незаконченное высшее - 5,2% и начальное - 11,8%.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, около 62% занятого в экономике Магаданской области населения в возрасте старше трудоспособного имели высшее или среднее профессиональное образование. Из числа людей старше трудоспособного возраста, имевших общее образование, на момент проведения переписи заняты в экономике были лишь 16%. Вполне закономерно, что, чем выше уровень профессионального образования человека, тем больше вероятность быть востребованным в экономической

Таблица 2
Как изменилась Ваша жизнь после выхода на пенсию?

	Кол-во человек	%
появилось больше свободного времени, есть возможность заниматься любимым делом	36	36,0
появилось больше времени для встречи с родственниками, друзьями, знакомыми	20	20,0
появилось много свободного времени, которое не на что потратить	9	9,0
круг общения с выходом на пенсию значительно уменьшился	32	32,0
мало изменилась, т.к. продолжаю работать	3	3,0

сфере. Это характерно для всех групп возрастов и для граждан пожилого возраста также.

Юридическая регламентация границы трудоспособности в пределах 54-59 лет дает неверное представление о пенсионерах как о социально пассивной группе населения. Работающие пенсионеры меньше болеют, сохраняют чувство общественной полноценности, полезности и семейной престижности.

Труд в домашнем хозяйстве

Основной повседневной деятельностью пенсионеров главным образом становится дом. Основная домашняя деятельность пенсионеров - это уборка квартиры (мытьё посуды, вынос мусора и т.д.) - 32,2%, приготовление пищи - 30,9%, 8,9% сидят с внуками и детьми. В основном это женщины (10,3%). Они чаще мужчин ухаживают за цветами (11,4%). За домашними животными чаще всего ухаживают мужчины - 6,3%. Не маловажно отметить, что 10,8% пенсионеров занимаются введением приуса-

дебного хозяйства, составляющим важнейшую часть жизни многих пенсионеров г. Магадана как с точки зрения материального качества жизни, так и с точки зрения удовлетворения нематериальных потребностей. Из них мужчин – 23,3% и женщин – 7%. Мужчины еще занимаются ремонтом по дому.

По магазинам ходят как женщины, так и мужчины. Женщины, как правило, ходят по магазинам чаще. Почти каждый день 40,8% женщин, мужчин почти в два раза меньше – 26,7%. Раз в неделю 15,9% женщин и 22,1% мужчин. Несколько раз в неделю 32,3 женщин и 30,2% мужчин. Совсем не ходят по магазинам 10,9% женщин и 20,9% мужчин.

На вопрос «Как часто вы помогаете своим детям, внукам в домашних делах?» 25,8% ответили «всегда», 17,4% – «иногда», 13,9% – «часто», 8,7% – «редко». Кроме того, 22,3% ответили, что им дети, внуки помогают сами. У 11,8% нет родственников. Женщины помогают своим детям и внукам в домашних делах чаще, чем мужчины.

Домашняя деятельность пенсионеров является одной из составляющих образа жизни пенсионеров. Как правило, дома они убирают квартиру (моют посуду, выносят мусор и т.д.), готовят еду, ходят по магазинам. Многие пенсионеры занимаются введением приусадебного хозяйства и помогают своим детям и внукам в домашних делах.

Свободное время

Образ жизни пенсионеров во многом определяется тем, как они проводят свободное время. Как правило, они смотрят телевизор (26,2%), общаются с родственниками и друзьями (16,8%), читают книги, газеты, журналы (16,6%). Реже

они ездят на природу (за грибами, ягодами, на рыбалку) (12,9%), занимаются любимым делом (спорт, вязание и пр.) (7,1%), сидят с внуками (7,1%), гуляют по городу (5,3%). Практически совсем пенсионеры не ходят в театр (кино и пр.) (1,5%), участвуют в общественной жизни (в митингах, демонстрациях, организациях) (0,5%).

Женщины чаще мужчин общаются с родственниками и друзьями, занимаются внуками и гуляют по городу. Мужчины же чаще женщин занимаются любимым делом, ездят на природу (за грибами, ягодами, на рыбалку).

В общественной жизни пенсионеры практически не принимают участия. 10,5% участвуют в митингах, демонстрациях, 7,1% состоят в партии и лишь 2% состоят в общественной организации. 80,4% не принимают никакого участия.

Самочувствие человека во многом зависит от того, с кем он проводит время, с кем общается и живет. 36,6% пенсионеров живут с супругом (ой), 22,3% с супругом (ой) и детьми, 24,7% проживают одни, 13,6% с детьми. Ближе к 60 годам и более количество одиноких пенсионеров возрастает. Мужчин больше, которые проживают с супругой, или с супругой и детьми. Женщин больше одиноких или проживающих только с детьми.

Общение людей играет важную роль в жизни любого человека. (44,3%) пенсионеров регулярно общаются со своими близкими родственниками, но больше половины (55,7%) пенсионеров этого общения не получают: дети выросли, завели свои семьи (13%) или переехали жить в другой город (33,4%) .

Чаще всего они общаются с детьми и родственниками 51,6%, с друзьями 18,1%. Реже с колле-

гами по работе 11,5%, со знакомыми 10,1% и соседями 6%. Ближе к 65 годам женщины в основном общаются с близкими людьми. Женщины больше, чем мужчины общаются с детьми и родственниками, а мужчины с друзьями и знакомыми.

Родственные и семейные отношения играют исключительно важную роль в жизни пожилых людей. На позднем этапе жизни человека семья оказывает необходимую экономическую, социальную и психологическую поддержку.

По данным переписи населения 2002 года в Магаданской области более 58% населения в возрасте 65 лет и более проживали в домохозяйствах, состоящих из двух и более человек. Состояние в браке в возрастной категории 60 и более лет имеет дифференциацию по полу. Среди мужчин этой возрастной категории 61% состоят в браке, 18% - разошедшиеся, около 16% - вдовцы, 4% - никогда не состояли в браке, остальные не указали состояние в браке. Среди женщин того же возраста на момент проведения переписи в браке состояли 27%. Удельный вес вдовых составил 49%, разошедшихся - 20%, никогда не состоявших в браке - 4%. Доля одиноких в возрастной группе старше 65 лет составляет 12,6%².

Материальное положение и здоровье

На вопрос: как бы вы оценили свое положение, больше половины ответили, что они - люди с узким кругом общения (54%), 41,8% - с широким кругом общения и 4,2% - одинокие люди с дефицитом общения. Мужчин с широким кругом общения больше, чем женщин.

Наибольшими ценностями для людей пенсионного возраста явля-

Таблица 3
Что для вас важнее всего? (предлагалось отметить не более 3-х вариантов ответа)

	Кол-во человек	%
хорошее здоровье	246	31,0
семья, дети, внуки	208	26,2
достаток материального благополучия	132	16,6
общение с людьми	45	5,7
независимость в жизни	29	3,7
полезность людям, уважение	30	3,8
интересный досуг	18	2,3
покой, отдых	42	5,3
сознание выполненного долга	5	,6
труд, работа на производстве	32	4,0
общественная работа	5	,6

ется хорошее здоровье (31%), семья, дети, внуки (26,2%) и материальное благополучие 16,6%.

Наиболее острой проблемой всех опрошенных является проблема материального положения (28,1%), высокая плата на ЖКХ (30,9%), и плохое здоровье (17,1%). Так же большое количество человек отметили чувство одиночества (6,5%), уход детей из семьи (5,7%) и неудовлетворенность своей жизнью (4%).

Одним из самых важных ценностей и наиболее острой проблемой пенсионеров является здоровье. По данным опроса 70% пенсионеров посещают поликлинику. Из них раз в пол года 25,8%, раз в год 25,1%, каждый месяц 16,1%, почти каждый день 2,4%. Практически не посещают 30%. С годами здоровье пенсионеров становится все хуже и хуже и частота посещения поликлиники увеличивается.

Главный индикатор, характеризующий здоровье населения, - это ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, которая в

Таблица 4
Ожидаемая продолжительность жизни населения Магаданской области³

	2004	2005	2006	2007	2008
Все население	62,4	62,6	63,4	63,6	63,7
Мужчины	56,8	57,0	57,7	57,9	58,1
Женщины	69,1	69,0	70,0	70,0	70,1

России по данным статистики крайне низка: у мужчин - 62,8 года, у женщин - 74,2 года. По сравнению с другими странами Европы в нашей стране самая низкая продолжительность жизни. В Магаданской области ожидаемая продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня.

За последние пять лет продолжительность жизни населения в области увеличилась на 1,3 года и составила 63,7 года. Следует отметить тендерную диспропорцию в продолжительности жизни. Разница в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами составляет 12 лет. Основными причинами смерти населения старшего поколения являются болезни органов системы кровообращения и новообразования различной локализации.

Материальное положение следует отнести к самым важным ин-

дикаторам социального положения человека. 47,7% респондентов отметили, что денег хватает на питание и одежду, но купить крупную бытовую технику (телевизор, холодильник) было бы трудно. 33,4% пенсионерам денег хватает на продукты питания, но покупка одежды - это серьезная проблема, 9,4% денег не хватает даже на продукты питания. Как правило, это люди, не имеющие работы, и проживающие только на свою пенсию в возрасте от 60 лет и старше.

По данным статистики по состоянию на 1 января 2009 года, средний размер пенсии составлял лишь 24% среднего уровня заработной платы в регионе. Основным источником доходов людей пожилого возраста являются пенсии. Соотношение между средним размером пенсии, начисленной заработной платой и величиной прожиточного минимума пенсионера отражено на рис. 1⁴.

На вопрос «Насколько Вы удовлетворены своим положением?» респонденты ответили так: 50,5% - скорее удовлетворены, чем не удовлетворены; 28,2% - скорее не удовлетворены, чем удовлетворены; 12,9% - полностью удовлетворены своей жизнью и 8,4% - неудовлетворены своей жизнью.

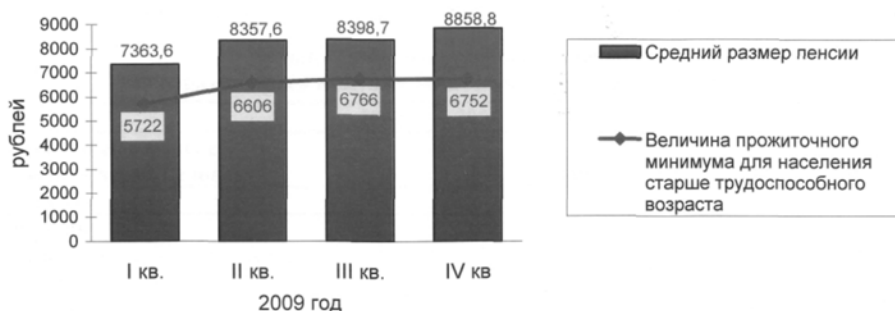

Рис. 1. Соотношение между средним размером пенсии, начисленной заработной платой и величиной прожиточного минимума.

Выводы

Как выяснилось в ходе анализа, основные проблемы качества жизни пожилых людей г. Магадана – это проблемы материальные. Необходимо создавать как можно больше различных льгот для пенсионеров.

Жизнь пожилых людей на Крайнем Северо-Востоке связана, прежде всего, с домашней деятельностью. Это исключает людей из общественной жизни. Необходимо создавать специальные условия, для людей пенсионного возраста, чтобы налаживать их круг общения. Например, приобщение людей пенсионного возраста к общественной жизни, а также приобщение более молодого поколения: создание специальных организаций по уходу за пожилыми людьми, которые в этом нуждаются, как среди школьников, так и среди студентов. Активно занимаясь общественной деятельностью, пожилые люди делают свою жизнь более полнокровной. Пенсионеры не будут чувствовать себя ненужными и отвергнутыми. Так же необходимо сделать доступные культурные блага: проведение бесплатных концертов, хотя бы раз в месяц давать бесплатные представления в театре, показывать фильмы в кинотеатре.

В организации социальной работы с пожилыми людьми необходимо учитывать всю специфику их социального статуса не только в целом, но и каждого человека в отдельности, их нужды, потребности, биологические и социальные

возможности, определенные региональные и другие особенности жизнедеятельности.

Несмотря на то, что в регионе действует областная целевая программа «Старшее поколение Магаданской области» на 2008-2012 годы, содержащая комплекс мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения пожилых колымчан (выплачиваются единовременные денежные выплаты ветеранам ВОВ к празднованию Дня победы, неработающим пенсионерам предоставляются путевки на бесплатное санаторно-курортное лечение, для ветеранов, инвалидов и неработающих пенсионеров осуществляется бесплатная подписка на газету «Магаданская правда» и др.), проблемы качества жизни пенсионеров остаются актуальными и требуют еще тщательной доработки.

Ссылки:

1 Потенциал старшего поколения Магаданской области. Аналитическая информация / Магаданстат. – Магадан, 2009.

2 Потенциал старшего поколения Магаданской области. Аналитическая информация / Магаданстат. – Магадан, 2009.

3 Потенциал старшего поколения Магаданской области. Аналитическая информация / Магаданстат. – Магадан, 2009.

4 Потенциал старшего поколения Магаданской области. Аналитическая информация / Магаданстат. – Магадан, 2009.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТОЛОГИИ

Короткие жизненные проекты и социальная безопасность современного российского общества

Кривошеев В.В.

Ситуация в современном обществе анализируется с точки зрения коротких жизненных проектов большого числа людей. Автор считает, что короткие жизненные проекты являются угрозой социальной безопасности российского общества.

Ключевые слова: короткие жизненные проекты, социальная безопасность, аномия.

Krivosheev V.

The short vital projects and the social safety of a modern Russian society

The situation in a modern society is analyzed from the point of view of short vital projects of a great number of people. The author considers that short vital projects are threat of social safety of the Russian society.

Key words: short vital projects, social safety, anomaly

Аномичное состояние современного социума не вызывает сомнений. Достаточно указать, например, что если в 1990 году в России фиксировалось около 1,9 млн. преступлений, то ныне их регистрируется более 3,2 млн. Нераскрытыми при этом остается до половины преступных деяний. Материальный ущерб только от преступлений экономической направленности составляет в годовом исчислении не менее 140 млрд. рублей. Ежегодно выявляется около 1,2 млн. человек, совершивших преступления [1]. Даже с учетом высокой степени рецидивности преступности, цифры сами по себе свидетельствуют о высокой степени пораженности российского общества патологическими явлениями. Отметим, что речь идет лишь о зарегистрированных фактах, об официальной статистике. В то же время эксперты МВД полагают, что свыше 40 % пострадавших не сообщают о совершенных в отношении них криминальных деяниях [2, с.6]. По оценкам криминологов, в нашей стране регистрируется не более одного из 4-5 преступлений (по экономическим пре-

ступлениям одно из 25) [3, с. 55]. Таким образом, с учетом всей совокупности факторов представляется вполне обоснованным утверждение, что реальный уровень преступности в России составляет ныне 12-15 млн. преступных деяний в год [4, с.21].

Масштаб преступных проявлений меняет общество, умонастроения в нем, модифицирует сознание людей, в том числе осознание различных опасностей и угроз. Нельзя не зафиксировать, что в такой ситуации исчезают грани между нормой и анормой. Само нарушение неких еще недавно, казалось бы, нерушимых принципов, социальных установлений становится повседневным, закрепленным едва ли не на рефлекторном уровне. В качестве иллюстрации можно сослаться на отношение в обществе к коррупции, которая не только стала проблемой национального масштаба, даже по признанию высших представителей власти, но, что парадоксально, как явление давно воспринимается как если и неодобряемое, то, во всяком случае, такое, с которым можно смириться. По данным центра Ю.А. Левады, каждому третьему взрослому россиянину приходилось когда-либо и где-либо давать взятку, почти все они (28-33%) давали взятку в последние пять лет, а около половины из них или больше (15-20%) – в последние 12 месяцев [5]. Исследование Фонда «Общественное мнение», проведенное в феврале 2010 показывает, что 79% россиян считают, что коррупция достигла высокого уровня, 38 и 39% соответственно считают, что уровень коррупции не меняется или растет, а 58% считают, что картина не изменится через год [6].

Известно, что под аномией один из первых обстоятельных ис-

следователей социальной дезинтеграции, Э. Дюркгейм понимал временное нарушение системы моральной и правовой регуляции, которое возникает в переходный период жизни общества, а именно тогда, когда осуществляется транзит от общества традиционного, имеющего определенные регулятивные возможности, к обществу промышленному, современного типа. Традиционное общество имело сегментарную структуру, а «пока общество состоит из сегментов, - полагал Дюркгейм, - все, что происходит в одном из них, имеет тем менее шансов отразиться в других, чем сильнее сегментарная организация» [7, с.432]. Сегменты имели четкие нормативные основы, жестко и постоянно контролировали жизнь людей. Получается, что аномия преодолима, она исчезает, пусть и не полностью в то время, когда в индустриальном обществе произойдет, по мысли Дюркгейма, утверждение новой нормативной системы. Точное выявление причин аномии, как видим, сопровождается своего рода утопией, указанием на возможное преодоление рассогласования нормативной базы общества и поведенческой активности индивидов.

В иных условиях, уже в ходе функционирования развитого индустриального общества, когда становилось все более очевидным, в частности, что свобода в условиях не сегментарного, а целостного строения общества, в том числе свобода экономическая, аномично, даже криминально накопительны, Р. Мертон вел анализ социальной дезорганизации в координатах «социально одобряемая цель действия - средства достижения цели». Американский социолог обращается, прежде всего, к реалиям своего общества, в

котором наибольшее развитие получили рыночная психология, культ успеха и престижа. Анти-социальное поведение в таком обществе в известном смысле «вызывается к жизни» некоторыми общепризнанными ценностями культуры и социальной структурой. Кроме того, нарушение норм сопряжено с различным доступом индивидов, групп к возможностям законного, придающего престиж достижения обусловленных культурой целей [8, с. 308]. Разрыв между не только декларируемыми, но и всемерно поддерживаемыми целями, среди которых наиболее значимой является потребление все более разнообразных товаров и услуг, производимых в развитом индустриальном обществе, и вызывает, по мысли Мертона, «противонравы и антисоциальное поведение» [8, с. 302].

Не отвергая данного подхода к анализу аномии, представляется важным высказать некоторые соображения о ее проявлениях на современной стадии функционирования социума. Для современного общества, все в большей мере насыщенного горизонтальными связями (сетями), обладающего качественно иными коммуникационными и информационными возможностями, характерна, на наш взгляд, такая специфичная форма проявления аномии, которую можно определить как *ситуацию коротких жизненных проектов*.

Короткие жизненные проекты мы определяем как рассчитанность людьми своих индивидуальных планов, видение ими своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на непродолжительное время. Под непродолжительным временем в данном случае мы полагаем возможным считать социальное время, не превышающее одного - двух ка-

лендарных лет. Ускорение темпов перемен, насыщенность социального пространства калейдоскопически быстро меняющейся информацией, новостного и иного «шума», что диктуется, в частности, рыночным подходом и к этой стороне социальной жизни (необходимость продажи информационного продукта), техническая возможность все большего числа людей взаимодействовать в режиме on line, с одной стороны, означают объективное наступление ситуации сжатия времени. С другой стороны, социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют людям удлинять видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что ныне, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены только тем, как они смогут обеспечить свою жизнь в ближайшем году [9, с.159].

В тоже время оперирование параметром физического времени делает слишком простым, если не примитивным, рассмотрение социальной жизни индивида или малой группы. *Короткие жизненные проекты связаны все же не столько с физическим временем, сколько со временем сугубо социальным*. Это нуждается в пояснении. Социальное время, на наш взгляд, может и совпадать и не совпадать со временем физическим. Речь о том, что социальное время мыслится как включенность человека в определенные связи, взаимодействия, зависимости, выражающиеся в пребывании в конкретных группах. Это время связано с реализацией некой конкретной деятельностной активности (производственной, досуговой и т.п.). За физическую жизнь человек, таким образом, проживает множество социальных жизней. И

это не только жизнь «в детстве», «в школьной юности» и т.д. Следует говорить не только о таких, в общем-то, демографических рамках жизненных состояний человека, которые легко можно было зафиксировать всегда. Но даже в рамках одного демографического срока (например, юность) человек может оказаться в разных «социальных жизнях»: всего год службы в армии, но это целая социальная жизнь, с особыми связями, отношениями и т.п. Но на одном производстве, в одном коллективе человек может проработать, например, двадцать лет, и это тоже фиксируется людьми как целая жизнь. Так вот, социальная жизнь, а значит и социальное время как ее конкретный параметр, не всегда корреспондируются со временем физическим.

Короткие жизненные проекты – это не только субъективная рассчитанность людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но это и сокращение конкретной продолжительности «социальных жизней» человека, причем сокращение намеренное, хотя и связанное со всеми объективными процессами, которые идут в обществе. Такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии («социальная жизнь» мыслится как конкретное состояние, включенность человека в некие связи, взаимодействия, отношения в определенное время, в определенной социальной среде) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношении к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества. Короткие жизненные проекты, заметим еще раз, определяются не только субъективными стремлениями и желаниями

современного, очень мобильного человека, но диктуются и объективными факторами. Получается, что короткие жизненные проекты часто являются своего рода заданными для человека, не дают, стало быть, возможности выбора реального набора поведенческих инструментов.

Короткие жизненные проекты стали свойственны современному обществу, во-первых, в силу особых коммуникационных и информационных возможностей нынешнего человечества, о чем уже немало говорилось. Речь идет о том, что в настоящее время произошло небывалое прежде уплотнение социального пространственно-временного континуума, в котором живет человек развитого индустриального или уже постиндустриального общества. Вся социальная жизнь в условиях становления, реального утверждения нового, сетевого информационного общества, в котором новые возможности поддержания горизонтальных связей и зависимостей делаются все более зримыми и наиболее значимыми, реализуется как «группирование контекстов в пространстве-времени». Сама структура общества делается дуальной – «повседневный путь» человека и его «жизненный путь» выражаются в постоянном перемещении, во взаимодействиях в уплотненном, сжатом пространстве-времени, не локализованном более, по мысли Гидденса, понятиями «конкретное место», «точное время» [10, с.488, 490]. Интернет не знает часовых поясов, фиксации точного местопребывания агента связи для данного индивида. Тот, кто получает информацию или общается с другими пользователями посредством этой мировой паутины, может находиться в своем офисе или на побережье моря, у себя дома или

в аэропорту, да где угодно. Человек ныне способен перемещаться в кратчайшие сроки на самые большие расстояния. Самая элементарная, географическая мобильность современного индивида может достигать многих тысяч километров в сутки. Но дело не только в возможности такого простейшего перемещения. Даже пространственно находясь в одном месте, человек может виртуально присутствовать на каких-либо массовых мероприятиях, проводимых на ином континенте, в режиме реального времени поддерживать одновременный контакт с десятками людей, разделенных многими границами, которые, так уж теперь получается, делаются все более условными. Получается, что, уплотняя время своего участия в социальной жизни, человек часто теряет многие возможности неспешного просчета последствий своей активности, утрачивает ощущение подлинности, реальности происходящего, оказывается в ситуации неспособности рационализировать, в полной мере оценивать действительность с позиции морального выбора между добром и злом, если уж употреблять эти высокие этические категории. «Укорачивание» пространственно-временных аспектов индивидуальной и социальной жизни приводит к ощущению ее непрочности, ненадежности, необходимости непрерывного приспособления к этому неуловимо изменчивому миру.

От человека современного постиндустриального общества все в большей мере требуются не столько обретение им высокого профессионализма на некий длительный промежуток времени, сколько гибкая специализация, способность быстро включаться в новые связи и взаимодействия, осваивать новые сферы деятель-

ности. В настоящее время от человека требуется не закреплённость статусов и ролей, а гибкость, эластичность, чрезвычайная подвижность, адаптивность к смене занятий, квалификации, способности переучиваться. Ф. Уэбстер отмечает, что конкретная специализация сейчас менее важна, чем способность к адаптации. Сейчас все в большей мере нужны «люди самопрограммируемые, умеющие обучаться и переобучаться по мере необходимости. Все это делает их в высшей степени приспособленными к выживанию в быстро меняющемся и устрашающе «гибком» мире информационного капитализма. Ушли в прошлое времена, когда человек имел обеспеченную работу в бюрократическом аппарате, теперь он заключает контракт на осуществление того или иного проекта [11, с.152]. Здесь можно вспомнить и ответственное чиновничество, все в большей мере работающей по принципу команды: пришел руководитель, привел своих работников, сменился он, меняется и штат сотрудников.

Но такая социальная гибкость человека порой становится гипертрофированной, она начинает относиться и к ценностям предпочтениям человека. Новые «информационные кочевники» с пренебрежением могут относиться к таким понятиям, как преданность фирме, своему трудовому коллективу. Такие люди не ищут надежности и социальной обеспеченности даже в духе корпоративности, понимаемой, с их точки зрения, по-старому, т.е. в привязке к конкретным социальным объединениям – организациям, фирмам и т.п. Все больше людей, которые в любой жизненной ситуации опираются не на коллег по конкретному месту работы, а считают необхо-

димым вызывать некую ответную реакцию у виртуального мира, состоящего из таких же неприкаянных пользователей как они сами. Таких работников в большей мере интересует не привязка к конкретному коллективу, а реализация проектов: завершение одного может получить одобрение информационного братства и открыть дорогу к новому проекту в совершенной другой фирме.

Гибкость, таким образом, выглядит абсолютизированной, ведущей не только к пластичному реагированию на изменение ситуации на производстве, но и к едва ли не полной релятивизации ценностных предпочтений, непрерывной модификации установок. Разумеется, нельзя, видимо, утверждать, что такие работники, которые уже не связаны с «трудом общего типа», по определению Уэбстера, т.е. с трудом производительным, а не информационным, обслуживающим, составляют большинство во всяком современном обществе. Действительно, людей, которые и в процессе деятельности и вне ее связаны с получением, обработкой, преобразованием информации, становится все больше и больше в условиях информатизации общества, растущей ценности гибкой адаптивности делового человека. Но есть ведь и сейчас люди, включенные и в иные производственные процессы. По-прежнему здания, сооружения строятся пусть и с использованием большого числа механизмов, но и с немалыми физическими усилиями крупных социальных организаций. Таким же образом ремонтируются дороги, производится металл, обрабатывается почва, осуществляется уход за сельскохозяйственными животными и т.п. В деятельности всех работников, связанных с указанными трудовы-

ми процессами, присутствует, конечно, информационный компонент, и немалый, но он все же не выступает главным, определяющим.

В то же время постоянное подчеркивание важности именно информационной составляющей всей трудовой деятельности приводит ко многим социальным следствиям. Речь, в частности, идет о том, что именно сотрудники в большей, решающей степени связанные с получением и обработкой информации, создают определенный социальный фон, выступают в качестве носителей новых ценностных координат, могут служить образцом для подражания будущим поколениям занятых. Их релятивное отношение к включенности в социальные общности, ответственное отношение только к собственным усилиям и своей карьере в противовес к обязанностям и долгу перед другими все более часто демонстрируются и даже навязываются как образец для подражания, новый жизненный стандарт.

В этой ситуации понятна позиция М. Маклюэна, который полемически заостренно показал, насколько коммуникация во всех ее проявлениях насытила жизнь человека *квазиощущениями вечного бега за удовольствиями и все более новыми образами*. Жизнь, показываемая средствами массовой информации, выдается как постоянное и, главное, быстрое обновление восприятий действительности. Так называемые хиты, блокбастеры непрерывно сменяют друг друга с такой скоростью, что люди в развитых странах не успевают привыкать к чему-либо устойчивому, действительно художественно ценному. Причем, само восприятие людьми художественной информации делается все бо-

лее индивидуализированным, отгораживающим человека от коллективного сопереживания. Получается примечательная ситуация: именно самые массовые источники оценок разного рода ценностей (телевидение, Интернет, мобильная связь) навязывают некие образы, но восприятие их должно быть сугубо индивидуализированным. Просмотр фильмов на дисках в ноутбуке, прослушивание музыки через наушники, просмотр кинолент с 3К-очками в кинотеатрах не просто разрушают возможность общего отношения к ценностям, но и сужают социальное пространство человека, делают всю его социальную жизнь укороченной с точки зрения возможности соотнесения себя с иными. Трудно в этой связи не согласиться с утверждением, что прежнее общество, хотя и было во многом гомогенизированным, но состояло все же из дифференцированных индивидов, которые были в состоянии «эмоционального смешения», т.е. возможности включения себя в жизнь иных. Теперешний человек, как никогда прежде имеющий возможность коммутировать с другими, остается одиноким, отъединенным от общих социальных установлений. Образовался новый, фрагментированный индивид [12, с.60-61].

Эта фрагментарность связана и с исключительно быстрой сменой настроений, неустойчивости эмоциональных состояний. Как отметил еще в середине 1950-х годов П.А. Сорокин, «эмоциональная неустойчивость проявляется в слишком частых эпидемиях бурных страстей и смены настроений, которые вспыхивают и гаснут без особых причин и которые постоянно нарушают и гаснут без особых причин и которые постоянно нарушают душевное спокойствие

общества и ощущение безопасности. Незначительные и даже воображаемые события ввергают его в состояние то самой дикой радости и самовосхищения, то тревоги и страха; то делают его гневным и воинственным, то любезным и мирным...» [13, с.76]. Не забудем, это было написано давно, сейчас такая эмоциональная подвижность массы людей выглядит все более тотальной.

Ситуация господства коротких жизненных проектов своеобразно сочетается с рыночной психологией. Появившийся «новый гедонизм» означает появление коммерциализованного общества, в котором буквально все становится объектом купли-продажи [14, с.63]. Услуги врача, который все больше внимания обращает не на исцеление пациента от реального заболевания, а на придание своей профессии мистифицированного налета вполне отвечают именно рыночной экономике. Все более востребованными становятся и те лекари, которые обещают изменение внешнего облика, остановку процесса старения. Врачи следуют за «изобретателями» все более новых, якобы совершенных лекарств, а еще лучше биологически активных пищевых добавок, которые на самом деле не лечат, а лишь «способствуют», «помогают» и т.п. Нельзя забывать и о том, что сферой экономического расчета делается и образование, где уже и учителя действуют так, чтобы как можно быстрее и гарантированнее обеспечить себе невероятно быстрый съем прибыли, причем в наикратчайшее время. Отношения преподавателя и обучаемых делаются все более и более напоминающими отношения между предоставляющими услуги и клиентами. Рыночная экономика подразумевает, что человек делается

«вечным покупателем». Поддерживание режима купли-продажи необходимо для устойчивого функционирования экономики, построенной на рыночных принципах.

Ситуация коротких жизненных проектов тесно вплетена в такое состояние социума, которое можно характеризовать как наличие соблазнов, искушений. Над соблазнами человечество задумывается давно, можно вспомнить, например, библейскую историю об искушении Адама и Евы, которые вкусили запретный плод с древа познания. Наше время – это время искушения не познанием добра и зла, а искушение деньгами. Именно финансовым возможностям человека всеми силами пропаганды и рекламы пытаются придать неисчислимую силу, причем силу мистическую, приобретаемую быстро, немедленно. Проявление соблазнов многообразно. Это и соблазн «коротких» денег, легкого заработка, заработка без труда, о чем уже говорилось. Это и соблазн получить мировое признание реформатора, которое, конечно, не ждет, не может быть получено путем длительного напряжения, продуманных политических шагов. Все необходимо засвидетельствовать немедленно, здесь и теперь. Самый, пожалуй, мощный соблазн это соблазн неведомыми удовольствиями, соблазн наслаждением. Присутствует и соблазн привлечь внимание. Одновременно это и соблазн славой, всеобщим и неостановимым мельканием на телеэкране. Оказывается это так сейчас легко. Стоит только сняться в каком-нибудь сериале и вот уже человек оказывается на поверхности, он всем необходим и интересен. Но подспудно эти «люди известности» [15] все равно отдают отчет, что как быстро они стали востребованными, также

быстро они будут заменены другими «звездами», «великими», «живыми легендами». Они спешат снять пену со своей видимой популярности, продлить миг удовольствия быть нужными. Впрочем, социологическая интерпретация категории «соблазн», во-первых, представляется делом непростым, а, во-вторых, в данном случае не является предметом нашего анализа.

На первый взгляд, утверждение о наличии ситуации коротких жизненных проектов выглядит достаточно абстрактным. Можно, например, вспомнить, распространенность в странах Западного рода кредитов, предоставляемых гражданам для приобретения жилья, бытовой техники, автомобилей. Более того, нетрудно заметить, что такая практика в 2000-е годы получила большое распространение и в России. А ведь уже само наличие кредита подразумевает видение человеком определенной перспективы. Да и сугубо практически кредитование выглядит «длинным» проектом, рассчитанным на годы, а то и на десятки лет, если речь идет, например, о строительстве жилья. Все это так. Но и в этом отношении короткие жизненные проекты дают о себе знать. Прежде всего, надо иметь в виду, что привычка «жить в кредит» часто не связана со свободным выбором человека, а диктуется всем укладом социальной жизни, сложившимися традициями, необходимостью «не отстать от других», выглядеть не менее благополучным, чем они, получить сегодня все, что рекламируется. К тому же люди тратят неизменно большое количество жизненной энергии на то, чтобы обеспечить себе сносное существование именно сегодня, превращаясь не столько в *гомо экономикс*, сколько

ко в *гомо банкус*, имея в виду едва ли не вечную зависимость индивида от конъюнктуры на рынке капитала, превращающей человека в сегодняшнего заложника завтрашних проблем [16, с.347]. Если позднеиндустриальное общество подразумевает жизнь под девизом «иметь», то получается, что именно кредиты и дают эту возможность, т.е. возможность иметь нечто (товары, услуги, щитовой дом) уже сейчас, здесь и теперь. Вот в этом «иметь сейчас, теперь, иметь как можно больше» и содержится своеобразный парадокс современной социальной жизни: кредит заставляет выстраивать жизненную перспективу, но сама эта перспектива лишь обеспечивает день сегодняшний, выражается в коротких проектах. Надо к тому же иметь в виду, что кредитование крайне выгодно тем, кто предоставляет заем: рыночное общество построено, как известно, на «вечном колесе оборота», на всемерном стремлении как можно больше и постоянно продавать товары и услуги. А кредиты и позволяют существенно увеличить количество покупателей, привязать их к производителю товаров и услуг на долгие годы. И даже, несмотря на солидную долю риска, кредиторы идут на него, стремясь обойти конкурентов.

Несколько замечаний о том, что означает «ситуация коротких жизненных проектов» как некое проявление аномии применительно к современному российскому обществу, какими условиями и факторами она продиктована.

Первое, на что следует обратить внимание, что в советский период истории российского общества не только декларировались властью, но и на практике осуществлялись иные, длинные жизненные проекты. Человек получал,

например, после окончания высшего учебного заведения так называемое государственное распределение, т.е. по сути, прикреплялся к какому-нибудь предприятию, учреждению. При этом его карьерный рост мог осуществляться все время его активной трудовой жизни в рамках данной социальной организации. Более того, на предприятии или в учреждении человек «вставал в очередь» на жилье, часто обретал там друзей, единомышленников, тех, кто разделял с ним досуг. Там человек мог образовать и семью. Получается, что деятельностные коллективы выполняли роль важнейших первичных социальных ячеек, в которой проходила вся жизнь человека. Это были весьма стойкие формы социальной организации со своими традициями, общими праздниками. Там человек корректировал свои действия и поступки, оценивая себя и других в той или иной ситуации [17, с.179]. Надо только при этом иметь в виду, что очередь на жилье «подходила» никак не раньше чем через 10, а то и через 15-20 лет. До этого времени работник мог получить лишь место в общежитии или жить со своими родственниками. Приобретение сложной бытовой техники, смена мебели, не говоря уже о покупке автомобиля, учитывая «советскую структуру цен», когда обязательные траты (нехитрый набор продуктов, проезд в городском транспорте, плата за жилье, домашний телефон и т.п.) были небольшими, а то, что официально советской пропагандой признавалось роскошью (автомобиль, видеомагнитофон, ковры и т.п.) стоили очень дорого [18, с.95], также были возможны только на основе длительного планирования семейного бюджета. Но при этом в условиях крайне низкой инфляции,

что и позволяло «откладывать» деньги, не опасаясь их стремительного обесценивания.

Кроме того, длинным жизненным проектам способствовала и вся система социальной поддержки и защиты, которая отработывалась десятилетия. Скажем, человек, проработавший на одном рабочем месте, т.е. в одной социальной организации более 20 лет получал существенную прибавку к пенсии – 10%. Ситуации длинных жизненных проектов объективно содействовала и градообразующая структура производства, характерная для многих регионов страны, особенно на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Несколько шахт или какой-нибудь завод представляли собой все основные производственные объекты, где мог в данном городе или поселке найти себе применение человек. Учитывая, что географическая мобильность, трудовая миграция были в советскую пору относительно невелики, исключая реализацию специальных проектов освоения новых земель или строительство новых производственных объектов, когда такой миграции напротив власть способствовала, человек строил свои жизненные планы исходя из того, что имелось в месте его рождения и дальнейшего проживания.

Ситуация длинных жизненных планов предполагала наличие определенной системы ценностных координат. Социологические исследования, проведенные в 1963–1966 гг., например, показало, что подавляющее число молодых людей (70% от числа опрошенных), считали для себя главными жизненными ориентирами «иметь интересную, любимую работу», «пользоваться уважением окружающих», «любить и быть любимым». Исследование, проведенное в

Москве в 1982 году, выявило, что на первом месте среди жизненных ценностей респондентов из числа молодежи была «интересная работа» (75,3%), далее шли – «семейное счастье, счастье в любви, детях» (66,4%), «уважение людей» (43,6%) [19, с.91, 94]. Но ведь и такая работа, и такое построение личной жизни не давались быстро, что называется одномоментно. Получается, что именно длинные жизненные планы были ориентиром и в сфере семейных отношений. Человек рассчитывал свою жизнь с одним брачным партнером, что можно расценивать и как некую инерцию элементов и характеристик традиционного общества.

Сказанное отнюдь не означает, что ситуация длинных жизненных проектов была свойственна всем индивидам, полностью и всегда отражала положение в советском обществе. На многих промышленных и иных предприятиях тогда стойко фиксировалась так называемая «текучесть кадров», молодежь, особенно в ходе осуществления закона о всеобщем среднем образовании, настойчиво стремилась оставить сельскую местность и переместиться в города, где социокультурные условия жизни существенно выигрывали в сравнении с деревенскими. Да и для сферы семейных отношений совсем необязательной была длительность жизненных планов для всех индивидов. Уровень разводов в славянских, прибалтийских республиках Советского Союза был, как известно, высок. И все же для многих, для значительного большинства людей была приемлема и характерна именно длительная перспектива жизни, которая получила своеобразное идеологическое оформление в понятии «уверенность советского человека в

завтрашнем дне». Человек действительно был уверен, что он не останется без работы, без определенного медицинского обслуживания, без образования, без весьма ограниченного, но, как казалось, навсегда гарантированного материального достатка. Были бы, как говорится, желание и способности. Естественно, что такое отношение к себе, к своим жизненным перспективам настойчиво пропагандировалось всеми способами, особенно по телевидению, через кино.

Кардинальная трансформация российского общества, начатая в конце 1980 – начале 1990-х годов одновременно означала и резкий переход значительного числа людей, целых социальных групп и категорий к коротким жизненным проектам. Экономическая ситуация складывалась, да и сейчас еще складывается, таким образом, что для весьма значительного количества индивидов можно было говорить о необходимости реализации стратегии элементарного выживания. По разным оценкам число людей, находящихся за чертой даже официально установленной черты бедности колебалось к середине 1990-х годов от одной трети [20, с. 59] до 70-80 % [21]. Что касается зарождающегося бизнес-сообщества, то и оно, находясь в ситуации едва ли не абсолютной зависимости от произвола чиновников, от такого абсолютно нового в ту пору для страны явления как рэкет, также не могло выстроить взаимодействия на относительно длительную перспективу. На положении этого относительно нового слоя российского общества надо остановиться более подробно.

Резкий ценностный разворот, падение уровня общественной нравственности, только усугубив-

шие эту обстановку социального краха, неразберихи, в начале 1990-х годов в еще большей мере обусловили сокращение временной протяженности жизненных проектов нового слоя, слоя предпринимателей. Полная привязанность бизнеса к сырьевым отраслям экономики, а значит почти тотальная зависимость от конъюнктуры цен на мировом рынке нефти и газа, предопределили необходимость ситуативного реагирования на внедрение рыночных механизмов хозяйствования, предельно быстрого съема сверхприбыли. Одновременно это означало и наступление ситуации «бегства капитала». По информации, которой располагает МВД, с 1990 года до 1996 года из нашей страны только незаконный вывоз капитала составил не менее 100 млрд. долларов [22, с.23]. Н.Шмелев приводит, однако, иные данные. По оценке этого экономиста, за 1990-е годы из нашей страны эмигрировало, по его выражению, не менее 300-400 млрд. долларов, что в 1,5-2 раза превышает задолженность России внешнему миру [23, с.59]. Это может показаться удивительным, но даже дефолт 1998 года и нынешний экономический кризис не останавливают процесс оттока капитала. Что уж говорить о временах нынешних, когда государственная помощь банкам лишь стимулировала в конце 2008 – начале 2009 года отток капитала из России, который неумолимо продолжается.

В состоянии социальной катастрофы, переживаемой российским обществом с конца 1980-х годов, особенно сильно сказалось сокращение длительности жизненных проектов на молодом поколении. С одной стороны, это поколение в значительной степени потеряло нравственные ориентиры: сначала молодому поколению настойчиво

показывали и даже пытались доказать тупиковую бесперспективность «строительства самого справедливого общества на земле», а потому это поколение не могло не увидеть явные изъяны периода первичного накопления капитала. Молодые люди на личном опыте стали все чаще убеждаться, что наибольшего успеха в жизни очень часто достигают отнюдь не те люди, которые имеют твердые моральные принципы, проявляют трудолюбие, старательность, совестливость, милосердие, настойчиво и долгие годы повышают квалификацию, мастерство, а те, кто вообще не имеет позитивных жизненных установок, кто желает и умеет достигать своих целей любой ценой. Из средств массовой информации мгновенно исчезли репортажи о «трудовых подвигах», исчез и сам человек труда как таковой. Вместо этого в теле- и радиопередачах стали пропагандироваться маргинальные личности, а их умение решать жизненные проблемы выдаваться за образец для всех, в первую очередь для молодежи. Эфир стали заполнять бесчисленные ток-шоу, викторины, развлекательные передачи, в которых сиюминутный успех, жажда наживы, сомнительной славы стали навязываться в качестве жизненного стандарта, примера для подражания.

Надо к тому же иметь в виду, что в 1990-е годы стала наблюдаться не фиксируемая прежде на таком уровне поляризация доходов, а значит и уровня, качества жизни людей. Уже в 1995 г., например, 10% наиболее обеспеченных граждан получали доходы, в 15 раз превышающие доходы 10% наименее обеспеченных [24, с. 179]. Рекламируемая средствами массовой информации «гламурная жизнь» входила во все большее

противоречие с наблюдаемой молодыми людьми реальностью, вызывала чувства зависти, досады, агрессии, желание мести, что объективно снижало и без того невысокую мотивацию производительного труда, получения образования, позитивных профессиональных знаний. Исследования, проводимые социологами в середине 1990-х годов, показали, в частности, быстро наступившую «смену вех», теперь главным в жизни юноши и девушки из числа учащейся молодежи считали «умение делать деньги», вне зависимости от способов достижения уровня высокой обеспеченности. Среди школьников старших классов такую позицию разделяло около 54%, среди учащихся профессионально-технических училищ – 61,4; среди учащихся техникумов (колледжей) – 57,6; студентов высших учебных заведений – 37,5% [25, с. 14]. Результаты исследования 1997 года, показали, что примерно каждый пятый респондент из числа молодых людей считал, что если «жизнь прижмет», то можно временно заняться «работой» в криминальных группировках [26, с. 103]. Замеры научно-исследовательского центра при Институте молодежи выявили, что деньги как ценность преобладают в сознании юношей и девушек [27, с. 93]. Понятно, что более поздние исследования только подтверждают указанные тенденции. Более того, в умонастроениях молодежи верх берут вседозволенность, эгоцентризм. По отношению к другим людям часто агрессивны настроены 20 % молодых людей, 71% испытывают это состояние время от времени [28, с. 125]. В условиях, когда едва ли не интуитивно все большее число молодых людей понимало и понимает, что они навсегда отрезаны от ка-

чественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Такая жизнь дает хоть иллюзию удовольствия, позволяет забыться, не вдумываться, не видеть реальных проблем. Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты у молодых людей: наркоману бесполезно внушать, что до 30 лет доживает редкий из наркозависимых людей. Ведь больше жить ему просто не надо, он не видит, не может увидеть перспектив для себя в этой жизни. Неслучайно, как свидетельствуют оценки экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн. человек [29, с. 70]. Молодому человеку, который чрезмерно потребляет спиртное, можно сказать, уже спаивается, также бессмысленно говорить о жизненных перспективах, об «открытости всех дорог». Сейчас каждый третий подросток в возрасте 12 лет, что называется, «балует» пивом, среди 13-летних таких уже две трети. Потребление водки резко возрастает с 15-летнего возраста [30, с.93-94]. Именно такая ситуация сокращения продолжительности жизненных планов молодежи очень часто толкала ее на путь легкой наживы, создавая тем самым резерв преступного мира, причем резерв активный, действующий. Наши исследования, проведенные как среди учащихся старших классов одного лицея в 2006–2007 учебном году, так и среди студентов различных вузов (государственного – Российского государственного университета им. И. Канта, негосударственных – Балтийского института экономики и финансов, Калининградского филиала Международного славян-

ского университета), показывают, что значительная часть представителей этой категории молодежи растеряна, не может выстроить линию поведения, рационального действия на более или менее отдаленную перспективу. В частности, на прямой и открытый вопрос о продолжительности планируемого социального времени их сверстниками до 23% опрошенных ответило, что живут только сегодняшним днем. Не встретилось тех, кто задумывался бы хотя бы о временном отрезке в год. Примерно 70% считает, что это вообще делать не стоит.

Еще одним подтверждением наличия коротких жизненных проектов является, как это не покажется мелким, незначительным, поведение людей на дорогах, улицах. Конечно, существует не одна причина столь равнодушного, безоглядно поверхностного отношения к своей жизни, если речь идет о том, как нарушаются в стране элементарные правила дорожного движения, причем как водителями, так и пешеходами. Можно, вероятно, говорить о в целом низком уровне массовой поведенческой культуры россиянина. Среди причин, вероятно, можно выделить и агрессивное анархистское своеволие, и даже некий своеобразно понимаемый людьми протест, который некоторые реализуют именно в такой форме. (Вообще бытовое поведение, включая поведение людей на улице, как своеобразная форма протеста, заслуживает, как представляется, особого исследования). И все же, если можно так определить, «дорожное легкомыслие», езда по встречной полосе движения, «безоглядный» переход улицы в неустановленном месте, элементарное несоблюдение правил движения зримо свидетельствуют об ог-

раниченности социального, жизненного пространства для многих индивидов, об отсутствии у них необходимости, потребности относиться к своей жизни как невосполнимому и, главное, длительному достоянию. Развязность, снижение уровня и без того невысокой бытовой культуры, распространенность такой формы девиации, как табакокурение также свидетельствуют именно о непрочитанности линии жизни и даже нежелании ее рассчитывать.

«Укорачивание» жизненных планов затрудняет внутр поколенческое общение, разрушает возможность объединения поколений людей вокруг неких немногих, но весьма важных общих базовых ценностей и установок. Естественно, дистанция между поколениями была и будет всегда. И все же обвальное крушение прежних ценностных предпочтений в начале 1990-х годов вызвал рост отчуждения между поколениями и даже внутри них. Художественные ценности, моральные принципы, лексическая культура при всем видимом различии в прежние годы в большей степени связывали людей разных возрастных групп в гораздо большей степени, чем это стало фиксироваться в начале – середине 1990-х годов. Вероятно в этом в какой-то мере «повинны» небывалые темпы социальных изменений, а также коммерциализация наиболее массовых видов литературы, искусства, спорта, не дающие возможность даже в пределах жизни одного молодого поколения обрести некие устойчивые, опорные ценностные предпочтения.

Наличие коротких жизненных проектов в сочетании с фетишизацией денег выражается и в разрушительном отношении к среде обитания, ее загрязнении, разру-

шении, хищническом отношении к природным ресурсам, естественному ландшафту. Это относится, прежде всего, к представителям бизнес-сообщества, особенно связанным с добычей и переработкой леса, рыболовством. Не секрет, что на определенном этапе реформирования народного хозяйства России образовался правовой вакуум, в условиях которого слой предпринимателей стал действовать вне каких-либо ограничений. Но указанное отношение к среде обитания в полной мере свойственно и тем, кого принято называть рядовыми гражданами. Что же касается бизнеса, то даже в массовую печать неоднократно попадали сведения о том, как расхищаются природные ресурсы. По данным, например, Федеральной службы налоговой полиции, которая какое-то время существовала в нашей стране, только в 1999 году общая сумма ущерба от нарушений законодательства при лесозаготовках и товарных операциях с лесом составила 158,5 миллиона долларов. Уже в следующем году криминальные показатели возросли в разы. За несколько лет объемы незаконного экспорта древесины только в Китай увеличились в 30 раз, в Южную Корею – в 3,5 раза. Число фирм, которые специализируются на экспорте древесины, за год возросло в 3 раза. При этом уничтожались реликтовые кедровые леса [31]. Можно с полным основанием утверждать, что природа не только Дальнего Востока опустошалась, да и опустошается, в результате не только неумелого, нерационального природопользования, неспособности постоянно просчитывать последствия экономического вмешательства в экологические системы. Природа разрушается и в итоге прямого криминального уничтожения основ

жизнедеятельности будущих поколений, что можно связывать с ситуативным корыстным интересом, элементарным нежеланием значительной части предпринимателей смотреть даже в ближайшее будущее. Достаточно вникнуть и в то, как строятся коттеджи, базы отдыха в местах, которые по закону признаны природоохранными зонами, а то и национальными природными парками, и в то, как ведут себя отдыхающие в лесах, на берегах морей и рек, чтобы понять: многие чувствуют и ведут себя именно как временщики, живущие только сегодняшним днем. Очень многие просто не желают видеть хоть какую-нибудь перспективу своего участия в сохранении природы в целом, ландшафта местности проживания и т.п.

Господство коротких жизненных проектов обусловлено, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. Во-первых, революционными темпами социальных изменений и непредсказуемостью их результатов. Уже отмечалось, что социальное время как бы сжимается, что и позволяет утверждать – это является объективным основанием субъективного сокращения людьми перспективного видения социального пространства. Во-вторых, господство коротких жизненных проектов, и это органично, неразрывно связано с первым обстоятельством, обусловлено небывалыми коммуникационными возможностями человека в конце XX – начале XXI веков. Можно утверждать, что эти обстоятельства являются вненациональными, общими для любого современного социума. И все же, как и во всех социальных феноменах и процессах, и в этом, т.е. в сокращении длительности жизненных проектов, имеются и специфичные элементы.

Нетрудно заметить, что и в этом явлении в полной мере проявляется извечная российская особенность – максимализм, полярность отношения к действительности. На такой специфично российский подход к социальной жизни, как известно, обращал внимание Н.А. Бердяев. «Для русских, – писал этот философ, – характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями» [32, с.15]. По сути такие же черты у русской ментальности выделял и Н. О. Лосский. «Экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, – писал этот философ, – отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройством частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские в своем искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого» [33, с.86].

Получается, что и к временным рамкам жизненных проектов россияне относятся с такой же категоричностью: от едва ли не полного пренебрежения раздумьями о дне сегодняшнем, отнесения жизненного благополучия, материальных достижений только к следующим поколениям, что можно зафиксировать в советский период истории, до весьма своеобразного гедонистического сведения всей индивидуальной социальной жизни к сегодняшнему дню, неумения, нежелания очень многих индивидов формировать длительные

проекты своей деятельности, всей социальной жизни.

Короткие жизненные проекты особо опасны в такой стране российского общества, как управляемые, социальные менеджеры, говоря современным языком, разного уровня. Съём статусной ренты, безудержная, тотальная коррупция разъедают социум как раковая опухоль организм, порождают ощущение неуверенности, крайней неустойчивости во всех слоях и категориях общества, вызывают едва ли не изначальное недоверие ко всем шагам власти предрешающих. Высшие политические круги, надо отдать должное, судя по всему, сознают всю опасность такой ситуации. Так, в интервью журналу «Штерн» президент Д.А. Медведев констатировал, что в стране необходимо «добиться такой стабильности,... чтобы никто не испытывал страха перед будущим. Только тогда можно мотивировать людей задуматься о том, что противозаконно не платить налоги или брать взятки» [30]. Было бы хорошо, если бы сказанное воплощалось в постоянных и неуклонных шагах по оздоровлению всей системы власти и управления в стране.

Сказанное выше имело некие общие цели: показать, во-первых, что короткие жизненные проекты – это категориальный конструкт, который призван помочь в создании ясного теоретического представления о сущности процессов, происходящих в современном обществе. Во-вторых, представлялось важным показать, что короткие жизненные проекты в еще большей мере будут проявляться в ближайшее время, когда общество еще длительное время будет испытывать серьезное напряжение, не столько может быть экономическое, сколько сугубо соци-

альное. Выход из такой ситуации возможен на путях масштабного использования социальных технологий, что может послужить отправной точкой дальнейшего социологического дискурса.

Литература

1. <http://www.mvd.rustats/10000148/10000230/6166/6166/>
2. Преступность и правонарушения: Ежегодный статистический сборник. М., 1999.
3. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998, № 5.
4. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
5. www.levada.ru
6. Индикатор «Коррупция в России» // ФОМ [сайт]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d02korrup.pdf>
7. Дюркгейм Э., О разделении общественного труда. М., 1996.
8. Мертон Р., Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1966, С.299-313.
9. Козырева П.М. Российское общество: тенденции исторического транзита // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М., 2007.
10. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
12. Маклюен Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
13. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006.
14. Хабермас Ю. Критика неоконсервативных взглядов на куль-

туру в США и ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.

15. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. 2004, № 12.

16. Зиновьев А.А. Запад. М., 2007.

17. Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М., 2002.

18. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: Экономические реформы в России 1991-2001 гг. М., 2003.

19. Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. М., 1986.

20. Ракитская Г. Состояние и перспективы рабочего движения в России // Вопросы экономики. 1995, № 6.

21. Наумова Т.В. Становление среднего класса в реформируемой России // Социально-гуманитарные знания. 1999, № 4.

22. Шелли Л. Постсоветская организованная преступность в международной перспективе // Изучение организованной преступности: русско-американский диалог. М., 1997.

23. Шмелев Н. Кризис внутри кризиса // Вопросы экономики. 1998, № 10.

24. Осипов Г.В., Левашов В.К., Локосов В.В., Хлопьев А.Т. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. 1996, № 1.

25. Проблемы занятости учащейся молодежи. М., 1995.

26. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. 1998, № 5.

27. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998, № 5.

28. Кудрявцева Л.А. Ловушка общественного сознания // Социологические исследования. 2003, № 6.

29. Щербакова Е.М. Нарконадзор в России // Социологические исследования. 2004, № 1.

30. Шереги Ф.Э. Социология девиации: Прикладные исследования. М., 2004.

31. Лес рубят... // Деловой вторник. 2001, № 19 (324).

32. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

33. Лосский Н.О. Характер русского народа: Книга первая. М., 1990.

Феномен насилия в контексте социального пространства

Смакотина Н.Л.

Статья посвящена проблеме насилия. Рассматриваются условия существования насилия в обществе. Проводится анализ социальной природы проявления насилия. Рассматриваются социокультурные основания поведения людей, которые влияют волей или неволей на перекося в понимании смысла ситуации, механизмов формирования особой реальности. Особое внимание уделяется проблеме насилия в отношении детей. В статье используются результаты исследований.

Ключевые слова: социальное пространство, социокультурные основания, ненасилие, насилие, агрессия, защита.

Smakotina N.L.

The phenomenon of violence is in the context of social space

The article is devoted to the problem of violence. The terms of existence of violence are examined in society. The analysis of social nature of display of violence is conducted. The sociocultural grounds of conduct of people which influence will or by force on a defect in understanding of sense of situation, mechanisms of forming of the special reality, are examined. The special attention is spared the problem of violence in regard to children. In the article drawn on the results of researches.

Key words: social space, sociocultural grounds, unviolence, violence, aggression, defence

Наступивший XXI век характеризуется глубокими социальными изменениями. Человек, став обладателем огромной мощи науки и техники, для самого себя стал еще более опасен. Невзирая на стремление к ненасилию, люди не только не перестали убивать друг друга, но делают это все с большим размахом и изощренностью. Актуальность проблемы исследования насилия обусловлена и тем, что в кризисной для современного общества ситуации важен анализ состояния и уровня отечественной науки: какие задачи ставятся и какие методы исследования в современной ситуации наиболее результативны. В ситуации динамичных изменений в обществе, где человек проходит социализацию, насилие и жестокость также быстро развиваются. Более того, признанные методы и приемы, которые не содержат в себе агрессивность и насилие, (но могут быть таковыми при определенных психологических ситуациях), заведомо стали считаться насильственными. Механизмы противостояния, методы защиты от насилия в обществе, различных его инсти-

тудах еще не достаточно проработаны. Не найдены ответы на ряд вопросов, которые остаются актуальными и сегодня. В частности, что является условием существования насилия в обществе здесь и сейчас, существует ли глубокая взаимозависимость трансформации общества и насилия, ведут ли процессы глубинного преобразования, переход от одной системы отношений к другой, к усилению насилия? По мере того как «жизненный мир» становится все более динамичным, быстроменяющимся, в силу этого «размытым», все более востребован ответ на этот вопрос. Разработка целостного видения преобразований в обществе через ненасильственные отношения и деятельность является также задачей исследователей.

Понятие «насилие» в современном обществе употребляется в очень широком значении. По-разному оно определяется исторически и культурно - от маленькой кражи до отъема собственности и ситуаций угрожающей жизни людей. Данное понятие включает все виды физического, психического, духовного и экономического подавления. Современный анализ насилия предполагает выяснение социальной природы проявления насилия, рассмотрение социокультурных оснований поведения людей, которые влияют волей или неволей на перекос в понимании смысла ситуации, механизмов формирования особой реальности, которые формируют картину мира за пределами чувственного опыта индивида и социальные способы предотвращения последствий влияния насилия в социальных процессах. Существующий длительный нестабильный период в российском обществе — это глубинная ломка, болезненный переворот от бывших

ценностей и стереотипов сознания, замена их новыми, не адекватными ценностями и укладом жизнедеятельности для социума. Социальный феномен, возникающий в результате глубинных преобразований в обществе может быть социологически концептуализирован и позиционирован в контексте социального пространства. Насилие может быть позиционировано как особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему отношений. Изучение влияния насилия на социальное пространство особенно важно на современном этапе развития общества. В период его трансформации социальное пространство переходит в энтропийное состояние, испытывая сильные напряжения. Положение отдельных индивидов и целых социальных групп в социальном пространстве и перспектив их общественного развития оказались неопределенными. В силу высокой энтропии социального пространства многократно увеличилась его зависимость от случайных факторов, влияющих на всю конфигурацию пространства. В этот период отдельные индивиды и целые социальные группы лишаются надежных ориентиров, поскольку, прежде всего, размытыми оказываются сами контуры социального пространства. В этом контексте вопросы рефлексии и интерпретации социального пространства выходят на первый план. Уровень научного осмысления этих проблем непосредственно влияет на вектор развития общества. Если уровень научного осмысления проблем социального пространства вполне согласуется с процессами трансформации, то социальная рефлексия на уровне

процесса насилия существенно отстает от потребностей общественного развития. В силу этого разрыва видится необходимость в самостоятельном выделении и изучении феномена насилия.

Особенностью современного общества являются – социальные сети (М.Кастельс, Р. Хойслинг, Ф. Фукуяма). В сетевом обществе, насилие также принимает сетевую форму. Развитие процесса насилия в условиях сетевой социальной системы осуществляется на основе социальных норм. Рассуждения о роли социальных норм в этом процессе опираются на богатый опыт их изучения, накопленный в различных социологических парадигмах. (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гофман, П. Штомпка).

Изучение процессов развития открытых социальных систем может быть осуществлено в рамках синергетического подхода, который является логическим развитием системного подхода. Полагается, что там, где речь идет об относительно простых системах, находящихся в равновесном состоянии, применение синергетической терминологии избыточно. Но применительно к современному обществу и рассматриваемому феномену этот подход нуждается в дальнейшем углублении и конкретизации. Задачам исследования феномена насилия отвечает концептуализация синергетики как особой методологии и стратегии исследования открытых социальных систем. Достоинство такого подхода в том, что происходит некоторого рода синтез позитивных элементов детерминистической и вероятностной картин мира. Синергетический подход также позволяет проследить принципиальные изменения в феномене насилия, которые непосредственно

связаны с трансформационными процессами в обществе.

Несмотря на богатый опыт изучения проблемы насилия в социологической литературе, в контексте концепций социального пространства они практически не рассматривались. Между тем, данный аспект в современном мире особенно важен, поскольку насилие является активным инструментом формирования социального пространства, многие акторы в своих практических интересах с большим или меньшим успехом пытаются использовать данный инструмент для воздействия на социальное пространство в своей деятельности. По мере размышления выявились грани, не только показавшие важность проблемы, но и вскрывшие необходимость новых подходов. Все более складывается впечатление, что продвижению работы мешает сама обычная постановка вопроса о насилии. Это приводит к необходимости включать в рассмотрение нетрадиционные факторы и учитывать, что представляют собой те люди, чье сознание и поступки подвергаются социальному и законодательному регулированию.

Социальное «пространство» – это важная тема общественной коммуникации не только здесь и сейчас, но и в обозримой перспективе.

Рассматривая феномен насилия, особое внимание привлекает насилие в отношении детей и молодежи. Такое внимание объясняется прежде всего тем, что насилие в отношении детей и подростков готовит почву для восприятия и передачи насильственного поведения в последующих поколениях. Выяснение проблем, связанных с насилием в отношении детей, в контексте социального пространства предполагает изучение пространства, в котором они находятся и где проходят социализацию.

В данном случае речь не пойдет об обществе вообще, неизвестно каком и где находящемся. Мы говорим о *российском* обществе, акцентируя проблематичность этого слова — «российское», мы говорим о «здесь и сейчас». Рассмотрим интересующий нас феномен в рамках современного «московского городского пространства». Для детей и подростков основным является семья (дом) и пространство вне дома (школа, улица и т.д.).

При рассмотрении семейной обстановки определяется основная структура семьи, время, проводимое ребенком дома, психологическая атмосфера в семье, ощущения ребенка в доме, удовлетворенность общением с родителями. Проявления позитивного внимания к ребенку со стороны членов семьи, а также негативные санкции, многие из которых могут рассматриваться как варианты жестокого обращения, восприятие допустимости различных наказаний.

Возможные проявления насилия по отношению к ребенку вне дома, характеризуется ощущением ребенка за пределами дома. В школьном контексте — негативные действия по отношению к ученикам со стороны учителей. Жестокое обращение и риски, которым может подвергаться ребенок на улице.

Проанализируем данную проблему, используя комплексное исследование «Проблема насилия в отношении детей в г. Москве», проведенное в 2010 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Государственного контракта с Уполномоченным по правам ребенка по г. Москве¹. В ходе исследования были использованы качественные и количественные методы².

Проведенное исследование позволило получить описание одной

и той же ситуации с разных сторон: глазами детей, родителей, с позиции экспертов (педагоги, работники образовательных учреждений, юристы, психологи, психофизиологи, уполномоченные по правам ребенка и др.). Это дает возможность сопоставления и при несовпадении результатов обратить внимание на причины этих расхождений.

В этой связи результаты исследования могут анализироваться в различных аспектах: социологическом, социально-экономическом, психологическом, юридическом.

В качестве респондентов выступили подростки обоего пола (в равном соотношении) в возрасте от 14 до 17 лет, большую часть которых составляют 15-16-летние. Это обстоятельство определяет некоторые ограничения исследования, поскольку категория детей в широком смысле выступает в данном исследовании в виде одного из возрастных срезов — подростково-юношеском.

Большинство родителей опрошенных подростков находятся возрастной категории от 36 до 45 лет, матери несколько младше отцов. Социальный портрет семьи и ребенка в ней выглядел следующим образом. В полной семье с родными отцом и матерью проживают 61,6% опрошенных. При этом только с матерью либо с отчимом и матерью живут 31,3%, аналогичная ситуация с отцом или мачехой и отцом составляет лишь 2,7% случаев. Таким образом, мать в семье присутствует у абсолютно большинства подростков (93%), тогда как более чем в трети случаев отец отсутствует. Это свидетельствует о том, что в воспитании современных подростков мать является более значимой и влиятельной фигурой, чем отец. Соот-

ветственно, дефицитарным является общение с отцом, а следовательно, восприятие образов мужского поведения, важное для становления гендерных стереотипов, как у мальчиков, так и у девочек.

Примерно две трети подростков не отмечали существенных материальных затруднений в семье. О выраженных трудностях сообщают около 6% детей, которые чувствуют в связи с этим свое невыгодное положение среди одноклассников.

Дома 91,6% подростков проводят более 3 часов свободного времени ежедневно, в том числе 40,5% – более 6 часов. Время они тратят на подготовку уроков (66,6%), общение с друзьями в социальных сетях (60,0%), занятия любимым делом (45,8%), помощь по дому родителям (44,0%), компьютерные игры (40,2%). Относительно немного времени отводится на просмотр телевизионных передач (38,0%). 78,2% подростков отмечают, что большую часть времени или всегда делают дома то, что им нравится. Обращает на себя внимание оценка подростками отношений в семье. Примерно 80% говорят о теплых, дружеских отношениях, для которых характерны взаимопонимание, любовь, забота. В то же время в 20% случаев отношения отчужденные, плохие. Комфортно ощущают себя в семье 87,4% подростков, тогда как 12,6% чувствуют себя незащищенными, лишними, никому не нужными или участниками конфликтов. О частых проявлениях любви, теплого отношения со стороны родителей говорят 60% детей, в то время как 40% отмечают их редкость или отсутствие (5,1%). Более чем в трех четвертях случаев родители часто дают своим детям деньги для их нужд. Две трети детей часто получают

похвалу, а также моральную поддержку, если у них что-то не получается, Остальные проявления заботы и любви, с точки зрения детей, находятся в явном дефиците. 40% родителей редко проводят свободное время с детьми, 80% не посещают вместе с ними концерты, кино и пр. Больше половины детей отмечают, что родители редко или никогда не говорят с ними по душам, что позволяет сделать вывод о недостаточном психологическом контакте родителей со своими детьми-подростками.

Около трети подростков не удовлетворены общением с родителями, его количеством или качеством. При неповиновении со стороны ребенка родители в половине случаев используют убеждение, в четверти – запрещают делать что-либо, что хочется ребенку. В описании детей часто явно неконструктивные варианты поведения родителей: они кричат (34,1%), обижаются (18,1%), перестают обращать внимание на ребенка (7,1%) либо обращаются к насильственным методам: пугают наказанием, избиением (5,1%), могут ударить, выпороть (4,8%). Таким образом, можно предположить, что по параметру физического жестокого обращения, по свидетельству детей, до 5% ответивших могут находиться в социально опасном положении, а до 20% – в зоне риска по физическому насилию.

Как и дети, большинство родителей оценивают психологическую атмосферу в семье как позитивную (80,5%). В остальных случаях отмечается неустойчивость отношений, эмоциональное напряжение. Более 90% родителей считают, что уделяют ребенку недостаточно времени. Возможно, этой причиной можно объяснить суще-

ственные расхождения в оценке ситуации ребенка в семье с точки зрения подростков и родителей.

Сравнительный анализ представлений родителей и детей об отношениях и поведении дома расходятся. Согласно представлениям родителей, дети больше проводят времени дома, чем об этом свидетельствуют сами подростки. Различается и структура их занятий: родители переоценивают время, которое ребенок тратит на приготовление уроков и просмотр телевизора, и существенно недооценивают его общение в социальных сетях (родители – 35,4%, дети – 60,0%).

Дети и родители дают примерно сходные оценки предоставлению ребенку денег для его нужд. Однако существенно различаются их представления о других позитивных формах общения. Если родители говорят о том, что часто проводят с ребенком свободное время в 90% случаев, то ребенок – лишь в 63%. По мнению родителей, они часто говорят по душам со своим ребенком (71,8%), тогда как с этим согласны лишь 46,8% детей. Это свидетельствует о недооценке родителями потребностей ребенка в положительно окрашенном общении, его глубине и качестве.

Переоценивается родителями, по сравнению с мнением детей, частота использования конструктивных методов воспитания (уговоры, убеждение) и недооценивается применение неконструктивных (крики, угрозы наказанием, удары, порка). При этом несколько меньше, но, в целом, аналогично оценкам детей указывается применение подобных методов в течение последнего года. Запреты в качестве воспитательных мер упоминаются родителями чаще, чем детьми, а игнорирование, гру-

бые одергивания, удары – реже. Также реже в качестве причины таких санкций называются раздраженное состояние, конфликтные отношения в семье, а также отсутствие причин.

Важным представляется отношение родителей к физическим наказаниям. В принципе, допустимыми физические наказания считают 46,1% ответивших, в том числе нормальными – 2,0%. Парадоксальным представляется тот факт, что дети в большей степени приемлют агрессию со стороны родителей (соответственно 58,5% и 7,5%), чем это демонстрируют родители. Возможно, однако это объясняется большей склонностью родителей к социально желательным ответам.

Наказание детей со стороны родителей использовалось как средство воспитания. Так, чаще всего они применялись из-за плохих оценок в школе или неподобающего поведения ребенка в семье. Однако обращают на себя внимание такие причины, как раздраженное состояние родителей (60% ответивших), конфликтные отношения в семье (46%) и даже отсутствие «всякой причины» (23%). Следовательно, дети, по их мнению, скорее служили объектом отреагирования эмоций родителей, чем действительно заслуживали порицания.

В качестве наказывающего родителя, равно как и поощряющего, выступает мать (83% ответов), причем часто и очень часто – 21,4%. Отец действует подобным образом существенно реже (62% ответов), часто и очень часто – в 12,1% случаев.

Более терпимыми к применению родителями к детям физических наказаний являются мальчики (9,1%) по сравнению с девочками (4,8%).

Степень терпимости к применению родителями к детям физических наказаний зависит от типа семьи. Более терпимыми к применению родителями к детям физических наказаний являются дети, которые живут только с отцом (это нормально -16%) или с мачехой и отцом (это нормально -15,4%). Таким образом, в этих типах семей воспроизводится отношение к применению родителями к детям физических наказаний как к норме.

Степень терпимости к применению родителями к детям физических наказаний зависит от отношений в семье. Заметно выше среднего значения терпимость к применению родителями к детям физических наказаний встречается в тех семьях, в которых существуют плохие отношения (16,3%), присутствуют равнодушие, безразличие в отношениях (14,9%).

Степень терпимости к применению родителями к детям физических наказаний зависит от материального положения семьи, включенности детей в молодежные субкультуры, употребления алкоголя и стояния на внутришкольном учете. Заметно выше среднего значения терпимость к применению родителями к детям физических наказаний встречается в бедных (21,2%) и малообеспеченных (17,2%) семьях; среди семей, дети которых активно включены в какие-либо молодежные субкультуры (10,8%); регулярно употребляют алкоголь (17,1%); состоят на внутришкольном учете (19,2%).

Таким образом, во всех выше-названных типах семей и поведенческих типах детей воспроизводится отношение к применению родителями к детям физических наказаний как к норме.

Дети в семьях, в которых практикуется насилие, жестокое обра-

щение с ними не только усваивают данные способы взаимодействия с другими людьми, в разрешении конфликтных, проблемных ситуаций. Различные исследования показывают, что в дальнейшем лица, испытавшие в детстве на себе насилие родителей или жестокое обращение с ними, сами становятся агрессорами и применяют насилие по отношению к другим людям, в том числе и в отношении своих детей, считая это нормотипичным явлением³.

Основной причиной достаточно высокой распространенности физического и психического насилия над детьми в семье является либеральное отношение к наказаниям, признание допустимости использования в воспитательных целях не только психологического, но физического насилия родителей над детьми. Причем взгляды и родителей, и детей на допустимость телесных наказаний, как можно было заметить, практически совпадают. Из этого следует, что, став родителями, нынешние дети будут использовать телесные наказания в отношении собственных детей. Проблемную ситуацию составляет тот факт, что все респонденты перенесут в свои будущие семьи образ «благонамеренного» морального насилия в целях осуществления родительской воли, помощи детской личности в выборе жизненного пути. Для опрошенных детей благонамеренное «моральное насилие» - это стереотип поведения, усвоенный ими и переданный им предшествующими поколениями. В этой связи выглядят неудачными попытки связать распространенность жестокого обращения с детьми с «культом насилия и жестокости в СМИ».

В этом случае можно говорить о том, что, насилие это циклич-

ное социальное явление, передающееся от поколения к поколению, и для полноценного, здорового развития общества необходимо, чтобы этот «порочный круг» был разорван.

Одна из проблем современного общества заключается в смене установок к брачности, семейным ценностям, роли матери и отца. Современная эмансипированная женщина сама решает, когда она будет иметь детей и будет ли она воспитывать вместе с отцом, что существенно уменьшает участие в процессе воспитания отца, и влечет за собой специфические социальные и психологические проблемы личностного становления ребенка. Прежде всего, мать служит для ребенка источником одновременно как заботы, эмоциональной поддержки и поощрений, так и негативных санкций, а временами – и жестокого обращения. По-видимому, повышенная нагрузка, которую должна нести мать, ограничивает ее возможности, несмотря на ее собственное желание, уделять ребенку достаточно времени, а также использовать только конструктивные методы воспитания.

Обратимся к ситуации вне семьи. По данным опроса, подростки в большинстве случаев (87,8%) достаточно комфортно ощущают себя за пределами семьи. В то же время внимания заслуживают 12,2% опрошенных, чувствующих себя незащищенными, лишними, вовлеченными в конфликты. Вне дома подростки могут подвергаться жестокому обращению в двух сферах: в школе и на улице.

Особо стоит отметить тот факт, что педагоги применяют средства эмоционального давления, унижающие достоинство личности ребенка гораздо чаще, чем родители: 40,4% подростков отметили,

были высмеяны педагогами при всем классе и 26% были унижены и оскорблены, 30,4% были грубо одернuty учителем и 5,6% (несколько больше, чем в семье) подверглись физическому насилию со стороны педагога. Один из механизмов общения является доверие. О недоверии к учителю и отсутствии эмоционального контакта с ним свидетельствует и тот факт, что только 5,4% детей обратились бы за помощью к педагогу, если бы они подверглись насилию. Примерно такое же количество детей обратилось бы к посторонним взрослым во дворе. Две трети респондентов, подростков, по крайней мере, в единичных случаях, за последний год, отмечают предвзятое отношение к ним учителей в школе, выразившееся в занижении оценок, а 20,7% испытывали такое отношение часто и очень часто.

Родители существенно реже говорят о предвзятом отношении учителей к их ребенку, чем об этом свидетельствуют сами дети. О частых подобных случаях заявляют 20,7% детей и 5,0% родителей. Аналогичным образом существенно ниже упоминания о высмеивании ребенка, грубости и оскорблениях, чем по мнению детей. Возможно, родители не осведомлены в достаточной степени о тех инцидентах, которые их дети воспринимают как психологическое жестокое обращение со стороны учителей.

Важным моментом являются взаимоотношения между сверстниками. Рискам в школе подростки подвергаются также со стороны старшеклассников и одноклассников.

Для изучения насилия в отношении детей важно понимание того, какие виды насилия распространены в большей степени на

улице и каково их содержание. На рис. 1 представлены оценки детей по поводу того, с какими видами насилия они сталкивались на улице.

Несмотря на сложившееся представление о том, что улица является более опасным пространством (по сравнению с организованным семейным и школьным), с насилием дети встречаются реже. Абсолютное большинство детей ответили, что не подвергались насилию на улице (от 97,5% до 69,6% в зависимости от вида насилия). Тем не менее, уличное пространство все-таки является условием различных видов насилия. Наиболее распространенным видом насилия над детьми на улице является предложение выпить спиртные напитки (часто и очень часто – 11,9%).

На втором месте, по распространенности среди других видов насилия над детьми на улице, находится: привлечение к просмотру порнографических материалов, фильмов (часто и очень часто – 3,8%); грубое одергивание, оскорбление, ругань (часто и очень часто – 3,8%); вовлечение в конфликты со сверстниками и взрослыми

(часто и очень часто – 3,6%); предложение наркотиков (часто и очень часто – 3,1%).

На третьем месте, по распространенности среди других видов насилия над детьми на улице, находится угроза избиения (часто и очень часто – 3,1%).

Для интегральной оценки масштаба распространенности насилия над детьми на улицах проведен кластерный анализ, позволивший разделить всех школьников на 3 группы по степени интенсивности насилия над детьми на улице. Распределение школьников по группам показано на рис. 2.

Абсолютное большинство детей указывают на низкую степень насилия на улицах (76,3%). Примерно каждый пятый ребенок на среднюю степень насилия на улицах (21,7%). На высокую степень насилия на улицах указывает очень небольшое количество детей (2,1%).

На рис.3 показано распределение школьников в группы по степени интенсивности насилия над детьми на улице в зависимости от параметров семьи и самого ребенка.

Больше детей, указывающих на высокую и среднюю степень

Рис. 1. Виды насилия над детьми на улице (в %).

насилия на улицах, наблюдается среди мальчиков (37,5%) по сравнению с девочками (19,7%).

Больше детей, указывающих на высокую и среднюю степень насилия на улицах, наблюдается среди детей в возрасте 15 лет (21,7%), 16 лет (25,2%) и 17 лет (29,2%). Таким образом, степень насилия на улицах по отношению к детям возрастает с увеличением их возраста.

Больше детей, указывающих на высокую и среднюю степень насилия на улицах, наблюдается среди детей, в семьях которых существуют прохладные, отчужденные (36,7%) или плохие (35%) отношения, равнодушие, безразличие (41,4%) или постоянное недовольство, раздражение (38,2%) в отношениях.

Больше детей, указывающих на высокую и среднюю степень насилия на улицах, наблюдается среди детей, живущих в бедных (60,5%) семьях; среди детей, которые учатся на тройки и двойки (54,2%); активно включены в молодежные субкультуры (42,4%); среди детей, которые курят (47,7%); регулярно употребляют алкоголь (64,9%); состоят на внутришкольном учете (58,3%).

Таким образом, насилие на улицах направлено, в первую очередь, на мальчиков; детей в возрасте от 15 до 17 лет; детей из

семей с плохими отношениями в семье; из бедных семей; детей с плохой успеваемостью и отклоняющимся поведением (активно включенных в молодежные субкультуры, курящих, регулярно употребляющих алкоголь, состоящих на внутришкольном учете).

Увлечения и характер занятий самих подростков характеризуют их «внутреннюю ситуацию», которая также важна для оценки риска их уязвимости как жертвы насилия, а также (в настоящем и будущем) его возможного субъекта.

Ведущей деятельностью подросткового возраста является общение со сверстниками, что подтверждают данные опроса. Вне дома с друзьями 90,1% ответивших проводят от 2 и более часов в день, в том числе 42,5% – более 5 часов. Если учесть, что общение с друзьями происходит и дома с помощью социальных сетей, активными участниками которых являются 67,8% подростков, то по объему оно превосходит другие занятия подростков. При этом активными сторонниками каких-либо молодежных субкультур являются 17,7% ответивших. В качестве факторов риска насилия здесь может рассматриваться членство в экстремистских молодежных группировках, перечисленных подростками (скинхеды, националисты и т.п.), отчасти – в фанатских клубах.

Рассмотрение подростка как части целостной социальной системы, включающей в себя семью, школу, неформальное общение вне дома, прежде всего, со сверстниками, показывает, что риск жестокого обращения с подростком присутствует во всех перечисленных сферах.

На восприятие насилия большое влияние оказывает информацион-

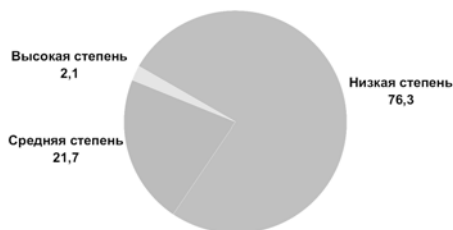

Рис. 2. Сегментация школьников по степени интенсивности насилия над детьми на улице (в %).

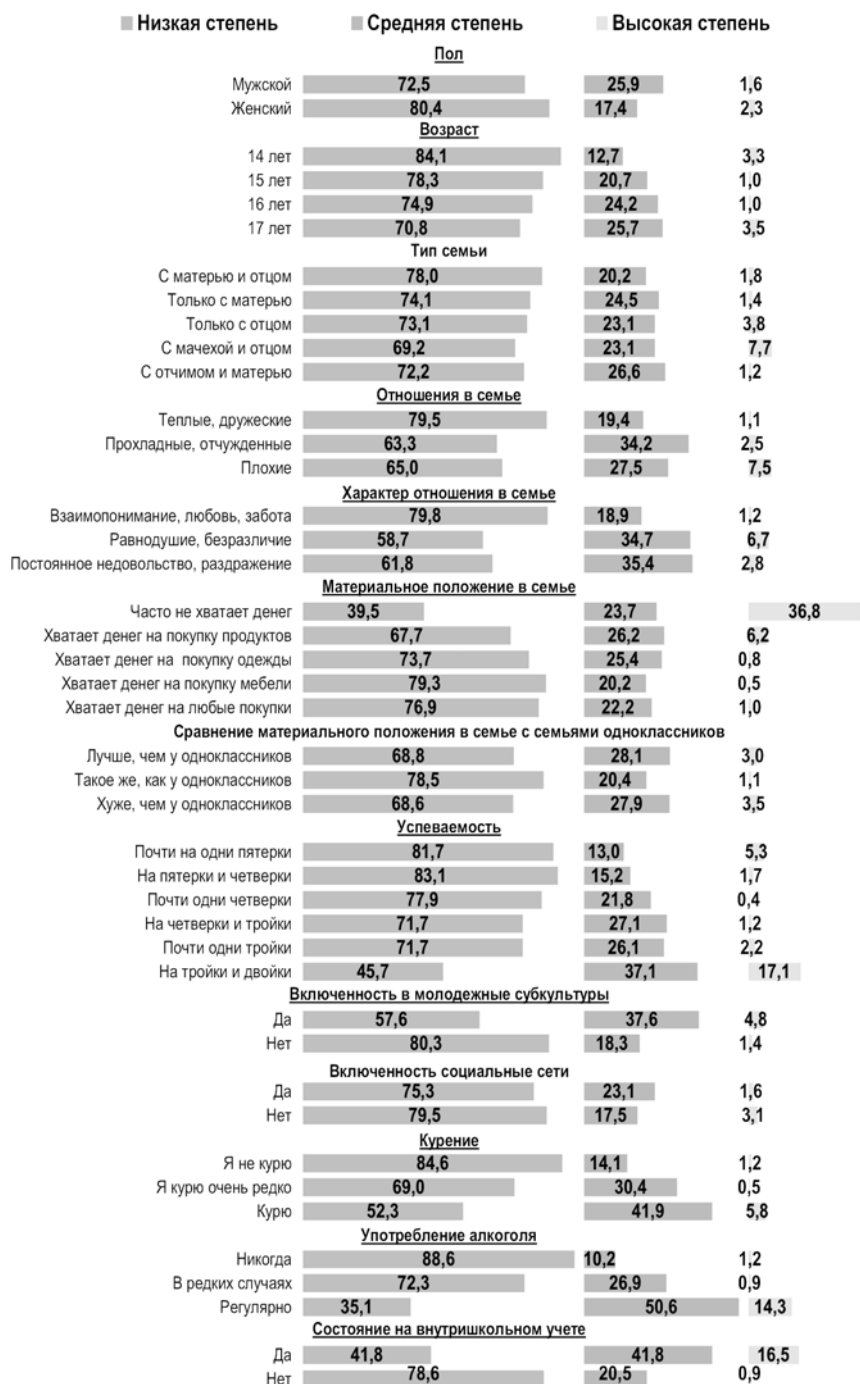

Рис. 3. Сегментация школьников по степени интенсивности насилия над детьми на улице, в различных группах школьников¹ (в %).

ное пространство. Анализ содержания текстов телепрограмм с целью исследования представленных в них социальных процессов (объектов, явлений), позволил выявить характер сообщений в СМИ⁴. Все сообщения на тему насилия над детьми были сгруппированы по характеру преподносимой информации. Выделялись два типа информирования: первый – «кейс-стади» (характеризующий тип сообщения, основанный на непосредственной констатации факта насилия и его осуждении); второй – «скандал» (материал, квалифицируемый так непосредственно источником информации). Материалы, попадающие в группу «скандалов», вследствие своей большей эмоциональной окраски, как правило, вызывают более сильный общественный резонанс.

Тема насилия в отношении детей, была классифицирована исходя из видов насилия: физическое, духовное, экономическое, психологическое и экономическое.

Наиболее часто в СМИ встречается тема физического насилия по отношению к детям (в основном в материалах, освещающих факты умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью). Это связано в первую очередь с тем, что этот вид,

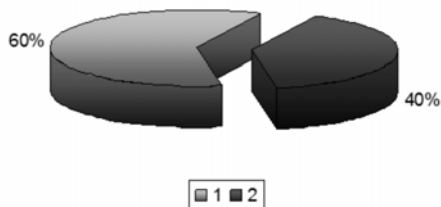
как правило, более очевиден по сравнению с другими, тогда как психологическое и духовное насилие относятся скорее к латентным видам правонарушений.

Отрицательным последствием особенностей освещения насилия над детьми, на наш взгляд, является то, что, практически во всех передачах, затрагивающих эту тематику, авторы откровенно демонстрируют результаты насильственного воздействия (кадры, показывающих видимые повреждения ребенка, или подробное словесное их описание). Что может травмировать аудиторию и оттолкнуть ее от просмотра не только новостных сюжетов на эту тему, но и от просмотра, к примеру, аналитических программ, привлекающих внимание общественности к возможностям профилактических мер рассматриваемого явления, к его социальным причинам и последствиям.

В средствах массовой информации тема экономического и сексуального насилия практически не освещается, несмотря на то, что относительно общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных в Москве за 2009 год, они составляют примерно 30% и 10% соответственно.

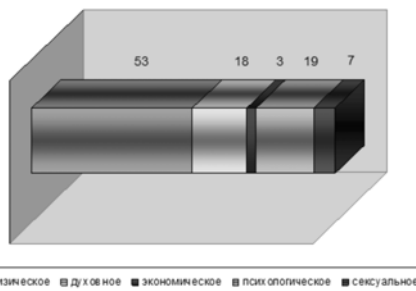
Духовное и психологическое насилие, как правило, сопровожда-

Характер сообщений в СМИ

1 – «кейс-стади» 2 – «скандал»

Частота упоминаний видов насилия в СМИ, в %

ют более «яркими» нарушениями прав детей и «заглушаются» ими, не привлекая к себе значительной доли общественного внимания.

Материалы, связанные по тематике с насилием над детьми, по своему содержанию имеют различную направленность: деятельность государственных органов, учреждений и представителей; профилактические действия; механизмы защиты; причины насилия; последующая реабилитация детей, а также различные статистические данные, общие положения и т.д., попадающие в категорию «другое»).

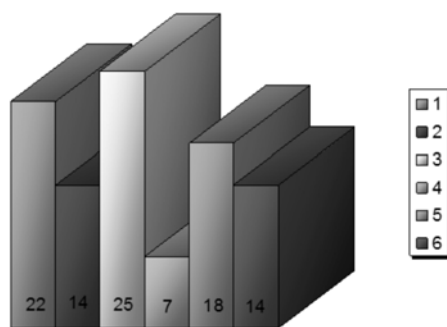
В СМИ практически не представлены и не анализируются возможные причины насильственных действий по отношению к детям. Как правило, аудитории предоставляется возможность самой сделать вывод о том, какие социальные предпосылки стоят за той или иной неблагоприятной ситуацией. Особенно характерно это для новостных сюжетов, которые в 75% случаев разносторонне описывают произошедшее, не проводя какого-либо разбора причин данного явления.

Наиболее часто в сюжетах, отражающих случаи насилия над детьми, встречаются указания на деятельность государственных органов власти в отношении защиты прав детей, комментарии чиновников, Уполномоченных по правам ребенка России и Москвы, их представителей, социальных работников и работников правоохранительных органов. Нужно отметить, что механизмы защиты детей от проявлений насилия в СМИ характеризуются непосредственно через деятельность вышеперечисленных институтов, поэтому данные категории тесно связаны по содержанию и занимают лидирующие позиции по частоте обращения к ним.

Не на последнем месте по частоте появления в СМИ находятся материалы, содержащие ссылки на различного рода статистические данные, характеризующие ситуацию с детским насилием в стране. Проблема, однако, заключается в том, что часто они противоречат друг другу, особенно отличаясь в зависимости от субъекта, преподносящего данную информацию. Как правило, государственные чиновники рисуют более радужную картину, тогда как представители общественных движений и независимые эксперты обычно обращают внимание аудитории на необъективное отражение ситуации официальной статистикой.

Одной из важных проблем в изучении насилия является неадекватное представление о последствиях насилия и источниках помощи. Насилие над детьми рассматривается лишь как противоправное деяние насильника, вследствие этого реакция общества на содеянное, по мнению респондентов, исчерпывается наказанием

Содержание сообщений в СМИ, в %

- 1 – деятельность государственных органов, учреждений и представителей
- 2 – профилактика насилия
- 3 – механизмы защиты
- 4 – причины насилия
- 5 – реабилитация детей, подвергнутых насилию
- 6 – статистические данные, общие положения, выводы и др.

виновного. Эта позиция нашла отражение в том, что большинство детей (58,6%) и родителей (71,7%) обратились бы в милицию за помощью в случае насилия над ребенком. Значимость насилия как психотравмирующего воздействия, требующего оказания специализированной помощи пострадавшему респондентами недооценивается. За помощью к психологу обратились бы 15,7% детей и 34,4% родителей. Следует отметить расхождение представлений детей и родителей о целесообразности обращения за помощью к учителям. К учителям обратились бы 32,1% родителей и только 5,4% детей, таким образом, родители явно возлагают на учителей необоснованные надежды, поскольку дети не видят ресурса в помощи учителей. На телефон доверия за помощью обратились бы 10,0% учеников и 14,2% родителей. Из этого следует, что до настоящего времени экстренная психологическая помощь по телефону остается невостребованной населением.

Таким образом, отвечая на поставленные вопросы можно сказать, что условием существования насилия в обществе здесь и сейчас является, прежде всего, состояние самого общества – нестабильность, неустойчивость, непредсказуемость. Трансформация российского общества, процессы глубинного преобразования, переход от одной системы отношений к другой, ведут к усилению насилия (в особенности психологического и духовного), появлению новых видов насилия (информационное). В этом случае можно говорить о взаимозависимости трансформации общества и насилия. Насилие, а точнее его уровень, в этом случае является отражением состояния общества. Следует заметить, что феномен насилия в

том или ином виде присутствовал в истории развития человечества всегда, поскольку многие акторы в своих практических интересах с большим или меньшим успехом использовали как инструмент для воздействия на социальное пространство в своей деятельности. Это подтверждает тот факт, что насилие часть социальной реальности.

На сегодня существует, по меньшей мере, два обстоятельства, которые «удерживают» насилие независимо от состояния общества. Первым является отсутствие общего представления в науке, в повседневной жизни, законодательстве о том, что такое насилие. Наблюдается несоответствие используемой терминологии, например, «физически наказывать» и «бить» не одно и то же. Следовательно, смешиваются разные виды телесных наказаний, не акцентируется внимание на их социально-педагогическом контексте. Спорным является и нахождение в одном ряду физического насилия – «пощечина», «избиение», «выгнать из дома». Поэтому, любые резкие «движения» в сторону борьбы с насилием могут породить новое насилие. Особенно когда речь идет о семье, семейных отношениях, где часто ограничение, запрет в качестве воспитательных мер, (например, просмотр определенных передач детьми) начинают восприниматься как насилие, но тем не менее присутствует во многих культурах мира. Вторым обстоятельством является неадекватное представление о последствиях насилия и источниках помощи.

В то же время, несмотря на динамичные процессы, нет достаточных оснований говорить о том, что российское общество испытывает больше насилия, по сравнению с другими странами и не спо-

собно вырабатывать механизмы снижения и защиты от насилия. Активно идут процессы в обществе по формированию социально-психологической помощи пострадавшим от насилия, возрастает потребность в ненасильственных формах общения, методах преподавания, развитие института Уполномоченного по правам человека, наиболее заметно развитие института Уполномоченного по правам ребенка. За последние несколько лет проведены исследования по проблемам насилия в России. Идет процесс разработки целостного видения преобразований в обществе через ненасильственные отношения и деятельность. Несмотря на ряд вопросов, которые остаются актуальными, российское общество встало на сложный путь продвижения в понимании этого сложного социального феномена.

Ссылки:

1. Научно-исследовательская работа «Проблема насилия в отношении детей в городе Москве», по Государственному контракту № 32 от 14 июля 2010 года для государственных нужд города Москвы. (Научный руководитель, д.с.н., профессор Н.Л. Смакотина).

2. Контент-анализ СМИ, анализ статистических данных, анкетный опрос московских школьников от 14 лет и старше, анкетный опрос родителей, экспертный опрос спе-

циалистов в области насилия в отношении детей. Метод фокус-групп. Для обработки и анализа данных, полученных в ходе исследования, использовались: метод корреляционного анализа, метод систематизации и сравнения, методы графического представления.

3. См. Антонян Ю.М. Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. С. 61-118; Волошина Л.А. Генезис агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование (Сборник научных трудов). М., 1990. С. 15-40; В.В. Устинова. Формирование личности несовершеннолетних насильственных преступников // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование (Сборник научных трудов). М., 1990. С.40-57.

5. Группы, название которых подчеркнуто, имеют статистически значимую связь с рассматриваемым вопросом.

6. В контент-аналитические исследования вошли каналы вещания – ОРТ, НТВ, ТВЦ. *Временные границы* исследования – с июля по ноябрь 2010г. В нашем случае исследования содержания телевизионных сюжетов мы имели дело с объектом, протяженным во времени. Генеральная совокупность – общее количество выпусков информационных программ за 6 месяцев.

ДЕБЮТ

Эволюция концептуальных подходов к социальной модернизации: от «социального государства» к «человеческому капиталу»

Николаева Е.Л.

В статье проводится теоретический анализ концептуальных подходов к социальной модернизации. Рассмотрены признаки, характеристики, последствия модернизации общества, выделяемые современными авторами. Проанализированы подходы к понятию социальный и человеческий капитал.

Ключевые слова: модернизация, социальная модернизация, социальный капитал, человеческий капитал.

Evolution of conceptual approaches to social upgrading from «welfare state» to «human capital»
Nikolaeva E.L.

The article analyzes conceptual approaches to social modernization, concepts of social and human capital. Considered signs, characteristics, effects and efforts of modernization, featured by modern authors.

Keywords: Modernization, social modernization, social capital, human capital.

Политика модернизации страны призвана качественно изменить требования к функционированию общественной системы. Модернизация предполагает всестороннее обновление общества; целенаправленное, ускоренное развитие общественных отношений до заданного качественно иного уровня. Сегодня приоритетным направлением является технологическая модернизация, то есть усовершенствование общественных отношений при помощи новейших технических достижений, привнесение в качестве фактора социальных изменений технологической компоненты, что должно привести к повышению качества жизни граждан.

Уже на начальном этапе модернизации общественных отношений в России проявились серьезные трудности: преобладание бюрократических процедур, трудности в исполнении принятых решений и в достижении конечных результатов. В результате преобладания ведомственных подходов, сложности и медлительности межведомственных согласований, коррупционной составляющей результаты

модернизации на сегодняшний день не очевидны. Сказывается недоверие бюрократии к инициативам гражданского общества, к механизмам общественной и независимой экспертизы, и, наоборот, недоверие граждан к инициативам «сверху».

В этой связи модернизация социальной сферы, или социальная модернизация, видится основным элементом новой системы, поскольку именно социальная сфера отвечает в обществе за социализацию, за воспроизводство моделей социального поведения. Таким образом, технологическая модернизация, проведенная без модернизации социальной сферы, будет иметь лишь краткосрочный эффект, напоминающий классическую «компанейщину».

Ситуация в социальной сфере в нашей стране имеет недостатки исторического свойства. Социальная сфера в современном виде, сформировалась в середине прошлого века. Еще в бытность СССР у многих граждан в вопросах, касающихся социального обеспечения, сформировался иждивенческий подход. Вместе с тем, как показывает мировой опыт, возможно активное вовлечение населения в решение социальных проблем при создании современных институтов социальной системы. Сегодня существуют так называемые социальные «ножницы»: экономический рост и рост национального богатства происходит на фоне высокого уровня бедности и социальной незащищенности населения. При этом значительная доля граждан нуждается в социальной поддержке государства.

Проблемы социальной сферы известны: нерациональное использование огромных бюджетных средств, неэффективные организационная структура, принципы

управления и финансирования, устаревшие методы и технологии, низкая эффективность существующей системы социального обеспечения, высокие издержки (до 40% средств идет на содержание аппарата самой социальной сферы), низкое качество и недостаточный объем (ассортимент) оказываемых населению социальных услуг. В качестве примера, 532 тыс. человек в социальной сфере отчуждены от непосредственного контакта с населением. В сложившихся условиях важно говорить о необходимости перезагрузки всей системы предоставления социальных услуг – сохраняя ее достижения, решительно бороться с бюрократичностью.

Очевидно, что без модернизации социальной системы, технологическая модернизация не будет эффективной. Общество, в котором не соблюдаются социальные права граждан, не может быть успешным. Насущной становится потребность построения новой, национальной модели социального обслуживания, отвечающей не только требованиям европейского и мирового законодательства, но и перспективам социального развития России. В этой связи встает вопрос методологической обоснованности выстраиваемой системы, ее продуманности и адаптивности в условиях неустойчивости общества эпохи постмодерна.

В большинстве научных трудов модернизация рассматривается как синоним прогресса, движения к современному и лучшему состоянию общества. Под этим понятием ученые разумеют совокупность экономических, социокультурных, социально-политических процессов, которые сопровождают индустриализацию¹. Впрочем, термин «модернизация» в силу большего

его использования политиками, нежели учеными, приобретает некоторую неопределенность.

К примеру, Быченко Ю.Г. и Логинова Л.В. подразумевают под модернизацией переход общества от традиционного к индустриальному или от индустриального к постиндустриальному². Гавров Н.С., напротив, считает, что термин «модернизация» не следует относить ко всему периоду социального прогресса, но лишь к одному его этапу - современному. «Поскольку современный период человеческой истории датируют с момента зарождения капитализма, суть модернизации связывают со всемирным распространением ценностей и достижений именно этой формации»³.

Модернизация, согласно рассуждениям Н.С. Гаврова, представляет собой, прежде всего, как необходимое условие успешности, внутреннее достижение обществами, в которых разворачиваются модернизационные процессы, изменения культурной идентичности. А смена культурной идентичности будет свидетельствовать о завершенности модернизационного процесса. При этом, развитие социального обеспечения - главный критерий модернизации.⁴

Для традиционных обществ модернизация крайне болезненна, считает он. Социокультурная традиция легитимизирует примат коллектива над личностью, господство мировоззрения над технологией, закрытое общество, отсутствие демократии, тогда как в процессе модернизации происходит изменение политических институтов, зарождение открытого общества, партийной демократии, изменение личности, доминирующей в обществе. Модернизация усиливает существующие противоречия в политической и нацио-

нальной культуре элиты и «неэлиты», в национальной политической культуре исчезает согласие по поводу основ жизни и целей данного народа⁵.

Можно согласиться, что модернизация представляет собой векторное изменение социокультурной сферы, уменьшение локальной и возрастание универсальной составляющей, мегатренд от локализма к универсализму. Действительно, в модернизированных обществах, представленных в большинстве своем странами, относящимися к западной цивилизации, и обществах, находящихся на заключительных стадиях модернизации, доминирует универсальное, локальное выполняет лишь компенсаторную функцию. Универсальное воплощается, прежде всего, в рыночной экономике, и включает в себя нормы, ценности, модели поведения. Движение к универсализму является движением к десакрализации мира, к разрушению архаического синкретизиса в культуре и обществе, приоритету прав личности. Модернизация расширяет спектр возможностей и общий потенциал развития культуры и общества⁶.

«Модернизация - это комплексный процесс, в котором соединяются политическая воля, экономическая целесообразность и технологические возможности... Модернизации XIX века лишь условно могут считаться предтечами современных модернизаций, так как, они служили задачам формирования новых глобальных центров политической и экономической мощи, готовых оспаривать доминирование прежних, а не становлению нового хозяйственного миропорядка, основанного на углубляющемся взаимодействии между его отдельными субъектами.⁷ « считает Иноземцев В. И

далее: «современная модернизация – это ускоренный и инициируемый государством процесс превращения страны в промышленную державу, конечная продукция которой становится конкурентоспособной на мировом рынке»⁸.

Существенными чертами современной модернизационной стратегии Иноземцев В. называет⁹:

- существенную роль государства как основного агента модернизации,
- готовность правящей элиты к революционным изменениям в социальной структуре общества,
- активное перенятие технологических решений из-за рубежа,
- привлечение прямых иностранных инвестиций и масштабные заимствования на мировом рынке капиталов.

Кирчанов М. выделяет пять важнейших характеристик модернизации как процесса преобразования общества:

- комплексность (модернизация является общественным процессом, который охватывает все сферы жизни);
- системность (в рамках модернизации изменение любого элемента влечет изменение других элементов);
- глобальность (хотя процесс модернизации начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток);
- темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения);
- разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными способностями)¹⁰

Скворцов И.П. важнейшими условиями успеха социальных преобразований, обстоятельствами затрагивающими культурные ос-

новы процессов модернизации, свидетельствующими о соответствии их содержания характеру культурной идентичности народа, называет¹¹:

- опору на культурные традиции и ценности страны, ее народов;
- социальность развития, его человеческое и социальное изменение;
- глубокое понимание и уважение характера жизни народа, его норм и традиций, ценностей и морали, которыми руководствуется в своей жизни большинство;
- гармоничная интеграция частных и общественных интересов.

Данилюк А.Я. и Кондаков А.М. отмечают¹², что в начале XXI в. процессы модернизации приобретают дополнительное социокультурное качество. Социокультурную модернизацию они определяют как целенаправленную государственно-общественную политику по формированию инновационной активности граждан в экономической, социальной, научно-технической и иных видах общественной деятельности, их способностей к духовно-нравственному, гражданско-патриотическому, эстетическому, интеллектуальному, социальному развитию в течение всей жизни, совершенствованию социальных отношений и окружающего мира, духовной консолидации общества на основе общенациональных приоритетов, нравственных ценностей и традиционных моральных норм многонационального народа России.

Подобная модель государственной политики предусматривает одновременное включение трёх ключевых факторов:

- укрепление лидирующей роли государства;
- концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях общественного развития;

- формирование инновационной экономики, развитие институтов гражданского общества, ориентированных на ценности модернизации современной России.

Так, если модернизация традиционного типа предусматривает, что государство и определяет, и осуществляет политику модернизации, употребляя власть и перераспределяя ресурсы, превращаясь в хозяйствующего субъекта, то модернизация социокультурного типа предусматривает, что государство продолжает проводить политику модернизации, но уже через диалог с гражданским обществом и достижение национального согласия по ключевым вопросам развития страны. Социокультурная модернизация ориентирована на человека, гражданина, на ответственную, креативную и успешную личность, мотивированную на качественный труд, творчество, непрерывное духовное, профессиональное, социальное и культурное развитие¹³.

Принципиальное различие двух типов модернизации авторы проводят через определение объекта модернизации. Традиционный, технократический подход основан на понимании, что объектом модернизации являются технологии в обрабатывающих, высокотехнологических отраслях экономики, которые необходимо усовершенствовать, обновить, привести в соответствие с новыми требованиями, нормами, показателями качества. Очевидно, что технологии могут успешно внедряться, использоваться и развиваться исключительно в соответствующей высококультурной и мотивированной на труд и творчество общественной и профессиональной среде, поэтому, понимание модернизации исключительно как технологического прорыва само по себе непро-

дуктивно, поскольку игнорирует этот очевидный факт¹⁴.

Беляева Л.А. выделяет¹⁵ органичную и неорганичную модернизации. Так, органичные модернизации были осуществлены в странах первого эшелона развития как реакция на внутренние импульсы и опирались на идеи национально-культурного возрождения и уже сформированные в обществе ценностные ориентации значительных слоев населения. К ним автор относит Англию периода промышленного переворота, США начала XX века, Францию 60-х гг. XX века. И несмотря на различия фаз, моделей и сроков все они были связаны культурным единством, что привело в конечном итоге к схожему типу общественного развития. Неорганичная, вторичная, или догоняющая модернизация осуществляется в странах второго эшелона развития как ответ на вызов, брошенный извне, со стороны более развитых и динамичных обществ. С различной степенью успеха вторичная модернизация была осуществлена в Японии, Турции, странах Латинской Америки и других странах.

Кузнецов В.А. также различает¹⁶ модернизацию общества и социальную модернизацию. Так, если модернизация общества связана с изменением человека, то социальная модернизация связана с изменением экономики, характерными чертами которой он называет:

- ускорение процесса формирования транснациональных корпораций; кардинальное изменение роли и места человеческого фактора в производстве;

- процесс трансформации роли собственности на средства производства (индивидуальная собственность на средства производства теряет свое значение; ей на сме-

ну приходят ассоциированные формы собственности: акционерные, корпоративные, партнерские, смешанные);

- основным источником капитала становятся права собственности на нематериальные активы, в том числе зарубежные;

- интеллектуализация труда требует трансформации общественной организации производства, приоритета личности работника, а принудительный труд эпохи классического капитализма становится экономически невыгодным;

- начинается процесс трансформации структуры экономики за счет изменения объемов сферы производства и сферы услуг, информации и интеллектуального труда;

- в системе «производство-потребление» происходит смещение приоритетов в пользу потребления за счет инновационных технологий.

Прозоровский А.С. отмечает¹⁷, что социальная модернизация является особой сферой, она ведет к колоссальному росту социальной мобильности. Происходит дифференциация социальных групп, в том числе и по профессиональному признаку. Урбанизация приводит к оттоку населения из сельских районов в города, в дальнейшем возникает тенденция к относительному сближению доходов различных групп, что становится основным стимулом прогресса производства в условиях рыночного хозяйства. Характерной чертой социальной модернизации является также разветвление систем массового образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения.

Как указывает Инглегарт Р., в ряде ранних работ по теории модернизации последняя наделялась

такими понятиями, как (1) приобщение к более высокой нравственности, (2) приближение к западной модели. Ошибочность такого подхода очевидна в силу того, что сегодня мало кто осмелится говорить о нравственном превосходстве западного общества, а на передних рубежах модернизации во многих отношениях сейчас находятся страны Восточной Азии.

Основной тезис теории модернизации он определяет¹⁸ так: индустриализация связана с конкретными социально-политическими преобразованиями, которые осуществляются повсеместно. И если между доиндустриальными обществами имелись огромные различия, то есть все основания говорить о единой модели «современного», или «индустриального», социума, к которой придет любое общество, вставшее на путь индустриализации.

Впрочем, социальные преобразования не могут носить линейного характера. То, что переход от аграрного общества к индустриальному порождает возможность ряда перемен, не означает, будто какая-либо тенденция может продолжаться в одном и том же направлении до бесконечности. Достигнув в своем развитии какой-то точки, она начинает идти на убыль. Не служит исключением и модернизация. К примеру, на заре известной нам истории люди были организованы в многочисленные сообщества охотников и собирателей; в результате появления сельского хозяйства они прекратили свое существование за счет замещения (или «модернизации») одних профессиональных практик другими, обладающими существенными функциональными преимуществами¹⁹.

Нечипоренко О.В. и Вольский А.Н. говорят в большей степени о

«вторичной модернизации», о приобщении к глобальному мировому сообществу «развивающихся стран». Как отмечают авторы, процессы вторичной модернизации чреваты мощными социальными конфликтами. В современную эпоху наиболее типичной формой подобных конфликтов становятся межнациональные и религиозные конфликты. Преобразование внутренней структуры локальных обществ они называют решающим фактором в успешности процесса модернизации и нейтрализации конфликтогенных угроз. В таком случае осмысление социальных аспектов модернизационных процессов будет происходить не как пассивное восприятие «населением» новых условий существования, но как динамичная система взаимодействий между глобализованным обществом и локальными сообществами²⁰.

Шапиро О.Р. указывает на существенную неоднородность, «калейдоскопичность» общественного сознания россиян, а также на урегулирование социальных конфликтов, выработку идеологии межнационального, межклассового и межстратификационного согласия как на главную задачу современной российской государственной идеологической политики. Разработка государственной идеологической политики предполагает выработку ряда современных модернизационных ценностей в различных слоях современного общества, что является попыткой формирования «мозаичного» сознания в котором есть место всему многообразию «калейдоскопической» идеологии²¹.

П. Штомпка задается вопросом: что движет слаборазвитые общества к современности? Каков причинный механизм этого движения? Отвечая на них он выдвигает

основную предпосылку модернизации - сосуществование обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс модернизации может подталкиваться «снизу» и осуществляться очень медленно; ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразование «сверху», подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация. Однако, тяга широких масс к модернизации зачастую идет вразрез с интересами облеченной властью политической элиты. В такой ситуации создаются предпосылки для появления новой элиты, которая побеждает консерваторов и приступает к реализации накопленного реформаторского потенциала общества²².

Красильщиков В.А. еще 20 лет назад к первому эшелону стран модернизи относил²³ те, где движение по пути модернизации было постоянным, хотя скорость этого движения, естественно, была неодинаковой на разных отрезках времени, а сами перемены иногда сопровождалась острыми социальными конфликтами и даже гражданскими войнами, как, например, война между Севером и Югом в США в 1861-65 гг. Ко второму эшелону модернизации относил страны Восточной и Юго-Восточной Европы, Турцию, юг Италии, Португалию и отчасти Испанию, некоторые наиболее развитые страны Латинской Америки (Аргентину, Бразилию, Уругвай, Чили), а также Японию и Россию.

Процесс модернизации последних носил неорганичный (экзогенный) характер и оказывался

возможным благодаря форсированному заимствованию готовых социальных форм организации производства и социальной жизни у более «развитых» стран. В некоторых случаях, как например в случае с Японией, странам второго эшелона удавалось войти в группу стран первого эшелона, а чем-то и превзойти их. В то же время, ускоренное развитие, быстрая модернизация, как правило, происходило неравномерно. Одни сферы общества приближались к своему уровню развития к тому, который существовал в центре мировой системы, а другие сильно и надолго отставали. Порой это порождало острые общественные конфликты²⁴.

В высшей степени интересной является позиция относительно модернизации профессора социологии Оставского университета (Чешская Республика) Яна Келлера. Так, он отмечает²⁵, что термин «модернизация», несмотря на сущностное отражение перемен, через которые прошло человеческое общество в последние века, к сожалению, оттеняет ряд других, не менее важных обстоятельств. По существу, концепция модернизации коренится в традициях Просвещения и выражает те же принципы, она заряжена тем же чувством освобождения, что и Просвещение, и, к сожалению, - теми же социальными переживаниями, провалами и недостаточностью. Даже если теория модернизации, под влиянием обратной стороны «становления прогресса», была вынуждена признать существование множества вторичных и сомнительных последствий модернизации, это не привело ее к избавлению от односторонности, которой она страдает с самого начала.

Суть в том, считает Келлер Я., что идея прогресса, ровно как и

теория модернизации, как ее наследница, с ее вниманием к освобождению индивида от пут традиционного общества, склонна обходить проблему социального характера человека, имеет тенденцию недооценки социального аспекта экзистенции, ее поддерживающего характера и значения для достижения подлинной свободы человека. Разве лишь Карл Маркс сумел концептуально уравновесить эту односторонность, обратившись к значению коллективизма а людей, не ослабляя в тоже время значения индивида²⁶.

Назначение современной модернизации, уверен профессор Келлер, служить основой концепта «третьего пути», соединить формальную демократию и рыночную экономику с социальной отзывчивостью, которая, в числе прочего, гарантировала бы социальное примирение. Иначе говоря, концепция «третьего пути» гласит, что капитализм способен на реформирование, что экспансия частной прибыли - принципа, не входящего в обоснование гуманистических или экологических взглядов - может быть «окультурена» и использована во благо гуманизации всего общества, во благо решения экологических проблем и т.д.

Можно ли действительно найти в процессе модернизации ключ к поддержанию такого компромисса между силами эксплуатации во имя прибыли, пытающимися перейти все существующие границы, и принципом социальной и экологической ответственности - помехой для этих крайне экспансивных сил? - задается риторическим вопросом автор. Отвечая, он выдвигает гипотезу о двух модернизациях: классической (простой) модернизации, означающей движение от мира домохозяйства к миру формальной организации,

и современной модернизации означающей движение от мира формальной организации к миру социальных сетей²⁷.

«Победа неолиберализма в середине 1970-х годов ускорила кризис социального государства и поставила принцип организаций и всей «организованной современности» под прямой удар. Этот конфликт не остался только на уровне идеологии. Сильное давление, генерируемое в сфере экономики, разрушило формальные организации и заменило их «сетями». В результате такого давления вера в Прогресс, связанная с модернизацией XVIII в., и даже в 1950-х годах оцениваемая как кредо среднего класса, была заменена ссылкой на «жесткие законы экономики», которых, в соответствии с неодарвинизмом, следовало держаться, несмотря ни на какие жертвы», - пишет Ян Келлер²⁸.

И вновь он задает вопросы: Является ли переход от мира организаций к миру сетей дальнейшим логическим шагом в процессе модернизации? Есть ли у нас какое-либо представление о модернизации социальной сферы? Каким в этом отношении должно выглядеть социальное государство? И на чем может быть основано государство такого рода, если мы знаем, что мир сетей полностью совместим с процессом глобализации, который во многих отношениях подавляет государство силой?²⁹

Возможно, процесс модернизации является закономерным. Впрочем, модернизацию уже прерывали в прошлом экономические и политические кризисы, которые вряд ли можно назвать случайностью или же «поверхностным фактором». Эти кризисы, скорее, были чем-то, что органически истекло из модернисти, уверен Ян

Келлер. «Что, если это были не временные муки родов, а фактически первые признаки коллапса, к которому с растущей скоростью направляется модернизированная система? Что, если модернисти, как и рынки, действует не как балансир, а скорее, по словам Джорджа Сороса, как ядро разрушения, раскачивающееся по собственной инерции?», - еще один ряд вопросов³⁰.

Основным тезисом профессора Келлера становится социальная сфера, разрушаемая модернизацией: «Модернисти на своих ранних стадиях безвозвратно разрушила мир домашнего хозяйства как центр традиционных форм в социальной сфере. Два века спустя (опять под девизом большей эффективности) она разрушает мир формальных организаций и перекладывает его форму в чрезвычайно нестабильную среду постоянно неустойчивых сетей. Лишь небольшое число способных индивидов «вылетают» из демонтированных организаций в мир сетей, где они поднимаются выше, чем это было возможно для них даже на самой высокой организационной платформе. Остальные теряют точку опоры и падают ниже «первого этажа» бывших организаций во все увеличивающийся сектор маргинальных и исключенных индивидов»³¹, - пишет он.

Ставится под сомнение сама эффективность модернизации: «необходимо было бы попытаться определить, в какой степени, высокий уровень безработицы в развитых европейских странах и растущая бедность среди части ее населения являются следствием низкого уровня модернизации, и, наоборот, насколько это следствие высокой фазы процесса модернизации. И в то же время, насколько он лишает секторы вне эффек-

тивной экономики (домашнее хозяйство, организации, социальное государство) благодаря обозначению их как старомодных, неэффективных и расточительных. Такой тип исследования мог бы показать тот способ, которым институты, ответственные за социальную политику, социальную защиту, социальные инвестиции и солидарность, образуют «органический компонент модернизационного процесса», и показать, до какой степени они являются лишь остатками чего-то, что процесс модернизации, при всей эффективности и амбициях, пока не смог полностью исключить из игры»³².

Трактовка модернизации, как правильно указывает³³ Федотова В.Г., зависит от применяемых теоретических методов, жесткости или ослабленности теоретических притязаний, дисциплинарных подходов. Каждый из них имеет свою объяснительную функцию, разную степень приближенности к эмпирической реальности и разную концептуальную способность проникнуть в сущность процесса.

Теория модернизации, которая в конце 70-х гг. считалась практически мертвой, как идеология позднего капитализма, переживает переоценку и дальнейшее развитие. Сейчас, при всех возражениях, стержневые элементы теории модернизации, а именно³⁴, а) существование эталонных, модернизированных обществ, б) процесс, в котором отставшие догоняют ушедших вперед, в) инновации модернизированных обществ, оцениваются³⁵ положительно: обновление рыночной экономики во всем мире, демократия и универсализм Дж. Александер называет неомодернизмом или раскрытием социально-политических предпосылок рыночной организации. Э. Тирикьян разработал программу «модер-

низации» или «неомодернизации», в которой инновационные силы социальных движений и потребности глобальных процессов включены в классические представления об эндогенном национально-государственном развитии.

Сегодня принято³⁶ различать несколько этапов становления теорий модернизации.

1 этап – 1950-е гг. до начала 1960х.

В этот период происходит формирование классических концепций о первичной и вторичной модернизации. Часто вторичная модернизация понимается как вестернизация, т.е. процесс прямого заимствования (или насаждения) западно-европейской либеральной культуры без учета специфики страны-реципиента. К первому этапу относятся труды М. Леви, Э. Хагена, Т. Парсонса, Н. Смелсера, Д. Лернера, К. Керра, У. У. Ростоу и др.³⁷. Широко исследовались различные социально-экономические процессы в странах третьего мира. На основании сформировавшихся классических социологических теорий модернизации общества исследовательская мысль пошла по направлению изучения возможностей развивающихся стран.

Единственной целью стало выявление причин отставания слаборазвитых стран. Исследователи вторичной модернизации пришли к выводу о том, что состояние отсталости стран «третьего» мира следует объяснять внутренними причинами: неэффективным использованием природных, трудовых ресурсов и нерациональным использованием капиталов. Именно внутренние причины создают «условия для их постоянного пребывания в т. н. «замкнутом круге бедности»³⁸. Самым серьезным и ощутимым показателем отставания

слаборазвитых стран является экономическое развитие. Экономическая модернизация с интеграцией во все сферы жизни общества рассматривается в рамках теории как единственный выход их «замкнутого круга бедности». В этот период времени осуществление «догоняющей» модернизации рассматривалось и с позиции неоклассической экономической теории. Следует обратить внимание и на существование неолиберальной концепции модернизации и глобализации, которая подвергалась особой критике.

2 этап – середина 1960-х до конца 1980-х.

На втором этапе сформировались основы концепций неомодернизации. Этот период отличается активными дискуссиями об очевидных провалах классических теорий модернизации. Критика классических концепций и основные положения неомодернизации представлены в трудах А. Турена, А. Абдель-Малека, Ш. Н. Эйзенштадта. Критические замечания касались уровня отставания различных сфер социальной жизни от других, формирования долгового кризиса развивающихся стран, развитие диктаторских режимов вместо демократии, культурной и появления феномена «ложной модернизации». Проявились неучтенные социокультурные характеристики слаборазвитых стран. В концепции вторичной модернизации признавалось институциональное разнообразие модернизирующихся обществ, важность национальных особенностей, социальной идентичности и разные характеристики социоиностранной среды.

3 этап – с начала 1990-х гг. и по настоящее время.

Третий этап концепций модернизации общества неразрывно свя-

зан с современными экономическими тенденциями и новыми направлениями развития обществ. Исследовательская мысль была направлена на изучение влияния процессов глобализации. Активно анализировались возможности «переходных» обществ. Исследователи связали процесс первичной и вторичной модернизации со становлением «информационного общества», «постиндустриального общества», «общества постмодерна». В современных дискуссиях больше уделяют внимания изучению возможности осуществления «глобальной модернизации», тем самым, пытаясь совместить современные идеи о возможности осуществления глобальных и локальных модернизационных проектов с идеями появившимися на первом и втором этапах развития теорий модернизации³⁹.

Основными характеристиками линейной или однонаправленной теории в рамках эволюционизма и структурного функционализма являлись:

1) модернизация является революционным процессом, связанным с радикальной трансформацией общественных моделей при переходе от традиционности к современности;

2) модернизация вызывает изменения практически во всех сферах жизни общества, порождая дифференциацию, индустриализацию, урбанизацию, коммерциализацию, социальную мобильность, национальную идентификацию, распространение средств массовой информации, политические изменения;

3) процесс модернизации является органичным встраиванием изменений в социальную систему. Как только изменение вносится в одну из сфер жизни общества, это неизбежно вызывает последова-

тельные цепные изменения в других сферах;

4) модернизация принимает глобальный характер, который обеспечивается распространением современных идей, институтов и технологий из Западной Европы по всему миру. Все общества можно распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности;

5) суть модернизации -эволюция, предполагающая определенные стадии, через которые должны пройти все общества;

6) процесс модернизации предполагает унификацию и постепенную конвергенцию сообществ;

7) модернизационные процессы являются необратимыми и носят прогрессивный характер.

Однако взгляд на модернизацию как на линейное движение и последовательное освоение афроазиатскими, латиноамериканскими и рядом других стран ценностей и стандартов западной организации власти, отношений государства и гражданина не выдержал испытания жизнью⁴⁰.

Теории парциальной или частичной модернизации М. Леви и Д. Рюшмейера основывались на представлении о модернизации как длительном переходе от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам. В отличие от линейной модели, идея парциальной модернизации сделала шаг от однонаправленного видения исторического процесса в сторону возможности многолинейной динамики.

Суть парциальной модели состояла в признании возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации, которая, по мнению Д. Рюшмейера, представляла собой такой процесс социальных изме-

нений, который вел к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур. Таким образом, данная теория предполагала возможность существования еще одного пути от традиционности к современности.

Многолинейные теории стали логическим развитием идей парциальной модернизации и основывались на критике эволюционизма и функционализма. Промежуточное положение между линейными интерпретациями исторического процесса и цивилизационным (дискретным) объяснением истории занимают многолинейные теории.⁴¹

Наиболее видные их представители – Э. Тириакаян, П. Штомпка, Р. Робертсон, У. Бек, А. Турен, С. Хантингтон выдвинули следующие положения:

1) нет единственной модели модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей – существуют собственные оригинальные пути развития;

2) наличие социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода является не препятствием, а стимулом, дополнительным фактором развития;

3) модернизация детерминруется как внутренними, так и внешними факторами (это эндогенно-экзогенный процесс);

4) она в значительной степени определяется не анонимными законами эволюции, а действиями социальных факторов (индивидов и групп), имеющих возможность обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства;

5) модернизация происходит на конкретном историческом фоне, существует зависимость между результативностью модернизации

и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличным ресурсами;

6) модернизация не всегда единый процесс – в условиях трансформации существует возможность различного поведения сегментов общества;

7) модернизация не всегда непрерывный процесс, она может переживать периоды падения и взлета, развиваться циклически.

Теория финского ученого Т. Пириайнена совмещает идею модернизации с деятельностным подходом. Исследователь, основываясь на том, что социальные преобразования во многом определяются повседневной жизнью обычных людей, выбирающих те или иные жизненные стратегии, позволяющие им справиться с трудностями переходного периода. Сопоставление стратегий различных семейств дает возможность представить контуры нового социального порядка, коллективные результаты индивидуальных действий акторов.

В конце XX – начале XXI в. идея модернизации претерпела существенные изменения, возникли альтернативные теории, в частности постмодернизма и глобализации.

Вассерман Ю.М. считает, что основным при изучении модернизации является понятие социокультурного типа, связанного или не связанного с рыночными отношениями. Именно рыночные отношения, с одной стороны, являются адекватными современной технике-технологической базе общества, с другой стороны, современная культура приспособливает поведение людей к этим отношениям. Оппозиция ««традиционный» социокультурный тип – «современный» социокультурный тип»

является методологическим приемом, позволяющим дихотомизировать значения всех изучаемых социокультурных свойств, получая своего рода «чистые типы» – «традиционный» и «современный». Эти типы образуют полюса, в континууме которых должны располагаться реальные индивиды⁴².

Среди различных компонентов, позволяющих рассмотреть проблему измерения человеческого потенциала, Титов В.Н. выделяет социальный капитал. Указывается, что проблематику социального капитала можно рассматривать с двух точек зрения: как ресурс отдельного индивида и как ресурс социальной общности. Если избирается первая перспектива, то анализ будет строиться вокруг поведения «экономического человека», который рационально принимает решение о вхождении или о выходе из социальной сети, об уровне и формах инвестиций в социальную сеть. Во втором случае анализ будет иметь выраженный социологический характер: в центре внимания будут структура сети, степень открытости или закрытости сети, плотность и природа социальных связей, факторы доверия и т. п. Автору представляется целесообразным рассматривать проблему социального капитала не через призму либо индивид, либо общество, а посредством постепенного перехода с индивидуального уровня на последующие уровни включенности индивида в различные все более сложные социальные образования⁴³.

Впервые для характеристики потенциала социальных отношений термин «социальный капитал» был применен Л.Дж. Ханифаном в 1916 году. Создание теории «социального капитала» как отдельного направления в рамках экономической социологии связано с такими

именами, как П. Бурдье, Дж. Коулман и Р. Патнэм. Именно они заложили основы теории «социального капитала» и предопределили современный взгляд на данную теорию.

Джеймс Коулман выделяет три разновидности капитала: физический, человеческий и социальный. Если физический капитал полностью «осязаем», будучи воплощенным в материальных формах, человеческий капитал, проявляющийся в приобретенных индивидуумом навыках и знаниях, «осязаем» чуть менее, то социальный капитал практически совсем «не осязаем», поскольку включен в структуру отношений между индивидами, а не сосредоточен непосредственно у них или в средствах производства. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен и облегчает производственную деятельность: он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Так, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить намного больше, по сравнению с группой, не обладающей данными качествами. При этом, чем сильнее развита социальная сеть личных отношений, тем выше шансы воспроизводства экономического капитала. Следовательно, социальный капитал способен оказывать влияние на другие формы капитала⁴⁴.

В своей расширительной трактовке, социальный капитал Коулман трактует как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы. По аналогии с физическим и человеческим капиталом, вопло-

щенным в орудиях труда и обучении, которые повышают индивидуальную производительность, социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал – это социальный клей, который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. «Социальный капитал – это способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или более широкой социальной структуре... Способность к накоплению социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, она является особенностью той сети отношений, которую выстраивает индивид. То есть, социальный капитал – продукт включенности человека в социальную структуру»⁴⁵.

Происхождение социального капитала связано с изменениями в отношениях между индивидами, а его существование – только с наличием взаимоотношений. Важная форма социального капитала – возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям. В отличие от культурного и человеческого капитала, объективированную структурную основу социального капитала формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования знаний и информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения и т.д. Измерять социальный капитал можно только через степень включенности в те или иные сети, а также через характеристики этих сетей – их

размер и плотность, силу и интенсивность сетевых связей. «На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала - принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в группе»⁴⁶.

Роберт Патнэм в книге «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии» определяет социальный капитал как «уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем»⁴⁷.

Социальный капитал, наряду с другими формами капитала, способствует благосостоянию и конкурентоспособности нации. Помимо этого, согласно данным Р. Патнэма, полученным в США, существует высокосвязанная положительная связь социального капитала со здоровьем, благополучием, ощущением счастья и отрицательная – со стремлением к уклонению от налогов. Высокий социальный капитал общества не только способствует процветанию и повышению благосостояния нации, но и делает ее представителей более гармоничными, благополучными и социально-ответственными⁴⁸.

Социальный капитал рассматривается Ф. Фукуямой в качестве определенного потенциала общества или его части, возникающего при наличии доверия между его членами. Доверие, в качестве главного элемента социального капитала, Фукуяма определяет как доверие как возникающее у чле-

нов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии в некоторыми общими нормами. Некоторые из этих норм относятся к сфере фундаментальных философских ценностей (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения. Фукуяма подчеркивает значительное влияние, которое культура, социальный капитал, доверие оказывают на хозяйственную жизнь общества. Доверие способствует значительному снижению издержек организаций за счет сокращения юридических формальностей и бюрократической работы. Особенности промышленной структуры страны: масштаб предприятий, их распределение в экономической системе и способы организации отдельных фирм – обусловлены ее культурой, считает он ⁴⁹.

К. Чарльз и П. Клайн также определяют социальный капитал как товар, который индивиды используют в нерыночных социальных взаимодействиях, чтобы извлечь ценные ресурсы (совет, товарищеское отношение, финансовую поддержку, помощь в воспитании детей или в трудоустройстве). При этом социальный капитал двух индивидов увеличивается в результате инвестиций, сделанных каждым из участников пары. Экономисты полагают, что доверие, как компонент социального капитала, способствует минимизации транзакционных издержек. Доверие стимулирует частые и насыщенные информационные обмены, предотвращает ненужные расходы на защиту прав собствен-

ности и способствует согласованию различных интересов участников экономического взаимодействия. Поэтому репутация становится ценным активом, поддерживающим и оправдывающим отношения доверия. Необоснованное же доверие ведет к росту издержек, поскольку требует инвестиций в виде времени, денежных и материальных средств. Следовательно, сокращение транзакционных издержек можно рассматривать как результат инвестиций в доверие, а значит в социальный капитал⁵⁰.

После неоллиберального реформирования капитализм претерпел глубокие изменения. Ранее основная опора была на активную экономическую политику и кейнсианские принципы государственного построения, обеспечивающие рост спроса и повышение покупательной способности. Правительство Великобритании создавало хорошие условия для получения промышленного капитала. Капитализм в Британии строил «государство всеобщего благосостояния» на основании организации системы социальной защиты, перераспределении богатства и обеспечения разных социальных категорий. Государство выступало главным обобщающим инструментом между обществом и другими структурами.

Значительному ослаблению концепции «государства всеобщего благосостояния» способствовали глобализация и интеграция финансовых рынков и потоков⁵¹, возникновение наднациональных структур управления. Современность пошла по пути неоллиберальной экономики, в которой главными аспектами являются прибыль, эффективность, гибкость, отрыв от социальных ценностей и справедливости.

Напомним, что понятие человеческого капитала, призванное от-

разить роль социальных и культурных факторов в социо-экономическом развитии общества, вошло в научный дискурс сравнительно недавно. Человеческий капитал - это выраженные в качественных и количественных показателях социально значимые способности, знания, умения, навыки, сформированные на основе природных задатков и в результате социальных взаимодействий, рассмотренных как сознательное инвестирование в развитие человека⁵².

С позиций функционального подхода к анализу экономических явлений человеческий капитал - это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост зарплат (доходов) человека⁵³.

Инвестирование в человеческий капитал - это важнейшая предпосылка его воспроизводства, но еще не само воспроизводство, которое осуществляется в процессе деятельности, где носитель этого капитала выступает либо субъектом, либо объектом воздействия, считает Г.Н. Соколова. Человеческий капитал создается как в общественном секторе экономики посредством рыночного механизма, так и в индивидуальном - как затраты времени и усилий на накопление личных знаний, навыков, опыта. Но личные затраты неизбежно включаются в общественные, ибо накопленный запас знаний и умений может быть реализован в обществе посредством активной деятельности их обладателя⁵⁴.

Человеческий капитал не только подвержен физическому и моральному износу, но и способен накапливаться и умножаться, износ человеческого капитала определяется, во-первых, степенью естественного износа (старения) человеческого организма, а во-вторых, степенью морального износа вследствие устаревания знаний или изменения ценности полученного образования. По мере накопления человеческого капитала его доходность повышается до определенного предела, ограниченно-го верхней границей активной трудовой деятельности (активного трудоспособного возраста), а затем резко снижается⁵⁵.

При формировании человеческого капитала имеет место «обобщающий множительный эффект», состоящий в том, что в процессе обучения возрастают характеристики и способности не только у обучаемого, но и у того, кто обучает, что впоследствии приводит к росту зарплат как первого, так и второго. Не всякие инвестиции в человека могут быть признаны вложениями в человеческий капитал, а лишь те, которые общественно целесообразны и экономически необходимы. Характер и виды вложений в человека, обусловлены историческими, национальными, культурными особенностями и традициями. По сравнению с инвестициями в другие формы капитала инвестиции в человеческий капитал являются наиболее выгодными как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества⁵⁶.

Валентей С. и Нестеров Л. отмечают, что инвестиции в человеческий капитал имеют ряд отличий от других видов инвестиций. Отдача от инвестиций в человеческий капитал непосредственно зависит от срока жизни

его носителя (от продолжительности трудоспособного периода). Чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они начинают давать отдачу. Но нужно иметь в виду, что более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и долговременный эффект⁵⁷.

Агабеков С.И. выделяет базовые аспекты, на основе которых выстраиваются вероятные стратегии развития инновационного человеческого капитала. Первичный подход предусматривает наличие двух основных точек равновесия: низко технологическое равновесие и высокотехнологическое равновесие. Среди ключевых факторов, влияющих на развитие социально-экономической системы (ее переход в один из двух типов равновесия), выделяются: экономико-институциональный, мотивационный, аппаратно-структурный, образовательный и геополитический. В свою очередь, равновесие на рынке высокотехнологической продукции определяется двумя составляющими. Одна из них – предложение труда, другая – спрос на труд. Сектор предложения труда включает в себя все вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов. Основными показателями здесь являются данные, отражающие количество людей с высшим образованием, кандидатов и докторов наук, число людей, занятых в НИОКР и конструкторских проектах на предприятиях, а также мотивационные характеристики. Сектор спроса на труд формируется с учетом ситуации на предприятиях, их особенности к современному маркетингу, анализу динамики потребительского рынка, принятию гибких решений по акционированию и продаже нерентабельных подразделений, покуп-

ке зарубежных высоко-технологических производств⁵⁸.

Рассмотрение перечисленных факторов воздействия на систему, принятых в модели в качестве основных, выявляет несколько сценариев развития ситуации, которые в свою очередь могут быть сведены к двум основным, в соответствии с допущением о существовании двух устойчивых точек равновесия. Пессимистический сценарий предполагает сокращение государственного финансирования целевых проектов, отток специалистов, старение технического персонала, снижение образовательных мотиваций. В конечном итоге речь идет о достижении нижней точки равновесия с низким технологическим потенциалом. Оптимистический сценарий нацеливает на рост самостоятельности предприятий, совершенствование маркетинговой базы, повышение спроса на технических специалистов, увеличение прибылей. Следствием этого станет мотивационный сдвиг в сторону получения качественного образования⁵⁹.

Бразевич С.С. предлагает комплексный подход к человеческому капиталу, который подразумевает синтез количественных и качественных показателей, рассмотрение его в виде единого социального процесса трансформации инвестиционных потоков посредством институтов семьи, науки и образования в общественно накопленный человеческий капитал. Социальную статику человеческого капитала он представляет через социальные отношения в социально-трудовой, профессиональной, социально-политической и семейно-родственной сферах. Социальная динамика человеческого капитала выражается в социальных взаимодействиях. На микроуровне социологического анализа понятие че-

ловеческого капитала предлагается применять в соотношении с динамикой межпоколенного обмена внутри семьи, особенностями договорных процессов в организации и процессами социализации в образовательных учреждениях⁶⁰.

Заклучение. Таким образом, модернизация как макропроцесс перехода общественного устройства из одного состояния в другое предполагает целенаправленные изменения институциональных сфер общества: политической, экономической, социальной и культурной подсистем. Можно говорить, что модернизационные процессы включают в себя политическую, экономическую, социальную и культурную модернизацию. Иначе говоря: модернизация есть нечто большее, чем быстрое экономическое развитие или стремительные социальные перемены.

Как верно отмечает Шумилов В.К. ⁶¹, модернизируемое общество - это «общество риска». Существенный риск, с которым сталкивается общество, вступившее на путь модернизации, это социальная трансформация общества, которая приводит в действие механизмы структурирования социума на новых началах. Постепенное изменение видов труда и занятости приводит к возникновению новых социальных групп, трансформации слоев и классов в обществе, трансформации ценностей и культуры. Процессы модернизации, связанные с массовым сдвигом в ценностях, требуют тотальной мобилизации усилий. При этом, модернизация как процесс не может происходить в отрыве от культуры, без учета механизмов возникновения и закрепления ценностей в обществе.

Как пишет Бразевич С.С.: «человеческий капитал существует в потенциальной и реальной фор-

мах, выступает важнейшим социетальным индикатором, на макроуровне выражающим уровень общественного благополучия и характеризующим статус государства на международной арене. Человеческий капитал характеризует человека через призму социальной ценности, включающей в себя социальный аспект всех его свойств, определяющих актуальную и потенциальную трудовую деятельность. Человеческий капитал как социальная категория выражает отношения между отдельными индивидами в процессе формирования субъекта труда по поводу создания способности к профессиональной деятельности и ее расходования, по поводу распределения, получения и использования ресурсов.⁶²

Литература

1. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Модернизация общества и качество человеческого капитала // Известия Саратовского университета, т. 8., сер. Социология. Политология, вып. 2, 2008.
2. Гавров Н.С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. – Москва: МГУ-КИ, 2002.
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России // Педагогика, 2011, №1.
4. Добренков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. М., 2005.
5. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под редакцией В.Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999.
6. Иноземцев В. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.
7. Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия. Критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования, 2002, №7.
8. Кирчанов М. Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий. – Воронеж, 2009.
9. Крадин Н.Н., Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории. – М.: ЛКИ, 2008.
10. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993, №7.
11. Кузнецов В.А. Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий // Вестник Челябинского государственного университета, 2009, №2 (140). Экономика, Вып. 18.
12. Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации // Гуманитарные науки в Сибири, 1999, Вып. 1.
13. Петров А. В., Теории экономического развития общества. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2008.
14. Побережников И.В. Модернизация: теоретико методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Под ред. Борожкина Л.И., Москва, 2002, Вып. 8.
15. Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. – Москва: ИМЭМО РАН, 2009.
16. Пугачев В., Соловьев А., Введение в политологию: 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004.
17. Скворцов И.П. О социокультурных аспектах модернизации

современной России // Теория и практика общественного развития, 2011, №4.

18. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии, 2000, №4.

19. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс, 1998, №8.

20. Шапиро О.Р. Идеологические аспекты модернизации современного политического управления // Политическое управление, 2011, №1.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. – Москва: Аспект Пресс, 1996.

22. Шумилов В.К. Массы и модернизация общества // Социология, 2008, №4.

Ссылки:

1 См.: Петров А. В. Теории экономического развития общества. СПб., 2008, с. 52.

2 Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Модернизация общества и качество человеческого капитала // Известия Саратовского университета, т. 8., сер. Социология. Политология, вып. 2, 2008, с. 48.

3 Гавров Н.С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. – Москва: МГУ-КИ, 2002, с. 62.

4 Там же с. 63.

5 Там же, с. 64-66.

6 Там же, с. 67.

7 Иноземцев В. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. с. 5-6.

8 Там же, с.9.

9 Там же.

10 Кирчанов М. Националистическая модель политической модернизации и трансформации ев-

ропейских периферий. – Воронеж, 2009, с. 6-8.

¹¹ Сковрцов И.П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития, 2011, №4 /<http://teoria-practica.ru/-4-2011/philosophy/skvortsov.pdf>

12 Данилюк А.Я., Кондаков А.М. развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России // Педагогика, 2011, №1, с.6-7.

13 Там же, с. 8.

14 Там же.

15 Там же, с. 16.

16 Кузнецов В.А. Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий // Вестник Челябинского государственного университета, 2009, №2 (140). Экономика, Вып. 18, с. 25.

17 Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. – Москва: ИМЭМО РАН, 2009, с. 18.

18 Инглеарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под редакцией В.Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999, с. 263-264.

19 Там же, с. 263-264.

20 Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации // Гуманитарные науки в Сибири, 1999, Вып. 1, с.52-53.

21 Шапиро О.Р. Идеологические аспекты модернизации современного политического управления // Политическое управление, 2011, №1, с. 27

22 Штомпка П. Социология социальных изменений. – Москва: Аспект Пресс, 1996, с. 175-176.

23 Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993, №7, с. 40-41.

- 24 Там же.
- 25 Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия. Критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования, 2002, №7, с. 48.
- 26 Там же.
- 27 Там же, с. 49.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же, с. 50-51.
- 31 Там же.
- 32 Там же, с. 52.
- 33 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии, 2000, №4, с. 3-4.
- 34 См.: Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс, 1998, №8, с.23.
- 35 Там же, с. 24.
- 36 Добренчиков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. М., 2005.
- 37 Петров А. В., Теории экономического развития общества. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008, с. 54.
- 38 Там же, с. 55.
- 39 Петров А. В., Теории экономического развития общества. Учебно-методическое пособие. — СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008, с. 57-58.
- 40 Пугачев В., Соловьев А., Введение в политологию: 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004, с.413.
- 41 Крадин Н.Н., Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории. – М.: ЛКИ, 2008, с.166-200.
- 42 Там же, с. 39.
- 43 Титов В.Н. Социальный капитал в контексте проблемы формирования гражданского общества // Социосфера, 2010, №1, с. 65.
- 44 Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психология исследования. – Москва: РУДН, 2009, с. 13.
- 45 Цит. по: Воробьев А.В. Социальный капитал как основа экономики в условиях глобализации. – Минск: МИУ, 2004, с. 112.
- 46 Цит. по: Яницкий О.Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал, 2009, №4, с.9.
- 47 Там же, с. 15.
- 48 Там же, с. 15.
- 49 См.: Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психология исследования. – Москва: РУДН, 2009, с. 20-21.
- 50 См.: Там же.
- 51 Economic globalization // Martin Powell, Martin Hewitt, Welfare State and Welfare Change – Buckingham: kpen University Press, 2002., с. 90.
- 52 Бразевич С.С. Социальная мобильность человеческого капитала // Социология и право, 2009, №2 (2), с. 16.
- 53 Соколова Г.Н. Человеческий капитал как экономическая категория // Социология, 2004, №2, с.58.
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры / / Вопросы экономики, 1999, N 2, с. 101.
- 58 Агабеков С.И. Проблемы спроса на инновационный человеческий капитал // Социс, 2001, №11, с. 136.
- 59 Там же, с. 137.
- 60 Бразевич С.С. Социальная мобильность человеческого капитала // Социология и право, 2009, №2 (2), с. 16.
- 61 Шумилов В.К. Массы и модернизация общества // Социология, 2008, №4, с. 272.
- 62 Там же, с. 16-17.

Продовольственная безопасность в системе социально-экономических приоритетов России

Новиков К.И.

Рассматривая проблему продовольственной безопасности, следует учитывать ее многоаспектный характер. Обеспечение продовольственной безопасности предполагает, во-первых, необходимость снабжения основными видами продовольствия, удовлетворяющими наиболее важные потребности населения, за счет собственного производства при соблюдении пороговых значений доли импорта в наполнении продовольственного рынка. Во-вторых, продовольственная обеспеченность автоматически не ведет к доступности продовольствия для различных групп и слоев населения с учетом их территориальной и статусной принадлежности, уровня доходов и т.п. Решение этой проблемы в значительной степени зависит от функционирования товаропроводящей системы, обеспечивающей физическую доступность продовольствия для населения. Ключевые слова: продовольственная безопасность, дифференциация доходов, структура минимальной продовольственной корзины, прожиточный минимум, импорт основных видов сельскохозяйственной продукции, рациональные норма потребления.

Food security in the socio-economic priorities of Russia
Novikov K.I.

Considering the problem of food security should take into account its multidimensional character. Ensuring food security requires, first, the need for the supply of essential food items that meet the most important needs of the population, at the expense of its own production, subject to the threshold share of imports in the filling of the food market. Secondly, food security does not automatically lead to the availability of food for different groups and strata of the population with regard to their territorial status and affiliation, income level, etc. The solution to this problem largely depends on the operation of the distribution system to ensure the physical availability of food for the population. Keywords: food security, income differentiation, the structure of the minimum food basket, a living wage, import basic agricultural products, rational consumption rate.

Проблема продовольственной безопасности находится в центре внимания органов государственной власти, о чем свидетельствует, в частности, утверждение Указом Президента в январе 2010 г. Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, и научной общественности. Однако, это не означает, что исследовательский потенциал заявленной проблематики исчерпан. По многим вопросам сохраняются различные позиции. К тому же острота рассматриваемой проблемы продовольственной безопасности России меняется под влиянием внешних и внутренних факторов экономического, демографического, социального, природного характера, требующих изучения и отражения в государственных программах обеспечения продовольственной безопасности.

Рассматривая проблему продовольственной безопасности, следует учитывать ее многоаспектный характер. Обеспечение продовольственной безопасности предполагает, во-первых, необходимость снабжения основными видами продовольствия, удовлетворяющими наиболее важные потребности населения, за счет собственного производства при соблюдении пороговых значений доли импорта в наполнении продовольственного рынка. Во-вторых, продовольственная обеспеченность автома-

тически не ведет к доступности продовольствия для различных групп и слоев населения с учетом их территориальной и статусной принадлежности, уровня доходов и т.п. Решение этой проблемы в значительной степени зависит от функционирования товаропроводящей системы, обеспечивающей физическую доступность продовольствия для населения. Это предполагает межрегиональное перемещение продовольственных ресурсов, развитие торговой сети на селе, гарантированное снабжение продовольствием труднодоступных районов и т.п.

Экономическая доступность продовольствия зависит от решения проблемы бедности в России, преодоления резкой дифференциации доходов, пересмотра состава и структуры минимальной продовольственной корзины, лежащей в основе определения прожиточного минимума, поддержания цен на основные продовольственные товары на уровне, обеспечивающем их экономическую доступность для всех, но, прежде всего, малообеспеченных групп населения.

Еще один аспект продовольственной безопасности связан с необходимостью обеспечения высокого качества и сбалансированности продовольственного набора в соответствии с научно обоснованными нормами потребления.

Анализ продовольственной независимости связан с проблемой самообеспечения продовольствием за счет собственного производства и определением нормативной доли импортного продовольствия в общем потреблении. Конечно, в условиях развития международного разделения труда недопустимо ставить вопрос об обеспечении населения России продовольствием за счет собственного производства любой ценой, но столь же недопустимо иг-

норировать меры разумной протекционистской политики, государственной поддержки отечественных производителей продовольствия.

Таким образом, по-нашему мнению, для достижения продовольственной безопасности необходима целенаправленная деятельность государства по созданию стратегических запасов и резервов продовольствия, формированию оптимального соотношения в обеспечении населения продовольствием собственного производства и за счет импорта, формированию доступных основной массе населения цен на продовольствие, проведению санитарного контроля в сельском хозяйстве, пищевой промышленности и торговле продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

За годы экономических реформ Россия справилась с дефицитами основных продуктов питания на продовольственном рынке, большинство россиян получили возможность приобретать многие продукты питания, которых ранее не было на отечественном рынке. В то же время, насыщение продовольственного рынка еще не преодолело низкого уровня удовлетворения рациональных потребностей в продовольствии, поскольку физическая доступность еще не означает доступности экономической.

Рыночная трансформация экономики России обозначила новые грани проблемы продовольственной безопасности, поскольку многие условия функционирования экономической системы, определяющие продовольственную безопасность, характеризуются рыночной природой. Речь идет об установлении цен на продовольствие как продукт сельского хозяйства и его взаимодействия с другими секторами агропромышленного комплекса, об экономической доступности продовольствия для социальных слоев

населения с различными доходами (при резкой дифференциации последних), о доле и динамике импорта продовольствия в общей структуре потребления и т.п.

В 2009 г. производство пищевых продуктов, включая напитки, составило 99,5% от уровня 2008 г., а с начала 2010 г. наблюдалось восстановление производства после небольшого спада в 2009 г.¹ Как показывают данные табл. 1, рост производства наблюдался по всем основным видам экономической деятельности АПК, за исключением переработки фруктов и ягод. В то же время, в сравнении с 1990 г. наблюдается снижение производства мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, яиц, зерна, а также фруктов и ягод.

Сравнивая производство и потребление основных продуктов питания, можно сделать вывод, что

мяса и мясопродуктов население России потребляет в 1,5 раза, а сахара – в 4,1 раза больше, чем производит. Из-за ограниченности собственного производства пищевых продуктов растут поставки продовольствия по импорту (табл. 1).

В 2009 г. значительная часть продовольственных ресурсов Российской Федерации обеспечивалась за счет импорта. В объеме товарных ресурсов розничной торговли продовольственными товарами доля импорта в 2009 г. составила 32,9% (в 2008 г. – 32,8%). Доля продовольствия и сельхозсырья для его производства в общем объеме импорта составила 18,0% (в 2008 г. – 13,2%).

Таким образом, необходимый уровень обеспеченности продуктами питания достигается в значительной мере за счет импорта, затраты на который уже превысили 35 млрд. долл. США. Доля отече-

Таблица 1

Импорт основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольственных товаров в Российскую Федерацию, тыс. т³

Продукция	Годы					2009 г. в % к 2000 г.
	2000	2005	2007	2008	2009	
Мясо свежее и мороженое (без мяса птицы)	517	1340	1489	1710,8	1437,1	278,0
Мясо птицы свежее и мороженое	694	1329	1295	1224,0	985,7	142,0
Рыба свежая и мороженая	328	787	870	881,4	794,7	242,3 .
Масло сливочное и прочие молочные жиры	70,8	133	123	140,1	125,3	177,0
Цитрусовые плоды	473	953	1260	1288,4	1279,8	270,6
Злаки	4677	1449	1067	958,6	429,2	9,2
Масло подсолнечное	150	131	132	111,9	43,4	28,9
Изделия и консервы из мяса	26,1	42,1	40,7	49,3	40,7	155,9
Сахар-сырец	4547	2893	3413	2417,6	1251,8	27,5
Сахар белый	467	625	296	165,1	258,9	55,4
Импорт продовольственных товары и сырья для их производства, млрд. долларов США	7,4	17,4	27,6	35,2	30,1	406,8
Импорт продовольственных товаров и сырья для их производства в общей величине импорта, %	21,8	17,7	13,8	13,2	18,0	

ственной продукции в общем объеме потребления составляет: по мясу – 60%, молочным продуктам – менее 80, сахару – 58, овощам – 84, фруктам – 40%². В целом по стране на долю импорта приходится 46%, в то время как в ведущих странах мира уровень самообеспечения достаточно высок (в США и Франции, например, он достигает 100%, Германии – 93%).

Наполненность рынка продовольственными товарами автоматически не обеспечивает их экономическую доступность для различных групп населения, которая определяется их платежеспособным спросом и зависит от уровня доходов и уровня цен на продукты питания.

Несмотря на рост производства сельхозпродукции (за 1999–2009 гг. – почти на 40%), цены на продукты питания за 2009 г. по сравнению с 2008 г. выросли на 6,1%, а за период с 2005 г. почти удвоились. Это обусловлено, в частности, ростом цен на энергоносители, технику для села и удобрения; значительным снижением запасов продовольствия; кризисом на мировом финансовом рынке; сокращением

объемов сельскохозяйственного производства в ряде стран из-за неблагоприятных погодных условий; увеличением потребления продуктов питания в крупнейших развивающихся странах⁴.

В России, в целом, наблюдается тенденция к качественному ухудшению питания населения (рис. 1), что связано, в первую очередь, со снижением его платежеспособности. Жители страны тратят на еду в 1,5–3 раза больше, чем в экономически развитых странах, и эти расходы в последнее время увеличиваются. При этом низкая энергетическая ценность питания приводит к недоеданию у детей и подростков, а недостаточно разнообразный рацион – к ожирению у взрослых.

Приведенные данные показывают, что, несмотря на рост потребления всех видов продуктов за последние годы, ни по одному параметру не достигнуты рациональные нормы потребления. Близко к рациональной норме (в пределах 93–98%) потребление сахара и масла растительного. И лишь по хлебу и хлебобулочным продуктам

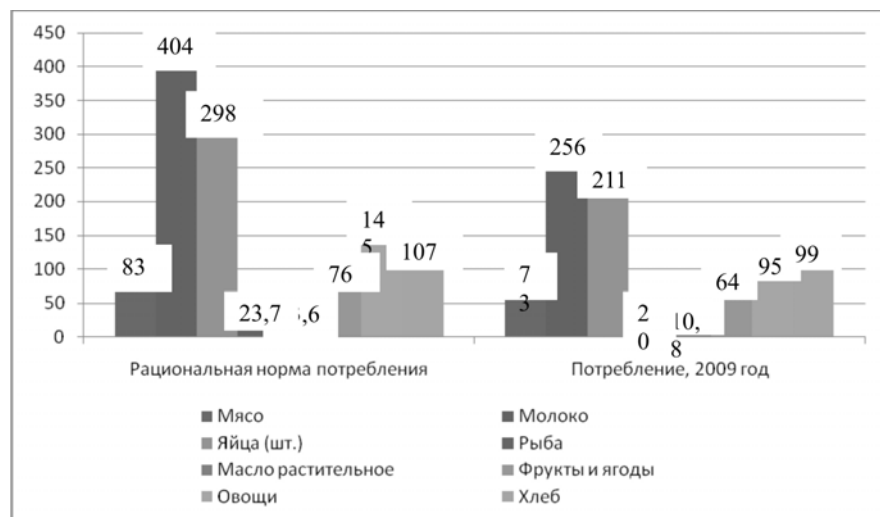

Рис. 1. Рациональная норма и фактическое потребление основных продуктов питания на душу населения (кг)⁵

рациональная норма превышена. Особенно заметное отставание имеет место по потреблению молока и молочных продуктов (около 62%), фруктов и ягод (около 70%), овощей, мяса и мясопродуктов⁶. Среднестатистический житель России потребляет на 68% меньше рекомендованного уровня мяса, на 56% меньше необходимого объёма рыбы и рыбопродуктов, на 88% – яиц.

В целом, если сравнивать современный уровень питания в России и уровень 80-х годов, то положение выглядит так: в 80-е годы СССР находился по уровню питания на 7-м месте в мире, сейчас Россия находится на 65–67 месте⁷.

Рост импорта продуктов питания, превышающего пороговую величину продовольственной безопасности, наблюдается в крупных городах, промышленных центрах и отдельных регионах, импортозависимость которых достигает 70%⁸.

Как показал анализ современного состояния проблемы продовольственной безопасности, государственное управление агропромышленным комплексом России остается необходимым условием ее обеспечения, а социально-экономическая политика должна обеспечивать экономическую доступность продовольствия для всех групп населения.

Литература

1. Кузнецов В.Н. Безопасность России в XXI веке / Межведомственный научно-исследовательский междисциплинарный проект. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – 582 с.
2. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебное пособие. М.: Книга и бизнес, 2007. 423 с.
3. Социология безопасности: Учебник / Институт социально-политических исследований РАН.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Книга и бизнес, 2003. – 880 с. – (Сер. науч. и уч. литературы «За Нашу и Вашу безопасность»). – Прил. к журн. «Безопасность Евразии»).

4. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

Ссылки:

1 О состоянии продовольственного рынка в Российской Федерации в 2009 году. Статистический бюллетень 2010 года. – М.: Федеральная служба государственной статистики.

2 Ушачев И. Основные положения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // АПК: экономика, управление. №12 2008 – С. 1–9.

3 Таблица составлена по данньим официального сайта «Федеральная служба государственной статистики». – URL: <http://www.gks.ru/>

4 Там же.

5 Рисунок составлен автором по данньим официального сайта «Федеральная служба государственной статистики». – URL: <http://www.gksru/>; ГУ НИИ питания Российской академии медицинских наук

6 Данньие официального сайта «Федеральная служба государственной статистики». – URL: <http://www.gks.ru/>

7 Метелёв С.Е. Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты: монография / С.Е. Метелёв. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 223 с.

8 Денисов В. Законодательное обеспечение доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // АПК: экономика, управление. № 12 2008 г. – с. 13–16.

Девиантность молодежи в ракурсе взглядов Л.А. Тихомирова на правосознание россиян

Трифонов Н.А.

Проведено рассмотрение особенностей правосознания российской молодежи в свете взглядов Л.А. Тихомирова. Рассмотрены национальные, социальные и религиозные аспекты мировоззренческой функции правосознания. Сформулирована гипотеза о взаимосвязи наблюдаемого поведения молодежи с наличием противоречий между отражениями этих аспектов в ее правовом сознании.

Ключевые слова: правосознание, молодежь, наследие Л.А. Тихомиров

Deviance perspective views of young people in Trifonov N.A

Article considered specific of sense of justice of Russian youth in the light of L.A. Tikhomirov views. National, social and religious aspects of world-viewing function of sense of justice were considered. Author formulated hypothesis about correlation of observed youth behavior and existence of contradictions between reflections of that aspects in the youth sense of justice.

Keywords: sense of justice, youth, heritage of Lev A Tikhomirov

В настоящее время правосознание российского общества характеризуется наличием существенных внутренних противоречий. Данные противоречия зреют латентно, лишь изредка проявляясь с достаточной для наблюдения интенсивностью. Порой они приводят к событиям, вызывающим широкий социальный резонанс. При поверхностном рассмотрении, такие явления представляются спонтанными и вызванными случайными флуктуациями настроений масс, в силу традиционно наблюдаемой правовой и политической конформности россиян. Однако, не все так просто.

Традиционные черты национального характера россиян культивировались на протяжении исторически значимых периодов времени. На протяжении новой российской истории, по свидетельству ряда исследователей, патриотизм, вера и послушание представляли собой являлись основой общественного сознания. Отчасти об этом свидетельствует известный лозунг «За Веру, Царя и Отечество», демонстрирующий унитарность религиозного, социально-

го и государственного служения в сознании прошлых поколений россиян.

Можно предположить, что целостность, единство общественного сознания размывается процессами отражения общественного бытия в общественном сознании, инерцией, возникающей в связи с активным действием паттернов СМИ. Активизация средств массовой коммуникации в сети Интернет, как то, социальные сети, «твиттер», блоги, системы мгновенных сообщений, превращают процессы отражения общественного бытия в цепь картинок, не объединенных единой идеей, формирует так называемое «клиповое» сознание.

Модернизация российского общества, материализовавшаяся в реформах Петра I, приведшая к трансформации традиционной российской культуры, мышления и правосознания российского общества в последующие за реформами века, в диалектическом взаимодействии с объективными несовершенствами частной и общественной жизни российского социума, создали благоприятные предпосылки для инфильтрации западных, «прогрессивных» идей в правосознание российского народа.

Согласно трактовкам многих исследователей и мыслителей, семантический и концептуальный базис «прогрессивных» идей, претерпевших незначительную эволюцию со времен Французской революции, составляют атеизм, космополитизм и либерализм, составляющие имманентное отрицание соответственно религиозных, национальных и социальных (традиционных для России) культурных паттернов. Имела место последовательная метаморфоза паттернов общественного сознания россиян «За Веру, Царя и Отече-

ство» в идеологию «свобода, равенство и братство», в свою очередь, в ходе практического трансформировавшуюся в свою противоположность¹.

Консервативное, традиционалистское правосознание российского общества, сформировавшееся под действием комплекса внутренних и внешних факторов к XVI-XVII векам, испытало дрейф в сторону либерализма начиная XVII-XVIII вв., а затем через лидеров общественного мнения, прессу, кружки, и прочие социальные инструменты в XIX веке. Наконец, в XX веке трансформация правосознания осуществлялась уже принудительно. В XXI веке – посредством широкого ассортимента современных рекламных, психологических и политических технологий трансформация происходит на уровне бессознательном.

Зададимся вопросом, как можно охарактеризовать наличествующий итог вышеупомянутых трансформаций правосознания российского общества? С одной стороны, наблюдение выявляет ярко выраженную, и как бы даже демонстративную апатичность, аполитичность, аморфность среднестатистической «русской души». Из данных социологических исследований, структуры потребления граждан, статистических сведений о популярности книг и интернет-ресурсов, современные исследователи делают выводы об упадке. Иные идут дальше этого, констатируя факт смерти российского народа как целостного этноса. Так, один из официальных представителей Русской Православной Церкви, протоиерей Андрей Кураев пишет: «Народ пропил распад СССР, теперь спокойно ожидает развала России. По-

этому, мне кажется, народ наш «скорее мертв, чем жив»².

«Пассивность» российского народа по отношению к ломке ценностей трактуется в разнообразных аспектах. Одни оценивают ее как проявление поддержки позиционируемого как устоявшегося вектора движения социума в либеральном направлении. Другие – напротив, трактуют пассивность как синдром отсутствия приятия народом доминирующей в средстве массовой коммуникации идеологической парадигмы, и в некотором роде как пассивную форму бойкота.

В качестве вопиющего примера можно привести слова главы Института современного развития (ИнСоР) Игоря Юргенса во время пресс-конференции «Что мешает модернизации России». Основной помехой модернизации этот деятель политического бомонда объявил русский народ! «Наверху по поводу модернизации все уже договорились. В процесс нужно включать народные массы. Народ нужно «зажигать». У русских должно возникнуть чувство модернизации как неизбежности. Модернизации России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет... Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность... Есть воля Президента, объем инвестиций. Но все это не изменит ситуации. Потому что человеческий капитал не созрел» – сообщил глава института³.

В тот же исторический момент, пассивный, «лучшими умами» классифицированный как самоустранившийся из политической жизни социум, а точнее его часть – молодежь – становится участником высокодинамичного процес-

са – импульсного всплеска социальной активности на Манежной площади. Официальные публицистические версии данного феномена характеризуются преобладанием оценок, подразумевающих вынужденный внешним воздействием характер причин, породивших декабрьское выступление. Соответствующее отношение выражается в таких лексических конструкциях, как «хулиганская выходка», «происки» и «провокация»⁴.

Социологический подход к проблеме исключает возможность удовлетворения беспристрастного разума исследователя эмоциональными пропагандистскими оценками, служащими в большей мере для стабилизации общественного мнения, нежели для объективного анализа. В интересах успешного проведения модернизации, и, в более широком смысле, дальнейшего развития российского общества, автору представляется важным поиск научно обоснованного ответа на вопрос: какие факторы составляют основу пассивности как основной характеристики правосознания российского народа, и в первую очередь молодежи: вакуум или, напротив, напряжение противоборствующих идеологий? Несмотря на глубоко укоренившуюся тенденцию принятия на веру концепции «правосознательного вакуума», характеризующей молодое поколение как лишенное каких-либо устойчивых нормативно-правовых ориентиров, мы рассмотрим альтернативную точку зрения на исследуемый вопрос.

Мировоззренческая функция правосознания задает базис, в котором строится вся матрица индивидуального и общественного правосознания. Действительно, И.П. Носов пишет о мировоззренческой функции правосознания так: «Человек имеет тенденцию

приспосабливаться к амбивалентной социально-психологической среде, предпочитая сознательно строить свой мир норм и оценок. Это стремление издавна является предметом научного внимания и интереса»⁵. В то же время, реализация мировоззренческой функции правосознания существенным образом обуславливает реализацию его регулятивной функции, поскольку правовые идеи, взгляды, положения, являясь осознанными людьми, воздействуют на их поступки, регулируют поведение. Вслед за известным социологом и философом права Львом Александровичем Тихомировым, проследим эту взаимосвязь в рамках данной статьи.

Для развертывания логики нашего исследования обратимся к наследию Л.А. Тихомирова, заставшего один из наиболее драматических моментов российской истории, лично и глубоко пережившего происходящие в народном правосознании трансформации. Побывавший и бунтовщиком и, впоследствии, государственным, субъективно пережив либеральные и традиционные ценности на своем опыте, Л.А. Тихомиров оставил значительный объем мыслей и рассуждений, написанных как будто специально для содействия современным социологам в анализе комплексной ситуации нашей эпохи, представляющей собой продукт развития и усложнения мировоззренческой ситуации той эпохи, в которой жил Тихомиров.

В публицистической работе «Что такое Отечество»⁶ он писал, как будто проникая теоретическим мысленным взором в события сегодняшнего времени: «В России мы видим теперь вокруг себя совсем иное настроение. Выдвигаются всевозможные интересы, всевозможные страсти, всевозможные прин-

ципы, но в их борьбе не схватываешь ни чувства, ни идеи Отечества. Самое слово «патриот» употребляется скорее в насмешливом смысле, и напоминание об Отечестве не производит действия на сердца. Явились даже доктрины, отрицающие существование Отечества. Призыв «пролетариев всех стран» соединиться против всех отечеств раздается из среды интеллигенции и находит отзвук в народных массах. Не видно горячего чувства Отечества и в других слоях общества. Не видно его и в правящих сферах». Вслед за мыслителем, нас не может не заинтересовать вопрос о том, является ли девальвация патриотических ценностей, демонтаж из народного и особенно молодежного правосознания существенной группы своих прав и обязанностей перед территориальной и этнической общностью, окончательным и принципиальным? Вопреки популярному мнению, ответ на этот вопрос может оказаться не столь однозначным, как принято считать.

Л.А. Тихомиров, постулирует существование так называемого «Отечества» как объективного факта, проявляющегося как внутренне, в психологической жизни людей, так и внешне, в виде известного исторического процесса. Он цитирует известного социолога Густава Лебона⁷, по которому «Мы - одновременно дети своих родителей и своей расы. Не только чувство, но и физиология, наследственность делают для нас Отечество второй матерью. Влияния, которым подвергается личность и которые руководят ее поведением, бывают тройкого рода. Первое, и, вероятно, самое важное, - влияние предков. Второе влияние - непосредственных родителей. Третье, которое обыкновенно считают самым могуще-

ственным и которое, однако, есть самое слабое, - влияние среды. Влияния среды начинают оказывать заметное действие только тогда, когда наследственность накапливала их в одном и том же направлении в течение очень долгого времени. Человек - что бы он ни делал - всегда и прежде всего есть представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, который приносят с рождением все личности одного народа, образует душу народа. Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так что в действительности она управляет всей эволюцией народа».

Тихомиров согласен с Лебоном в том, что «Отечество», или «раса», как выражается последний в стремлении к физиологической наглядности, должно быть рассматриваемо как «постоянное существо, не подчиненное действию времени. Это постоянное существо состоит не только из живущих личностей, образующих его в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками. Чтобы понять истинное значение расы, ее следует продолжить одновременно и в прошедшее, и в будущее. Предки управляют той неизмеримой областью бессознательного (чувств, наклонностей, инстинктов), той невидимой областью, которая держит под своей рукой все проявления ума и характера. Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Ими заложено основание. Столетие за столетием они творили идеи и чувства, то есть побудительные причины для нашего поведения. Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию, но внушают нам также и свои мысли. Покойники - господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы по-

лучаем награду за их добродетели»⁸.

Тихомиров идет еще дальше Лебона, акцентируя единство жизни «Отечества» в течение исторически существенных промежутков времени как продукт не исключительно психологических процессов, но и условий внешнего существования, он настаивает, что «Отечество» - это не просто «раса», а «организованная нация, получающая завершение своей организации в государстве». Указанные рассуждения служат формированию предположения, что несмотря на интенсивную трансформацию сознания россиян в течение последних веков космополитическими и антипатриотическими идеями, субъективное отражение мировоззренческой функции правосознания масс идеи «Отечества», генерирующее такие последствия для регулятивной функции правосознания, как чувство «патриотического долга», «права на защиту своей Родины» и т.п. не полностью утратило свою силу.

Демонтированное и увлеченное тенденцией к самоаннигиляции во многих своих материальных проявлениях, «Отечество» как идеальный образ, тем не менее, потенциально способно выкристаллизовываться в мировоззрении и правосознании молодых людей. Стохастические факторы, такие как просмотренный случайно видеоматериал о победах древних россиян, исторический монумент, эмоционально окрашенное высказывание родителей о том или ином предмете, анекдот с национальным колоритом - и мириады других элементов, вероятно способны выкристаллизовывать и цементировать понятия, казалось бы, разрушенные до основания.

Усиливает данную точку зрения и мнение ряда исследовате-

лей-антропологов о том, что химический состав крови, гормональная, биохимическая специфика народа, формировавшиеся веками не могут не влиять существенным образом на его характер, конечно в статистическом а не детерминистском смысле. Фольклорная поговорка «что русскому хорошо, то немцу-смерть» способна характеризовать не только и даже не столько разнородность этнических культурных обычаев, сколько факт биохимических различий. Не столь значительных, до объективно достаточных для того, чтобы эмоционально окрашенные реакции радости, горя, агрессии, сострадания, смеха, вины и т.п. актуализировались у русского не точно в тех же самых ситуациях, что и у немца.

На данном этапе перед исследователем возникает закономерный вопрос. Как мы можем постулировать наличие в правосознании молодежи сколь-нибудь существенно интенсивного отражения «Отечества», если общеизвестно нынешнее равнодушие молодежи (да и не только ее) к оборонным, политическим и государственным вопросам вообще, и особенно выходящим за рамки обычных вопросов, от которых зависят конкретные социальные блага (пособия, плата за проезд в общественном транспорте и т.п.)? Очевидно, обладающая столь большим потенциалом социальная сила, в историческом прошлом агрегировавшая народ в интегрированный организм для осуществления ратных или трудовых подвигов, не могла бы остаться незамеченной или пассивной. Но, в таком случае, чем можно объяснить отсутствие ее видимых проявлений? Что приводит к тому, что «Манежная площадь» оказывается явлением не повседневным, а на-

столько редким, что вызывает самой своей уникальностью крупный общественный резонанс?

В качестве ответа на этот более чем закономерный вопрос, мы рассмотрим нижеследующее предположение. Что, если наблюдаемая слабость идеи «Отечества» в правосознании не есть следствие ее отсутствия, а напротив, представляет собой результат ее антагонистического противоборства с равной по величине противостоящей идеей, (или идеями), путь укоренения которых в правосознании также прослеживается из глубины веков, но каким-то образом сошедшими со своих параллельных путей интенциональной динамики и взаимно противопоставившихся? Выше мы уже упоминали силы, представляющиеся теперь вероятными кандидатами на роль этих «противовесов». Это идеи «Веры» и «Царя», то есть религиозная и социальная идеи, которые, будучи трансформированы в свои искаженные формы, вполне способны блокировать в правосознании молодежи идею национальную.

Социальный аспект

Л.А. Тихомиров выводит социальную составляющую мировоззренческой функции правосознания из национальной, то есть из идеи «Отечества»: «Развитие общественного чувства и разума людей на почве жизни Отечества совершается тем более могуче, наглядно, с неотразимой убедительностью для сознания, что в жизни Родины мы всегда получаем от предыдущих поколений ряд задач первостепенной важности, которые начаты не нами и кончатся не нами, но для нашей собственной текущей жизни имеют огромное значение, так что мы ими непременно принуждены зани-

маться». Соответственно, социальный аспект правосознания позиционируется как способный обладать не меньшей стабильностью в долгосрочной перспективе, чем национальный.

Далее, он подчеркивает, что в рамках «Отечества» социум живет в единственно реальной, даже неизбежной для него общественной организации и что только в нем развиваются общественные чувства и разум человека, идет процесс его научения пониманию общества, идеальное отражение общества в сознании индивида начинает вызывать в нем реакции придания субъективной ценности и любви, способствует активности индивида, направленной на изучение законов его существования и искусства их использования.

Естественно и логично согласиться с утверждением, что в самой природе социального и национального аспектов правосознания едва ли содержатся зародыши какие-либо противоречий между ними. Но в периоды духовных и идеологических кризисов, в моменты высокой социальной напряженности, возникает вопрос: действительно ли «Отечеству» (существовавшему в рамках монархической формы правления на момент исследования его Л.А.Тихомировым) имманентно присуще осуществление удовлетворения интересов и обеспечения благами всех составных частей целого? Не есть ли это лишь преемственная система эксплуатации одних классов другими, как утверждает современный социализм? Данное заблуждение, по Тихомирову, составляет основу ошибочных рассуждений о всей человеческой общественности, никогда в истории не осуществлявшейся иначе как в форме, которую представляет «Отечество».

Тихомиров считал, что такое допущение логически влечет за собой вывод о том, что вся человеческая общность есть не более как система эксплуатации одних классов другими. Ошибочность же последнего тезиса он аргументирует апелляцией к неспособности людей жить иначе как в социуме, и потому их стремлением к непремennomу созиданию общности и воссозданию ее, если она начинала где-нибудь разрушаться. Сопоставляя тезис и вывод из него, он заключает, что из них в совокупности следует, что «эксплуатация есть необходимое условие для того, чтобы люди не вымирали, а могли жить на свете», что, в свою очередь ведет к абсурдному выводу о том, что «эксплуатация составляет величайшее всечеловеческое благо». Так, по методу «от противного», Тихомиров обосновывает некомпетентность точки зрения, демонизирующей отношение общего «Отечества» к интересам его отдельных частей. В этой, при всей своей несостоятельности, ставшей в свое время господствующей, точке зрения, мы можем проследить истоки противопоставления социального и национального начал в правосознании русского народа, достигшего сегодня, по-видимости, своего апогея.

Тихомиров вскрывает ставшую истоком такого противопоставления логическую ошибку, представляющую собой повторение старинного софизма – игнорирования существенного признака явления и его определения на основании пубочного признака. На самом деле, как показывает он в своем труде, имеет место несколько иная ситуация: «Человеческое общество держится тем, что люди в нем оказывают услуги один другому, то есть, значит, каждый человек

в нем пользуется существованием других людей и сам служит для их пользования. Общественная справедливость требует, чтобы этот обмен услугами был равным или пропорциональным, то есть, чтобы человек не брал у других больше того, что им сам дает. Такой обмен услугами ничего общего с эксплуатацией не имеет, напротив - это система взаимного благодеяния. Различие в характере услуг людей друг другу, понятно, не создает само по себе эксплуатации, а, напротив, именно делает обмен услугами особенно ценным и необходимым для всех. Эксплуатация появляется лишь в том случае, если при обмене услугами одна сторона получает непропорционально много». Но, как бы часто не встречалась эксплуатация, она представляет собой не закон жизни, внутреннее и неизбежно присущий всякой реализации идеи «Отечества», а его нарушение, заключает он.

Религиозный аспект

В соответствии с вышеприведенными рассуждениями мы не можем не рассмотреть и третий, а по важности, не исключено, что и первый фактор формирования правосознания молодежи - религиозный. Несмотря на многие десятилетия прямого атеизма и немногие десятилетия «демонстративного христианства», основы православной веры, вот уже тысячелетие формировавшей национальный характер россиян, тоже, по-видимому, не пропали бесследно, можем мы заключить на установленном выше основании, заключающемся в том, что сам этот характер в основе своей ригиден, изменяется неохотно и крайне инерционно.

В статье «О свободе»⁹ Л.А.Тихомиров пишет так: «С этого мо-

мента началась эпоха христианской государственности, в смысле влияния христиан на государственность. Разумеется, в полном смысле христианского государства не может быть, ибо в общественной действуюти действуют особые социальные законы, не зависящие от законов духовной жизни. Последние действуют на юридический закон через свойства личности, но сила этого влияния не мала. Так, например, власть общества (и государства) над личностью ограничивается тем, что закону юридическому вменяется в обязанность быть по возможности отражением закона Божественного. Закон юридический должен выражать в себе, хотя бы в минимальных долях, закон нравственный, и незаконное совпадает с понятием греховного. Эти общие точки зрения переносят в область права то, чем человек живет во внутренней своей духовной жизни. Последняя определяла общественные обязанности христианина и его гражданские права. Общество и государство не смели возбранить того, что Бог указывал внутреннему духовному сознанию человека. Таким образом, в меру роста внутренней духовной силы и свободы личности вырастали и гражданские права человека, то есть то, что неправильно называют общественно-политической свободой»

Согласно его взглядам, рассмотрение общего характера христианского периода в разнообразных монархиях и республиках, ясно демонстрирует имеющее в них место быть влияние постоянного давления на право со стороны духовно сильной и самостоятельной личности. Из этого он делает вывод, что христианский исторический период в этих государствах был одновременно и периодом развития прав личности, по-

литической свободы, человеколюбия, и равенства всех перед юридическим законом. В то время, как в дохристианском мире значение имел «гражданин», а не «человек», в христианском мире систематически возрастают права человека, личности без различия состояния, пола, возраста. Христианское государство все более прониклось «обязанностью служения той правде, которая была внутренней святости личности», и все более превращалась в организацию, действительно служащую народу, то есть исполняющую то, что лежит в народном сознании.

Таким образом, регулятивная функция народного правосознания проецировалась на нормативно-правовое творчество на государственном уровне. Это можно охарактеризовать как развитие политической свободы, сущность которой состояла в том, что народ дает направление действию государства. В этом отношении Л.А. Тихомиров, в отличие от современных российских и западных либеральных философов, не обнаруживал противоречий между традиционной для христианского государства формой правления – неограниченной монархией, и идеей подчинения государства народу. По Тихомирову, задача такого подчинения может быть достигнута не только тем, что сегодня принято называть «демократическими способами» организации Верховной власти.

В сочинении «Монархическая государственность»¹⁰ он доказывает обусловленность форм построения верховной власти нравственным настроением народа. «Если в народе имеется стремление подчинить государство верховенству этического начала, единственным орудием для этого является неограниченная монархическая

власть. Она при этом вовсе не произвольна, а имеет даже более ясные обязательные нормы, нежели власть, создаваемая постоянными выборами. Конечно, когда в народе нет религиозно-нравственного настроения столь сильного напряжения, то монархическая форма Верховной власти заменяется демократической или аристократической. Но политическое право в монархии не менее обеспечено для народа, выражаясь в разных формах «правительства» и в праве каждого непосредственного обращаться к Верховной власти с требованием защиты, суда и удовлетворения самых разнообразных нужд».

Л.А. Тихомиров аргументирует, что христианский период истории был периодом развития прав личности (и союзов личностей), движущей силой и источником чего являлись свойства личности, «приобретающей в общении с духовным миром силу, самостоятельность, способность к свободе». И вот, что важно для нашего исследования, «иную эволюцию «свободы» стал обнаруживать тот же христианский мир, когда он начал отпадать от Христа и от внутренней духовной жизни... Стремление к ней сначала как будто достигает апогея, и слова о свободе наполняют мир, науку, философию и конституцию. Но все это быстро оказалось простой фантазмагорией, и вместо провозглашавшейся абсолютной свободы стало развиваться полное упразднение свободы личности и общества». Далее, в статье «О свободе» раскрывается и тот путь, который проделали порожденные христианством понятия социальной свободы и справедливости, прежде чем обратиться в свою противоположность в социалистическом воплощении. Таким образом, он рас-

крывает нам, как важнейшие социальные основы правосознания трансформируются в свою противоположность (и, в конечном итоге противопоставляются и самому христианству).

Из той статьи видно, как итогом философии Руссо, принявшей за аксиому природную свободу личности и самодовлеющее ее право, стало то, что глубоко развитое духовное содержание личности, «ошиблось своим помещением, когда исчезла реальная вера, и думало найти в политике то, что существует лишь в общении с духовным миром». «Религиозное ощущение, оставшееся без Бога, христианская выработка души, оставшейся без Христа, приписали обществу те свойства, которых в ней вовсе нет. Эта религия политической свободы воображала построить общество из свободы личности».

В итоге, после череды закономерных фаз «построение политической свободы из якобы самодовлеющего права личности выразилось не в одной игре безвредных миражей, а неудержимо влекло мир к понижению права и упразднению свободы. Так, очень быстро, личность была развенчана и верование направилось на обоготворение внешних условий ее существования. Явилась поразительная противоположность между личностью христианской, черпавшей внутреннюю свободу в общении с духовным миром, и обнищавшей личностью наследников «свободы, равенства и братства»». Вера во внешние условия дошла до особой ясности в экономическом материализме, остающемся и по сей день философским базисом для разнообразных политических идеологий.

Философия экономического материализма, на которой основано современное западное общество,

состоит, как известно, в том, что основу жизни человека составляют материальные условия жизни. Отсюда следует, что личная и социальная жизнь детерминирована условиями производства и применяемыми в нем технологиями. «Формы общества и взаимные отношения людей таковы, каких требует техника производства. Соответственно с этим развиваются и свойства человека. Человек таков, каким он должен быть по требованиям существующей техники производства. Тут от самостоятельности человека не остается уже ничего. Он даже не может создавать «внешние условия», а сам отливается в те формочки, какие потребны для процесса меняющегося производства. Если социализм считается неизбежным, то не потому, чтобы его кто-нибудь хотел или чтобы он обещал райскую жизнь, а просто потому, что к нему ведет техника производства».

Нельзя не согласиться с выводом Л.А. Тихомирова о том, что если при таком законе существования человека допустимы еще рассуждения о его наслаждениях от той или иной системы питания, то явно исключается возможность размышления о его самостоятельности и свободе. Она исчезает даже в абстрактном смысле свободы воли. Получается, что действия человека суть необходимые последствия его физических и моральных свойств, детерминированных социумом, а потому понятия ответственности и моральной оценки поступков индивида теряют всякий смысл. Многие из идущих по этому пути философов и политиков «сознают, что в будущем должно исчезнуть и насильственно уничтожиться все, что дает возможность самостоятельности личности».

Свобода, согласно Тихомирову, развивается при развитии духовной жизни человека и начинает угасать с чрезвычайной быстротой по мере угасания этой самой духовной жизни. «Где дух, там свобода, и нет ее в ином месте, негде ей больше зародиться. А без нее нет и права общественного. Источники свободы и права широко раскрыло миру христианство, и, отрекаясь от христианства, мир закрывает их для себя, приводя этим и свою общественность к отречению от прав личности». Так вот, путем поначалу небольшого вроде бы искажения, приходят к кажущемуся непримиримому антагонизму совершенно согласные на деле между собой религиозная и социальная идеи.

Не в меньшее противоречие вступает сегодня религиозная идея и с национальной. По итогам опроса, проведенного интернет-сайтом www.duhovnik.ru среди 9698 православных христиан, мнения разделились строго поровну¹¹. На вопрос: «Является ли долгом христианина активное участие в общественной жизни?», 50% опрошенных выбрали ответ «Является, Родину необходимо спасать», а другие 50% выбрали ответ «Нет, не является, достаточно работать над собственным спасением». Отсюда мы можем заключить о весьма противоречивом влиянии религиозного фактора на патриотизм россиян. Поскольку имеется достаточно большое количество авторитетных религиозных источников, которыми можно подтвердить как ту, так и иную точку зрения, можно сделать ряд важных, как нам представляется, выводов.

Во-первых, о субъективности и различном характере для каждого человека собственно религиозного ответа на этот вопрос. Во-вторых, о том, что решение – «спа-

сать Отечество или нет», вероятно принимается под влиянием других (возможно, рассмотренных выше) факторов, а религиозный фундамент своей позиции конструируется индивидуумом апостериори. В-третьих, о том, что религиозная вера сегодня для многих не служит основанием уверенности в своем праве поступать в государственных вопросах в том или ином русле, но напротив, является основанием для неуверенности и сомнений. Таким образом, религиозная компонента мировоззренческой функции правосознания сегодня по большей части противостоит и национальной и социальной, что ведет их к тройственному антагонизму.

Заключение

Возвращаясь снова к общей проблеме исследования, можно предположить, что наблюдаемый вакуум в молодежном правосознании, в действительности, во многом обусловлены тем, что вместо параллельного, кооперативного, синергетического действия, религиозная, национальная и социальная его составляющие нейтрализуют, «гасят» друг друга.

В самом деле, если в дореволюционной России так называемый «здоровый национализм» или «патриотизм» подразумевал вместе с тем и стремление к социальной справедливости, то сначала, пропаганда большевиков, а затем Великая Отечественная Война и «глубинно присущий коммунистическому движению интернационализм» создавали глубокое противопоставление социализма и национализма, или по крайней мере их отражений в сознании населения. Однородность самого термина «национал-социализм» работала на разделение и противопоставление этих понятий.

С другой стороны, марксистские учения, насаждавшиеся пропагандистской машиной, существенно деформировали глубинную сущность идеи социальной справедливости, возросшей полностью на религиозной почве, и, в строгом соответствии с неутешительными прогнозами Тихомирова, противопоставили себя религии. Этот процесс шел вполне индифферентно к тому факту, что такие видные религиозные деятели как Иоанн Златоуст и Симеон Новый Богослов¹² однозначно высказывались о частной собственности как дьявольском изобретении, следствии грабежей и недостойной христианина вещи. Они призывали и к упразднению (среди христиан) функций денег и личной собственности, то есть проповедовали фактический коммунизм.

Искусственное, индуцированное давлением извне противопоставление социальной и религиозной идей, создало стабильные девиации в работе мировоззренческой функции правосознания российского народа, мешающие адекватному проявлению обоих этих идей в регулятивной функции правосознания, что породило большое количество нравственных и психологических конфликтов. Наконец, противопоставление патриотизма и национализма Православию логически завершает «треугольник противоборства». В настоящее время, человека, заподозренного в любви к «Отечеству» считается приличным критиковать с позиций толстовского «христианства» за гордыню, идолопоклонство, «заикленность на материальном аспекте бытия», «поклонение твари а не Творцу», а если некто выскажется в одобрение защиты Отечества силовым путем, то навлечет на себя всю гамму «не-

противленческой» и пацифистской критики (подвергнутой, кстати, жесткому критическому разбору Л.А. Тихомировым в работе «О смысле войны»¹³).

Возможно предположить, что не наблюдаемые и слабо наблюдаемые проявления религиозного, социального и национального факторов в правосознании российской молодежи обусловлена не их собственной слабостью, а их искусственным противоречием и противостоянием. Наблюдаемая сегодня минимальная степень влияния традиционных для России религиозных, национальных и социальных норм на регулятивную функцию правосознания молодежи, обусловлена не исчезновением этих норм из правосознания, а искаженным их восприятием в рамках мировоззренческой функции правосознания.

Таким образом, деятельность внешних по отношению к культуре факторов по разрушению и замене традиционных для России религиозных, национальных и социальных норм оказалась не эффективна. Однако в восприятии этих норм мировоззренческой функцией правосознания сформировались устойчивые искажения. Попытки одновременного следования этим нормам приводят к противоречивым требованиям к поведению в регулятивной функции правосознания. Эти требования, противоречащие друг другу, оказывают существенное влияние на регулятивную функцию правосознания молодежи. Попытка следовать всем нормам приводит к бездействию и ступору, а попытка избирательно игнорировать часть их – к неуверенному и непоследовательному поведению, обусловленному следованием одним традиционным нормам в ущерб другим.

Подобная ситуация приводит к невозможности поступать «по правде» в любом варианте действий, что отражается в сознании и вызывает постоянное психологическое напряжение, особенно у молодежи как социальной группы с обостренной правовой чувствительностью, обусловленной естественной потребностью молодежи в адекватной социализации. В ситуации совпадения поведенческих предписаний, вызванных искаженным восприятием традиционных норм, потребность в ослаблении внутреннего психологического напряжения (создаваемого противоречиями между их отражениями) становится движущей силой взрывоподобного роста социальной активности молодежи.

Итак, неадекватное отражение традиционных норм вкупе с огромной потребностью молодежи следовать непротиворечивой системе поведенческих предписаний, создает угрозы внезапных социальных взрывов и массового неадекватного поведения.

Литература

1. Акимов В. Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году/Сообщение от 15.09.10. Москва : Новый Регион – Москва, 2010.

2. Бабич, Д. Борьба с расизмом: ничьей не будет 11.12.2010. Москва : РИА «Новости», 2010., Газета «Коммерсантъ», №230/П (4530), 13.12.2010.

3. Василик, диак. Владимир. Социальные взгляды преп. Симеона Нового Богослова: «Русская народная линия», 2011.

4. Кураев, А. Церковь в мире людей. б.м. : Сретенский монастырь, 2006

5. Лебон Г. Психология народов и масс. Москва : АСТ, 2000.

6. Носов И.П. Правосознание:

духовные и мировоззренческие основания (автореф. дисс. канд. фил. наук). Волгоград : б.н., 2006.

7. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе разных лет. Москва : Прогресс, 1989.

8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Москва : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.

9. Тихомиров Л.А. «О свободе» (журнал «Прямой путь», 1914).

10. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999

11. Тихомиров Л.А. Что такое Отечество? б.м. : Работа зачитана 3 апреля 1907 года в Историческом музее, 1907.

12. Интернет-ресурс: <http://duhovnik.ru/>

Ссылки:

1 См. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе разных лет. Москва : Прогресс, 1989.

2 Кураев, А. Церковь в мире людей. б.м. : Сретенский монастырь, 2006.

3 В., Акимов. Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году/Сообщение от 15.09.10. Москва : Новый Регион – Москва, 2010.

4 Бабич, Д. Борьба с расизмом: ничьей не будет 11.12.2010. Москва : РИА «Новости», 2010., Газета «Коммерсантъ», №230/П (4530), 13.12.2010.

5 И.П., Носов. Правосознание: духовные и мировоззренческие основания (автореф. дисс. канд. фил. наук). Волгоград : б.н., 2006.

6 Л.А., Тихомиров. Что такое Отечество? б.м. : Работа зачитана 3 апреля 1907 года в Историческом музее, 1907.

7 Г.Лебон. Психология народов и масс. Москва : АСТ, 2000.

8 Г.Лебон. Психология народов и масс. Москва : АСТ, 2000.

9 Л.А., Тихомиров. «О свободе» (журнал «Прямой путь», 1914).

10 А., Тихомиров Л. Монархическая государственность. Москва : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.

11 <http://duhovnik.ru/main/stattest>

12 диак. Владимир Василик. Социальные взгляды преп. Симеона Нового Богослова: «Русская народная линия», 2011.

13 Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999

АВТОРЫ

- Аверин** Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Бабосов** Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик Национальной Академии Наук Беларуси, руководитель Центра социологии управления, права и политики Института социологии НАН Беларуси, заведующий кафедрой Белгосуниверситета.
- Васильев** Владимир Петрович - кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Государственного и муниципального управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Gos.ypravlenie@mail.ru
- Вторушина** Анна Владимировна - ГУ ВПО «Северо-Восточный государственный университет». vtoran@front.ru
- Гавриленко** Ольга Владимировна - кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. o-s@proc.ru
- Голова** Анна Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой рекламных технологий и менеджмента, ННОУ ВПО Московский гуманитарный университет. anngelus@mail.ru
- Крейк** Альфред Иосифович - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет. socio@fgo.nstu.ru
- Кривошеев** Владимир Вениаминович - доктор социологических наук, доцент, Российский государственный университет им. И. Канта. Krivs48@rambler.ru
- Малинина** Татьяна Борисовна – кандидат физико-математических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. tatiana_malinina@mail.ru
- Маревцева** Наталья Александровна – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. marevna1@gmail.com
- Меркушев** Дмитрий Борисович – директор Пермского центра социального инжиниринга. merkushev@sifm.ru
- Муравьев** Владислав Игоревич - студент V курса социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. vlad-muravyev@yandex.ru
- Николаева** Елена Леонидовна, соискатель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Новиков** Кирилл Игоревич, докторант социологического фа-

культета МГУ имени М.В. Ломоносова

Прончев Геннадий Борисович - кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой информатики социальных процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент. pronchev@rambler.ru

Рычкова Людмила Васильевна - специалист по учебно-методической работе со студентами, Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан). zanoza.86@bk.ru

Самкова Ирина Анатольевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский государственный технический университет, научный руководитель Пермского центра социального инжиниринга. irin a-samkova@yandex.ru

Смакотина Наталия Леоновна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии молодежи социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Томилов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, экономики и философии, Уссурийский государственный педагогический институт. sociology102@mail.ru

Трифонов Николай Александрович, аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Шведовский Вячеслав Анатольевич - кандидат физико-математических наук, кафедра информатики социальных процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. mamosp@mail.ru

